

О П У С С И А Д А

Ев Мосампилов

ОПУССИАДА!

(Христоматия для друзей)

*Экз. № 1,
новая редакция.
14.02.24*

Новосибирск

2024

Содержание

О себе	3
СТИХОТВОРЕНИЯ	
На пьяную голову	6
Колокольня старика	31
Они и мы	39
Печальный триптих	44
Алтайские стихи	47
Переводы и перепевы песен	62
ПРОЗА	
Непридуманные рассказы	69
Ё! – вашу мать	114
Про кино	118
Мои правдивые комплименты Аржане	133
Футбол – дело тонкое	172
Правообладатели	177
Корейский пот	183
Как я тонул	190
Пуассон неисчерпаем, как атом	198
Тикётъ ли текила? Часть 1	218
Тикётъ ли текила? Часть 2	314
Прометасс, неуполномоченный заявить....	405

Прошу прощения за использование ненормативной русской лексики – в тех немногих местах, когда она была просто необходимой для лучшего выражения эмоций. Когда заменить её было нечем или намного хуже. Это не так страшно: если кого шокирует, то не убивает. Хуже, когда с ясным высокомерием я применял редкие, забытые или иностранные слова. Каюсь.

Ев Мосампилов (1953-1981)

Стиходей и прозописец Ев Мосампилов мало кому известен в широких литературных кругах, но в узком кругу знавших его лично оставил глубокий след. Родившись на острове Врангеля, он не переставал удивлять своей неординарностью. И даже после неожиданной смерти от солнцудара в ночь на понедельник его дух не устаёт витать над ними.

Отсидев срок на школьной скамье, он студеечил на ФФ-64 НГУ под ником Ве Сабинин, и мэнэчил и сэнэчил глубоко в подземной гидродинамике. Затем на время слинял в Мексику. Здесь вы найдёте лучшие из его опусов отменной забубённости.

Коротко о себе

– Земля, я Мосампилов. Кто я?

Я потомок донских казаков, который никогда не жил на исторической родине. Который не умеет ездить на лошади и не любит водить машину. Который не носит смартфона и часов, потому что больше ценит свой покой.

Мой древний предок Богдан Сабинин поехал с друзьями помогать полякам еврея Лжедмитрия Второго воевать московское царство. Они быстро поняли свою глупость и

стали на сторону москалей. Однако, не судьба – их разбили. Делать нечего, он женился на дочке местного крестьянина Ивана Сусанина и тем самым вошёл в историю.

Они пахали вдвоём, когда подошли поляки. Старик сказал Богдану: "У тебя ноги быстрее, ты беги к нашему войску, а я поведу их в болото, оттуда они нескоро выберутся". Так и сделали. Наши подоспели и разбили польский отряд.

За это царь Романов пожаловал их потомкам землю и дворянские привилегии, но официально дворянства не дал. Дарёная земля оказалась скудной, и потомки вернулись на Дон. Но там никто не поверил в их почти дворянство.

300 лет спустя моя бабка потеряла в гражданскую войну всех своих восьмерых сыновей. Один погиб за красных, поверив демагогии большевиков, а семеро не поверили, но это их тоже не спасло. А саму её раскулачили, потому что она уберегла своих двух лошадей и двух коров для семьи. Я её внук никогда не верил ни Марксу, ни тем более Ленину, но и демагогам от диссидентства и либерализма тоже. Потому что чужал, что есть ещё один путь в жизни, без борьбы и убийств, который они от нас хорошо скрывали.

Её младшая дочь-красавица ушла от пьяницы мужа, и тут мой неглупый, но небогатый отец не прошёл мимо своего счастья, за что я им обоим несказанно благодарен. А бабушка познакомила с православием, которое и стало в конце концов моим взглядом на жизнь.

У меня нет причин быть недовольным Богом, хотя его юмор я просёк вполне. В детстве хотел научиться решать все и всякие задачи. Сейчас под конец жизни умею, но никто этому не верит, потому что не раздобыл нужные книжки и дипломы. Я хотел иметь четырёх сыновей, и это так и случилось, но нет ни одной дочки. И к ним же сполна получил все семейные и жизненные проблемы, которые есть у всех людей, но далеко не у каждого.

Чем же я могу похвастать в жизни? Учёный? – Скорее изворачивающийся троечник. Программист? – Терпеть не могу С++. Писатель-поэт? – Ну-ну, разве срифмую в подплатии «в гору – кагору» или «Катю мать – матюкать». Маэстро шахмат? – Блондин лучше. Трибун, и восторженные ученики ждут моих слов на площади? – Хрен дождёшься.

Моих подруг и друзей можно сосчитать на пальцах одной руки. Вместе с врагами. Зубов (на момент написания) – на пальцах двух рук. Научных и ненаучных публикаций без соавторов – приложите ещё пальцы ног. А вот волос на голове – и всю считать не хочется.

Я втихую горжусь разработкой метода для решения одного разностного уравнения. Он самый быстрый и универсальный, но этому никто не верит. Никто даже не попробовал его применить. А само это уравнение потихоньку уходит в историю под натиском технического прогресса.

Я «закрыл» три научные темы. Когда закрывал первую, то на докладе в головном институте меня спросили: «Так значит, Вы хотите сказать, что решили все задачи подземной гидродинамики?» Со всей возможной и необходимой скромностью я ответил: «Пожалуй, да». И защиту моей диссертации пришлось отложить на полтора года.

Когда я закрывал другие две темы, то уже не работал в науке. Это было хобби на остатки сэкономленной зарплаты. А сейчас пишу о себе на остатки сэкономленной пенсии.

Наша молодость была полна надежд, и об этом я написал повесть. Кто читал, жаловался, что много «нехороших» слов. Я поменял на троеточия. Сейчас говорю, что слишком много троеточий.

Так всё-таки:

– Земля, я Мосампилов, кто я?

– Мосампилов, жопа моя, ты сокол.

Но я в это уже и сам не верю.

СТИХОТВОРЕНИЯ

На пьяную голову

Мехико
2008 – 2013

1. Песенка

Когда весна
Приходит,
Кто же знает?
Кому-то в мае,
В марте, в январе.
А для меня – всегда,
Когда мы с Вами,
Не чуя ног,
Гуляем на заре.

Вы лжёте мне,
Себя приукрашая,
И просто так –
По-женски, от души.
Я вижу всё
И всю Вас понимаю:
Не быть любви,
Хоть плачь,
И хоть пляши.

Смеяться просто
Надо мной несчастным,
Когда в запасе
Пара мужиков.
Мне наплевать:
Мне Вы нужны,
А счастье
Уже и в том,
Что вместе мы идём.

Кричат глаза
Торговцев на базаре:
"Какая женщина!
Вот это, брат, улов!"
А сердце
Тянется здесь
К каждой русской бабе,
Чтоб рассказать ей
Пару нежных слов.

Вы не придёте больше,
Это ясно.
При встрече глазом
Будете косить.
Я счастлив тем,
Как мне сейчас
Прекрасно.
Пускай потом
Я сдохну от тоски.

Весна назавтра
Кончится внезапно.
У Вас одно –
Лишь лето впереди.

А мне зима –
Зубами клацнуть жадно
И ждать, когда
Зайдут земные дни.

2. Романс

Я Вас люблю.
По-настоящему.
Всё остальное –
Лишь слова.
И сердце ноет,
Стонет, плачется –
О Вас подумаю едва,
О Вас подумаю
едва.

Вы всех милее
И заманчивей,
Неповторимей
И умней.
Вы простодушны
И загадочны –
И нету для меня родней,
И нету для меня
родней.

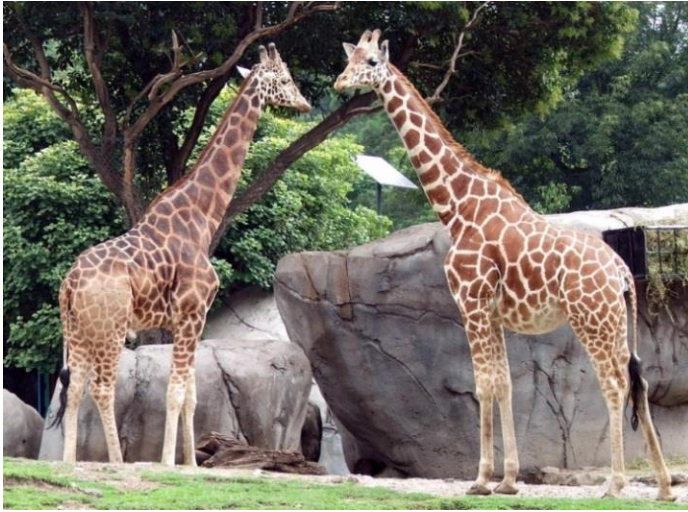
В улыбке Вашей
Песня ангела,
И умиление
Творца.
Будь Леонардо
Гениальнее,

Он «Мону Лизу» б с Вас писал,
Он «Мону Лизу» с Вас
писал.

Вам не нужны
Причёски, платица.
Люблю я джинсов
Простоту.
Ваш нежный тонкий
Стан и грацию
Слепые видят за версту,
Слепые видят за
версту.

Вы так добры
Ко мне убогому.
Когда Вы рядом,
Я герой.
Будь счастлив тот,
С кем Вам под богом быть.
Как жаль, что Вы не жребий мой,
Как жаль, что Вы
не жребий
мой.

Я Вас люблю.
По-настоящему.
Впервые это
Всё со мной.
Мне счастье с Вами
Лишь маячится,
А в яви – смерть не за горой.
Без Вас же – смерть
не за горой.

3. Потому что (Подражание акыну)

*И дрожит слеза скупая
На щеке у старика. (Ж.Жабаяев)*

Если девушка мне скажет,
Что меня не хочет видеть,
Что меня не хочет слышать,
Что меня не хочет знать, –
Я пошлю её подальше...
Я её послал бы на́х**,
Эту буку, эту "ять",

Потому что, хоть я старый,
Некрасивый и спесивый,
И считаюсь я кошмаром
У таких, кто мог бы дать, –
Но мужчину даже в старце
Ей пристало уважать.

Ты меня не хочешь видеть,
Ты меня не хочешь слышать,
Ты меня не хочешь знать,
Ты подруг своих просила
Мне всё это передать.

И хоть больно мне всё это,
Больно слышать, больно знать, —
На тебя я не обижусь,
И тебя я не обижу
Ни единым глупым словом,
Ни одной лукавой мыслью,
Ни намёком, ни укором,
Ни случайным разговором,
И твой взор моей персоной
Я не стану омрачать.

Потому что как-то утром
Подошла ко мне ты смело,
Широко раскрыв наивно
Распрекрасные глаза,
И негаданно, нежданно
На меня ты посмотрела
Так, как будто бы мужчину
Увидала в старике.

Ты, конечно же, не знала,
Что всегда, когда ты рядом,
Молодею я не меньше,
Чем на целых 20 лет ...

Ну, а те, кто знали лучше,
Все давно меня списали,
И давно уж умертвили
Даже память обо мне.

4. Прощание

Ухожу, ухожу
Из жизни твоей,
Но ты не уйдёшь
Никогда из моей.

Тебе расплеваться
Заболелось – в раж.
А мне обижаться
Запрещает мираж:

Твой чарующий облик,
Твой задумчивый вид,
Он “недрёманным оком”
В жарком небе висит.

В жизни всё опостыло:
Мне никто не был рад.
Все, кого не любили,
Попадут прямо в ад.

Там покажутся раем
Все страданья любви.
Лучшей песней тогда им
Будет смех твой с земли.

А когда ты резвиться
Станешь в райском саду –
Всё равно будешь сниться
Тому, кто в аду.

Ухожу, ухожу
Из жизни твоей,
Но тебе не уйти
Никогда из моей.

5. Опять

Я опять напьюсь сегодня ночью.
Без друзей, один, в чужом углу.
Почему ты мне годишься в дочки?
Я тебя, как женщину, люблю.

И не просто женщину простую –
Как с другой планеты божество.
Я всю жизнь прожил свою впустую,
Близкое не встретив существо.

Как поймать тебя, надежда рая,
Как не испугать, не знаю сам.
Как сказать тебе, что ты родная? –
Чтобы ты поверила словам.

6. Без надежды

Жить без надежды –
Как жить без одежды:
Холодно, стыдно,
Кости болят.

Знаю умом,
Что с тобою облом
И не увижу
Добрый твой взгляд.

Так уж случилось:
Не получилось.
И с той поры
Не мил белый свет.

Это беда –
Мне взглянуть иногда
Нужно на нежный
Твой силуэт.

Он возникает
И застывает
Лишь на минуту,
Надежду даря.

И за углом
Скрывшись потом,
В память врезает,
Что всё это зря.

7. Цветы

Ты с базара движешься с букетом, ах, цветов
И мечтаешь их поставить в вазу.
Ты упасть боишься, бах, с высоких каблуков,
Чёрные нелепые очки надев от сглазу.

Ты тонка, стройна и неуверенна на вид.
И не скажешь скверного ни слова.
Ты скромна, красива, но твой вид мне говорит,
Что убить за счастье женское – готова.

Ты несёшь букет, прижав к нежнейшей из грудей,
И пакет печёнки чёрной масти.
Ты придёшь домой, накормишь мужа и детей.
Я люблю тебя –
и дай пусть бог вам счастья.

8. Жена

Поднимите стакан лимонада,
Если вовсе не пьёте вина,
И поздравьте меня, как с наградой,
С тем, что завтра уходит жена.

Бог меня награждает свободой
(И её не бывает полней)
От меня презиравших уродов:
Тёщи с тестем, подруг и друзей.

Нет им в жизни моей ни урока.
Пусть живут и злословят, кляня.
Как прекрасно, что я одинокий,
Дела нет никому до меня.

Братство кинутых, с горем в стакане,
К вам моя приبلудилась душа.
Я сегодня, как пуля в кармане,
Весь в надежде, что жизнь хороша.

9. Подруге

В холодильнике у стенки –
Есть там пиво "Милуоки".
Там всего одна лишь банка,
Но нам хватит на двоих.

Если ж пива нам не хватит,
То тогда добавим водки.
У меня в заначке плашка,
В ней нам хватит на двоих.

Если ж водки будет мало,
Красного вина в пакете,
Литр сухого молодого,
Я достану в тот же миг.

Вкус вполне, когда с салями –
Хересом его разбавим,
У меня всегда в заначке.
И нам хватит – на двоих.

Посидим, захорошеем,
Кофе сварим по-турецки.
Вспомним, как мы странно жили
В нашей брошенной стране.

Как на праздники гуляли,
Как зарплаты не хватало,
Почему мы очутились
На краю в чужой земле.

Перемоем кости гадам
И простим их благодушно.
И подруг с друзьями вспомним,
Тех, кто нас давно забыл.

А когда нам загрустится,
Мы в глаза друг другу взглянем,
И сердцами породнимся.
И тела – соединим.

Мы с тобою – одиноки.
Мы стола чужого крохи.
Счастья мы уже не ищем,
Ниоткуда не бежим.

Почему же нам немного
Не порадовать друг друга?
Посмотри, как это славно:
Ты – любима,
я – любим.

10. Марине

Пригласи, Марина, в гости.
Я приеду и напьюсь.
Посмотри на дело проще:
Я приеду и влюблюсь.

Будешь ты в одном халате,
Я – без галстука на грудь.
И в твоей уютной хате
Позабавим сердца грусть.

Я забуду о Надежде,
Что преследует меня.
Ты забудь о тех, кто прежде
Волновали, вдаль маня.

У тебя – тупик по жизни,
У меня – конец всему.
Пропади всё, и закисни.
Кто мы здесь, и почему?

Денег нет, любимых нету,
И едва прикрыта грудь.
Загулялись мы по свету,
Разве это славных путь?

Пьём вино и не хмелеем.
А в туннеле – сизый дым.
С водки мы не веселеем,
А всё более грустим.

По несбывшимся надеждам,
По покинутым местам.
По тому, что мы, как прежде,
Не нужны ни здесь, ни там.

Пригласи, Марина, в гости,
И запасов не желей.
Посмотри на дело проще –
Чаю в кружечку налей.

11. Колыбельная коту

Мой кот Кацап, ты, как и я, бездельник.
И мы с тобой не носим шляп и серьг.
Никто нас не полюбит в понедельник,
Во вторник, среду, пятницу, четверг.

В субботу все евреи отдыхают,
А в воскресенье – остальной народ.

Восьмого дня в неделе не хватает,
Чтоб нас любить, а не наоборот.

Возьмём в постель мы "Хейнекена" банку
И, не спеша, раздавим на двоих.
Вся наша жизнь похожа на баранку:
Ни выходов, ни входов никаких.

Вина не пьёшь – не буду я в обиде.
Ты не уйдёшь: друг другу мы нужны.
Пусть бабы наши в самом лучшем виде
Придут сегодня к нам в мужские сны.

Мы будем целовать, ласкать и трахать
Их мягкие душистые тела.
А утром дружно всех пошлём их нáхер
За то, что в них любовь к нам умерла.

12. Подруга из Чикаго

Моя подруга из Чикаго –
Она Стрелец и Скорпион.
Ей ясно всё – как на бумаге.
И то, что я в неё влюблён.

В меня из карих глаз попала,
И с хрустом скушала потом.
И кровь мою глуша бокалом,
В джакузи млела нагишом.

И я пропал, и нет поэта –
Ни жалости, ни капли слёз.
Она сказала: в Интернете
Нельзя знакомиться всерьёз.

Мечтою женскою гонима, –
Сегодня здесь, а завтра там, –
В окне купе мелькает мимо
И мужиков, и милых дам.

Потом накинёт белый батник,
Сойдёт с улыбкой на перрон.
И к ней пристанет лучший бабник,
Чтоб счастья подарить вагон.

Юлой верчусь – не замечает.
На комплименты не клюёт.
Как кошка с мышкою, играет,
И колыбельных не поёт.

Она живёт, на всё чихая,
И на свиданья не спеша.
Я буду жить, о ней мечтая,
И полной грудью не дыша.

Как с нею быть? Спросить у мага?
Но не поможет в жизни он.
Моя подруга – из Чикаго.
Она Стрелец, и Скорпион.

13. По меридиану

(Посвящается Lucy-Lucy)

Если по меридиану
Ты на север полетишь
И в Бермудский треугольник
В темноте не загремишь,
То, к озёрам подлетая,
С высоты увидишь вдруг
Славный город, блин – Чикаго!
Город маленьких подруг.

Там крутые мафиози
В небоскрёбах без лифтá,
Казино и рестораны,
В них гуляет беднота.
Там красавиц очень много,
Их увидишь за версту.
И чикагская улыбка
Каждой девице к лицу.

Там живёт моя зазноба,
На Тойоте колеся,
И её в Чикаго много –
Фунтов за 150.
Златокудра и красива,
Симпатична, весела.
Покер ей – адреналином,
Вмиг разденет догола.

Острым глазом вас измерит:
6, 16, 60? –
Нет, не принц, и нету денег,
Староват и хамоват.

Нет другой такой в Чикаго,
В мире тоже не найти,
Но Стрелец по гороскопу –
С Раком ей не по пути ...

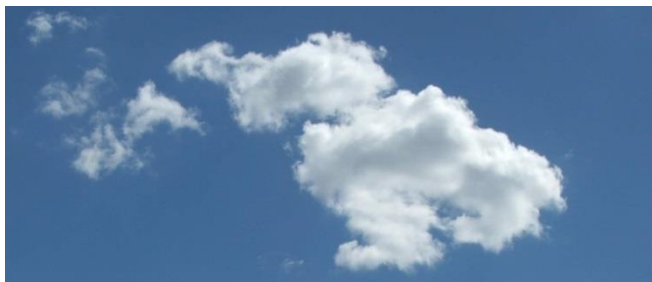
Если по меридиану
К югу после полетишь
И в Бермудский треугольник
В темноте не загремишь,
И в горах не запетляешь,
Взмыв повыше круч и крыш,
Город Мешико огромный
Ты никак не пролетишь.

Там на плоской крыше дома
Я стою и сторожу.
И на малый ковш медвежий
В ожидании гляжу.
Может быть, моя голубка
Прилетит и запоёт.
У меня немного дома
Не хватает без неё.

Не хватает ясных глазок,
Что любви огнём горят.
Не хватает красна злата,
Фунтов так 150.
С нею я во сне летаю,
За билеты не плачу.
С нею по меридиану –
Кто бы знал, куда лечу ...

Если по меридиану
К милой в мыслях полетишь,
То в Бермудский треугольник

Никогда не загремишь.
А найдёшь свою подругу –
Сразу станешь молодец.
И на крыше у героя
Свистнет Рак, споёт Стрелец.

14. По карте

Я на карту мира лягу,
У меня в руке флажок,
И найду кружок Чикаго.
У меня там был дружок.

Подползу к Чикаго ближе,
Посмотрю по сторонам,
И воткну флажок рыжий, –
Как чудесно было нам.

А затем, на карте лёжа,
Разыщу на ней Нью-Йорк.
Был и там приятель тоже, –
Вышел нашей дружбе срок.

Поползу потом к России
И найду наш Городок,
Где мы были молодые,
Не ища от жизни прок.

А на край родной далёкий,—
Там все люди – земляки,—
Гляну я лишь краем ока –
И захляну от тоски.

Буду ползать так по карте,
Как побитый старый пёс.
И никто мне, как ни парьте,
Не погладит мокрый нос.

15. Пятница распятия Христа.

Когда распят был женский батальон
На грубые армейские кровати,
И наслаждался властью гегемон,
Невинность рвя и упражняясь в мате, –

Мы эту ночь позора каждый год
Бессовестно и слепо отмечали,
Как праздник дня того, когда народ,
Как пленный бабий батальон, распяли.

Что это был за день, не знаю я.
Но день, когда распят Христос был, знаю.
И в этот день за всех распятых я
Стакан Христовой крови поднимаю.

Не спрашивай, подруга, что со мной.
Я пью и плачу – утону в стакане.
За то, что стар и слаб и, боже мой,
Что я последний русский могиканин.

Убили всех, сморили, загребли.
Прикрылись именами убиенных ...

А я возник. Прошляпили они.
Но я один. Из первых, и последних.

16. Загадка.

Красавица, богиня,
Напарница царю!
Тебе на день рожденья
Загадку подарю.

Не чёрная, не рыжая,
Не муха и не слон,
Не мясо и не рыба, а
Стрелец и Скорпион.

Где водится? В Чикаго.
На картах не она.
С текилой – симпатяга,
Но пьяной не видна.

Не врёт, но знает меру,
Кому и что сказать.
И в покер пионеры
Не стали б с ней играть.

Умна – пред ней немею.
И бабье всё при ней.
Когда разбогатею,
Отдам все бабки ей.

Спортсменка, комсомолка,
Смела и весела.
В ней очень много толку:
На целых три осла.

Всяк о такой мечтал бы –
Принц датский и валет.
Во всей чикагской Мамбе
Её прекрасней нет.

Загадку отгадаешь –
По почте поцелуй.
А если не узнаешь,
Тогда получишь «ноль».

17. Федя

Федя, старый умный пёс
Вздумал выйти на мороз.
Только сунул нос за дверь –
На нос капнула капель.

Федя долго не гулял,
Всё на коврике лежал.
А очнувшись ото сна,
Не заметил, что весна.

18. Вироза

Вы роза: на хрустящий пир
Взираете, в хрустальном платье,
Как плотник зрел на грешный мир
И непорочное зачатъе.

Вы так наивно хороши
И в удивлении прекрасны.
Открыты всем врата души,
Как райский сад –
Для душ несчастных.

Всех Ваших мыслей аромат –
Восторг мне и на грудь награда.
Я потрясён – и шах, и мат.
Застыл, как сук в ограде сада.

Вот голос ангельский возник,
С небес иль Ваш – не понимаю.
Как плотник, зрю на божий лик –
И непорочно погибаю.

19. Закат

Почему, зайдя на крышу,
Я люблю смотреть закат?
Потому что жар не пышет,
Сбоку звёздочки горят.

Где-то там за океаном
Люди утренней страны
Глаз на солнце щурят рано,
Но с обратной стороны.

А в столице их далёкой
Смотрит самый дивный сон
Дива взглядом кареоким,
И весь мир в неё влюблён.

Я усталый спать не стану
И дождусь, как утра свет,
Что она, проснувшись рано,
Загрузит свой Интернет.

Напишу "привет" в оконце
И засну, как хоть-бы-хны.
Вот бы с ней увидеть солнце
С той же самой стороны.

* * *

20. Морской

Прямой, прямой угла прямого,
Как-будто проглотил костыль,
Нисходит до Обского моря
Морской проспект –
и в дождь, и в снег, и в пыль.

В дни праздников и демократья
Народа здесь гуляет хор.
Зрит, чтобы люди были братья,
Морской проспект –
апостол, прокурор.

Когда-то на проспект Науки
Вдоль по нему бежал и я.
Шпану наук брал на поруки
Морской проспект –
ты помнишь ли меня?

На нём и сосны, и берёзы
Уж выше крыш, а всё растут.
Талантлив люд, глаза тверёзы.
Морской проспект –
с тобой пребудем тут!

21. Тост на золотой встрече выпускников ФФНГУ-64

Если мало, или пусто,
Или шеф подал пример, –
Ткни на вилочку капусты,
И налей – "за Универ".

Нам толковым и горластым
Он дорогу в жизни дал.
Бытиё искать и счастье
Всех нас по-миру послал.

Кто ушёл, а те – далече,
А кому-то – хоть бы хны.
И никто из нас не лечит
Лысину от седины.

Но всегда, на каждой встрече,
Нашу в доску "Альму мать"
В крепком тосте или в речи
Нам приятно вспоминать.

И в Морозово картошку,
И трёхтомного Фихта,
И английский понемножку,
И марксизма три кита...

Если ты налил рюмашку,
То пошли судьбу на "ять"*.
Не пытайся, старикашка,
Всё вокруг себя понять.

И, катя науку в гору,
Как Сизиф, сопя, кряхтя,
Чокнись и, приняв кагору,
Побеги с неё шутя.

Ум подсох, и руки – крюки.
Не мечтай, и не проси.
Просто на проспект Науки
Выдь,

 посстой,

 и закуси.

* «Ять» - буква старого русского алфавита.

Колокольня старика

Мехико
2009 – 2013

1. Красотка.

Красотка на фото,
Кто в жизни ты, дива?
Как
я хочу
быть с тобой.
Тебя любит кто-то,
Ведь очень красивой
Не
суждено
быть одной.

Твой взор ослепляет,
И полные губы,
Как
в пасть к удаву,
манят.
С тобою гуляет
Отелло, он любит
Без
макияжа
твой взгляд.

Как просто и нелегко:
Ты рядом и далеко.
Я знать не знаю, кто ты.
Всё это только мечты.

А фото красотки
Висит на экране,
Как
в синем небе
луна.
Компьютер ворчит,
И сам Яндекс не знает,
Кто
и откуда
она.

Твой мир виртуальный,
На мой непохожий.
Я
стар и пьян,
ты в раю.
Мы в жизни реальной
Быть вместе не можем.
Ты
обними
грусть мою.

Так просто и нелегко:
Ты рядом и далеко.
Я знать не знаю, кто ты.
На что нам эти мечты?

2. Забыть

Пишу – чтобы навек забыть
И от всего освободиться.
Вином всё горе не залить,
И счастьем новым не разжиться.

Судьба одна мне на роду –
Любимыми быть нелюбимым,
И помнить вечно, как в аду,
Их злобные удары в спину.

Обманы и насмешки дам,
Предательство и пересуды –
Я память сердца, каждый грамм,
Освобожу и всё забуду.

Всё напишу и всё сложу
От катастрофы в чёрный ящик.
Родной душе лишь расскажу –
Но нет такой
души пропащей.

3. Устал

Лишь день настал,
но я уже устал,
Как старый шелудивый пёс,
который, опустивши нос,
до ночи бегал, всё искал, –
Но так не встретил ни единой суки.

Не ходят ноги, ломит руки,
Глаза слезятся, сперма давит плоть,
Сознание съёжилось.
Как на углу стола
забытый свадьбы гость,
Тянусь к бутылке, закусь озирая,
И в выпитом вине ищу тепла я.
Не помогает. Плохо без тебя.
Надежды в мире нет.

И гаснет жизни свет.
Всё.
Нá х**, б**.

4. Семь лет

Я буду ждать семь лет и не умру.
Ты сменишь семь мужей и овдовеешь.
Сбегу из дому, скроюсь – как в тюрьму.
Бог счастье даст тебе – разбогатеешь.

Всё будет хорошо у нас с тобой:
Получим то, о чём всегда мечтали.
И долгожданный час наступит мой.
Мы с Богом ждать его уже устали.

Куплю букет в киоске на углу
И так тебе скажу седьмой весной:
"Я без тебя жить больше не могу.
Ты полюби меня и стань женою".

"Кто ты такой?" – ответишь ты тогда, –
"Ты стар и лыс, ты мне уже не нужен".
"Я твой мужчина – тот, что навсегда.
Твой лучший шанс:
тебе я богом сужен".

5. Глаза и голос

Я вижу лишь глаза твои
И слышу только голос твой.
Две молнии из чёрной тьмы,
И рокот ручейка весной.

"Где мы сейчас, куда идём?" –
Два глаза тёмных, как в бреду.
"Кто говорит мне и о чём?" –
Душою в райском я саду.

Упруга грудь твоя, иль нет,
Круты ли бёдра, гибок стан? –
Глаза – твоей души портрет,
А голос – праведный обман.

Я знаю, нас судьба свела,
И жду, когда придёт мой день.
Ты глаз нацелишь два ствола,
И нежно скажешь: "сдамся в плен".

6. Понедельник

Меня полюбишь в понедельник,
Иль не полюбишь никогда.
И этот день, как друг изменник,
Решит всю жизнь и навсегда.

Я в пятницу твоей подруге
Скажу, что без тебя не жить.
И в понедельник ты в испуге
Ко мне навстречу побежишь.

А может, нет – и я погибну,
В глазах твоих не утону.
И всё уйдёт. И на могилу
Ты не придёшь, где я усну.

Нет – на меня не клейте ценник.
Бездонных глаз твоих магнит
Нас не притянет в понедельник.
Надежды нет. Судьбой убит.

7. Последний запой

Я выпил всё, что можно было пить:
Коньяк, Баккарди, пиво, "Медовуху", –
И "Калифорнии" пакет
В момент залью.
Но матом кроя мать твою,
Я не могу тебя забыть –
Ни на минуту.

Я болен так – хоть в сумасшедший дом.
Твой облик вечно предо мною:
Две ножки тонкие, с задумчивым лицом,
И гибкий стан, с огромной головою.

Зачем она тебя такую родила,
Зачем любила своего еврея?
Я не могу тебя забыть – и все дела,
Хоть надо бы, и поскорее.

Мне прорва лет, тебе лишь 33.
Не нужен я, и жить тебе мешаю.
Но в зеркало и в душу посмотри –
Тебя прекрасней никого не знаю.

Тупик во всём, и подойти – не сметь.
Что я люблю тебя – никак не скрою.
Я так хотел бы взять и умереть,
Но на том свете встретиться с тобою.

8. Красавице

Как ты красива! Не стану я врать.
Ты грациозна, скромна и наивна.
Прелесть сестра, и красавица мать –
Рядом с тобою – их просто не видно.

Пёсик затюканный хвостик поджал,
В зад поцелован твой бампер машины. –
Каждый кусочек бы твой целовал,
Бегал вокруг, как голодная псина.

Я для тебя и никто, и ничто.
С лёгкой улыбкой проходишь ты клёво.
И неизвестно мне, косит на что
Глаз твой за чёрной душой очковой.

Как ты прекрасна! Не стану я врать.
Ты лучше всех – всех времён и народов.
Сколько же надо тебе перебрать,
Чтоб снизойти ко мне, всяких уродов?

9. Хочу!

Хочу, чтоб ты меня любила,
Как любят женщины в кино:
Хочу, чтоб ты меня убила
В минуту близости со мной.

Узнавши ложь, измены бабьи,
Решил я Бога попросить,
Чтоб душу взял, но дал познать бы,
Как может женщина любить.

Он сверху всех нас понимает,
И к людям полон доброты.
Кого послал ко мне, не знаю,
Но всё надеюсь – это ты.

Я так хотел в подруге милой
Зажечь ко мне огонь в крови,
Но ты сбежала – и убила,
Не дав познать твоей любви.

К другому ты бежать спешила.
Узнал, как любишь, – не меня.
Хожу бездушный и унылый,
И чёрной мести мысль тая.

Хочу, чтоб ты в него влюбилась
Сильней, чем я люблю тебя.
Сбежал – душа б твоя разбилась.
Тогда б ты поняла меня.

10. Неделька

В понедельник буду мудрой,
А во вторник белокудрой.
В среду встану с той ноги –
Мне перечить не моги.

Ты в четверг мне будь Родной,
Классный, стильный, заводной.
В пятницу похвалишь маму
И поедешь в «Супераму».

Закачу в субботу пир:
Украшать пойду я мир.

В воскресенье всю семью
На уборку вдохновлю.

Где ж в неделе день восьмой,
Чтобы быть сама собой?

Они и мы

1. Первый

Наш командир шальною в грудь убит.
Он перед смертью прошептал: "В атаку".
Никто не слышал, и сержант лежит.
Зачем ему вести кого-то в драку?

Нам хорошо в шинелях на траве.
Поели мы и думаем о блядстве.
Как жить легко без страха в голове.
Но всё равно придётся подниматься.

Оттянем этот миг, не шевелясь.
Что нас поднимет: совесть или нервы?
Кого потом за раны будут клясть?
Мы не хотим, но должен кто-то первый.

Я поднимусь, ни слова не сказав.
Я побегу, пригнувшись, чтобы "хер вам".
Я буду прав, пока он не попал.
Я – должен первым быть, я буду первым.

Меня убьют, а может быть, и нет.
Но на другом конце шеренги нашей
Второй пойдёт – и не увидит свет.
А третьего судьба пусть будет краше.

Ура кричать не нам – какой резон.
И санитарке к нам не прижиматься.
Сержант меня ославит дураком.
Он прав, он первый должен подниматься.
Взвод убежит, и я, упавший в пыль,
Уже забыт, и без вести пропавший.
Я не сержант, не вспомнят, кем я был.
Для всех я просто первый проигравший.

2. Они

Что сделал им Христос?
Да ничего по сути.
Он только лишь сказал,
Что надо быть добрей.
И задавал вопрос,
По что в талмудской мути
Над гоем издевается еврей.
Им был родней бандит,
Купцов топивший в море.
Он был понятен им,
Как Марксов "Капитал".
Нажива всё простит.
Кто не за нас, тот в горе.
А счастье тем, кто грабя убивал.
Я ухожу от них,
Продавших душу злату.
Кто говорит, что жизнь
Не может быть иной.
Что хорошо лишь тем,
Кто в банде и в солдатах.
И пусть Христос,
Пребудет он со мной.

3. Мы

Мы в пятницу Христа распяли.
В субботу стали отмечать.
И к воскресенью так устали,
Что воскрешение проспали,
А то убили бы опять.

Две тыщи лет у нас в печёнках
Сидит ваш грёбанный Христос.
Что люди – братья, врал он тонко.
Нужду в языческих девчонках
Нам всю испортил этот поц.

Мы мужиков всех убивали,
А баб вели к себе в гарем,
И между ними отдыхали.
Так славно было, и не знали,
Что гои – братья, сёстры всем.

Две тыщи лет мы с ним боролись.
Мы по субботам уж не пьём.
Но всё равно мы лучшей крови,
И все всегда на первой роли.
И баб языческих гребём.

4. Загранка

Жара сменяется дождём,
Тревога сменится тоскою.
Чего мы здесь от жизни ждём:
Любви, предательства, покоя?

Доляров кейс на миллион,
К нему прелестную блондинку?
А может быть, предсмертный стон
В подъезде у ночного рынка?

Я всё отдал, но не продал
Тоски людской о лучшей доле.
С кем жил и спал? Кем был и стал?
И есть ли правда в алкоголе?

В полночный час кто вспомнит нас?
Подруги в баре, други в море?
Дай бог, что похоронят нас,
Или просунут в крематорий.

5. Памятник

Я памятник себе
сваял не из стихов,
Тропы к нему
народы не протопчут.
Не из статей
научных для лохов,
Член-кор на нём
не отсидит свой копчик.

Перстом архимандрит
не освятит мой путь.
Пёс, подбежав, поссать
не сможет вдоволь.
А девы-музы? –
не придут всплакнуть.
И Нобель с Фордом
не начистят шнобель.

Мой памятник, его
не видит интернет.
В друзья Фейсбук
его не принимает.

Зачем сваял –
 мой девичий секрет,
И где был свят –
 бог его лишь знает.

Как хорошо под ним
 тому, кто жил никем,
О ком не вспомнят,
 где стоит ограда.
Вам надпись почитать? –
 подумайте, зачем?
Там пустота –
 ни премий, ни награды.

Лишь кнопка красная
 с простым косым крестом.
Нажать – и память
 стёрлась и пропала.
Подруги и друзья,
 крест справа над листом –
Под монументом,
 выше пьедестала.

Печальный триптих

1. Шляпа из кожи.

Когда я стану богатым,
Больным, и хромым, и горбатым,
И деньги посыпятся в лапу,
Пойду и куплю себе шляпу.
Шляпу из мягкой кожи,
Которая подороже.

Я буду стоять в этой шляпе
В центре всех фотографий.
И девушки в интернете
Не смогут меня не заметить,
В шляпе из мягкой кожи –
Которая подороже.

Мы с ней неразлучны до гроба
И в снег, и в жару будем оба.
Но лысиной всюду сверкая,
Пока я о ней лишь мечтаю –
Шляпе из мягкой кожи,
Которая подороже.

Покрыть себе голову брилем –
Пока не в моём это стиле.
И в шляпе меня не узнает
Подруга, когда повстречает.
В шляпе из мягкой кожи –
Которая подороже.

Она вон глазеть перестала ...
Куплю ей кольцо из кристаллов.

К лицу ей колье и браслеты,
Заметят её все брюнеты.
В шляпах из мягкой кожи,
Которая подороже.

Ей будет с брюнетами счастье,
А мне – ни привета, ни «здрасьте».
И я ни при чём, как бы вроде.
А дело всё в ней – старой моде,
В шляпе из мягкой кожи,
Которая мне всё дороже.

2. Мираж и фото

Что случилось, почему? – ты дай ответ:
Догнала меня любовь на склоне лет.
Улыбнулась просто, без затей и чар –
И в душе подростка затрещал пожар.

Как случилось? Чудо: в кадр попал момент –
И на снимке та, которой ждал сто лет.
Или ты мираж – красивый, но чужой?
Бог тебя послал? Иль шутит он со мной?

3. Мечты

Я поведу тебя в кино,
А может быть, и нет.
Мы сядем на последний ряд,
Когда погаснет свет.
И станет нам из всех искусств
Важнейшее – кино.
Муть на экране – ну и пусть:
Мы вместе, нам смешно.

Я поведу тебя в кафе,
А может быть, и нет.
Мы в полумраке в уголке
Откушаем котлет.
Закажем кофе с коньяком
И красное вино.
Поговорим о том, о сём.
Мы вместе, нам смешно.

Я поведу тебя в театр,
А может быть, и нет.
На пару нашу свысока
Посмотрят все в лорнет.
Ты королева красоты,
Я старикан давно.
Но счастлив я, что рядом ты,
Мы вместе, нам смешно...

Мои прекрасные мечты –
Их в мире лучше нет.
Мы будем вместе, я и ты,
В мечтах моих весь век.
А наяву? – При чём тут явь,
Театр, кафе, кино?
Мы счастливы, мечты и я.
Мы вместе, нам смешно.

Алтайские стихи

1. Алтайская муза.

Нет, не поэт – как одиозно!
Но муза есть и у меня.
Она изящна, грациозна,
Она прелестна и умна.

Она немного моложава,
А мне восьмой десяток лет...
Стихи пишу я не для славы,
Не под гитару петь куплет.

Когда строка меня находит,
Все рифмы убегают вмиг.
Тут муза с коньячком подходит
И разливает на троих.

Сама скромна и не гордится,
Что служит музой у меня.
Однако, до утра мне снится,
Уходит лишь в начале дня.

Увижу днём – сидит в тенёчке.
Поправлю шляпу набекрень,
И к ней бегу без проволочки –
Сам бог послал мне чудный день!

Замолвлю ей: "Вы так прекрасны!"
"Спасибо", – скажет лишь в ответ.

А голос ангельский и ясный
Мурлычет нежный мне сонет.

Пардон, сонет – эт' я мечтаю.
Чего не может быть в мечтах?
В мечтах о музе оживаю,
А не мечтать – увы и ах!

Раз в год или немного чаще,
Она изволит с ней побыть.
День этот дарит столько счастья,
Что хватит год ещё прожить.

Она прекрасна – томны кудри
Спадают волнами до плеч.
А чёрны очи взглядом чудным
Разят вокруг – не уберечь.

В душе лукавой нет сомнений
Сбить с панталыку мужиков, –
Пусть олигарх он или гений, –
И молодых, и стариков.

Её за это и люблю я:
Ко мне пришла на склоне лет.
Не к принцу или к чистоплюю –
Чем старику не комплимент?

Но ближе к делу и порядку.
Какая польза с музы мне?
Ни баловства, ни физзарядки,
Ни блуда, чтоб гореть в огне.

Когда один ночной порою
Сижу за компом я в тиши,
Мне муза шепчет, матом кроя:
"Пиши ..., ты обо мне пиши".

Да, милая, тобой любуюсь,
На трёх десятках фотопроб,
О ком ещё писать могу я?
С кого писать Сократов лоб?

Ты так прелестна, шаловлива,
Ты откровенно хороша.
К тебе как спелой чёрно-сливе
Невольню тянется душа.

Когда ты, попочкой виляя,
Идёшь по склизкой мостовой,
Я от тебя о%иеваю:
Ты божество, ты "боже ж мой!"

Я знаю точно – ты прекрасна.
Прекрасен весь твой тюркский лик.
Дитя потомок Чингиз-хана,
Тобою твой народ велик.

Сияешь, как луна на небе,
Неподнебесной красотой.
Чаруешь всех, как белый лебедь,
Кивая гордой головой.

Твоя волшебная улыбка –
Да это ж просто зашибись!
Так солнце глаз пронзает шибко
Лучом "откуда ни возьмись".

Ко мне строга, как ни пиши я.
Скупа хвалить – как за грехи:
"Так, а стихи-то неплохие",
"Ну, есть забавные стихи".

Да – не поэт, всё одиозно.
Но прелесть – муза у меня!
Она мила, шикарна, модна,
Она коварна и умна.

Слов я по-тюркски знаю мало –
Не спеть под бубен и хомуз.
Чем под хохлацкие цимбалы
Приколдовать Алтайских муз?

Я тюркский выучил бы с тем лишь,
Чтобы понять её мечты.
Шамана этим не заменишь,
Но, может, станем с ней на ты.

Я сто стихов о ней срифмую,
Я их у Пушкина спишу,
Вложу в них душу молодую,
И каламбуром причешу.

Когда-нибудь (опять мечтаю)
На берегу Катунь-реки
Подсяду к ней и прочитаю
По-тюркски все мои стихи.

Я ей скажу: "Ты всех прекрасней,
Ты всех милее на земле.
Ты будешь сказкой, девой красной,
Ты вечно будешь музой мне".

А что в ответ? В ответ – "спасибо".
Опять "спасибом" буду сыт.
Нет, не поэт, не юдо-рыба,
Для музы – одиозный кит.

2. Гранёный стакан (Новогодний тост для прекрасной Аржан)

За новое счастье
все пьют в Новый год,
И с ним поздравляет
друг друга народ.

Плесну коньяку я
в гранёный стакан
И выпью за счастье
прекрасной Аржан.
И выпью за счастье Аржан!

Здоровья желают
все в Новом году.
К друзьям я под ёлку
на встречу приду.

Нальют мне шипучки
в гранёный стакан.
Я пью за здоровье
прекрасной Аржан.
Я пью за здоровье Аржан!

Наутро с похмелья
шумит голова,
Открыть холодильник
смогу ли едва.

Наполню кефиром
гранёный стакан.
И выпью за душу –

за добрую душу,
за милую душу,
за чудную душу,
за ясную душу
прекрасной Аржан!
И снова налью –

за Аржан!

3. Джоконда Алтая.

Джоконда Алтая –
Чудесной страны,
 Что возле Китая,
 Вошла в мои сны.

Внутри миокарда
Пригелась она.
 Других миллиарды,
 Она – лишь одна.

Я снял с неё фото
И вмиг обомлел:
 Три дня до субботы,
 А я захмелел.

Портрет на экране
Пьянит без вина,
 И тянет, и манит
 К себе, как Луна.

Волшебный субэтнос,
Их всех восемьсот.
 Взор девушки этой
 Мне спать не даёт.

Джоконда Алтая,
Рембранд Саския!
 Ни ждал, ни мечтал я
 О ней – ни%ия!

Знакомиться б надо,
Иначе – беда:
 Всей жизни награда
 Уйдёт навсегда.

Я к ней подступаю:
«Парле ву ...», – молчит.
 По-тюркски не знаю –
 Лишь сердце турчит.

Прекрасных слов тонну
Сказал бы я ей –
 Ни слова не вспомню
 По-русски при ней.

И тут Лиза Мона,
Как ангел в туман:
 «Знакомиться можна,
 Звать можна Айсан.

Но будем на Вы мы», –
Мне годы в упрёк.
 Когда же на ты мы?
 Настанет ли срок?

Встречаться не хочет –
Прошу, не молчу.
 Даст бог – пару строчек
 Раз в год получу.

Красотка играет.
Ждёт, чтобы отпал.
 Что делать, не знаю.
 Конец – я пропал.

А годы впустую
Текут, как вода.
 Её не смогу я
 Забыть никогда.

4. Айсана

Прекрасная Айсана –
заботливая мать.
Детей разбудит рано,
чтоб в школу их собрать.

Сама поедет в самый
научный институт.
Премудрая Айсана
нужна и там, и тут.

Изящнейшие ножки
красу её несут,
Колечки и серёжки
подчёркивают суть.

Работа и забота,
и музыка в семье.
Её узнать охота,
её чудесней нет.

Лица очарованье
мне нравится её.
Себе кажусь я парнем –
лишь гляну на неё.

Бог дал ей лоб Сократа,
и глазки Саски'и,
И степень кандидата
по философии.

Явилась шестикрылой
на перепутье снов.
Лунной в душе застылой
опять взошла любовь.

Везение и счастье,
что встретилась она, –
Алкаш седой в ненастье
нашёл бутылку вина.

Корнями из глубинки –
проста и хороша.
Прелестна на картинке,
приветная душа.

Я шляпу мягкой кожи
надену набекрень.
Насмелюсь и, быть может,
к ней подойду в тот день.

Захочет ли свиданья
со мной наедине?
Пока не до меня ей –
не молод, в седине.

Прекрасная Айсана,
заботливая мать,
Оставит в сердце рану
и боль –
чтоб не унять.

5. Землики

Ты уедешь на берег реки,
Чтобы корни свои не терять.
Там твои живут земляки –
Кровь одна, и душа,
и земля.

Увезёшь с собою детей,
Чтобы знали истоки свои.
Ты права, лучше нету идей,
Чтоб одобрили земляки.

Земляки – узнаёшь ты их
По любви к своим берегам,
По ухмылке у глаз родных,
По знакомым с детства
мечтам.

Не был я давно у своих.
Те же горы, леса, земля.
Но твои земляки – твои,
А мои – память лишь моя.

Я захлял на чужих хлебах
Той земли, где с тобой
знаком.
Ты витаешь в моих мечтах,
И в рассказах твоих
земляков.

Кто ты мне? Но твоя краса –
Не найти на моей земле.
И верна ты горам и лесам,
А они все верны тебе.

Прихвати меня, как ржаной,
Как отрезанный в путь
ломоть –
Не приставить его такой
В каравай родни, земляков.

Ты вернёшься к зиме опять
Быть чужой и детей
растить.
К землякам раз в год
уезжать –
В этом смысл и умение
жить.

В этом смысл седой,
земляки:
Не плясать, не петь,
не играть –
Уезжать на берег реки,
Чтобы корни свои
не терять.

Увозить с собою детей,
Чтобы знали истоки свои.
В мире нету лучше идей,
Кто бы ни были мы,
земляки.

6. Юбилей у музы.

У музы у моей
сегодня юбилей.

Я не скажу, какой,
но самый молодой.

Ей слава и почёт –
в конверте и на счёт,
В работе и труде,
и сам не знаю, где.

У музы в день такой
отменят выходной,
Устроит юбиляра
научный семинар.

Коллеги и друзья
откроют не зазря
Шипучее вино –
ей нравится оно.

Подарят ей медаль
и вкусный торт "Миндаль",
И руку ей пожмут –
директор тоже тут.

Он докторскую в план
внесёт ей, как роман,
И подвезёт домой
на "Волге" розовой.

А к вечеру сосе-
ди соберутся все.

Покажут дети класс –
сыграют "Baby Waltz".

Нагрянут, ей-же-ей,
и родственники к ней.
Минуты не зевай –
запасы доставай.

Наварит-напечёт
на всех наперечёт.
Смех и улыбки ей –
прекрасный юбилей.

Как хорошо сидеть
у музы песни петь!

Уютно и тепло,
хрустальный звон
бокалов...

И я там тоже был,
мёд-пиво с музой пил.
Мне по усам текло –
а в рот и не
попало.

7. Аржан водки

Не люблю я водки:
я с неё не пьяный.
А пьяный с красотки,
с чёрненькой Аржаны.

Как она воркует
голосом голубки!
Чают поцелуя
маковые губки.

Лукавые глазки
дуpletом стреляют,
Не дают промазки –
в душу западают.

По румяным щёчкам
ямочки гуляют,
Лучшие денёчки
в жизни обещают.

Не смакуй конфетки,
не коси налево:
Краще нет брюнетки,
слаще – королевы.

Приласкаться б жарко
к ней чернявой кошке
Под луною яркой,
что висит в окошке!

От ладного тела
чёрт бы не отвадил:
Сколько ни хотела,
столько бы и гладил.

Ан не быть нам парой –
зря себе мечтаю:
Неприлично старый,
она молодая.

Посему сижую
с нею не в кафешке,
И в лицо гляжу я
на фотó на флэшке.

Хряпну стопку водки,
о судьбе тоскую,
Да херню красотке
в стихах нарифмую.

Кильку съем в томате –
нет бабла, нет силы.
Нету жинки в хате –
не мякнет мило.

Несть нажраться водки:
с пузыря не пьяный.
Жить мне без красотки
чёрненькой Аржаны.

8. Антисонет

Быть может, вирус в глаз проник?
Нет, я к такому не привык:
И слух, и нюх, и панталык
Теряю сразу, в тот же миг,
Как вижу твой шаманский лик,
Лукавый тюркский лик.

Вдруг забываю все слова,
Мой собственный язык –
Со мной заговорит едва
Твой милый тюркский лик.

В транс улетает голова.
Где сон мой на боку?
Умна, красива – как сова,
Как внучка старику.

9. Алтайское имя

Я умиляюсь именем твоим.
Оно как поле ржи под солнцепёком,
И пёстрый ситца жниц парящий дым
Я созерцаю восхищённым оком.

Я разговляюсь именем твоим,
Оно в Алтае видится иначе:
Из-под скалы потоком бьёт живым
Серебряный ручей здоровья и удачи.

В саду армянском зреет виноград,
В селе казацком девки хороводят.

Всё лучшее, чему мужчина рад,
Что поит, кормит, веселит и родит,
Я называю именем твоим:
Рожь, роженица, аржаница, ржана...

Не армянин – а выпью Arjani.
Не челенгит – напьюся из аржана.

10. Старик и шаманка

Шаманка,
Скажи, зачем околдовала старика?
Тебе забава, а ему опять тоска.
Всегда один, о ласке женской позабыл,
Его никто не понимал и не любил.

Шаманка,
Он век прожил, добра не зная от друзей.
Ты всех румяней, всех милее и добрей.
Прекрасна, как принцесса крови голубой,
Которой жизнь свою готов отдать любой.

Шаманка,
Где ты плясала 20 лет тому назад?
Кто красоту твою любил, тебе был рад?
Мог молодой старик твоей опорой быть,
Могла и ты его за это полюбить.

Шаманка,
Козой не прыгай, в бубен ты не молоти.
Тебе бы лучше отойти с его пути.
Но поздно: утонул в глазах твоих старик,
А для тебя вся жизнь его – забавный миг.

Шаманка,
От чар твоих не торопись отколдовать.
Устали души половин своих искать.
Мечтай и пой про счастье, принца иль калым.
А твой старик – он снова был бы молодым.

Шаманка,
Зачем смутила ты седого старика
Без дома, денег, сил мужских, и чужака?
Колдуй, красавица – тебе с ним жизни нет.
Но он дождётся встречи через 20 лет.

11. Лохматая Аржан

"Аржан, лохматый дух семьи, весь день ты на ногах.
Старик – отец, жён больше нет – у мужа ты одна.
Детей родил красавец муж, но сам он на войне.
Он защищает наш народ. Он лучший, на коне.

Враги погнали в горы нас. Нет хлеба, нет коров.
Аржан, надежда на тебя. Кто сохранит нам кров?
Муж твой – герой, но мало нас, Лохматая жена".
И для кого к заходу дня причешется она?

Гонец бежит: "Враг наш устал и отступил пока.
Но твой супруг, он весь в крови, от ран, Аржан-ака.
Шаман танцует и поёт, он сам неутомим,
Но духи не хотят помочь. Иди, прощайся с ним".

Она пришла. Утешить чтоб её, шаман сказал:
"Возьму тебя второй женой, когда умрёт Алсан.
Нужна целебная вода, чтоб ею раны мыть.
Она в горе – за той скалой, но как её добыть?"

Скалу разбить – мечи тупы, и нет богатырей.
Без мяса много-много дней – народ наш стал слабей.
Большой топор в заимке есть у русского купца,
Но кто бы им крушить умел на уровне лица?"

– "Мой сын Арслан – Лохматый слон. Отважен и силен.
Пойду к купцу. Что делать мне? Бог даст, поможет он".
Она – к купцу. И красотой её сражён купец.
Он одинок, несчастен, сир, обиженный на всех.

–"Красавица, топор я дам. Нет лучше топора.
Но в благодарность за добро, ты станешь мне жена?"
–"Согласна я на всё, купец, лишь мужа мне спасти
И от врага бы мой народ подальше увести".

Взял сын Арслан топор в замах, ударил по скале.
И в тот же миг она сама распалась на две.
И, омывая всех вокруг с ног и до бороды,
Возник живой могучий ствол серебряной воды.

Кто слабый был – на ноги встал. Незрячий – тот прозрел.
Богатырями – сын с отцом. Кто робок был – тот смел.
Шаман стал мудр, и наконец, счастливым стал купец.
Все женщины в народе том – красивей стали всех.

Но враг идёт, – опять гонец. И слово взял купец:
"Народ, с источником таким – вам не придёт конец.
Вы любы мне, и я вам брат, Аржан – ты мне сестра.
Меч, саблю дам, пойду и сам, я с вами в бой! Ура!"

Враг был разгромлен и добит. Купец погиб в бою.
Народ и ныне в том краю, растит коров, семью.
Источник назван был Аржан – Лохматая жена.
Любой источник в тех местах все стали звать "аржан".

С тех пор минули сотни лет, десятки сотен лет.
И про Лохматую жену забыли все навек.
Аржан-ручьи целебных вод находят там и тут.
Аржан – такое имя всем красавицам дают.

А я откуда всё узнал? Мне ангел нашептал.
Чтоб вспомнил я про тот народ, ко мне Аржан послал.
Она красива и умна, она мила, скромна.
Но вот не помнит про купца, и что ему сестра.

* * *

Переводы и перепевы песен

1. Прощай (по Д.Руссоу)

Дни любви прошли, как сон,
И нам их уже не вернуть.
В сердце слышен и плач, и стон.
И новый ждёт нас путь.

Прощай, мой друг, прощай.
Любви не обещай.
Я правду говорю:
Я никого так не люблю.
 Прощай, любовь, прощай.
 Я был твоей судьбой.
 Но только лишь в мечтах
 Опять нам быть с тобой.

Звёзды нам освещают путь
Везде, где бы ни были мы.
Счастье нам улыбнётся пусть,
Любовь навеет сны.

Прощай, мой друг, прощай.
Любви не обещай.
Я правду говорю:
Я никого так не люблю.
 Прощай, любовь, прощай,
 Звезда в моей судьбе.
 И помни, что в мечтах
 Опять вернусь к тебе.

2. Мемфис, Теннесси (по Битлз)

Помогите вспомнить, где любовь моя живёт.
Проводил вчера её до самых до ворот.
Ну, а номер дома как-то позабыл спросить.
Знаю только, город это Мемфис, Теннесси.

Помогите вспомнить, позвонить я обещал.
Номер телефона на ладони записал.

Дома руки вымыл, больше некого спросить.
Знаю только, это город Мемфис, Теннесси.

Помогите вспомнить, на свиданье мне идти.
Улицу не помню, но в 17 без пяти.
Где-то у фонтана в центре, надо бы спросить.
Эх!..
Но я знаю, это точно Мемфис, Теннесси.

3. Билет на поезд (по Битлз)

Сегодня хмуро с утра,
Сегодня грущу я:
Та, что сводила с ума,
Взяла и ушла.

Она была на ногах чуть свет.
Она пошла покупать билет
И не сказала ни "да", ни "нет",
Ни "привет".

Она сказала, я стар,
Зануда и фрукт.
Что это просто кошмар,
Когда я вокруг.

Она не встанет уже чуть свет.
Она не скажет ни "да", ни "нет".
Она на поезд взяла билет –
И привет!

На поезд билет...
Ни да, ни привет...

4. Мексиканская песня «No tengo dinero» (Нет денег).

Ты
так чудесна,
так прекрасна,
так мила и
так умна.
Мне
это ясно,
что с тобою
не сравнится
ни одна.

Знай,
это счастье
быть с тобой,
идти с тобою,
рядом быть.
Но
я не знаю,
что я мог бы
предложить,
чтоб ты смогла
меня любить.

Бабла не имею,
Нет хаты, где жить.
Но в сердце имею
Любовь, чтоб любить.
Надеюсь, мечтаю –
Полюбишь меня.
Дай бог – доживу я
До этого дня.

Мы
так похожи,
вижу я, и
так различны –
видишь ты.
Но
мы не пара,
потому что
не для нас
растут цветы.

Я
знаю, нету
лучшей дивы
и прекраснее,
чем ты.

Но
я не знаю,
что я мог бы
дать тебе,
и чем привлечь
твои мечты.

Бабла не имею,
Нет хаты, где жить.
Но в сердце имею
Любовь, чтоб любить.
Надеюсь, мечтаю –
Полюбишь меня.
Дай бог – доживу я
До этого дня.

5. Шахматная королева.

– Это невозможный ход,
И так ходить никак нельзя, –
говорит мне судья,
и я молчу в ответ.
– Это невозможный ход –
под чёрной королевы взгляд.
В жизни он принесёт только боль
Вам, белый король.
Вам, белый шах-король.

Да, это невозможный ход.
Но мне же без него нельзя.
– Вы по правилам делаете ход, –
говорит судья.
Но какой возможен ход?
Как нам, король, ходить с тобой?
Королеву прекрасную встретили мы
в армии чужой,
Нам белым всем чужой.

Как пошла б судьба моя,
Не увидев чёрный взгляд?
Мне забыть бы его навсегда, –
дал совет судья.
Но в жизни невозможно так –
Забыть я не могу его.
Потому что прекраснее нет
в мире ничего,
Как в мире ничего.

Это взгляд чудных глаз,
чёрных глаз королевы ночей.
Этот взгляд чёрных глаз –
чудный взгляд из волшебных очей.

6. Девушка с Алтая (на мотив «Шизгара»)

Она прелестна – боже мой!

Она смеётся надо мной.

Она, как ясная луна.

Она волшебна

И она –

крутая
девушка с Алтая!
Как ручей,
она упряма,
звать Аржана!

Она прекрасна и мила.

Она со всеми весела.

Она немного влюблена,

Но почему-то

Не в меня.

Крутая –
девушка с Алтая!
Как аржан,
она упряма,
звать Аржана!

Она безумно хороша,

И очень добрая душа.

Насобираю ей калым.

Смеяться будет

Она над ним,

крутая –
девушка с Алтая!
Как аржан,
всегда упряма,
Звать Аржана!

7. Фея Алтая

В горах Алтая
Растёт мой маленький цветок.
Под снегом тая,
Бежит серебряный поток,
Его питаю.

По утрам росток
Смотрит на восток,
Слушая поток.

Фея Алтая
Оберегает мой цветок,
Над ним летая,
Следя, чтоб не остыл песок,
Мхом устилаю.

Я да мой цветок
Слушаем поток,
Глядя на восток.

Нам ветер веет,
Мы рядом и одна семья.
И мы успеем
На встречу завтрашнего дня
С алтайской феей.

День цветёт цветок.
Мой исходит срок.
Вечен лишь восток.

ПРОЗА

Непридуманные рассказы

1. Тайна фирмы

События эти происходили задолго до эпохального указа президента о запрете неприличных слов. Поэтому они, возможно, и произошли. Но я как слуга правды не могу из истории выкинуть ни единого слова. Тем более заменить его многоточием или звёздочками. За что и приношу извинения правоохранительным органам и член-корреспонденткам самых благородных наук.

Пришёл студент на практику в молодую растущую компьютерную фирму. Точнее даже, в только что созданную. "Чем бы его занять", – думает начальник.

– Значит, так: тебе самое важное и срочное дело. Рук, понимаешь, у нас не хватает. Садись за стол вон там в самом дальнем углу – чтобы не мешали, смотри на всех, кто что делает, и придумывай название нашей фирме –

чтобы суть нашей работы отражало. И чтобы звучное было. А то сейчас "ООО имярек" – ну, никакого маркетинга. К обеду доложишь.

– А в чём ваша суть? Чем вы собственно занимаетесь?

– Да всякой хернёй. Потом определимся.

Делать нечего – сел студент в угол с постным лицом, взял лист бумаги, вывел на нём печатными буквами непечатное слово "ХЕРНЯ" – первую информацию о фирме, и стал наблюдать за её работой – и думать.

А вокруг все – кто просто сидит, кто бегают, кто кофе пьёт, кто в телефон балакает. А иные по клавиатуре стучат или мышкой туда-сюда возят. И никому нет никакого дела до важного задания студента.

Через час студент осмелел, огляделся и заметил невдалеке симпатичную брюнеточку с кружечкой чёрного кофе.

– Скажите, пожалуйста... Меня Яшей зовут. Я на практику пришёл. А скажите, чем вы все здесь занимаетесь?

– Да всякой хернёй, Яшенька. Хочешь кофе? Сейчас принесу.

Выпил Яша кофе, – как говаривал поэт, "молочка-то нет", – и снова стал думать. Через час ещё осмелел и узнал, что брюнеточку зовут Аня, работает всего неделю, курит и болеет за ЦСКА. А в краткий перекур в коридоре пожаловался на своё тяжёлое задание.

– Не бери в голову, он уже забыл. Херня всё это, – ответила Аня.

Обед приближался, а название в голову ещё не приходило. И вдруг в зал врывается начальник и явно бежит к нему. "Не забыл", – похолодело у студента внутри.

– Ну, как название – придумал? Пора внедрять.

– Я, э...

– Ага, вижу, – смотрит начальник на лист, – ян... Хо-хо-хо, отлично! Только зачем ты буквы написал половину русские, а половину – английские? Надо на одном языке: либо Yandex латиницей, либо Яндекс кириллицей. Ну, молодец! Звучно и самая суть! После обеда можешь не приходиться.

Начальник убежал, а Яша почесал репу.

– Аня, чего это он сказал? У меня тут одно лишь слово "херня" написано.

– Это с твоей стороны "херня", а если с его стороны смотреть, то "яндэх". Эх, ты – Я-а-ша!

Через год студент закончил колледж информатики, и начальник взял его на работу. А фирма со временем стала самой прибыльной в России.

Что же до понятливой брюнеточки, так эту тайну фирмы я не знаю. Возможно, потому что я её, извиняюсь, выдумал. С женщинами всегда так получается.

2. Бидончик

В детстве у нас в семье был небольшой железный бидончик литра на полтора, сваренный каким-то умельцем. У него ещё была любопытная крышка, которая вставлялась в широкое горло, как пробка в графин. Каждую весну в мае отец шёл с ним на базар и покупал первый мёд. Он покупал его только раз в году, полный бидончик, только свежий жидкий ароматный. И мы неделю ели его всей семьёй либо с блинами, либо просто с хлебом. А отец рассказывал истории про их деревенского пасечника прижимистого деда Панько, большого любителя пчёл.

Дед охранял пасеку с ружьём, заряженным солью. Но дети всё равно лезли воровать мёд. Он их ловил и

"наказывал". Хитрый дед сажал их за стол, ставил миску с мёдом и заставлял его есть, не давая им ни капли воды. Много мёда без воды не съешь, а детям была и забава, и наказание. А кстати, вы знаете, что мёд нельзя запивать холодной водой? – «Заворот кишок» может случиться.

Прошло много лет, и как-то в очередной мой приезд в гости отец рассказал про бидончик совсем другую историю. Попробую её передать.

"После войны было. В городе голодно, люди ходили по деревням в поисках еды. Отправились и мы как-то с приятелем. Взяли с собой барахло какое на обмен. Да в сёлах тоже не райская жизнь. За день почти ничего мы и не выходили. Пора возвращаться, заходим в последний дом к бабке.

– Э, милые, корова-то есть, да всё уже продала, что было, самой нечем кормиться.

Действительно, посмотрели по сторонам – голо и корки хлеба не видать. И вдруг, замечаю, в сенях стоит кадушка ведра на два.

– А это что?

– Да сыворotka, после творога осталась, корову поить буду. Зачем она тебе?

– А вот бери за неё рубашку, да принеси марлю побольше и ведро.

Принесла она кусок марли, сложил я её вчетверо и говорю приятелю:

– Лей.

Он поднял кадушку и стал лить на марлю. А там на дне, понятно, был осадок. В общем, нацедили мы тогда неполный бидончик творогу с этого осадку. Тот самый, железный, если помнишь.

Сказали бабке "спасибо" и пошли домой – кормить детей."

Отец всегда рассказывал очень хорошо, я так не умею. И смысл вкладывал в свои незатейливые истории глубокий и простой, как в притчи.

В чём же был смысл истории? Ищите сами. Я сразу не понял, а дошло до меня поздновато. Но такова жизнь, у каждого своя, у каждого свой её смысл.

А напрасно.

3. Белый хлеб

Сколько ни говорят мне умные и красивые женщины с медицинским образованием или без оно, как с экрана или эпистолярно, так и вживую, о пользе чёрного и особенно ржаного хлеба – никак моя душа этому не верит. Хоть телевизор пади ниц, хоть собакой её трави. Точнее, верит, но не принимает. Знаю, что ржаной хлеб якобы благодатно влияет на потенцию. А «Бородинский»... Ну, да, тоже знаю – поднимает патриотический дух. Старинный маркетинговый ход его создателей. Возможно, женщинам это нужно. А мне для патриотизма хватает и подъёма цен в нашем магазине.

И не люблю я чёрный хлеб, помнится, с детства. Хоть и не могу похвастаться любовью к сдобе. Покупали мы в семье обычно «полубелый», первый сорт – лучший из того, что на нашем хлебозаводе пекли, по соотношению цена к качеству. А другие сорта и виды – только в крайнем разе, когда полубелый перед нами заканчивался. Но постепенно, с годами скатился я, через «плетёнку с маком» и «батон с изюмом», к нынешним «нарезному батону» и «батону нарезному нарезанному».

Мне помнится ещё один короткий рассказ моего отца, который проливает свет на причину моей такой вредной для здоровья избирательности.

Как-то он вместо полубелого принёс домой «белый высший сорт», не ахти какой, получил за это выговор и, чтобы сгладить неловкость от несправедливости, сел за стол, взял буханку в руку и стал рассказывать случай.

– «В тот год, я в МТС работал, первый раз стали начислять на трудодни деньги. Осенью, когда трудодни выдавали, начислили мне 20 копеек. Получил я их, как сейчас помню – новенькие, на них ещё молотобоец был выбит, и стал думать, куда бы их потратить, или на что сохранить.

И в тот день как раз ярмарку на площади устроили – чтобы, значит, деньги эти обратно у народа изымать. И все бегали, суетились между киосками со шмутками, примеряли платочки и штаны. А в одной машине, я заранее приметил, продавали хлеб. Никто к этой машине и не подходил. И первый раз за все годы привезли тогда настоящий белый хлеб. Раньше всегда был либо ржаной, либо из половы».

– Будя брехать, «из половы», – передразнила мама, почуяв, куда он уже клонит.

Но отца сбить с рассказа было непросто. Поспорив немного – для виду, из чего делали хлеб, он приподнял буханку, улыбнулся и продолжил.

– «Вот такие-вот точно килограммовые буханки, и цена у них была 20 копеек. Очень захотелось купить. Никогда до того времени белого хлеба не ел. Да и что купить-то было на 20 копеек? Платочек что ли? Кому он нужен? Купил я буханку, стал в сторонку, к дереву прислонился – и отщипнул кусочек...

Вот так стоял под деревом, смотрел на ярмарок, на людей бегающих, отщипывал кусочек за кусочком и ел – один за другим. Не заметил, как всю булку и съел. И тогда только спохватился, что надо было домой отнести да мать покормить. Да поздно было».

– Плохо тебе не стало? – спросила сестра.

Все за столом засмеялись, чем и была восстановлена семейная атмосфера.

Когда меня настоятельно просят принести из магазина чёрного хлеба, я иногда вспоминаю этот рассказ и тоже улыбаюсь.

4. Головка сыра

Я откусил от бутерброда и ощутил давно забытый аромат голландского сыра. И он напомнил историю, как сыр спас мою семью от голода, который ей уготовили великие люди от экономики, ученики Маркса, Смита и Аганбегяна, а ныне олигархи и опять же великие люди не на нарах – нобель им в шнобель.

Мы не помним зла долго, поэтому, думаю, многие не помнят того волнующего отпуска цен, а на самом деле загодя спланированного десятикратного их увеличения. Ничем иным, как нечеловеческим человеколюбием, я не могу объяснить этой зверской акции российских сволочей и бездарей, дорвавшихся до власти.

Год начинался хорошо, мне даже повысили зарплату, и я даже отнёс часть сэкономленного в сберкассу, несмотря на попытки жены потратить деньги на ненужную мебель. Вскоре, правда, Сбербанк заморозил вклады, и проблема отпала. Этот звонок мне ничего не сказал, потому что осень стояла чудесная, поддерживая оптимизм золотым цветом берёз.

Под Новый год я решил для семьи испечь торт и, сделав это с утра 31-го, обнаружил, что нет сметаны для пропитки. Пошёл в магазин, но там не было, обещали привезти к вечеру. Кое-как пропитав торт кефиром, всё же пошёл за сметаной вечером, для салатов и просто в

хозяйство. Не было, обещали привезти к закрытию. Я настырный, взял литровую банку и пришёл за полчаса до закрытия.

Стояла очередь и ждала сметану. В десять, час закрытия, сметаной ещё не начали торговать. Очередь не расходилась, потому что было правило: магазин не закрывать, не отпустив последнего покупателя. Очередь стояла крепко, не поддаваясь на уговоры продавцов уйти. Пол-одиннадцатого внесли флягу. К одиннадцати я уже купил литр и вернулся домой, чтобы вовремя встретить Новый год.

Проснувшись утром счастливый и довольный, что купил накануне такую хорошую густую, ещё неразбавленную сметану, я пошёл в магазин за хлебом и, проходя мимо, глянул на витрину со сметаной. Я остолбенел: цена была ровно в 10 раз больше, чем вчера. На сыр тоже, на колбасу тоже...

Ну, все мы ждали этого отпуска цен, но почему ровно в 10 раз? Почему не в два?

Очевидное объяснение, которое пряталось в глубинах мозга и страшилось выйти наружу – нас всех надули. Все мы ругали власти, но не могли представить, что среди них есть такие беспардонные грабители и хапуги, что сговорятся между собой и установят цены от фонаря. И даже не в два раза больше, а в целых 10. Мы ещё не знали, что они все такие, что это суть нашей власти, рождённой в 17-м, – грабить народ. Ещё весной нобелевский лауреат по экономике Леонтьев предлагал посчитать для нас новые оптимальные цены, как он это делал для Японии и Южной Кореи, но наша власть "гордо" отказалась. Куда лучше сразу содрать с людей 900% прибыли!

В 10 раз подорожало всё, кроме хлеба, который подорожал, кажется, раза в два. А сберкассы на выдачу не

работали. Возникла проблема – до зарплаты денег точно не хватит, даже с заначкой. Надо экономить. И я научился это делать виртуозно. Последнюю ложку с той исторической банки сметаны, которую я купил в Новогоднюю ночь, мы вчетвером съели 20 января.

Но настоящая помощь пришла не от сметаны, а от брата жены, с которым вообще-то мы были не в приятельских отношениях. Он откуда-то узнал, что в соседнем Алтайском крае в каком-то селе всё ещё продают знаменитый алтайский сыр по старой цене. Он срочно поехал туда с приятелем и числу к восьмому привёз в рюкзаке по головке сыра всем родственникам: своей семье, тёщиной и нашей.

Головка была весом под пять килограммов. И с ней можно было веселее дожить до аванса 19-го. Однако, его не выдали. Без разумных объяснений. Дескать, "так надо, Федя: главное, чтобы воля была – к победе".

Остаток головки я растянул до зарплаты 4-го февраля. Мы выжили. Не ходили плакаться к имущим, не продавали нужное, а просто покупали вдесятидорого только самое необходимое. Пусть эти подонки-марксисты подавятся своей сверхприбылью.

Мы выжили морально. Потом было многое, и МММ, и обвал рубля. Много таких же акций от власть имущих. Мы постепенно учились выживать в победившем мире хапуг-торгашей и сволочей, оставаясь самими собой. Они стали богаче, мы нет. Кто победил? Как говорят шахматисты – тот, кому пожали руку. А кто им её жал? Я лично в такие игры не играл и не играю.

С тех пор прошло с гаком 20 лет. Но иногда, после очередных экономических новостей, стучится в голову старый анекдотовский вопрос: "И где же та негритянка, которой надо бы лапу пожать?"

5. Шапка Мономаха

Эту историю я узнал от Карамзина. Того самого.

Правил в Киеве некогда князь по имени Владимир Мономах. Так прозвали его, потому что он был прямой потомок византийской принцессы из рода Мономахов. А это не шутка, потому что Византия тогда была богатейшей державой, похлеще Древнего Рима, хотя мы о ней сейчас почти ничего не знаем. Я имею в виду, что ничего из наших учебников не знаем, которые и карту границ её сильно урезали, и систему управления умолчали, а уж экономическую систему, которая никак не вписывалась в "Капитал" Маркса, – тем паче. Зачем нам знать про альтернативную экономику богатейших стран мира?

Но в те древние времена Византию сильно уважали все соседи, а заодно и Владимира Мономаха. Ему не надо было прибавать щиты к воротам своей исторической родины, не надо было ходить войной на непокорных русских братьев, не надо было делать набеги на Хунгарию, где чеканили доллары. Он правил незаметно, но справедливо. А после себя оставил всем правителям Руси подарок, который они приняли, но не поняли. Но об этом в конце.

Как раз перед княжением В. Мономаха в Киеве правил другой князь, имени которого не уберегла история. Точнее – я его не помню. Был он любителем хорошо пожить (в нашем понимании), а потому изрядный самодур и невежа. И заметили эту его склонность заезжие купцы. А кому как не еврейским купцам знать, какие солидные доходы приносит власть и её коррупция? И эти потомки финикийских купцов, которые в своё время держали в страхе всё Средиземное море, потекли в Киев, чуя наживу.

Извиняюсь, нынешним дамам здесь должно быть непонятно: как это – благородные купцы и от них страх? Дело в том, что в древние времена купцы не ездили, как

нынешние челноки, по одному или парой. Они набирали команду головорезов, которые их защищали. А при случае и грабили встречных купцов. И не только купцов.

Итак, надо было сыграть на себялюбии князя и склонности к питию. Элементарно, Ватсон. Сначала приучаем князя к импортному виноградному винцу. Проще простого. А оно иностранной валюты требует, которой на Руси было очень мало. Тех самых хунгарских доляров. Всё больше беличьи шкурки в ходу были. Но еврейские купцы сговорились, и шкурки за вино не брали.

– Что же мне делать? – вскричал князь, – Сейчас же прикажу всех вас купцов на кол посадить.

– А кто же тебе вино привезёт? Русских купцов в Гишпанию не пустят. А если кто кроме нас привезёт, то мы его тут и порешим. Нас уже много.

– Ну, вы и гады.

– Не гады мы, а дадим тебе совет. Ты введи штрафы в деньгах хунгарских: за мордобой, воровство, убийство. Вот валюта к тебе и потечёт.

Глупый князь так и сделал. И правда, как напьётся русский народ на праздник какой мёд-браги, так и начинает друг дружку лупцевать. Много ли надо браги трезвенникам, чтобы одуреть? А князь на них, радостный, штрафы накладывает да винцо заморское попивает.

Но штраф надо платить, а где деньги взять? Шкурки князь не принимает. Побежал тогда народ к купцам, тем самым еврейским. У них-то доляры есть. А те говорят:

– За каждый хунгарский рубль через год вернёте три.

– Да где ж нам взять три, если у нас и одного нет?

– А это разбирайтесь со своим князем.

И роптать стал русский народ. А еврейские купцы – богатеть. Отгрохали себе в Киеве улицу в 40 домов, и на

своей улице построили хоромы для супруги князя. Чтобы угодить, значит, и союз с князем скрепить.

И не понравилось это всё не только бедным, но и богатым русским в Киеве. Отцы города стали подумывать, как от этого князя избавиться. А тут и бог помог. Помер неожиданно князь. С перепою или как – молчит история. Но вот незадача – сын у него остался, наследник, такой же дурак и самодур. И смекнули отцы города, что надо бы пока изолировать дворец князя, чтобы информация о его смерти не дошла до еврейской улицы, где жили его супруга и сын. Да срочно отправить гонцов к Владимиру Мономаху в Новгород, где тот жил, чтобы просить его на княжество. Слыл он уже тогда мудрым и добрым.

Посмеялся Мономах над гонцами, дескать, каков народ, таков и князь, и ехать в Киев при живом наследнике отказался. Вернулись гонцы ни с чем, а пока они ездили, всё вышло из-под контроля. Просочился слух о смерти князя, и народ побежал громить ненавистную еврейскую улицу, сжёг на ней все дома, в том числе и княгинин.

Это был первый исторический еврейский погром в России, и памятен он был всем долго, потому что вторым стал лишь много веков спустя погром в Одессе на закате России – который уже был стихийным ответом на подлый террор большевиков против представителей законной русской власти.

Бедные отцы города. Сказали себе: "Гори всё огнём", – и поехали к Мономаху сами. Владимир понял серьёзность ситуации и согласился княжить.

Хорошо править, когда тебя любит народ ещё заочно. Первый закон Владимира Мономаха был действительно мудрым, жаль, что о нём не помнили творцы отпуска цен в России в эпоху перестройки. А уж об авторах четвёртого декрета Советской власти в 17-м и говорить

нечего. Он не стал никого сажать в тюрьму, тем более казнить, не стал никого выселять из Киева и даже публично осуждать. Он просто снизил кредитную ставку – до разумных 30% годовых.

Он не прославился ни огромными гаремами, ни грандиозными битвами. Зачем? При нём народ жил спокойно, как за каменной стеной. Нечего, как говорится, вспомнить. Но в знак благодарности русский народ в паре с византийским подарил ему шапку. Не воинскую из железа, а меховую. Но зато усыпанную драгоценностями. На вид как бы холм из золота и драгоценных камней, а сверху над всеми богатствами – христианский крест. С намёком на то, что выше всяких благ и богатств – христианские ценности и вера в бога.

Этой шапкой венчали на княжество, а потом на царство всех российских правителей. В знак памяти о мудром Владимире Мономахе и о том, как защитил он народ от алчных купцов. И никому она не была мала.

Правда, последнего царя Николая Второго этой шапкой не венчали. Невзлюбила её царица-мать, моль привлекала. А сам Николашка безволием страдал, сильно от баб зависел. Так что нелегитимным царём был он по сути, потому и Россия при нём просела под большевиками.

Куда дели шапку Мономаха преемники царской власти большевики? Говорят, в музей. Но они её не носили. Она на них болталась: 61-й размер – не по Сеньке. Не исключено, что когда-нибудь ушлые торгаши продадут её за тридцать сребреников.

И налог на эту законную сделку в казну не поступит.

Да, вспомнилась ещё пара любопытных фактов про эту самую шапку. Так же как в стольном граде США Вашингтоне нельзя строить дома выше Капитолия, так и у нас нельзя купить в магазинах шапки размером больше

Мономаховой. Сам я ношу 60-й размер и 61-й иногда видел в куче шапок и даже примерял, но вот 62-й – никогда не встречался. Возможно, эта традиция осталась ещё с царских времён, в знак уважения к Владимиру Мономаху.

А однажды в царской истории произошла промашка. Запутались бояре, кого из двух братьев, Ивана или Петра, короновать. Одни кивали на Петра, другие – на Ивана. И решили, чтобы не ссориться между собой, короновать обоих. Этаким демократический принцип соблюли. Да вот незадача – шапка-то Мономаха была одна. Тут бес их и попутал: сделали копию шапки. Подделку, значит. И уж не знаю, какой дальновидный умник это предложил, но подделкой короновали Петра. Видимо, по алфавиту. Чем его сильно обидели. А болезный Иван, поцарив немного, взял да и помер. Вот тут-то обиженный фальшивый царь Пётр и отыгрался на глупых боярах: и бороды им стриг, и кофе пить заставлял, и картошку есть, и другие моральные унижения испытывать. Ирония судьбы получилась.

Правда, есть научная гипотеза, что этого царя Петра ещё в юности враги России заменили своим, близнюком, когда он по Европе ездил. Действительно, какому нормальному русскому придёт в голову «прорубать окно» в ненавистную нам Европу, везти оттуда знахарей, которых и у себя хватает, да устанавливать на весь народ рабское крепостное право, чтобы не возникал? Раньше старались пришлых иноземцев отгонять, а тут хлынули они мутным потоком на халяву, на добросердечие и наивность русского народа. Дошло до того, что иноземных баб стали на царство той же шапкой Мономаха венчать, всяких там Е-прости-господи-лизавет и Е-извиняюсь-катерин. Своих не нашли. Срам божий один, который и привёл нас к большевикам-антихристам с их фальшивой революцией, а на самом деле с кровавым террором против русского

народа. Они-то потом этого царя Петра больше всего и любили, да хвалили в школьных учебниках. Святость и единость шапки Мономаха была нарушена – и всё понеслось в разлад. До сих пор собрать не можем.

Но вот какое в результате отношение к фальшивкам и подделкам получилось странное: если халтуру кто гонит с иностранного образца, то это плохо, это наказуемо, а если с нашего – то так сам бог якобы и велел. Скажем, было дело: нелицензионные диски с дерьмовыми буржуйскими фильмами стали изымать у торгашей и закапывать бульдозером, а сейчас вот ещё интернет-сайты с такими фильмами московский суд запрещает. Басманный, что ни на есть. Будто это воровство – смотреть фильмы из интернет-библиотек и делать с них копии. Или сдавать в библиотеку то, что сам себе купил. Но вот исконно нашу водку и вино в России делают только фальшивые – с заменой алкоголя какой-то химией. Тайна фирмы называется. Димедрол для психов, говорят, чазовский. А без химии, туманящей мозги, – только за большие деньги. На себе проверял. Деньги действительно большие.

Впрочем, пьют эту водку только дураки, и кина эти смотрят – то же. Так что нормальных русских людей всё это не касается.

Если, конечно, они ещё остались.

6. Таблица весов

Как-то давно, в моём дошкольном детстве, сестра пришла из школы вместе с подругой, и обе они сразу уселись на одном конце стола, а меня отфутболили на другой – чтобы не мешал. Они достали журнал «Пионер» и учебник физики и стали что-то вписывать в тетрадь – с большим энтузиазмом. Я прокрался поближе и увидел, что

они уже переписали что-то из таблицы удельных весов, – свинец там, дерево, золото, – и тут у них застопорилось.

– Чаинки в чае всплывают, когда завариваешь, – значит, чай легче воды, – сказала сестра.

– Ну да. А сметана тяжелее воды, потому что она гуще, – в свою очередь сказала подруга.

– Не все чаинки всплывают, многие тонут, – попыталась возразить мама.

– Это уже когда из них чай растворится! Не мешай нам, мама – у нас важное задание. И этого заведи с собой.

Мы с мамой отсели подальше и молча наблюдали.

– А молоко легче воды, потому что, когда скисает, то отскакивает.

– Да, тогда кофе с молоком легче чая.

– А что тяжелее, сахар или соль?

– Наверно, соль – её меньше надо класть.

– А мука?

– Она самая лёгкая. Сразу всплывает.

– Хорошо. А пробка и дерево – что легче?

– Из дерева большие лодки делают, значит, оно легче. А из пробки – только пробки.

– А кислород или воздух?

– Кислород легче – от него пламя больше.

– Ну, совсем немного осталось: керосин, масло...

– Да ладно, давай вписывать, потом подправим.

– Давай. Три – это «а», пять – это «бэ»... Готово.

После этого наступила долгая пауза. Никогда в жизни я не видел большего разочарования на их лицах. Жизнь потеряла смысл. Наконец, пересилив чувство стыда и поруганного самоуважения, сестра сказала:

– Мама, помоги. Что-то мы не так расписали. Ни одно слово не получилось.

– Что надо было сделать?

– Ну, видишь, надо было разные вещества расставить в порядке, что чего тяжелее: вода, мука, молоко, чай, кофе, сахар, – всего больше двадцати. А потом их буквы вписать в клетки вместо номеров. Получиться должна крылатая фраза.

– Ну, что тут сказать? Молоко, чай заваренный и кофе тонут в воде, а сметана плавает. Как и масло. Мука тонет, а пробка получше плавает, чем дерево. А остального я не знаю.

Они сделали исправления, оживившись надеждой. Но результат безжалостно погасил её уже у всех троих. Я подошёл и прочитал. Не было ни одного осмысленного слова.

– Может, я попробую порешать, – скромно предложил я.

– Иди гуляй! Больше мы этой глупой головоломкой заниматься не будем, – заявила сестра.

– Давай, ты лучше приходи к нам вечером, когда родители вернутся с работы, и приноси журнал. Может, они помогут, – предложила сестре подруга.

На этом и разошлись. Пока сестра делала уроки, я стянул у неё журнал и углубился в проблему. Несколько очевидных исправлений я нашёл. Но фраза не получалась. Я крутил и так, и этак, но максимум, чего добился, и то сомневаюсь, – это пара намёков на слова. Родители подруги тоже не помогли.

– Ты принеси журнал с ответом, – попросил я сестру, – интересно же, в чём тут собака зарыта.

На следующий день сестра принесла журнал с ответом. Я читал и не верил глазам. Многие очевидные в бытовом смысле веса были переставлены. По непонятной причине. Непонятной, потому что трудно было представить, например, чай не горячим в стакане, а чайным листом

легче воды – который у нас все называли заваркой. Сахар тоже был у нас не песок, а кусковой, и были эти куски потяжелее соли. Кто знает, из какого справочника автор головоломки брал свои удельные веса, и что имел в виду: куски, кристаллы, зёрна, порошок или раствор? Но явно не из нашего повседневного быта. А в слове, как известно, достаточно изменить одну букву, и смысл пропадает. Автору что: сочинил, получил гонорар, попил коньячку. А сотни любознательных пионеров и пионерок, решая его творение, теряют веру в смысл жизни. Кстати, и «крылатая фраза» у него была, как сейчас понимаю, с ехидцей: «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Какую сказку он нам впарял?

И вот 60 с гаком лет спустя, ни с того ни с сего, вспомнилась мне эта задача. Я полез в интернет и нашёл кучу ссылок на таблицу весов пищевых продуктов. Практически на одну и ту же. И видимо на ту, которая была у того автора. Слава богу, за время, что прошло с детства, изобрели компьютеры и смартфоны, какие не снились Азимову, и внедрили интернет в быт настолько, что любому по плечу разгадать стало задачку. Но что толку? Таблица осталась той же. И никто из этой таблицы не может увидеть, как мы жили тогда в детстве. Никто не помнит слов «отколи сахару» или «подсыпь заварки». И кололи его мы особой вилкой с тяжёлой ручкой. Никто не помнит ни «сучка», ни «чекушки», и не споёт на два голоса «посыяла огирочки блызько над водою». Даже мы сами.

Я люблю смотреть старые чёрно-белые фильмы, и когда меня за это ругают, как последнего придурка, не знаю, что и возразить. Может, я ищу старые слова и старые песни, которыми жил народ? Может, хочу видеть наивных добрых людей, которые жили когда-то? Ничего не нахожу и никого не вижу, хотя помню. Никакой известной мне когда-то правды – как и в таблице весов пищевых продуктов.

7. Задача тётки Клавы – первый шаг в науку

В заключение этого зибенпиха правдивых рассказиков поведаю, как и в первом из них, историю о неприличном слове. Ибо нет ничего лучше ядрёного слова, сказанного в хорошей компании в момент откровения. То, что наша с вами компания хорошая, я уверен, раз вы дочитали до этого места. А момент расставания всегда хорош для откровения. В знак особого уважения расскажу историю из моих самых первых жизненных впечатлений, которые помню.

Наш двор был самый замечательный. Он был между двумя бараками, где собственно мы и жили. Бараками эти бараки были давно, а потом их внутренность поделили на комнаты и квартиры. У нас было целых две комнаты, и ещё отец соорудил длинную узкую кухню и дощатый «предбанник». В кухне стояла печь, но почему-то всегда было холодно и неуютно. Получилась изолированная от всего остального барака квартира, которая вместе с большой тоже изолированной однокомнатной квартирой соседки тётки Маруси занимала весь западный торец. Остальная часть барака состояла из клетушек по обе стороны тёмного коридора. Однажды я зашёл туда, испугался этой темноты и неустроенности и больше не ходил.

Конечно, нашей квартире завидовали, и особой дружбы у нас с остальной частью барака не было. Только тётка Клава, пропитая и прокуренная, с хриплым голосом и кашлем, но всегда весёлая и компанейская, восхищалась предприимчивостью и деловитостью отца. Она часто к нам заходила и, наклоняясь к уху матери, явно лстя, восхищённо хрипела громким шёпотом: "Ну, у тебя и Ванюшка!.." Мать смущалась и старалась от неё поскорей отвязаться.

Одно время в предбаннике у нас жила корова, даже с телёнком. Она давала почти два ведра молока, и мать

носила его в двух бидонах в четырёхэтажный дом на нижней улице (единственный в нашем районе), где его могли купить в отличие от наших бараков. Нам на эту улицу ходить запрещали. Летом корову перевели в сарайчик. Но её всё равно пришлось продать, потому что к нам зачастили разные уполномоченные со своими придирками.

Лето было чудесной порой. В наше южное окошко с утра ярко светило солнце. Рядом во дворе лежала небольшая куча песка и немного глины, оставшиеся от чьего-то ремонта. Мы малышня садились в эту кучу и не вылезали. Мы строили дороги и туннели. Обломки кирпича были у нас Виллисами и Студебеккерами. Я как-то посмотрел вместе с сестрой в Клубе мелькомбината кино "10-й удар", половину которого проспал, и после этого стал лепить из глины танки, катюши, эмки и самолёты. Получалось неплохо. Я лепил на всех и даже кое-кого научил этому делу, но всё равно у меня выходило лучше. А уж с танками мы устраивали целые бои на нашей куче. Я рассказывал всё, что видел в фильме: и как крутится башня у танка, и как они перепрыгивают рвы, как взрываются снаряды и стреляют катюши. Мы повторяли киношные бои, ничего не видя и не слыша вокруг. С нашей кучи только и несло: "Бах! Трах! Та-ра-ра-ра-рах!" – "Мы тебя взорвали!" – "Нет, меня не взорвали, а только подвзорвали! Я ещё могу стрелять!"

Это слово "подвзорвали" придумал Сашка, оно было отличной идеей и мне очень нравилось. Но его было трудно выговаривать, и я говорил проще: "подзорвали". А может даже иногда впопыхах с украинским акцентом: «я тебя пидзорвал». У нас в семье оба языка были на равных.

Однажды мимо нашей кучи шла тётя Клава, как всегда, немного навеселе. Она прислушалась к нашим воплям и остановилась: "Женечка, что это ты там гово-

ришь?" Я не понял её вопроса и тут же о ней забыл. А напрасно. Через некоторое время меня неожиданно позвали домой. Я был очень недоволен, что оторвали от дела. – "Сейчас приду", – сказал я ребятам и побежал к себе.

В комнате я увидел странную картину: посередине на стуле лицом ко мне сидела мама, сложив на животе руки и поджав губы. Слева от неё стояла тётя Клава, слегка покачиваясь и ухмыляясь. А справа стояла сестра, выпучив на меня немигающие глаза. Я опешил и понял, что сейчас что-то будет. Коленки ослабли, и в заду противно заныло.

– Ну, расскажи нам, какие слова ты говорил мальчишкам, – с трудом сказала мама. Я быстро перебрал в голове, что такое сегодня мог бы ляпнуть, и честно признался:

– Никаких слов я им не говорил.

– Нет, ты нам повтори! – пристала сестра.

Я не удостоил её вниманием и ещё увереннее и наглее сказал:

– Ничего я не говорил!

Женщины переглянулись. Тётя Клава наклонилась к маминому уху и необычно тихо стала что-то шептать. Я ничего не расслышал, и меня стало мучить любопытство: что же я такое сказал.

– А что я говорил?

– Ты матерился! – не выдержала сестра.

Мне стало стыдно. Их подозрение было нелепым: я никогда не матерился.

– Я не матерился! Я не умею! Это неправда.

Слёзы появились на глазах, и я убежал в другую комнату. Было очень стыдно и обидно.

Меня оставили в покое. Тётя Клава ушла. Я не выходил и сидел в темноте на полу в углу, обняв ножку кровати. Стемнело, и в окошке показалась полная луна. Позвали

ужинать, но я только сердито дёрнул ногами. Вспомнилось, что тётя Клава проходила мимо нас, когда мы играли. Что же я мог, заигравшись, сказать? Я перебирал в уме все известные мне матерки. Нет, ни одного из них я не мог сказать, даже не думал о них. Тёте Клаве показалось?

Какое же слово могло показаться ей похожим на матершинное? Я стал вспоминать все слова, которые говорил на куче, и сравнивать их с матерками. Ничего не подходило. И вдруг, – луна засветила особенно ярко, – понял: "подзорвали"! Именно это Сашкино слово. Или по-украински "пидзорвали". А тёте Клаве послышалось, видимо, "пи*дорвали". С ума сойти! Я тихо засмеялся. Стало легко и хорошо. Потому что догадался – сам. Я вышел из своего угла и с удовольствием поужинал. Конечно же, об этом открытии никому ничего не сказал.

Это было первое моё научное исследование, первый шаг в научном познании, и он мне понравился.

Потом, хорошо помню, я улучшил проволочный пистолетик, стрелявший паслёнами. С моим пистолетом мы побеждали всех вокруг. Потом «изобрёл» подзорную трубу Кеплера и сделал её себе 30-кратную из подручных линз. Потом..., и потом. Так вся жизнь шла в мелких приятных шагах: наблюдениях, открытиях и улучшениях, о большей части из которых я никому ничего не говорил. И мне они все нравились.

А как вы думаете, полёт на Луну более для людей ценен, чем восстановление самоуважения и доброго мнения о себе у ребёнка? Очень сомневаюсь.

Вот почему эту историю о первом научном шаге, о задаче тёти Клавы, я решил рассказать вам сейчас, спустя более 65 лет. С доброй памятью о самой тёте Клаве. А должен быть и последний шаг в науке, о котором пока не могу рассказать. Но это уже будет совсем другая история.

8. Первая двойка и пятый постулат.

Однако, пардон, вздумалось уже намалевать ахптих.

Начальную школу я прошёл, не уча уроков. То есть, делал только письменные задания, а вся устная информация запоминалась сама собой на уроках, и мне оставалось в нужный момент её лишь вспомнить и рассказать своими словами. С этим проблем не возникало. Тем более, что Анна Михайловна была нашей соседкой по переулку и всегда восхищалась моими способностями по сравнению с её Сашкой. Думаю, иногда она прощала мне и ляпы, и лень. Она частенько забегала к нам поболтать с мамой и не могла удержаться от вопроса: «Ну, почему ваш Женя такой умный?» В таких случаях после её ухода мама ходила из угла в угол в расстроенных чувствах и ворчала: «А почему он должен быть дураком? Что мы, больные что ли? Лучше бы своему Сашке чаще нос подтирала».

Я не наблюдал в себе ничего такого особенного, разве что склонность к неожиданным и непродуманным решениям. Однажды, например, играя в прятки, я решил оббежать целый квартал вокруг понизу по каменистым дорогам, чтобы выйти к жмурящемуся со спины, чего он никак бы не ожидал. Говорили, что там внизу могли наших поймать и побить. Бежать по камням было трудно и страшно, но я бежал, никого так и не встретив. Однако, путь оказался долгим, чего я не учёл. Когда, торжествуя, я выбежал уже, запыхавшись, на площадку перед сараем, во дворе никого не было. Все разошлись. Так моя великая и геройская задумка оказалась зряшной, никого не восхитила и никем не была оценена.

Впрочем, так бывало всю жизнь – чего только ни вспомнить. О-хо-хо, хотя бы слабый пол. А вот годы начальной школы летели легко и беззаботно. Жизнь

воспринималась, как естественное состояние души, и редкие неприятности типа гриппа на день приёма в пионеры не были поводом, чтобы задумываться над превратностями судьбы.

Но как ни игнорируй фортуна, не зря сказал поэт: «так во всём судьба плутует». Пятый класс начался в новой школе, не в пяти, а в 15 минутах ходьбы, которые я сжимал до 10. Новые предметы, среди которых самым интересным была геометрия. Правда, училка была психованная, но я её обожал ради любви к предмету. Женщины никогда не ценят простое человеческое обожание. Они считают, что их надо воспринимать такими, какие они есть. То есть, сегодня – хрен знает какими, а завтра – хрен знает завтра какими. И вот что из этого получилось.

В тот день геометрия была первой, и нас почему-то объединили с другим классом. Я прибежал впритык, и мне досталось место лишь на первой парте. Парта была тесная, доска высоко, ноги вылезали из-под парты далеко вперёд, всем мешая. Я крутился и вертелся, стараясь сесть поудобнее. Была новая тема – параллельные прямые.

Там три теоремы про равенство углов, и вот как раз на доказательстве последней, самой сложной, прозвенел звонок. Для меня этот звонок был окончанием мучений с партой, и я вскочил, получил выговор и, обиженный, не придавал значения заданию прочитать эту теорему самим в учебнике. Я же никогда не читал учебника.

Однако, на следующий день по геометрии был опрос. Не чувствуя подвоха, я на первых двух теоремах даже тянул руку, вызываясь, но напрасно. И тут подошла очередь третьей теоремы. Я легко вспомнил начало, рисунок, но вот доказательства в памяти не было! Это было сюрпризом. Да откуда же ему было взяться в памяти, если его не было на уроке, а в учебник я по привычке не

заглядывал? И конечно, тут меня вызвали. «Ладно, у доски придумаю по аналогии с первыми теоремами», – решил по дороге к доске.

Но аналогий не возникало, и ничего не придумывалось – я аж вспотел от напряжения. Рисунки и первые две теоремы постепенно стирались с широкой двойной доски другими вызванными, неумолимо приближая мой позор. Последнее, что я помнил с прошлого урока, что надо повернуть рисунок. Но что это даст? Я мысленно крутил его уже раз 10, но как получить этим путём равенство чёртовых накрестлежащих углов, не понимал. Не хватало какой-то логической уловки.

– Ну, что ж? Садись, два, – ударил меня, как обухом по голове, ехидный голос учительницы. – Надо меньше вертеться на уроках.

Это была моя первая двойка вообще и первая оценка в новой школе. Конечно, было обидно, что училка меня злорадно подставила. Я не знал тогда, что это любимое женское развлечение. Одним дешёвым обожателем меньше. Но больше волновал вопрос, почему я не нашёл доказательство у доски. Что в нём может быть такого сложного для отличника пятого класса?

Дома я тут же схватился за учебник геометрии – и ничего не понял. Рисунок поворачивали до совпадения верхней прямой с нижней – как и я тоже. И тут же, не отвлекаясь на детали, делали вывод, что углы равны, тогда как это надо было ещё доказать. Так выходило, будто считали, что и нижняя прямая при таком повороте совпадала с верхней. Но это-то не очевидно, это же разные прямые!

Я просмотрел учебник от начала, чтобы узнать, чего я ещё упустил, но ничего вразумительного на эту тему не нашёл. Нам явно что-то не договаривали, так что доказательство этой теоремы оставалось непонятным. Лишь

много лет спустя случайно я узнал о пятом постулате Евклида: через точку можно провести лишь одну параллельную прямую. Тогда бы пары наших повернутых прямых совпадали единственным образом, и всё в доказательстве сходилось. Однако, в школьных учебниках того времени о постулатах Евклида ничего не говорилось. Изъяли, как nepотpeбный материал? Но училку-то постулатам в вузе учили?! Могла бы и нам рассказать, а не демонстративно сбивать спесь с новичка.

И что ей помешало быть человеком? Точнее христианкой. Что мешает людям с уважением относиться к «братьям нашим меньшим»? Что мешает испытывать христианскую любовь к непохожим на нас: осам, паукам, мухам, казахам, чукчам, арабам, неграм, детям? Какие приоритеты? Воспитание, религия, глобализация, страх? Не знаю. Но таких людей хватает. И их много. Каждая ли мать учит свою малышку, как помочь залетевшей в окно осе? Нет, чаще она по совету Зощенко в сказке для детей учит изощрённо наказывать подозрительную змею.

Бог с ним нехристом Зощенко. Но вот в моей памяти хранятся воспоминания о совсем иных людях, которые просто жили по добрым человеческим законам. И не в ущерб своей персоне, и не на радость всем людям, а жили просто так, специально не самоутверждаясь. Я хочу рассказать о своих давних впечатлениях о них. Многих людей я встречал по жизни. Одни восхищали своими делами и идеями. Другие пакостили исключительно из любви к искусству или к идеям. А вот эти, не прикладывая особо рук, просто лепили пирожки для моей юной души, чтобы она покушала и выросла, стала шире. Вместе с другими такими же душами. Вы понимаете, о чём я?

Географ Юрий Борисович был очень всеми уважаем: и учителями, и учениками. Но он у нас не вёл. Ничего

особенного в нём не было. Немного замкнут, строг, при галстукe, и костюм отглажен. Но ученики намекали, что он бывает рассказывает смешные анекдоты. Наконец, он пришёл к нам на замену. Несмотря на ожидания, жутко скучный урок, после которого я понял, что география не для меня. Другие его уроки – такие же. И вдруг сквозь дрёму слышу его фразу: «В Мексике есть вулкан, называется Попокатепетль», – и вижу лукавый взгляд в никуда. Класс частично насторожился. Кто-то спросил: «Как называется?» И отчётливый, как звонок будильника, ответ: «Попа Кати Петль». Класс окончательно проснулся, но молчал, обескураженный. Юрий Борисович выдал ещё один географический каламбур, уже не помню, и тут прозвенел звонок.

Что тут понимать? Как было сказано в одном фильме: «Кто не понимает шуток, идёт на хрен».

Но однажды я встретился с ним ещё раз. Был суббота, и нас за каким-то инструментом послали к нему домой, жил рядом со школой. Мы зашли в почти пустую комнату: кровать, стол, вешалка под занавеской и стул, на котором висел тот самый костюм. Хозяин был в очень грязной засаленной майке, везде валялись бутылки из-под водки и вина. Видимо, к нему в гости никто не заходил. Того, за чем пришли, не было.

Географию я не стал знать лучше, но высокомерной предвзятости к душам опустившихся алкашей у меня стало меньше. И сейчас я с теплотой вспоминаю этого чудака, который строго держал марку в школе. Какую тайну он скрывал, так и не повезло узнать.

Клавдия Ивановна имела славу очень опытного и заслуженного учителя биологии. И тоже у нас не вела. Но всё же появилась однажды на две недели на замену. Представьте себе маленькую тщедушную старушку, которая наверняка учила ещё при царе. Она становилась

около кафедры и тихим монотонным голосом говорила, не переставая и не обращая ни на что внимания. Класс шумел безбожно, но, видимо, из уважения не доходил до беготни, драк и самолётиков. Однажды я из любопытства прислушался. И после этого всегда пересаживался на её урок с моей камчатки поближе. Это была скважина любопытнейшей информации, которой не встретить в учебнике, и которой я никогда больше ни от кого не слышал. К сожалению, далеко не всё запомнилось, а к старости почти всё выветрилось. Но пока память была свежа, я поражал знакомых необычными сведениями о живой природе, которые достались мне по случаю в течение каких-нибудь двух недель. Никто из моих знакомых ничего такого не знал. Вот кстати, вам известно, что волосы на ушах – вторичный мужской половой признак? Как, например, кадык? То есть, если найти на улице ухо без волос, то это женское ухо?

Ольга Николаевна была огромной бабой с непоколебимо хорошим расположением духа. С трудом взгромоздясь на табурет с риском свалиться или лопнуть по швам, она начинала урок физики с призыва открыть учебник. Пять-десять минут самостоятельного изучения темы, иногда сама что-то объясняла, и начиналось самое интересное. На доске она выписывала штук 10 номеров из задачника: «Кто решит все, может идти из класса. У доски первую задачу решает Иванов». Задачи были лёгкие, но старались решить все. Девочки списывали у мальчиков, мальчики – у знатоков, а знатоки учились работать самостоятельно. Шум стоял дикий, а Ольга Николаевна невозмутимо обрабатывала ногти пилочкой, иногда покрикивая на несчастного у доски или на девочек. Это были самые весёлые уроки.

А вот Анна Петровна, русыня, крикливая, сердитая и властная женщина, была у нас классным руководителем.

Из-за этого у меня с ней возник однажды конфликт. Мой сосед по району проживания нахватал двоек и «забыл» привести к ней своих родителей. Не такие уж мы были и приятели и жили отнюдь не рядом, просто иногда вместе возвращались домой до развилки. Один раз я к нему заходил домой, они снимали пару комнат в частном доме. Меня поразила дикая теснота и неустроенность: родители были хмурые, младшие брат с сестрой испуганно смотрели телевизор, тихо сидя на скамеечке, прибитой в проёме двери, как на насесте. Мне стало жаль эту семью, и я понял, почему друг плохо учится – ему негде было делать уроки.

Так вот, классной пришла в голову идея заставить меня вызвать в школу его родителей. Ничего себе идея – глупее не придумаешь. Я что им – друг или родственник? Мои попытки отговориться недосугом она властно пресекла. Идти, конечно, не хотелось. Да и Сашка тихо попросил не ходить, а то ему всыпят. Как выкрутиться из ситуации? Если пойду, то пойду против своей совести и желания. А я себя уважаю, на побегушках не служу. Да и в классе этого не поймут. Я же не девочка. А если нет, то гнев классной обеспечен. Насколько он страшен, представить было трудно.

Я тихо не пошёл, а на следующий день литература сразу началась с концерта.

– Мосампилов, встань!

Я встал с суровым лицом и следующие 10 минут в полной тишине класса слушал монолог прокурора, клеймящего аморального преступника. Чего я только не услышал о себе? И трус, и позорю, и своим поступком принёс вред товарищу. Я молчал, как партизан. Хотя ни с чем был не согласен, но возражать пользы не было: мы думали по-разному. Главное – сама же меня подставила

дурацкой просьбой, а сейчас ещё и ругает. Но таковы все женщины: мужчины во всём и всегда виноваты.

История продолжения не имела. Учительский коллектив школы был разбавлен мужским полом. Но до сих пор я тепло вспоминаю Анну Петровну совсем по другому поводу. Она была потрясающим знатоком русского языка и литературы. Чего греха таить? Почти ничего не читал я из хрестоматии. Но как удавалось выкручиваться? Секрет прост. На каждом уроке она выговаривала огромную порцию пословиц, поговорок, поучительных цитат классиков и стихов. «Не мечите бисер перед свиньями, дабы не попрали они его ногами», – или что-нибудь в этом духе. Понятно, что она этими цитатами ругала нас за нашу безалаберность. Но это были шедевры русской словесности. Они были великолепны и восхищали сами по себе. Они легко укладывались в ячейки моей памяти. Если я встречал их в хрестоматии или ещё где, то читал всё. Попутно я читал или слушал по радио массу совершенно левых произведений, которые никогда не войдут в школьный курс. И это было интересно. И это действительно помогало в написании сочинений, не зная конкретно ничего.

С тех пор я ценю в литературе и литераторах именно вклад в русскую культуру и русскую словесность. И как бы ни пыжились рекламировать нобелевского лауреата Бродского или Мандельштама, я останусь при своём: вклад именно в русскую культуру и язык превыше всего, – и буду восхищаться Фатьяновым.

Эти четыре школьных кита преподавания вдохнули в меня человека. Возможно, и не такого хорошего, как хотели бы многие женщины (а они по сути наши судьбы), но я сам себе нравлюсь. А вот пятый кит – был чудо природы: Владимир Васильевич Власов-Майский – руководитель шахматного кружка в Доме пионеров. Старшие школьники

имели право называть его Мастер или даже Маэстро. А вторую фамилию он приписал себе сам, так как родился в мае. Якобы. Вы встречали что-то подобное? Краснорожий (лучше не скажешь) вечно весёлый любитель пива, но когда он пил, никто не видел. «Как яблочко, румян, одет весьма беспечно. Не то, чтоб очень пьян, но весел бесконечно». Эти стихи Беранже очень к нему подходили. Но надо хорошо понимать, что такое «весел».

Как же мне так повезло? По совету тётки Зины, чем бы заняться летом, я поехал на трамвае в город в Дом пионеров, чтобы походить в какой-нибудь кружок. В какой, дала совет вахтёрша – авиамоделльный. Почти две недели я вырезал и шлифовал пропеллер. Наконец, мне понравилось: ясно было, что он полетит, осталось лишь приделать ось. Показываю руководителю – он хмуро, не глядя, возвращает и говорит, надо ещё шлифовать. Даже не проверил лётные качества. Это меня задело. В следующий раз в кружок я не поспешил, а пользуясь отлучкой вахтёрши, пошёл побродить по Дому пионеров – в другое его крыло.

Оказалось, там кто-то тоже занимался. Да ещё как! Из-за высокой толстой двери доносился смех, пение, крики и вообще всё то, из-за чего выгоняют из класса. Я подошёл к двери, думая её приоткрыть, но она открылась сама. Из-за неё пулей вылетел заплаканный мальчик поменьше меня, и вслед ему густой хриплый голос прокричал:

– И больше Лёва никогда не приходи!

Я опешил и спросил:

– Что это? Там.

– А, это? Шахматный кружок, – ответил мальчик, – Ты что, записаться пришёл? Подожди, зайдём вместе.

Минут через пять мы тихо приоткрыли дверь. В высокой комнате стоял справа длинный стол, покрытый зелёным сукном, стол поменьше, шкафы, а слева – солидный

невиданный мной ранее шахматный стол, за которым восседал грузный курчавый широколицый мужчина лет 50-и и играл в шахматы с ехидного вида старшекласником. Оба они весело пели: «Сдавайся на ничью! Сдавайся на ничью!» А остальные человек 14 в комнате, сидя за своими досками, мощным хором подпевали: «Сдавайся на ничью-чью-чью-чью-чью!» Когда мы вошли, все затихли.

– Я больше не буду, – с порога начал причитать Лёва.

Рассерженный мужчина грозным тоном, но добрым голосом начал отчитывать Лёву за все его грехи и закончил словами:

– Да ты так кричишь, что я сам себя не слышу! Чтобы такое было последний раз.

Пока он говорил, я понял, что это именно то место, именно тот кружок, где мне надо быть. И не важно, умею ли я играть в шахматы, а играть я умел, главное – это удивительное добродушие и свобода, которые здесь царили.

– Так, а это что за мальчик?

– Хочу записаться в кружок.

– Лёва, проверь его в двух партиях.

Лёва проиграл обе и понуро пошёл докладывать Мастеру. Похвалы мне не было, я пришёл в неудачный момент. Вот так я и оказался в самом удивительном шахматном кружке планеты, всех времён и народов. И руководил им, пожалуй, самый импозантный и интересный человек в моей жизни.

Занятий как таковых не было. Каждый волен был делать, что хочет. Но безделья Мастер не допускал и каждому находил дело.

– Лёва, вот тебе бутылка и 20 копеек – сбегай в киоск принеси яблочный напиток. Но смотри, не грушевый! Терпеть не могу грушевый.

Лёва, конечно же, приносил грушевый:

– Яблочного не было.

– Да ты меня отравить хочешь? Ты бы лучше бутылку разбил по дороге. Вот на, пей сам! Хотя нет, так ты мне всегда будешь грушевый покупать. Всё, больше я тебя ни о чём просить не буду. Стасика попрошу.

Стасик, довольный:

– А где этот киоск?

– А, только Лёва его и знает.

Обычно Мастер сидел играл в блиц со старшеклассником или взрослым своим бывшим учеником. Они играли, весело подтрунивая друг над другом (это называлось «звоном») и распевая песни («что бы мне ни петь, что бы не дудеть?»). Хорошую песню подтягивали кружковцы. Здесь я приобщился к ресторанному и дворовому творчеству. Песни перепевались на шахматную тему.

– Хорошо играет в эти игры он, но не понимает, где ладья, где слон.

Витя тихо хулиганил:

– Хорошо играю в эти игры я, но не понимаю в играх ничего.

– Виктор! – грозно ревел Мастер.

– Владимир Васильевич, я ничего.

– Выгоню.

Известный куплет Будённого марша:

– «Высоко в небе ясном вьётся алый стяг. Мы мчимся на коне, туда, где виден враг», – Мастер пел его на свой собственный шикарный лирический мотив, заменяя строки обычного двустопного ямба шестистопным ямбом.

– Мастер, не «на коне», а «на конях», – поправлял его Олег.

– Нет! Именно на коне; мы скачем на коне, а не на конях, – горячо спорил тот, не забывая об игре, – и вот тебе этим конём мат!

Иногда Мастер приносил и показывал интересную задачу или партию. Тогда начиналось представление её показа.

– Мат в два хода. Кто видит решение? – блестя и вращая глазами, загадочно, как фокусник, вопрошал Мастер. – Стасик? Лёва?

Малыши смущённо прятали глаза. Чемпион города третьеразрядник Олег предлагал:

– Может, нападём на мат слева?

– А я сюда!

– Тогда с другой стороны.

– И я с другой!

– Ну, Мастер!.. – смущённо замолкал Олег.

– Ну, что? Никто не видит? Всего две фигуры. Смотрите! – и Мастер с неподражаемым торжеством передвигал ферзя на нужное поле, ударяя им по столу.

Наградой ему был откровенный восторг зрителей.

Но основным занятием были турниры. Я сразу заметил на столе Мастера папку с аккуратно начерченными и надписанными таблицами. Он в них заносил результаты партий, сыгранных кружковцами в турнирах.

– А меня в турнир запишете? – робко спросил я.

– А ты матовать ферзём умеешь? В турнир на пятый разряд принимают тех, кто знает мат ферзём.

Он поставил на доску два короля и ферзя и стал считать ходы. И за 20 ходов мат у меня не получился.

– Смотри, как надо, – и Мастер заматовал меня за 10 ходов. – Вот, бери себе в друзья Стасика, Лёву, Федю и тренируйтесь ставить мат ферзём за 9 ходов, или за 10 – из любого положения.

Мы так и сделали, и занятий через два я научился ставить мат за 10 ходов. Вскоре закончился старый турнир начинающих и набралось необходимых 6 игроков для

нового. Мы облепили стол Мастера, чтобы присутствовать при таинстве создания нового турнира и его таблицы.

Мастер извлёк абсолютно белый лист бумаги и взял перьевую авторучку. Я был уверен, что сейчас он достанет линейку и карандаш, но ничего подобного! На чистом листе без трафарета под ним он стал писать красивыми ровными буквами длинную строку названия турнира. Затем он подчеркнул её совершенно прямой линией, не отрывая руки! Последовали ещё две строчки для дат начала и конца турнира. Затем пошла очередь рамки таблицы. Опять не отрывая руки. Ручка писала ровно, не цепляясь. Каждая линия была своей толщины и абсолютно ровная. Все параллельные были параллельны. Все перпендикулярные были перпендикулярны. Расстояния между подобными линиями одинаковы. На главной диагонали таблицы всё той же ручкой с фиолетовыми чернилами нарисована была ровная штриховка. И наконец, аккуратно вписаны фамилии игроков. Если бы я не видел этого всего сам, и не один раз, то не поверил никогда. Чтобы научиться делать такое без помощи линейки, надо загубить тысячу тренировочных листов при наличии терпения. Мне же вообще не дано. Может, всё дело было в очках, которые он надевал перед рисованием? Может, он заранее дома чертил линии тонким карандашом? Но попробуйте обвести прямую линию чернильной авторучкой, не отрывая её от бумаги! Без единой помарки. Паркер вам в помощь.

В паре кварталов от Дома пионеров находился ещё один шахматный кружок, в клубе «Спартак». Как-то мы с Лёнкой, который его иногда посещал, зашли туда из моего интереса. Две большие комнаты с шахматными столиками, тишина и плавные мягкие движения заведующего клубом Зыкова поразили моё воображение и слух. Пара младших

школьников сидела за столиком в углу и послушно внимала наставлениям. Я поспешил поскорее уйти.

Вообще-то девочки в кружке Мастера не приживались. Когда их нарядных приводили ухоженные мамы, он буквально извивался на пупе, чтобы им понравиться. Откуда-то появлялись конфеты, которыми он, кошмарно сюсюкая и заискивающе улыбаясь, старался их угостить. Весь кружок на это время затихал. Он порхал и кружился вокруг женщин, непрерывно тараторя. Кто бы ни растаял от такого внимания? Но напрасно: максимум через месяц девочек уводили в «Спартак». В командных соревнованиях того времени требовались женские доски, и наш кружок реально страдал без девочек. Но мамам было виднее.

Пятый и четвёртый разряды я выполнил в кружке. Но дальше возможность ограничивалась количеством разрядников. Помогло то, что в городе открылся городской шахматный клуб, который устраивал много турниров «на разряд». Руководить им стал Мастер. Я выполнил третий и затем второй разряд, играя со взрослыми.

Когда, получив второй разряд, я появился в кружке, все стали звонить над моим разрядом, типа, за что купил. Особенно измывался Лёва, который всегда играл слабее, но уже успел выполнить 4-й разряд. В запальчивости я предложил Лёве матч из 10-и лёгких партий с форой в ладью. Спонтанное и самоуверенное предложение. Лёва это понял и согласился. Матч шёл с переменным успехом, и перед последней партией счёт был 5:4 не в мою пользу. Лёва аккуратно играл 10-ю, разменял ферзей, а лишнюю ладью сохранил. Было похоже на поражение. Но тут Лёва повёл короля в центр доски. Я отрезал ему путь назад и поставил неочевидный мат прямо в центре. Ничья в матче. Лёва посмотрел на меня с уважением, а я с уважением на

него. Чем мы и восстановили добрые отношения. Более трудной партии у меня никогда не было.

Что ещё рассказать? Любая история должна заканчиваться рассказом о женщине. Иначе мужчинам не интересно. И о женщинах надо рассказывать хорошо. Меня всегда интересовал вопрос, на какой женщине женат Мастер, какая она из себя. Собаки похожи на своих хозяев, а жёны должны походить на мужей. Но какая женщина может походить на этого старого, но доброго раздолбая и, главное, чем? Если ни одна девочка не задерживается в обществе его кружка, как он ни старается?

И бог доставил мне удовольствие увидеть её. На каком-то городском празднике я оказался в толпе на улице метрах в 13-и от этой замечательной пары. Ошибиться, что это сестра, тётя или племянница, было невозможно: это была его женщина. Немного склонная к полноте брюнетка была одета в тёмное платье из тяжёлой ткани с большими красными и розовыми цветами на ней. На плечи накинут такой же пестроты платок, но светлого фона. В ушах висели серьги, а на руках – массивные перстни и браслеты. Сказать, что она была накрашена – это не сказать ничего. Столько краски, туши, румян, белил, помады я не видел сразу ни на ком. Она явно была похожа на артистку со сцены. Притом это пёстро украшенное и грациозно выступающее, но очаровательное существо вело себя вполне естественно: она постоянно улыбалась и хихикала. И было от чего: Мастер вертелся вокруг неё, говорил что-то на ухо, улыбаясь, сюсюкал и чуть ли не кормил конфетами. Это была резко выделявшаяся своей импозантностью, но на редкость гармоничная сама по себе пара, которая не обращала ни на кого внимания. И правильно делала. Я не стал подходить засвидетельствовать почтение, чтобы им не мешать. Они были как самодостаточное чудо. Редко

увидишь такую женщину, а ещё реже – такого мужчину. И они просто жили своей особой жизнью, сами по себе. Чего и всем желаю.

Что же с нами стало по жизни? А это важно? Кто кем, но все мы остались в чьей-то памяти. Кто-то быстро стал главным инженером завода, а кто-то быстро спился. Кто-то стал солидным учёным – доктором биологических наук, а кто-то циничным врачом-гинекологом. Кто-то заслужил некролог в газете, а кто-то обошёлся и так. Но как ни поворачивай рисунок жизни, а каждый познал свой пятый постулат: через удалённую конечную точку можно провести всего лишь одну свою дорогу.

9. Евгений Ива́ныч!

Говорят, что есть «любовь с первого взгляда». А я вам скажу: «не со взгляда, а с первого слова». И не спорьте. В евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово». Правда, мало кто понял, что к чему. Но я поясню.

В начале перестройки это было. Мы с женой вели шахматный кружок в детском клубе «Романтик» при нашем домоуправлении. Жена возилась с малышнёй по хитрой методике, а я наставлял разрядников. Сила наших питомцев росла. Пора наступала выходить во внешний мир.

Такой день настал: чудесным летним утром мы торжественно вывозили немалую группу наших школьников в соседний городишко Бердск на несколько дней на шахматный фестиваль. Жена договорилась с родителями и заказала автобус. Деток охотно оставили на наше попечение. До уголовных 90-х ещё было время.

Извилистая дорога закончилась у общежития, и я с удовольствием вышел из тесного автобуса размять ноги. Жена хлопотала между детей, и я, прищурясь, как кот,

наслаждался теплом и негой ясного солнышка, предвкушая отдых на берегу Бердского залива.

Вдруг кто-то мягко взял меня за ладонь. Я посмотрел вниз. Сбоку руку крепко держало странное существо. Это была девочка ростом чуть выше моего колена, одетая в белое балетное платье маленького лебедя и в розовые колготки, и с двумя большими белыми бантами на голове.

– Тебе чего? – спросил я, легонько пытаюсь освободиться.

– Мне мама сказала за вас держаться.

Я вспомнил, что видел её в группе малышей, а также её маму с красивым круглым лбом, как у балерины, горделивую на вид, которая была далека до симпатии ко мне, и с сомнением и надеждой в голосе спросил:

– Может, за Татьяну Ивановну?

– Нет, за вас.

Эти слова и серьёзность, с которыми они произнеслись, меня убили. Сразили наповал. Я понял, что обречён. Обречён какими-то высшими силами на платоническую любовь к этому милому ребёнку, наивно понимающему мир буквально и серьёзно, не взирая на каламбуры и двусмысленности.

Так с тех пор мы и ходили битую неделю за руку: на пляж, в столовую, в игровой зал. Она считала, что так надо, так именно ей сказала мама, а я подчинился её женской логике. Не скажу, что я был этим недоволен.

Из девочки довольно скоро выросла сильная шахматистка, украшение нашей команды, и красивая своевольная девушка, потом мама двоих детей, муж которой считает, что влюбился в неё ещё в детском саду. Когда на каком-то этапе она сообразила, наконец, что чем-то очаровала меня, то стала обращаться ко мне с ехидцей в интонации, растягивая букву а: Евгений Ива́аныч. Я ей прощаю.

– Привет, Вика!

– Евгений Ива́аныч?!

И мы долго болтаем при встрече о пустяках. Я ей улыбаюсь, а она хохочет. И не понять, то ли ей приятно меня видеть, то ли она сама такая. Мне-то её видеть всегда приятно. Жаль, что редко случается. Так и живём.

Когда я ей напоминаю о нашей первой встрече, на ярком солнышке у того автобуса, и её первые слова, она делает вид, что не помнит ничего. Что ж, бывает. А я буду помнить всегда, как вчера, как маленькая забавная девочка с её гордой мамой доверились моей руке и тем самым оценили меня адекватно. Каким я и должен быть. А что ещё нужно мужчине?

10. Магия тёти Зины.

Да, это та самая тётя Зина, о которой я поминал в рассказе №8. Круглолицая румяная еврейка с круглыми, как у кошки, глазами и ямочками на щёках, хохотушка и раздолбайка, чей звонкий голос и смех сводили меня с ума в прямом, а не в переносном смысле. Если подумать, ничего-то в ней особенного не было. Такие женщины встречаются отнюдь не редко на озабоченном мужском пути и спортсмена, и отца семейства, и подкаблучника. Но я не стал бы писать рассказ, если хотел поделиться киношными радостями от банальных встреч с неординарными женщинами. Я даже не понимаю, чем хочу поделиться. Может быть, тремя случаями магического влияния на мой разум? То ли влияние было такое особенное, то ли разум был такой слабый, то ли божественное провидение так подстроило себе на потеху. Но честно – ни о чём подобном ни от кого я не слыхал. Хотя, не исключено, что найдётся загадочная женская душа, которая, читая этот рассказ, лукаво ухмыльнётся.

Тётя Зина снимала у нас жильё одно время, а потом просто приходила к маме поболтать. Раз в месяц за трёшкой до полочки или за ложкой соли. Они садились пить чай во дворе, и оглушительный смех тёти Зины доносился до каждой соседки на нашей сопке. Мне никогда было не понять этих дружеских женских посиделок. Почему надо было встречаться и долго обсуждать сообща, когда и одному всё было более-менее понятно? Ну, да ладно.

Тётя Зина обладала непередаваемым еврейским апломбом, увеличивающим её женскую сексуальность в разы. Я ощущал его, когда только она появлялась, и не знал, куда деваться от её голоса. Мне было лет 8, и естественно, такая шикарная пухленькая девушка мне нравилась. Я уже был пару-другую раз влюблён в сверстниц и знал это щемящее щенячье чувство. Но к тёте Зине я его не чувствовал, она была взрослая. Хуже, она своим залившимся голосом заставляла меня терять рассудок, дуреть с ума. Понятно, что это мне сильно досаждало. Чтобы не слышать её смеха, я убегал в дальнюю комнату, падал на кровать и накрывал голову подушкой. И так пережидал, пока она уйдёт. Разве так в здравом уме поступают? Возможно, я даже научился отключать сознание при звуке её голоса, чтобы не понимать, что она обо мне такого женского сочиняет. Это я сейчас так думаю.

Никакие уговоры, типа «иди поздоровайся с тётей Зиной, она тебе конфетку принесла», не помогли. Ни видеть её, ни разговаривать с нею я был не в силах. Единственный короткий разговор произошёл, когда она уговаривала меня поехать в Дом пионеров. Впрочем, я и сам давно туда собирался. Наваждение кончилось, когда я стал ходить в шахматный кружок. Видимо, самостоятельность, царившая в кружке, помогла повзрослеть. Тётя Зина

тоже перестала к нам заходить. Её забавная функция в моей жизни закончилась. Полным женским успехом. Я часто вспоминаю её, и её звонкий голос, и смех. Они звучат в моей памяти счастливым колокольчиком.

Какое же чудо мы замечаем в женщинах? Забавный вид, доброе слово, непознаваемое мистическое таинство?

Наш Боинг готовился к перелёту из Лондона в Нью-Йорк. Я сидел в середине длинного ряда, слева семья, и с любопытством ожидал, стараясь угадать, кто же сядет справа от меня. И вот в проходе появилась молоденькая девушка, лет 25, которая шустро шла прыгающей походкой, как у студентки института физкультуры, почти не ища номера. Круглое и румяное приветливо смеющееся лицо, непогрешимая уверенность. Что это? Только сегодня, вспоминая всё, я понимаю – это же она, вылитая тётя Зина из моей молодости, только не брюнетка. И чудо – она садится рядом со мной.

Всё вокруг исчезает: слева, справа, впереди, сверху, снизу. Остаётся только эта прекрасная женщина и желание с нею поговорить. Но она англичанка! А, «ху из зэ Роза Шафигулина»? Неужто зря 5 лет учил инглиш в универе? С чего бы начать? Ну, это просто: меня зовут Джони, лечу в Мехико. И как в тумане слышу, как мои уста торопливо и гнусно изрыгают: «Сой Эухеньо, бой а Мехико». Что за чертовщина – это же испанский! Как я мог перепутать? А как же это сказать по-английски? Да я и слов-то таких английских вообще не знаю.

В общем, выяснилось, что я забыл все английские слова, даже «ай эм». Магия тётя Зины. Исчезли из сознания напрочь. Как хочу что сказать по-английски, так из меня лезут испанские фразы. И по-русски боюсь заикнуться – вдруг тоже облом. Хорошо, если на процентов пять её понимаю.

Короче, с помощью жестов разобрались, что она знает ещё неведомый французский, а испанского не знает совсем. Так и летели. А что прикажете делать? Но тут, слава богу, час обеда подошёл и немного помог сохранить лицо. Решил я её напоить хотя бы, чтобы развеселить. А напоить на иностранных рейсах всегда есть чем. Есть там очень приличное красное вино в зелёных пластиковых четвертушках. Мерло что ли? На натуральном алкоголе, не на чазовском димедроле – можно и закосеть русскому с непривычки. В общем, беру я со своей стороны бутылочку себе у стюардессы и прошу вторую для соседки-англичанки. Опробовали. Она сразу просекла идею и повторила приём со своей стороны. Чувствую, со второй четвертушки меня начало забирать. Однако, мы с ней повторили ещё раз (или не раз) и не помню, с чьей стороны. Английские слова не вспоминаются, я уже и испанский забыл, сижу, кайфую, на англичанку люблюсь, а она мне улыбается круглыми нахальными глазками. Прелесть! Мило очень. Всё жду, когда она закосееет. Чтобы с ней на равных быть. По языкам. А она, вижу, ни в одном глазу. Только глазки сильнее заблестели. Кайфую, ни адресочка не спросил, ни телефончика. Так и дорулили до стоянки. Просто магия тёти Зины.

Потом мне один знаток рассказал, что все там за бугром к такому натуральному вину приучены с детства, поэтому оно их и не берёт. А англичанка моя, видимо, часто летала. Её там каждый негр и каждая собака в нью-йоркском аэропорту знает. Очень симпатичная и общительная. И подпрыгивает, когда ходит.

Да, женщины понимают толк в общительности. Выгодное это дело. Потому и фотографироваться любят.

Но это уже совсем о другом. Я давно увлекался фотографией, однако хорошей камеры не имел – кусались.

Но вот случилось подхалтурить немного на старости лет, и подумал, а почему бы не купить за левые деньги хорошую камеру-зеркалку с рук. В общем, сказано – сделано. По неопытности выбрал «Пентакс», но не жалею – пока не подводила. Да и неплохо сэкономил на цене. Чистка от пыли, освоение инструкции, щёлканье из окна и в комнате – и вот я выхожу на фотоохоту.

Ясный осенний день, синички, гроздь рябины, утки в водоёме, машины. Господи, какие девушки! Пьют кефир прямо из бутылки – видимо, приехали из города погулять. А какая пышная грива у одной. Вот её-то надо снять обязательно поближе. Но как? Скажет ещё: «Не приставай, старикан». Но ведь, какая грива!

«Девушка, можно вас сфотографировать? Волосы красивые», – это сказал я и замер. Девушка широко улыбнулась, подвзбила причёску и приняла фото-позу. Я был смущён, что-то мямлил, но был счастлив. Я ещё не понимал, что стал, наконец, настоящим фотографом, у которого основной жизненный инстинкт – сначала щёлкай, а извиняйся потом.

Сколько чудесных фотографий нащёлкал я с тех пор, и даже фильмов. Они нравились и мне, и людям. Но я пишу не о фотографии, а о тёте Зине. Кто бы знал, что магия тёти Зины найдёт меня и здесь, за окуляром моей экзотической фотокамеры?

Детей фотографировать интереснее всего. Разумеется, не для документов, а в естественной среде обитания. Такую среду я для себя нашёл на детских шахматных турнирах и фестивалях. Казалось бы, что интересного – сидят себе друг против друга с суровыми лицами? Ан не скажите – иногда эти лица выражают при борьбе эмоции необычайные и забавные. Так что, ходи, фотограф, лови, фотограф, – ты солнцу и правде брат.

Вот так и ходил я однажды на зимнем фестивале. Три больших зала на двух этажах, четыре часа игры плюс церемонии награждения, родители под ногами путаются, фавориты бездарно проигрывают, а на горизонте светит одинокое возвращение домой по собачьему морозу. В общем, устал я зверски, и морда моя к концу выражала (хорошо, что не видел) полное отсутствие смысла жизни. Последний зал покинули последние родители с детьми, и я стал упаковывать камеру.

Как вдруг боковым зрением заметил забавную картину. Одна мамаша не спешила в раздевалку с детьми, а сидела у пианино, кормя их призовыми шоколадками. Это бы ещё пустяки, но расположилась она рядом со своей девочкой точно так, как на великой картине Рембрандта «Я и Саския». Я всегда восхищался этой картиной, где у Саскии в руке был изящный фужер с белым вином.

Глаз фотохудожника не мог пройти мимо этой сцены, и я быстро вынул камеру и навёл на даму. В тот же миг она, увидав меня в зеркальной стене зала, обернулась с очаровательной улыбкой. Я успел щёлкнуть.

Но что случилось дальше, я понять не в состоянии. Она подошла ко мне старику, очаровательно улыбаясь. У неё было круглое лицо, чёрные пышные волосы и весёлые чёрные глаза. Опять тётя Зина? Она была похожа на красивую якутку, китайку или кореянку. И она со мной заговорила! Смеясь и улыбаясь всем лицом. На редкость симпатичным. По интонации я понял, что она говорит по-русски. Но вот что она говорила? Я не понимал ни слова. Это не преувеличение. Я не понимал ни звука. Было ощущение, что очень приятный голос говорил какие-то очень приятные вещи. Но что именно? И хуже, что я не мог ни ответить, ни спросить. Я потерял голос. Что это было? Она говорила довольно долго, как бы не замечая эффекта,

а я стоял, тупо уставившись в её милое личико. Что она говорила? Что важного она сообщила? Это осталось тайной. Наконец, появилась мысль: «Господи, неужели она сейчас уйдёт?» И тут она сказала ещё пару непонятных слов, игриво помахала мне ручкой и пошла с детьми к двери. Я был не в состоянии задержать её ничем. На меня сверху свалилось ощущение огромного горя. Я потерял всё.

Едва доковыляв до дому, я включил компьютер и загрузил на экран фото прелестной китайки. Она была прекрасна. Точно перехватив взглядом ось объектива, на меня вполборота глядела божественная и неповторимая Саския без фужера в руке. Саския, по которой я с детства завидовал Рембрандту. Она же таинственная англичанка, она же магическая тётя Зина. Она же... Кто знает?

Да, господа: неповторимая, магическая и таинственная, дай бог хотя бы раз ещё её встретить.

Ну, не даст же он счастья, как Пигмалиону – не оживит фото прекрасной китайки прямо на моём экране.

* * *

"Ё! – ВАШУ МАТЬ" или ДАЙТЕ ПОКОЮ СТАРИКУ

Стюардесса, блаженно улыbnувшись, продолжила наставление:

- Выход снабжён матерчатым желобом.

От неожиданности я подвскочил в кресле.

- Жёлобом, кхэ, лупоглазая, или жлобом, если хочешь, - чуть не высказалось из меня.

Известный на весь мир те-нор, заслуженный и прочая артист Казахской ССР на сцене Большого театра старательно выводил в прямом телеэфире:

- Не счесть жемчужин в море полуденном ...

И с тюркской невозмутимостью хладнокровно поставил ударение на последнее "е". Ну, даёт, бляха: Козловского не слышал! Как тот мягко тянул своё "ё": "полудённом"! Да, откуда нацмену знать о нацмене Козловском?

Запись песни Высоцкого: «Стою я раз на стреме...»

Стрёмно мне на душе! На стрёме я стою. Откуда вы вылезли, из какой дыры, господа московские артисты?

Сижу в зале ожидания. Голос из репродуктора:

- Пассажир, привезший из Якутска документы, просьба подойти...

"Грузовик привёз дрова, это два".

По всем программам новостей Российского государственного и частного телевидения:

- Эта афера ...

Да Вашу мать, господа новые русские! Аферист, ватще, но афёра – по-русски! "И пусть повезёт гренадёру", мародёру, шаферу и шофёру, пожравшим хренодёру.

Молодой папаша прибегает в ЗАГС: «Сын у меня родился! Хочу свидетельство получить». – «А как желаете назвать?» - «Семёном». - «Ну, что ж? Так и запишем. Хорошее русское имя. Приходите завтра за документом».

Назавтра папаша видит в документе «Семен». «Извините, я же вам сказал Семён, а здесь двух точек над «е» не хватает». – «Это одно и то же». – «Ну, если одно и то же, то поставьте мне эти две точки для ясности». – «Ничего я вам ставить не буду! Если хотите, сами ставьте».

Папаша ставит в свидетельстве о рождении две точки, и всем хорошо. Но через 16 лет сын получает паспорт, в котором опять же написано «Семен», а затем

международный паспорт, в котором написано "Semen", и едет в испано-говорящую страну. И только тут узнаёт, что Semen значит «сперматозоид», и даже Semion значит «писающий в постель». Но зато есть вполне благозвучный эквивалент Simon, его и в России отлично знают, но вот в международный паспорт не каждому вписывают.

Я принёс в редакцию научного журнала статью. Через день звонок:

- Заберите статью и исправьте все буквы "ё" на "е".

- Э-э. Почему это?

- У нас в правилах для редакторов написано, что везде следует "ё" заменять на "е", кроме тех случаев, когда существуют оба слова: с "е" и с "ё".

- И в "шёл грека через реку"?

- И в "шёл".

Я тихо осел. Или осёл?

Сколько в детстве точек мы поставили над "шёл"! И не дай было бог написать "шол". А сейчас надо "шел".

Мы забыли букву "ять" в угоду "е". И сейчас нам непонятна музыка фразы, которую читал старик Хоттабыч: "Дедушка-галупчик, сделай мне свисток".

Мы легко забыли слово "шлём", а с ним и "шлёмофон". А заодно и объяснения нашей учительницы о родственности слов "шлём", древнего "шелом", "ошеломить" и, возможно, еврейского "шолом".

Мы не растекаемся мыслью по древу, не рассказываем витиевато об увиденном или услышанном, не изыскиваем точных слов, чтобы поразить воображение друг друга, – а читаем по диагонали напечатанное на газетной бумажке или кое-как пересказываем его. Нам дела нет до какого-то "ё". А граф Толстой в это время ворочается в гробу.

Я бы поставил памятник ушедшей уже портативной пишущей машинке. На Красной площади перед Мавзолеем

ем. Этому элементу высокой культуры и престижа, мечте интеллигента и идеалу мобильной оргтехники коммунистического вчера. Этому вчерашнему символу светлого будущего и грядущей народной свободы. На клавиатуре которой не нашлось места для буквы "ё". И ради которой были писаны правила для редакторов, и исчез из магазинов словарь произношения для новых дикторов радио и телевидения. Какой след оставила она в русскоязычном обществе! И вот: никакие компьютеры, никакие Microsoft никакими своими русификациями не могут стереть этот въевшийся уже след.

Благое намерение навеваает дрёму, и на меня сонного одно за другим нисходят видения.

... В глухой подмосковной деревушке хор милых маленьких девочек на сцене клуба поёт частушку:

- Елки-палки, лес густой. Ходит Ванька холостой.

... В учебнике русского языка для 2-го класса задание – вставить пропущенный слог:

- От страха ежик пытается съе__ться.

... Крутой американский боевик по телику. Шериф загоняет бандита в глухой тупик, а у того кончаются патроны. Он бросает пистолет и злобно кричит шерифу, а гнусавый голос из-за кадра синхронно переводит:

- Гребаный коп!

... В ночь под Новый год подвыпивший интеллигент поскользывается на укатанном тротуаре и, взбрыкнув ногами, грохается на мягкое место, и без того натруженное за ненормированный рабочий день:

- А-а, й-е... твою мать, - сквозь зубы стонет он...

И тут я просыпаюсь в холодном поту.

Ё! Ё, вашу мать, господа русскоязычные!

Ё - и дайте немного покоя старику.

***** 2002-2008.

Про кино

Кино я смотрю на компьютере почти каждый божий день. Не скажу, что совсем без ума от него или души не чаю, но вот имею привычку. Чалдоны говорят по схожему поводу: "до чаю трэба звычайо", – что значит: "к чаю надо иметь привычку". И при этом подмигивают.

А моя подруга имеет привычку звонить по вечерам – проверяет, сплю ли я уже, и спрашивает:

– Ну, что ты сегодня посмотрел?

– Да какую-то американскую гадость.

– А что же смотрел, если гадость? Выключил бы. Я всегда так делаю.

– А я не всегда. Надо же знать, чем кончилось.

– Ну, я тебе удивляюсь!

И дальше идёт долгое поучение, что так нельзя тратить своё драгоценное время, которого у нас не так уж и много. Хотя, кто может знать, сколько его у нас? И может, я уже сэкономил чуть-чуть, чтобы узнать, что герои фильма поженились и жили вместе долго и счастливо? Целых два года – до следующей картины.

Как же нашла меня такая привычка, с чего пошла? Пожалуй, с раннего, дошкольного детства.

Мы жили на сопке. Точнее, в нашем городе почти все жили на какой-нибудь сопке. Но вот у нашей сопки никто не знал названия. Слева была Сапёрная сопка, справа – легендарная Орлиная сопка, а нашу, самую красивую и высокую, видную отовсюду, похожую на лежащего тигра, никто никак не называл, как будто её и не было вовсе. Но у нашей сопки была особенность: где-то на половине бока тигра (или на середине лица сопки) её незаметно украшала, выступая немного, совсем небольшая сопочка – вот на ней мы все в детстве и жили.

На нашей малой сопке располагалось 4 длинных бревенчатых барака, водокачка и несколько частных домов. Снизу к баракам от военного шоссе, длинной петлёй огибающего по самому основанию Сапёрной сопки оба берега Первой речки, тянулась через переезд железной дороги и мимо водокачки крутая и кривая узкая улочка с вечно стекающим по ней ручьём. Грузовики надрывались взбираться по ней к баракам, или спускаться на тормозах, рискуя свалиться в ручей, и многие предпочитали объездной путь справа от водокачки в четыре раза длиннее. Зато зимой детворе было удовольствие кататься здесь на санках с самой кручи, начинавшейся у нашего барака, – как раз возле калитки дворика нашей квартиры. Съезжая по круче, саночники метров через 30 сворачивали на самую кривую улочку с подскоком, на котором отбивали себе нутро.

Летом же спуск на грузовике с кручи требовал хороших тормозов, а подниматься так и вообще никто не брался. Отец на спор, когда работал на огромном трёхосном "Студебеккере", попытался – чтобы показать превосходство американской техники. Над ним долго смеялись.

От малой сопки до верха большой тигровой сопки путь был уже более лёгкий, и люди уважительно называли малую сопку просто сопкой. Так и говорилось:

– Где живёшь?

– На сопке.

– А, на вашу сопку пока выберешься, богу душу отдашь.

На нашей сопке росли трое тополей, на которые запрещалось, и много полыни. Между круглой вершиной и бараками была ровная чуть покатая площадка, которой заканчивался объездной путь к нам. На этой площадке хорошо игралось в футбол. Но была проблема: по мячу нельзя было бить сильно. И не потому, что мяч полетит к

тёте Шуре в огород. Она хоть и суровая на вид, но не сильно вредная. Площадка была между двумя пренеприятными спусками. С юга – это не очень крутой, но очень каменистый объездной путь. Я сам там как-то упал, зашиб коленку о камень и неделю пролежал, не выходя из дому. А вот с севера – та самая круча, переходящая в улицу с ручьём. Если не догонишь мяч в начале, то он может укатиться почти до самой водокачки. А надо ещё подниматься обратно. Бежать за мячом, естественно, виновнику. Если пропустил, то вратарю, а если промазал, то нападающему.

Верхушка нашей сопки была бесхозная, на западном склоне её кто-то сажал картошку, и туда тоже запрещалось, но зато каменистый юг и сама вершина были нашими, то есть детей. Однако, малышню туда не пускали сами дети, и было почему. Там остались два круглых окопа от зениток, а на крутом южном склоне стояли подряд две скалы: одна побольше, слон, и поменьше – конь. А пониже скал участок окружал не забор, а грязный и мокрый кольцевой окоп, полностью отделявший своим высоким бруствером нашу сопку от внешнего нижнего мира, где жили "враги". Из-за этого окопа на нашу сопку снизу никто и не заходил.

Вы уже поняли, что жизнь моя начиналась и текла отнюдь не в глухомани Тмутаракани, а в месте сугубо интересном – почти как у чёрта на куличках?

Однако время, когда мы малышня могли без опаски ходить и бегать по осыпающимся под ногами камням скалистой вершины нашей сопки, ещё не пришло. Поэтому я не стану живописать величественный вид с неё на далёкое озеро Чан и шмат Амурского залива с танкерами на рейде, на трамвайный путь с красными звенящими трамваями и на ярко блестящие рельсы станции 1-я Речка. Не стану смаковать, как хорошо кататься на тёплом слоне и горячем коне, как здорово в цирках зенитных окопов разыгрывать

былины о трёх богатырях или слушать под звёздным небом страшные рассказы старших девочек, и много чего ещё.

Пока меня оттуда гоняют и в прятки возле сараев не всегда берут, но можно пускать кораблики в ручейках во дворе с приятелями после дождя, или стоять у барака и считать вдаль у подножия Сапёрной сопки разные машины, идущие по военному шоссе: легковые и грузовые, полуторки и трёхтонки, "Форды" и "Виллисы", ГАЗы и "Студебеккеры", в город и из города, направо и налево.

Чудесное было время, но давайте говорить о кино.

В те времена утюги были чугунными и в них насыпали горящие угли из печки, сахар был комковой, и его разбивали на кусочки ручкой вилки или молотком, а радиоприёмники были большой редкостью. Сейчас и забыли уже, какой он был – радиоприёмник. В наших бараках даже динамики (или радиоточки) были не у всех. У нас не было. Отец любил возиться с домашней техникой, а так как своей почти не было, он таскал от знакомых поломанные вещи на починку: часы всех мастей, утюги, магнето, фонарики и даже один раз балалайку. С неделю после починки вещь оставалась у нас и радовала быт. Так я познакомился с граммофоном и патефоном, а затем с радиолой и небольшим радиоприёмником "Москвич", который должен был ловить "вражьи голоса", но кроме позывных с китайской мелодией ничего толкового не выдавал.

Особенно популярны были часы. Карманные на толстой цепочке, с витиеватой нерусской надписью "Мозер", будильники, простые ходики и напольные часы с боем. Для женщин наручные часы были ещё и украшением – имели особую ценность. Как радовались эти наивные создания возвращению своих сокровищ к жизни! Отец устраивал для них настоящее представление. Он напускал на себя вид знатока, важно брал часы в руку и говорил: "Ну, что ж,

посмотрим". Потом садился за стол и доставал сапожный нож, при виде которого лёгкое "ох" срывалось с губ гостя. Пока дамы пили стакан чая, он вскрывал ножом корпус и, вставив в глаз лупу, смотрел, всё ли цело.

– "Не ходють?", – спрашивал. – "Не ходят". – "На пол не роняли?" – "Да вроде нет". Тогда начиналось второе действие. Отец заострял ножом спичку и капал капельку одеколону ею в механизм. Подождав немного – капельку машинного масла. Затем, как фокусник, дул на часы и показывал их не разумеющей госте. Потом шумно захлопывал корпус, устанавливал время и подносил часы к уху владелицы: "Носите на здоровье". Отпад был полный.

Но, что до меня, во всех этих радиолах, патефонах, гармошках, балалайках и часах чего-то не доставало. Было мало нового, информации. Пластинки в патефоне были интересными, но скоро заучивались наизусть. Однажды у соседей я увидел на стене огромный чёрный картонный круг громкоговорителя, и он о чём-то вещал. Это меня поразило, и я рассказал отцу. Он усмехнулся, типа, что в этом сложного и интересного. Но вскоре радиоточка появилась и у нас. Это была революция в сознании.

Радио включалось в без пяти шесть утра и будило всех чудной мелодией Мусоргского "Рассвет на Москва-реке". Ровно в 6 торжественно звучал гимн Советского Союза. Затем передавалась утренняя гимнастика, которую я одно время делал, пока не понял глупость затеи. Затем – новости и программа передач на день, и объявлялся перерыв до 11 часов, когда начинались передачи для школьников второй смены. Передачи для первой смены начинались в 16. Я находил время послушать обе, усевшись под динамиком, чтобы ничего не пропускать.

Это были шедевры. Радиопостановки и просто художественные чтения. Многие из передач вошли в

сокровищницу Радиофонда СССР. Но далеко не все. В нашем городе был драмтеатр. Конечно же, я его не посещал, но по слухам в нём работала мощная группа талантливых артистов. Одного из них впоследствии взяли в Москву, и он стал там заслуженным или народным. Так вот, эти ребята в передачах для школьников отрывались по полной и с энтузиазмом. Мне не надо было ходить в библиотеку и приобщаться к шедеврам литературы. Они читали сквозь чёрный динамик даже дореволюционные книги. Откуда что бралось? Я бесконечно благодарен этим настоящим деятелям культуры. За то, что они меня учили. И учили именно тому, чему надо учить любопытную душу.

Но я немного забежал вперёд. Пора вернуться к кино. Его я узнал раньше радио.

В обозримом дневном пространстве нашей сопки фильмы показывали только в двух залах: в клубе Мелькомбината и в ДК железнодорожников. Где-то вовне за Сапёрной сопкой был район 2-й Речки и аэродром. Оттуда иногда взлетали кукурузники и сбрасывали парашютистов. Это была уже граница города. Там где-то жил наш единственный родственник дядя Ваня, добродушный хохол, который иногда заезжал к нам с хохотушкой женой тётёй Галей распить принесённую чекушку водки, запечатанную сургучом, и поспиваты песни. Тоже вовне, но где-то за Орлиной сопкой был центр (или "город"). Там были театры и кинотеатры, бухта и вокзал, цирк и зверинец, до которых добираться на трамвае битый час. Что было за тигриной сопкой, куда нас тоже не пускали, представить было сложно. А над нашей сопкой, как над центром мира, ярко светило солнце, согревая полынь и тополя, иногда для разнообразия лил дождь, и жизнь казалась раем.

Пока не появлялся слух о новом фильме в клубе Мелькомбината! Там были самые дешёвые билеты – по

рублю. Хоть и рубль в хозяйстве не мешал. Сестра сговаривалась с подругой, а в нагрузку им давали меня бесплатного. Сестра считала себя обязанной воспитывать брата и постоянно вытирала мне нос платком, а мне так нравились эти прогулки, что я ей прощал.

Необычна была сама дорога. Надо было спуститься с сопки по объездному пути для машин до места, где жили "враги". Там был короткий корявый проход вниз к оврагу, по которому шла колея железной дороги и росла полынь выше человеческого роста. Налево километра через полтора колея дороги уходила под землю, в тоннель с охранником при винтовке в будке наверху. А нам надо было наоборот – идти направо вдоль колеи, перейти через неё и найти тропинку к дырке в ограде Мелькомбината. Это сильно сокращало путь: через двор комбината прямо к главному входу, а когда выбежишь, то тут же через улицу, где ходили трамваи, уже и клуб. Не знаю, кто этой "дыркой в ограде" пользовался, но легенда о ней устойчиво ходила. Не найдя дырки, мы шли вдоль колеи дальше метров 300 с гаком до переезда шоссе, заворачивали налево, переходя на трамвайную улицу, и шли по ней в обратном направлении битую остановку трамвая до конечной цели.

Территория мелькомбината вместе с хлебозаводом тянулась узкой полосой вдоль трамвайной линии почти на два трамвайных прогона и обнесена была мощнейшим забором. Сопка приходилась как раз около середины его протяжения, и её жителям, собиравшимся в город на трамвае (а на чём ещё?), чтобы попасть на остановку, надо было обходить ограду либо назад по улице, либо вперёд по обочине военного шоссе. Кто спешил, мог идти не по шоссе, а по шпалам, оглядываясь назад, не догоняет ли дрезина.

Итак, мы с сестрой и её подругой Ритой идём в кино с интересным названием: "Неразлучные друзья". Накануне

шёл дождик, и мы стараемся наступать на камни, чтобы не скользить на дорожной глине. Вот и проход, в нём тоже мелкий ручеёк и глинистая тропинка. Хорошо, что полынь есть, чтобы ухватиться. Сестра недовольно берёт меня за руку. Но вот уже и овраг. Перед колеёй железной дороги – кювет, а по нему течёт ручей. Добрая душа положила через него два кирпичика. Я успеваю перебежать по кирпичикам дважды, за что получаю подзатыльник.

Рита пошла искать дыру в ограде и вернулась ни с чем. Ну что ж, идём по шпалам. Это неудобно, но вовсе не обязательно, когда идёшь один: слева от шпал – узкая тропинка. Но вот ещё чуть левее – и обрыв в левый кювет, а нас трое – широковато. К тому же впереди узкий и высокий каменный мостик через непонятную речку. Не идти же по ней вброд. До переезда по шпалам доходим спокойно – ни поезда, ни дрезины не заметили. Сворачиваем налево и мимо будки стрелочника быстро, пока нас не засекли, проходим на улицу, по которой ездят трамваи.

Тротуара на нашей стороне улицы нет. Впрочем, вряд ли он был на другой стороне. С чего быть тротуару, когда дорога грунтовая? Но на нашей стороне начинался глубокий овраг, как водится, с ручьём на дне и заросший грязной толстой полынью. На перекрёстке у переезда переходить улицу с трамваями не стали – это единственный въезд в город и на нём всегда много машин, поэтому идём по узкой обочине дороги вдоль оврага.

– Иди ровно по тропинке, а то под машину попадёшь или в овраг свалишься, – говорит сестра, вытирая мне нос платком. Я послушно и чинно делаю пару-другую шагов точно по тропинке и вдруг неожиданно и загадочно ощущаю себя стоящим на дне оврага у самой воды. Овраг глубочайший, полынь выше меня в два или три раза, заслоняет всё небо, а в оставшийся над ручьём просвет

весело глядит с высоты голубой пяточок неба с мелкими белыми облачками.

– Как я сюда попал? Не падал вроде бы. И где остальные?

Тут сверху послышался реально испуганный крик сестры:

– Где он?! Куда пропал?

Я поднял голову на крик, но никого не увидел. Слева от меня наверх шла усыпанная мелкими камнями крутая тропинка. "Я по такой тропинке подняться не смогу, – подумал я, – разве что на карачках". Это я так говорил "на короточках". Действительно, тропинка узкая, крутая и высокая, и полыни возле неё мало. Я уж было намерился идти вдоль ручья искать другую тропинку, как сестра, наконец, заметила меня сверху. С трудом спустившись, она как-то умудрилась вытолкать меня на поверхность. Кому она больше вытирала нос, мне или себе, история забыла. Но я честно не был виноват в случае: кто мог знать, что моя тропинка раздвоится? Кому пришло в голову протапывать крутую тропинку в овраг в этом диком месте?

Ладно, проехали – впереди нас ждёт кино. Держа меня крепко за обе руки, переходим через два ряда трамвайных рельс, уложенных на шпалы, и входим во двор между двумя высокими бараками. То ли бараки двухэтажные, то ли просто высокие – не понять из-за высокого забора двора, а с северной стороны, с улицы окон нет. Пока стоим в кассу, можно оглядеться.

Самое интересное – завалинка на торце второго барака. На ней всегда сидит с десяток человек. Слева она в два мальчишечьих роста, справа – в один. Забраться на неё можно только справа, заталкивая или затагивая приятеля. Сидящие на завалинке веселятся вовсю: орут, матерятся, сталкивают с завалинки, хохочут и гоняются по узкой

завалинке друг за другом. Однажды, когда подрос, я тоже забрался на эту завалинку. Тут же за мной забрался ещё один и сместил меня к левому краю. Затем ещё один и сместил нас обоих. Постепенно я сместился так на самый левый край и увидел, что спрыгивать с двойной высоты опасно. Это реально так. В студенчестве я один раз спрыгнул примерно с такой высоты на бетон. До сих пор в ноге чувствуется. Что было делать? Попытался уговорить пропустить меня поближе к правому краю. Все в ответ смеялись. Никогда не надейтесь на добросердечие людей. Редкость. Как выкрутился, не помню. Либо начали запускать в зал, либо помог спрыгнуть старший приятель с нашего двора. С тех пор замечая у себя жуткую боязнь высоты.

А в первом бараке помещался кинозал. Он был узким и длинным, высоким и полутёмным, со сценой в глубине, над которой висел экран. Экран висел так высоко, что был хорошо виден с любого места. Кресла были деревянные, большие, с высокими спинками, и их жёсткие сиденья громко хлопали при вставании, так что могли разбудить любого. Но самым примечательным в зале была печка.

Она сразу бросалась в глаза. В стене напротив входа, посередине, занимая всю высоту от пола до потолка, был вмазан вертикальный чёрный цилиндр, обитый железом, с маленькой дверкой внизу. Как печь была устроена, с какой стороны топилась – для меня осталось загадкой. Но зимой рядом с ней сидеть было тепло. В зал цилиндр выступал лишь на четверть, так что креслам печь не мешала. Но вот где пряталась её большая часть? Явно не на улице.

Итак, все вошли, накричались, насвистелись, свет погас, кресла стучать перестали, и на экране появился потрясающий кадр: на фоне бурного моря режет волны торпедный катер с надписью на носу: "Смелый". На борту

под морским флагом стоят герои фильма и поют на вдохновенный мотив:

"Смелый", вперёд! Море зовёт.
Синие светлые дали.
Море любить — смелыми быть,
Слово мы Родине дали!
Слово недаром дадено,
Слово судьбою найдено.
Выполнить слово — всегда готовы.
Будь готов!"

Герои фильма — два мальчика и девочка, которые мечтают поступить в морское училище, но не берут по малолетству. Нырняя в бухте, они находят затонувший катер недалеко от берега и вместе с друзьями вытаскивают его из воды на сушу. То ли с помощью ворота, то ли накачанными шинами. Они его красят и решают играть с ним на берегу, как с настоящим. Но тут встречаются взрослые. Один из них узнаёт в катере знакомые черты и название катера, на котором он служил в войну. Взрослые восстанавливают катер и выходят на нём вместе с детьми в море. В красивом заключительном кадре катер рассекает волну, а герои, дети и взрослые, стоят под флагом и вдохновенно поют:

"Страна Советская — великая страна!
Стать капитанами поможет нам она.
Веди нас в плаванье сквозь бури и туман.
Сегодня море — синее, синее,
Завтра — океан!"

Красоту мелодии мешали оценивать громкие и частые хлопки кресел. Меня и толкали, и пинали со всех сторон, но я досмотрел фильм, стоя, до конца, дослушал песню и запомнил её на всю жизнь. Не совсем точно, но это неважно.

Фильм потряс.

— Ну, что вы там такое посмотрели? – спросили нас дома. Девочки стали наперебой рассказывать, где кто жил, кто куда ходил, кто что говорил, кто что делал. Причём они передавали целые диалоги. Я ничего этого не помнил. Один раз вставил уточнение про подъём катера из воды – и всё. Как такое могло случиться? Я легко заучивал и "Мойдодыра", и "Дядю Стёпу", и "Тараканище", а какие-то девчонки кино запомнили лучше. Тем более, что это был не первый фильм, который я смотрел.

Первым фильмом был "Десятый удар". Про 10 Сталинских танковых ударов по фашистам. Вот там было, что посмотреть: танки с пушкой вперёд и с пушкой назад, самоходки, автоматы, зенитки, гаубицы, самолёты-истребители и бомбардировщики, катюши. Все они носились по экрану, стреляли каждая по-своему, взрывали и взрывались. Один кадр меня потряс. Перед колонной танков подорвали мост. Ну, просто взорвали пролёт моста в самом верху, так что дыра с полтанка возникла. Видя это, первый танк колонны поехал через реку вброд, и в воде у него заглох мотор. Второй решил перепрыгнуть пролом в мосту, но недостаточно разогнался и свалился в дыру с солидной высоты. А третий начал разгон издалека и перепрыгнул. Довольный танкист остановил танк, высунулся из люка и крикнул: "делай, как я" и "за Сталина". И все за ним стали быстро разгоняться и успешно перепрыгивать.

Придя домой, я наковырял во дворе немного глины и вылепил маленький танк, как в кино. Трудно было прилепить ствол пушки. Я его посадил на тонкую спичку. К утру танк подсох, и можно было с ним играть. Я вынес его во двор и увидел Сашку, сына учительницы, сидящего на необычной куче – куче песка ведра в четыре-пять перед дверью соседки. Её раньше не было. Раз Сашке можно, то и

мне? Он катал по куче кусок кирпича, похожий на машину. Я показал танк, мы с ним нашли ещё глины и стали лепить самолёты и танки. Получалось у Сашки не ахти, но он же не ходил вчера в кино. К нам подошли ещё дети, я налепил и для них, нашли подходящие кирпичики, и на обед нас было не зазвать. Только и слышно было: "Бух! Бах! Я тебя подвзорвал!" Но тут прошла мимо тётя Клава, и пошла ябедничать, что я якобы матерюсь, и остаток дня мне испортила. Я уже об этом рассказывал. На следующий день пролился дождь, размочил кучу, и играющих на ней стало меньше. А потом и вообще куча исчезла на ремонт в квартире нашей соседки. Но в памяти моей она осталась ярчайшим событием. Это было совсем не то, что ныне, когда самосвал песка высыпают в деревянную песочницу.

Третьим фильмом, оставившим след в моей душе, был трофейный "Тарзан". Говорили о нём много. И что в нём 6 серий (некоторые утверждали – 11), и что артисты красивые, умеют прыгать по деревьям и разговаривать с обезьянами и слонами. Вечером у нас во дворе пели блатную песню про Тарзана и Читу. В общем, ажиотаж был грандиозный. Но я так и не понимал из разговоров, что же в фильме было такого исключительного. Все вокруг только и мечтали, как бы сходить на все серии. Мне удалось посмотреть одну.

Когда наша троица подошла к клубу, двор его был забит галдящим народом. Его было явно больше, чем мест в зале. Надеялись прорваться. Так и случилось: на наших местах уже сидели наглого вида ребята. Но не на тех девочек нарвались: наши были покрупнее и понахальнее. Те, у кого не было билетов, уселись сверху на спинки кресел последнего ряда, образуя дополнительный ряд: "а что – мы никому не мешаем". Кто-то спрятался под креслами и вылез после начала. Кое-кого застучали и вывели.

Кино началось с шикарного кадра: почти голый мужик держался одной рукой за верёвку, свисающую с дерева, и орал благим матом. Он проорал неповторимое слово типа "ор-ло-ло-о-ор-лор-лор-ла", оттолкнулся и перемахнул, вися на верёвке, как циркач, на другое дерево. Потом делал это не один раз, нырял в озеро, ловил рыбу, ел, пил, болтал с женщиной и обезьяной – в общем, развлекался, как мог. Ему мешали жить какие-то охотники, но напрасно. Ничего больше в фильме не было. Кстати, картинка была нерезкая и чёрно-жёлтая, а не чёрно-белая. В общем, не самое лучшее кино. Когда захлопали кресла, Тарзан снова заорал благим матом, и пошли титры.

Придя домой, девочки опять рассказывали подробно весь фильм, а я, завидуя им, дал себе слово научиться хорошо запоминать кино, но так до сих пор и не научился.

Что было ещё? Со временем я стал ходить в кино с друзьями или один. Мы освоили и кинозал ДК железнодорожников, и кинотеатры города, посмотрели много фильмов, потрясших наши души. Кто мог бы тогда нам сказать, что наступит время, когда почти любой фильм любой страны можно будет посмотреть на обычном (!) карманном (!!) телефоне (!!!) почти бесплатно? — Никто.

Не так давно я вспомнил про эти фильмы детства, решил найти их в интернете и освежить в памяти. Я посмотрел все серии "Тарзана" и не нашёл той, что видел в клубе. То есть, мужик орал тот же самый, но большая часть каждой серии была не в лесу: то в городе, то в самолёте, то в цирке. И даже на корабле и в машине. И женщина пропала на время куда-то из компании, и Чита. Странно это было: будто середины фильма в зале не показывали. Спал я, что ли, у тёплой печки? Не исключено.

Тогда я стал смотреть "10-й удар" и ждал, когда появится эпизод с танками на мосту. Его всё не было. Он

оказался последним эпизодом фильма. Он как раз тогда появился, когда самые нетерпеливые зрители обычно решают идти на выход и начинают хлопать креслами.

Всё стало ясно: я безбожно дремал или даже спал большую часть фильма, пока меня не будило хлопанье кресел. А в темноте зала сразу же засыпал, как садился последний опоздавший на сеанс. Я не стал даже проверять догадку на третьем фильме: не зря сестра с подругой помнили его лучше. Но почему сестра меня не будила? Или всё же будила иногда – с целью воспитания? Не знаю.

Зато сейчас, когда смотрю кино на компьютере, и кресла округ меня не хлопают, я верхний свет не выключаю и честно, как ребёнок, смотрю всё – от начала и до конца, чая не пропустить самый интересный кадр. В вере, что этот кадр есть, что он должен быть. А может, по привычке. Может, я чаю в душе, что герои споют мне вдохновенными голосами, стоя на палубе катера или у штурвала комбайна, или сидя за столом в лесной хижине? Кто её, душу знает? Когда же кадры не светит, то бывает, что да – отхожу от дрёмы по-мужски сам, и на паузе иду испить водички на половине кино после неинтересных разговоров. Как получается.

Когда-то я работал в научном институте. Там, помню, часто замечал в себе мощную тягу уснуть во время докладов именитых коллег в конференц-зале – на середине доклада. Просто невозможно было перебороть себя. Вы скажете, это от того, что я такой умный и всё у коллег понимал наперёд? Отнюдь нет. Думаю, это было потому, что в учёных залах кресла мягкие – не хлопают. Так что, увы, был прав Пушкин, говоря: "таков мой организм". И Прутков ему неплохо вторил: "зри в корень", намекая на сиденья кресел. И это их прозорливая истина про кино.

* * * * *

Мои правдивые комплименты сказочной королеве Аржане.

(Алтайский этюд)

Я далеко не сказочная королева.
(Аржана)

От автора.

Все фото взяты из открытых источников и исключительно с целью иллюстрации текста. Все имена вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми случайны. Образ Аржаны, созданный в рассказе, собирательный – из прекрасных женских образов Алтайского народа.

Предисловие.

Комплименты вселяют в женщину оптимизм. И они ей нравятся, если просты и прямолинейны. Я знаком с Аржаной больше трёх лет и могу точно сказать, что нет её достойнее комплиментов. От одного взгляда на неё они кучей приходят в голову – только успевай говорить. И не потому, что видно, как она в них нуждается или несчастна без них. Отнюдь! Compliments Аржане нужны самим мужчинам. Вот какие мы: видим перед собой настоящую красоту и чудесную женщину, ценим её, понимаем, имеем мнение и не боимся его при ней сказать, и в этом видим своё мужское достоинство. А представьте себе, как убого мы выглядели бы в своих глазах, если стеснялись высказывать комплиментами своё восхищение достойной девушке!

Однако с комплиментами Аржане не всё так просто. Они легко приходят в голову, я их с удовольствием и радостью пишу и посылаю ей иногда в письмах, но вот произносить их ей вслух – это получается плохо. Мы просто редко видимся и разговариваем. Раз-два в год. Это моя розовая мечта – сидеть бы с ней рядом почаще, как за пивом, смотреть в её прекрасное личико и болтать о чём попало. Можно и без пива. Но, увы! Так не получается. Аржана, как и все прелестные женщины, сугуба и сурова к старикам. Так в древности было заведено у древних русских: стариков приглашали за стол к почётным и именитым гостям, восхваляли их мудрость прилюдно, а когда они надоедали и становились в тягость, то попросту убивали. В рамках закона.

Так о чём это я? Да, однажды при встрече я рискнул с замиранием сердца произнести ей пару комплиментов вслух, и она на них стала говорить "спасибо", представьте только себе! Я поперхнулся – "химия одна" (как пела Верка Сердючка по схожему поводу). Это что же получается: за чистую правду, идущую от доброго сердца, благодарить, как за изящную придумку или льстивую ложь?

У меня богатый опыт на это "спасибо": в Мексике, где я жил, все по любому поводу говорят "грасиас" – "благодарности" или по-нашему "спасибо". Представьте типичный момент: на узком тротуаре вам навстречу летит дородная мухер (женщина по-ихнему, и они все там дородные), так что вы с трудом едва успеваете от неё прижаться к стене, чтобы не размазала. Ну, обычная ситуация с женщиной на улице. Она, как ядро царь-пушки,

пролетает мимо, но всегда, и обязательно очень доброжелательно и игриво, успевает обернуться к вам и сказать "грасиас!" То есть, "спасибо за то, что успел отскочить". Нет, у меня никакой обиды нет, потому что мексиканские женщины произносят это с такой щедрой улыбкой, как будто вешают вам медаль на шею, и вы сразу вырастаете в своих глазах до уровня героя спорта. И в голову не приходит проверить в следующий раз судьбу на не успеть отскочить.

У нас эта традиция ещё не повсеместна, но приживается. Тем более, что у нас узких мест много, например, тропинки в снегу. Вы не представляете, до чего приятно получить от молоденькой девушки "спасибо" со скромной улыбкой, когда уступаешь ей тропинку! Так бы и ходил весь день по этой тропинке – ждал следующую!

Но вот "спасибо" в ответ на комплимент – это совсем другое дело. Тут, понимаю, простой улыбкой отделаться нехорошо. И без улыбки негоже. И уж тем более нельзя при этом думать: "И ты старый козёл туда же!" Но слово "спасибо" без явной улыбки – вообще знак того, что ситуация девушке не нравится. Да и «спасибо» – это же «Спаси Бог!». Кого? И от кого? Или от чего?

Судя по иностранным фильмам, если комплимент говорит муж или любовник, то надо, ничего не говоря, обнять его и поцеловать – если вы уже не в постели. И при этом приподнять заднюю ножку. А если простой друг или знакомый, то дежурная фото-улыбка, но без "спасибо", его вполне устроит, потому что этим вы ничего не обещаете, но цените его откровенность и правдивость. Лично мне

нравятся женщины, которые ведут себя, как дети – без лишних мыслей. Они верят всему и на комплимент просто от души хохочут.

Но это всё касается только "хороших" комплиментов, то есть тех, к которым нельзя прикопаться в плохом настроении. Сочиняя комплимент, следует всегда иметь в виду женскую логику. Это очень трудно, и даже такой спец по комплиментам Аржане, как я, иногда даёт осечки. Например, встречаю я Аржану после полугодового перерыва, вижу, что она похорошела, и сразу сдуру говорю: "Аржана, Вы ещё красивее стали, чем полгода назад". И замечаю, что вместо улыбки Аржана хмурится. Что такое? Почему? А потому что автор есть дурак, и момент встречи им сразу и бесповоротно испорчен. И сейчас надо ловить другой момент, чтобы извиниться. А это ещё один вид искусства – извиняться перед обиженной девушкой. Врагу не пожелаю.

Как же думает Аржана, что начинает хмуриться? Элементарно, Ватсон! – "Ага! Совсем заврался старикашка. Я сегодня проспала и не выспалась, не успела макияж набросить. Какой же тогда уродиной я была полгода назад, если сейчас, он говорит, стала лучше? А он тогда так меня хвалил, называл Моной Лизой. Обманщик!"

И вот сейчас я как раз пытаюсь извиниться перед Аржаной, сочиняя для неё этот "Алтайский этюд оптимизма". Я задумал привести здесь все правдивые комплименты, которые приходят мне в голову для неё. Конечно, без тех, которые ещё придут в голову и составят, возможно, другие рассказы об Аржане. Я уверен, их ещё будет.

Часть 1. Аржана, как Вы красивы!

Аржана, Вы по-настоящему и безусловно красивы. Что такое красота? Учёные бьются над её определением, но так и не придумали ничего вразумительного. С женской красотой ещё хуже. Ни одна женщина не может понять, как женщины могут быть красивыми, если они не она сама. Всякие конкурсы "мисс" и "миссис" выбирают самых красивых, и половина мужчин соглашается с их выбором, а другая половина злобно шипит и намекает на подкуп судей. Я скромный старый человек имею, само собой, своё мнение, которое не разделяет никто. Впрочем, я придумал простую теорему и доказал её: самые красивые – китайки, потому что их больше всех. Раз больше, то больше всех и самых красивых, тут и доказывать нечего.

Правда, эта теорема чуть спотыкается на самой из всех красивой и единственной – на Аржане. Она не китайка, а теленгитка (но говорят, они пришли из Китая), коих всего около 800 дам – но, исходя из реальности, она оказывается безусловно самой красивой в мире. Если бы я был большим китайцем, то охотно принял бы теленгитов в братскую семью китайских народов. И тогда моя теорема стала бы аксиомой для каждого, кто хоть раз видел Аржану.

Итак, я наделяю себя полномочиями китайского президента (Мо Сам-пью) и дарю Аржане почётное китайское гражданство моей теоремы. Но что же собой представляет красота Аржаны, если учёные специалисты не могут никак её определить? А на этот счёт есть другая моя теорема: Аржана красива, потому что так говорю я. А я объективная реальность, данная всем в ощущениях,

поэтому Аржана объективно красива. В математике нет более строгого и ясного доказательства ни одной иной теоремы. Я знаю ещё одного человека, который пришёл в своё время к такому же выводу. И наше с ним математическое сообщество открыто для принятия третьего члена.

Осталось будущим членам объяснить, на что похожа красота Аржаны, или из каких элементов она состоит. Объяснению этого посвящён весь мой рассказ, поэтому здесь в первой части я лишь кратко перечислю основные элементы её красоты, чтобы не забыть. Это: великолепный вид, характер, темперамент, душа, ум, сообразительность, логика, трудолюбие, любовь к детям и что ещё – допишу позже. Никто не обладает и половиной этого набора элементов красоты.

Два следствия из моих теорем о красоте Аржаны.

1) Аржана красива и поэтому мне нравится.

Первый раз когда мы встретились, я заметил, что она с детьми в точности расположилась в зале, как на знаменитой картине Рембрандта "Я и Саския". Вот только бокала с вином у Саскии в руке не было, да и Рембрандта поблизости тоже. Поэтому я поторопился сделать фотокамерой снимок и приготовился оправдываться за отсутствие разрешения на фото. Но

Аржана не только не ругала меня, но и что-то очень мило и улыбчиво щебетала. Такая неожиданность совсем убила во мне способность слышать, понимать и соображать. Я видел её, как в тумане, и не воспринимал ни единого её слова, о чём до сих пор очень сожалею. Упустил...

Вообще-то по жизни я далеко не избалован женским вниманием и хорошо знаю этот мой недостаток. Поэтому девушка, которая вдруг охотно заговорила со мной в конце тяжёлого трудового дня, воспринялась, как подарок бога из-за пазухи. Я стоял рядом с нею, ничего не понимая, и думал: "Господи, неужели она сейчас уйдёт?" И тут она помахала мне ручкой, и я понял, что счастье кончилось, надо возвращаться домой. Дома я посмотрел на фото незатуманенным взором и был потрясён ещё раз:

красота была необыкновенная, это точно. Уж поверьте: хоть я и доморощенный фотограф, хоть самодеятельный литератор, но опыт имею богатый и разнообразный в созерцании красоты, и истинное искусство и истинную красоту заметить могу легко, и отличить от рекламы тоже. Это, пожалуй, единственное ценное качество,

во, которое во мне есть. Но никто этому не верит. Я побывал в разных странах, повидал много красивых девушек разных рас и народов, каждая по-своему прекрасна, но чтобы вот так единым махом поразить моё

умирающее сердце, не прикладывая рук – я предполагать не мог, что такое ещё возможно.

И в тот момент, как я увидел на фото и осознал необыкновенную красоту Аржаны, я понял, что влюбился в неё, как тот самый скульптор Пигмалион. Я сидел и мысленно повторял: "Господи! Какая она красивая!" Я и сейчас повторяю эту молитву почти каждый день.

Я залез в интернет, узнал, кто она, как зовут, откуда, много чего, и понял, что мне её не избежать, то есть придётся ждать встречи с нею, пожалуй, целых три месяца, за которые она меня забудет. Я не узнал, замужем ли она, но что-то говорило, что это вовсе неинтересная проблема. А проблем для меня впереди ещё будет предостаточно, потому что понравилась она мне сверх всякой меры, больше, чем кто-либо когда-либо, больше, чем Софи Лорен и Брижит Бардо вместе с Джинной Лоллобриджидой в одном флаконе. И я дал себе слово, что обязательно подойду к Аржане при первой же встрече и познакомлюсь. Господи, с каким нетерпением ждал я этой встречи!

Странное это слово, "знакомиться", но я ещё никогда ни с одной девушкой не знакомился сам. Но что задумал, то и сделал – через тяжкие три месяца. Это был выдающийся шаг для моей закомплексованной старой персоны, и я им очень горжусь с тех пор. Другое дело, что из знакомства ничего не вышло: ни дружбы, ни тем более любви, ни даже обыденного знакомства. Виноват мой возраст: знамое дело – старик клеится к молоденькой, да ещё умнице и красавице. И комсомолке. И, возможно, спортсменке. Да ни одна подруга этого не допустит!

Бог с ними с подругами – я уже привык к таким шуткам божественной канцелярии.

2) *Аржана не просто нравится, я схожу по ней с ума.* А ведь есть почём сходить! Гляньте на фото. Семитские волосы – ну, немного завитые, конечно, но очень к лицу. Лёгкая их лохматость подчёркивает лёгкость характера девушки, а выбившиеся пряди – лёгкое упрямство и кокетливость. В общем, предсказуема лёгкая стервозность, но какой мужчина не любит преодолевать лёгкие трудности! Огромный лоб позволяет предполагать недюжинный ум, в лучах которого так приятно купаться творческому интеллектуалу! А брови? У какой ещё девушки вы видели так широко поставленные брови, что является несомненным признаком щедрости души? И хоть один глаз немного меньше другого, что говорит о глубоко скрытой доле женской змеиной сущности, но сами глаза горят таким неуёмным темпераментом, что лично я (и, уверен, не только я) с вдохновением бы погиб в объятиях этой Клеопатры на ложе из тысячи её змей.

Отдохнём немного. Я ощущаю себя поэтом Пьером Беранже, который как-то писал песню своей возлюбленной Марго и написал целых 6 куплетов. Тут она подошла и возмутилась, что так мало:

– Как, всего шестой куплет
и конец? – кричит красotka!

– Дюжину, иль песни нет.

Не хочу такой короткой!

Я тринадцать ей срифмую:

– Подойди-ка, поцелую!

Ко мне никто не подходит, и я сам знаю, что остановился передохнуть на половине описания лица. Но я не устал. Это просто самое моё любимое место: щёчки и носик. Вы знаете, ещё у кого такие пухленькие щёчки? Я нет. Как они не мёрзнут на морозе? Но Аржана не жалуется. Когда она была моложе, щёчки были меньше. Значит, они растут. Пусть растут и радуют. Хорошего в хорошей женщине должно быть много. А носик! Типичный ярко выраженный мягкий китайский (он же чукотский, он же монгольский) носик. Когда Аржана идёт по улице, спрятав лицо в плотно прилегающий капюшон, носик чуть торчит, как хитрый перископ подводной лодки. Трудно удержаться, чтобы не обнять эту лодку и не поцеловать этот миленький маленький перископчик.

Перейдём к страстному и чувственному рту и белым ровным зубкам. Дикая алтайская женщина – мясоед. Нет, Аржана предпочитает баранину, а не козлов и баранов. Хотя, зубы у неё отменно крепкие – лучше бы нам ей на зуб не попадаться. А кроме шуток, улыбка у неё с этими зубками такая очаровательная, такая радушная, такая щирая, что, когда я случайно вижу Аржану без улыбки, то на всякий случай оглядываюсь: не началась ли ядерная война.

Часть 2. Аржана, да Вы прекрасны!

А в чём разница? И не говорите! Красота – это понятие. Красивых много, а прекрасная одна, например, Аржана Прекрасная. Многие претендентки на «мисс» и всякие артистки делают из себя «красавиц» и обижаются, когда прозорливые мужчины этого не ценят. Они красят

себя вдоль и поперёк, наряжаются куклами, подтягивают, впрыскивают и накладывают, бреют и стригут, набивают тату и лезут под нож хирурга, как под поезд. А мужики только посмеиваются над этим и говорят, что Софи Лорен лучше.

Аржане этого не надо: она красавица от рождения и останется ею всегда. Вот перед нами два портрета: один Аржаны, а другой Джоконды от Леонардо да-Винчи.

Улыбки у них одинаково загадочные, но у Аржаны она живее и наивнее. И у Аржаны открытая живая душа и любопытный сексуальный взгляд, в отличие от злобного, тяжёлого взгляда ленивой Джоконды. Чей портрет предпочтут мужчины мира? 99% – Аржанин. Поэтому я называю Аржану за глаза Джокондой Алтая, хотя понимаю, что это слишком скромно.

А вот ещё два портрета Аржаны в другом ракурсе и с другим выражением лица. Здесь Джоконда вообще отдыхает. Вдохновение дирижёра оркестра жизни вписано в облик Аржаны. Ещё секунда – и всё вокруг подчинится её внутренней музыке, и люди придут в радостное движение мелодии Паганини или самой Аржаны.

За чем следит этот мягкий кошачий взгляд прелестной головки? А разве дано это понять топорному мышлению мужчины? За отзывом внутри себя на забавное движение окружающих пятен в собравшейся толпе? За

радостным ощущением праздника? Нет, я пас, я с другой планеты. Я не хочу познавать или понимать мир женщины. Пусть остаётся всё, как есть. А я буду любоваться отражением её волшебных чувств на чудесном экране – личике настоящей живой очаровательной женщины.

Честно, никакого дела нет, изображает ли Аржана так талантливо эту высокую поэтическую духовность или на самом деле живёт своим высшим духом. Не спрашивайте, почему её духовность «высокая», а к примеру, моя не ахти какая, а мой дух так и вообще – духами не пахнет. Ну, конечно, я Кашей, неудержимый от приставаний к молодым девушкам. Но извиняюсь, сам Омар Хайям мне в пример! И кто точно знает, что стишок безвестного автора «Старый хрыч перекрестился» менее матери-истории ценен, чем благородный стих «А парус? Порвали парус» или шедевральный «Как гений чистой красоты»? Но о чём бы ни говорили стихи, а чарующий облик прекрасной девушки со всеми мыслями и чувствами, которые он вызывает в тупом мужчине, даётся всем нам мужчинам в таких незабываемых ощущениях, что лично мне более всего в жизни дорог. А вам?

Продолжим. Следующие два снимка, по моей идее демонстрируют ещё одну уникальную грань прекрасного образа Аржаны: она родом из жёлтой расы. Ну, и что же тут такого – как сказал бы мальчик Вова? Красивая женщина не имеет национальности. У её ног – все мужчины мира. Но мы привыкли к белой расе. И к «богоизбранному» народу её – еврейскому народу. Конкурсы красоты блистают еврейскими моделями из Мексики, Венесуэлы, Аргентины,

Филиппин и т.д., как будто красивых аборигенок там нет. Как нет в белом мире этнических славянок, немок, шведок и других красавиц. Что же сказать об островах Океании? А о них и думать не след – они зелёные.

Настолько затюкали аборигенок общественным мнением расистов от единого бога, что в макияже Аржана не жалеет пудры. А ведь у неё изумительной красоты золотисто-лимонный оттенок кожи. Фото у меня нет, но поверьте моим глазам. И этим оттенком надо бы ей гордиться, а всем остальным людям – любоваться. Она человек с иной планеты. И этот человек прекраснее нас. И я скажу, чем: своей оригинальностью – при прочих равных условиях, как говорится. Мне дела нет, какие гены собрались в ней по материнской и отцовской линии, хоть синие, хоть зелёные, но результат достоин продолжения в веках. Взгляните на эти фото и попробуйте сравнить их с чьими угодно, да хоть с самой Софи Лорен. И если у вас совесть есть, если национальная гордыня не запудрила

ещё вам zenки, то вы согласитесь со мной: Аржана прекраснее всех. Кого всех? Да просто всех. Таинственных негритянских девушек с их идеальной шоколадной кожей, заводных хохотушек мексиканок с кожей цвета маренго (официальное непереводаемое название), смертельно-бледных потомств викингов, и девушек из огромного пёстрого букета японо-китае-малайских народов.

Следующие три фото не требуют комментариев. Просто насладитесь созерцанием вида уверенной в себе прекрасной женщины по праву. Из третьего фото можно сделать флаг эмирата.

Раздобыл в интернете ещё и школьное фото Аржаны. Это студийное фото, но фотограф уловил самое главное – душу. Точнее, она сама её талантливо показала. Уж лучше Аржаны изобразить на лице, что надо, никто не умеет. В этом и есть суть фотогеничности. Например, дайте самому дипломированному фотографу лучшую технику, там Хассельблад или Лейку, и заставьте его за бешеные деньги фотографировать меня – ничего не выйдет, кроме кислой рожи болезненного старика. А если он рискнёт показать хоть одно моё фото хоть кому, то плакали все его дипломы – на работу его уже никто никогда не примет.

А вот Аржану фотографировать одно удовольствие. Хоть до упаду, хоть до полому всей техники. В каждом кадре она либо Саския, либо Джоконда, либо Лоллобриджида, либо Клеопатра с Нефертити, и всегда – уникальная и неповторимая божественная АРЖАНА.

Я не преувеличиваю. Она и сама это знает – перечитайте эпиграф к этому «этюду»: «Я вовсе не какая-нибудь сказочная королева, а настоящая!» Так он гласит и вопиёт. Я полностью с нею согласен. А какое божественное имя у Аржаны! С алтайского это Волшебный Целебный Живой Родник. Каково!? Вы знаете девушку, которой так бы точно шло её имя? Впрочем, родник – это аржан. Иногда она требует, чтобы её так и называли – Аржан.

Но я опять отвлѣкся. Так всегда бывает, когда рассказываешь о достоинствах Аржаны. Глядь – и уже перешёл к следующему, а потом к ещё одному и так до бесконечности. Как пел Высоцкий:

И если мне неймётся и не спится,
Или с похмелья нет на мне лица,
Открою «Кодекс» на любой странице –
И не могу! Читаю до конца.

Итак, мы остановились на школьном фото. Взгляните сами. Я не буду заострять внимание на неземном блеске и мягкой волнистости волос, и на королевской величавости их укладки. Это всё легко бросается в глаза и безоговорочно нравится любому мужчине от двух до 102-х лет. У меня в детстве была небольшая английская монета с профилем 17-летней английской королевы Елизаветы II. Очень красивая она была в молодости, да и парикмахеры не слабые. Но до Аржаны ей было далеко. Лебединой шеи, нежного плечика и чистейшего мрамора декольте у королевы на монете не было.

А мы заострим внимание на собственно юной душе. Казалось бы, она открыта всем взглядам. Не спорю, но всё же обратите особое внимание на слегка приоткрытый чувственный рот. Возможно, это задумка фотографа, но не мог же он ещё и увлажнить губы помадой. Этот штрих несомненно был придуман девушкой, чтобы казаться ещё желаннее. Кому? А хрен его знает. А она сама знает? Может, будущему мужу. Но нам это говорит о том, что Аржана смолоду хорошо разбиралась в психологии мужского пола и использовала свои знания на практике.

Возможно, была сердцеедкой. С такой красотой, почему бы и нет?! Почему бы мясоедке не быть сердцеедкой? Да ещё воспитываясь в большой семье вместе с двумя сёстрами.

А сейчас, столкнувшись с новым для нас свойством – достоинством её души, я плавно и естественно перейду к новой части, где буду восхищаться гранями её интеллекта.

Часть 3. Аржана, Вы потрясаемо умны!

Что ценят женщины в мужчинах? Молодость, мужественность и живость ума. Ну, ещё, конечно, их деньги. Если деньги не светят, то женщины говорят, что они сами самодостаточны и без мужчины обойдутся. А думают: «да такого я на каждом углу найду». Мужчинам обходиться без женщины зазорно, поэтому деньги их заботят меньше. А вот молодость, женственность и ум ценятся ими больше. У Аржаны есть и молодость, и красота, и женственность. А вот что с умом?

Чем девушка красивее, тем кажется умнее (*моя третья теорема*). Но вот первое же, что я нашёл в интернете – Аржана кандидат философских наук! Нет, то, что у неё учёная степень, это не удивительно. В нашем Академгородке плюнь на улице – и попадёшь в кандидата наук или доктора, а если повезёт, то и в академика. Однажды на водной прогулке, где меня тогда ещё молодого болвана немного укачало, я слабым

голосом попросил одного невзрачного дедка захватить мне с берега бутылку газировки. Так он оказался известным академиком и бутылки, конечно же, не принёс. Но вот степень философских (!), а не каких-нибудь других наук у Аржаны – это уже было для меня громадным сюрпризом.

По жизни я всегда варился в физмат среде. И сдав кандидатский минимум по философии, резонно полагал, что завязал с этим политма-размом на всю оставшуюся жизнь. А бог известный шутник решил иначе. Немного отлегло, когда прочитал её специальность – социология. Значит, рабочая лошадка –

ходит, опрашивает, набирается уму-разуму. Даже гордость взяла: познакомлюсь с человеком уникальной редкой профессии. Ага, где же она работает? В лаборатории, где 30 сотрудников! Вот тебе и редкость! В нашей лаборатории было всего 6 человек, да их ещё и старались урезать. Вот тебе баба Агата и детектив! Её публикации – исследования народов Алтая. Ну, понятно, родина – уважуха. И одна книга – без соавторов! Как это, куда смотрел начальник? Видимо, очаровала его Аржана – это она может. Ещё ей одна уважуха. А книгу надо скачать, посмотреть. Да и диссертации что-то не видно в доступе.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я догадался, что диссертацию надо искать по девичьей фамилии

Аржаны, которую я не знал. Оказалось – элементарно, Ватсон. По необычности имени-отчества нашлась и фамилия. И тема диссертации поразила ещё раз: «Проблемы семьи и брака...» Вот это да! Да она не просто красавица и умница – она уникальная личность с наверняка очень интересной судьбой. Это же загадка природы и улыбка бога: специалист по семье и браку, а рассталась со своим молодым красавцем мужем – такое невозможно. Это осталось для меня непонятым, да и бог с ним – не на базаре. Главное – я уяснил, что Аржана строптива и любит своего «отставного» мужа. Образ её пошёл в плюс. И ещё больше потянуло к ней любопытство научного исследователя, влюбившегося в её внешнюю, фотографическую красоту.

Не найдя диссертации, я скачал книгу и стал читать. Исследование национального самосознания народов Алтая в современной России. Результаты анкетирований, интервью и новости местной прессы. Тяжёлая муторная работа, мне такая не в жилу. Представьте создание интервью: очаровательная девушка в свой отпуск ходит с диктофоном и пристаёт к политическим деятелям народов Алтая. Одна такая бабуля посмотрела внимательно на Аржану и сказала: «У вас добрый взгляд. Так и быть, расскажу».

Так ходил по значным местам О'Генри и приставал к проституткам, чтобы они ему рассказывали что-нибудь интересное из своей жизни. А потом записывал в блокнот и сочинял рождественские рассказы с романтическими сюжетами. Я поначалу думал, что Аржана тоже пишет втихаря рассказы. Зная её общительность и говорливость, нетрудно было вообразить. Тем паче, что у них в большом селе,

откуда она родом, проходят ежегодные собрания певцов-сказителей.

Кстати, у Аржаны оказался отличный художественный вкус. Она хвалила мои реально удачные стихи и реагировала отрицательно на плохие и плоховатые, с удовольствием слушала мелодичную музыку и игнорировала заумь. И кстати, хвалила мои фоторабо-

ты. Она никогда не восхищалась Сервантесом, Чеховым, Солженицыным и Бродским – за что ей большое спасибо. Она никогда не хвалила Стравинского, Бородина и Малера. Великолепно! Скажете, не слыхала? Тогда ей крупно повезло в жизни, и она осталась хорошеньким здоровым ребёнком. В общем, чем больше я узнавал по крупицам особенности её мышления, тем больше она мне нравилась. Она шла по жизни своей прямой истинной тропой, куда вела её врождённая интуиция, в то время как я, например, постоянно оступался, слетал с укатанного пути, и грязный с трудом выкарабкивался обратно, теряя время.

Извиняюсь, опять отнесло от её книги. Работа о политических акциях в среде народов Алтая. Отнюдь не об обществах русско-алтайской дружбы. И даже не о выборных органах Республики Алтай. А о националистической борьбе политиков-любителей за власть и деньги. Как бы ни были малы эти власть и эти деньги. Но так как книга

научная, то её национализм тщательно скрывается автором за научной терминологией, таблицами и ссылками.

– Чем отличается «опять» от «снова»? – этот вопрос задала мне одна первоклассница.

Я ответил: «"С нова" – два слова, а "опять – 25"».

В общем, прочитал я книгу полностью, но Аржана не поверила. Как может русский старик-алкаш её не обманывать? Вот вежливый к дамам и культурный дядя имярек – совсем другое дело. Богоизбранные подружки уже научили.

Ну, да бог с ними. Меня интересует действительно великолепный ум Аржаны. Вкусы могут меняться, а ум остаётся. И только острее.

Итак, о книге. Это не популярщина и не путевые заметки, а сухое изложение истории явления. То есть, по идее одна из скучных научных книг. Однако, книга Аржаны интересна! Несмотря на нехватку в ней женского кокетства и игривости, хотя у самой Аржаны они есть в полной мере. Аржана не смешивает стили, поэтому «Левиафана» у неё не получилось, как и не хотелось. Но к счастью не получилось и второго тома «Дон Кихота». Лично я узнал массу интересного о жизни малых народов Алтая.

Какой процент алтайского народа Алтая имеет высшее образование? Думаете, 20 – 30? Да неужто 50? Ошибаетесь! Больше 90%. Нет, в ошибку методики исследования я не верю. В поголовное хвастовство аборигенов тоже. Думаю, льготы и отсутствие нужды в средних технических специалистах. Сельхоз животноводство и больше ничего. Продвижение по службе – только по линии управления и туризма, а там сойдёт любой высший диплом.

Почему Аржана, дочь малого народа, выбрала стезю социолога? Почему не ветеринара? Разве это не было бы лучше для её малого народа, для его благосостояния? У О'Генри есть сборник рассказов с ироничным названием «Пути, которые мы выбираем». Да просто Аржана переросла свой народ, его уклад жизни. Поднялась над ним. Как Пушкин, который бежал во Францию и стал там Дюма. Она внесла свой гений в новую среду. Сейчас она чарует и влюбляет в себя таких же переростков и отщепенцев от своих народов: русских, евреев, украинцев, татар, казахов, якутов и т.п., которые собрались в нашем Академе по странному движению их умов, по непонятной тяге к умоподобным. И её заслуженно ценят и любят. Чего ещё надо? Кто из нас малый народ? Все понемногу и никто.

Когда я жил в Мексике, то среди 13 тысяч русскоговорящих был единственным этническим русским. Чем гордиться? Я болел за русских в России, и я вернулся. Все мы разрываемся между семьёй и народом. У Аржаны чудесная семья – частица народа. И она пишет книги и статьи о своём народе, болея за него, отдавая ему дань. Она оплот семьи, а семья – её поддержка. Может, когда-нибудь станет оплотом своего народа.

В своей книге Аржана пишет о делах странных энтузиастов политики, которые наивно верят в новые возможности для своих народов в рамках России. В то время как вся остальная Россия ни во что не верит. Из этой книги, возможно, в счастливом будущем создадут сериал «Слуга народу Алтая». И Аржане будет воздана роль летописца. Потому что рукописи не горят, когда они написаны любящей душой очаровательной учёной девушки.

Не исключено, что Аржана несёт в себе божественные гены. Это видно не только по внешней живости и красоте, но по красоте внутренней: по уму и глубинным чувствам. Я сразу понял, что русский язык ей не родной. Паузы и канцеляризмы. Но ошибок в смысле не было. Это ли не признак высокой самоорганизации и интеллекта? Я рос в двуязычной семье. Долго говорил с неистребимым украинским акцентом, и в разговоре из меня автоматически выскакивали украинские фразы и обороты. Но вот словарный запас подводил. Аржана точно была отличницей и в школе, и в институте, и её богатый словарный запас в основном оттуда. Я старался её не смущать народными оборотами речи. Но иногда она сама меня смущала новыми русскими словечками. Обучаемость у неё оказалась великолепной. Совсем недавно я заметил, что она тараторит похлеще базарной русской бабы во Владивостоке. А быстрее и чётче их никто не говорит. Разве что украинская Трындычиха. Как же тогда идеально она общается с земляками на родном тюркском языке!? А ведь она ещё и немецкий знает...

Однако, Аржана очень скромна. Едва ознакомившись со списком её работ и выступлений, я сразу понял, что

ей пора писать докторскую, и что сделать это будет легко и быстро. Она согласилась в принципе, правда, отвергнув мою помощь (у неё есть для этого друзья, завоеватель хренов!), но сослалась на общую занятость. Ну, применительно к женской логике это значило, что у неё имеются другие более приятные планы по увеличению семейного бюджета. Её сделали учёным секретарём отдела, а это дополнительная работа, а не деньги. Появись лишний миллион, отдал бы ей половину за один поцелуй, как говорят мексиканцы.

У Аржаны есть права на вождение машины, но машины нет. Как трудно в России сдать на права, я догадываюсь. Мой сын провалил экзамен, а я вообще не берусь. Хотя мы оба имеем бессрочные мексиканские права. Я как-то спросил у Аржаны: «Ну, что, Вы уже купили машину?» – «А зачем деньги тратить? Общественный транспорт у нас хороший». Врождённая прагматичность!

Аржана любит и ценит музыку. Она практична, поэтому не меломанка, но любит ходить на оперу вживую. Это понятно, она любит вертеться в обществе. Это мне нечего показать, кроме сутулой фигуры, а она стройна, как кипарис, уверенно держится и привлекает внимание мужчин. Не все мужчины словоохотливы, но один при мне сказал про неё: «эта красивая якутка». Я лично был очень польщён, хотя кому какое до меня дело.

Аржана часто подчёркивает, что у неё много друзей. Полагаю, из корпоративного окружения. Все её друзья-мужчины по её словам необыкновенно талантливые, весёлые и находчивые. Это вызывает зависть, но и лёгкое

подозрение, что она немного преувеличивает: либо в количестве друзей, либо в их качестве, либо в их статусе. Как-то особого роя мужчин вокруг неё я не наблюдал. Что-то их отпугивает. Возможно, тень чёрного любовника или её высокий интеллект и суровый уровень требований. Ну, там французский парфюм, блестящая обувь, галстук под кадык и айфон-13. То есть то, что подружки прописали. Для моего случая она, однако, придумала иначе, как пугать.

После взаимного представления Аржана заявила: «Я буду называть Вас по имени-отчеству!»

– «С чего бы это?» – подумал я, а вслух возразил:

– «В научных кругах принято по одному имени».

– «Ну, не всегда!»

– «Тогда я буду называть Вас Аржаной Николаевной, ради равноправия».

Но Аржана проигрывать не любит (отличная баба!):

– «Хорошо, тогда я буду называть Вас одним именем, но официальным».

– «Но меня все всегда называют уменьшительным!»

Причём на украинский манер, я же украинец».

– «А вот я буду так! И ещё: у турков, как у англичан, нет местоимения «ты». Даже муж с женой разговаривают друг с другом на «Вы». И мы будем так же».

– «Ага, как муж с женой», – подумал я и согласился.

Прям, как «Дорогая, а не выпить ли Вам чашечку кофе? – сказал граф графине». Но если «ты» нету, то «Вы» уже чёрт знает что – даже не среднее. Конечно, намёк на мужа с женой приятен, но у англичан-то при Шекспире «ты» было. Да и у алтайцев «ты» есть в словаре, как оказалось.

В общем, умеет Аржана обламывать мужиков. А меня и подавно. Не зря психологию изучала – науку обмана. Глядя в её чудесное личико, на что угодно согласишься. С тех пор я понял то, чего не мог понять с детства: почему Андрий предал казаков ради прекрасной польской панночки. Но до сих пор не могу понять, как же разрулить всё в православную колею взаимной любви народов: перейти на любезное и дружеское русское «ты».

Часть 4. Аржана, у Вас чудный характер!

Что такое характер? Это врождённые грани интеллекта. Я уже много чего про Аржанин ум и ауру рассказал. Часть из этого составляет характер. Но есть ещё мистические черты и врождённое поведение в типичных ситуациях.

По гороскопу Аржана Козерог. Или Козерга – не знаю, как точнее. Это очень любопытный знак зодиака. Аржана говорит, что есть Козероги тёмных сил и светлых. Так она светлых сил. Я и не сомневался. В интернете прочитал массу гороскопов о Козерогах. К Аржане подходит почти всё. Только предсказания о богатстве пока у неё не исполняются. Но это, видимо, наше общее несчастье.

Интересно, что «козёл» – это во многих странах серьёзное ругательство. Однажды в Мексике я, заворачивая в свою улицу, ненароком подрезал симпатичную девушку. С каким изумительным презрением она, элегантно держась одной рукой за руль, процедила сквозь зубы: «каброн» (козёл)! До сих пор вспоминаю этот случай с довольной улыбкой. Украинцы называют москалей «кацапами» – козлами. Русское ругательство – «козёл вонючий».

А вот «коза» или «козочка» – это комплимент девушке за её резвость и весёлость. Вспомните знаменитый дуэт из к/ф «Аршин Мал-Алан»:

- Деньги есть?
- Есть-есть.
- Деньги есть!?
- Есть, есть!
- У тебя много их?
- Хватит нам на двоих.
- Деньги есть – выйду я.
- Ах, ты козочка моя!

В общем, по гороскопу Аржана жутко трудолюбива. Действительно, если она не пишет статью или доклад, то обязательно пишет отчёт или заявку на грант. И именно «жутко». По её словам она и дома пишет. Когда мы ещё переписывались, она отвечала на одно моё письмо из десяти. Некогда ей. И то ещё надо было её чем-нибудь заинтриговать, чтобы она от любопытства не находила себе места и спросила. Представьте, как это опасно – потому что приходилось иногда придумывать глупости или идти по острию словесного ножа. Иногда моё желание получить от неё заветное письмо приводило её к обиде. Женщине, даже умной, иногда проще обидеться, чем понять. Бывало, я этим невольно подрывал свой авторитет в её глазах. Это, как дёргать за косичку. Зато как приятно получить от неё хоть полстрочки!

Аржана ценит справедливость. На одном из шахматных фестивалей, где я был судьёй, в моей группе перед последним туром случилась редкая ситуация: девочка

вышла на третье призовое место среди мальчиков. Дело в том, что турнир был смешанный, но призы были отдельные – среди девочек и среди мальчиков. Какой же приз дадут моей девочке? Я задал этот вопрос организаторам, но меня послали подальше – забот и без того было по горло. Но через тур ситуация повторилась: дочка Аржаны заняла в своей группе первое место среди мальчиков. Что же, её лишать первого места в турнире? Тут Аржана выступила вперёд и с уверенным видом стала настойчиво и хладнокровно убеждать судей, что это несправедливо. Её даже связали по телефону с главным судьёй, и она его убедила. Меня при этом опять выгнали из комнаты, чтобы не дай бог не мешал ещё и моим случаем. И я с удовольствием поговорил немного в коридоре с её дочкой – скромной и милой девочкой.

Потом Аржана извинялась в разговоре со мной: «Ой! Наверно меня все посчитали скандалисткой?» –

«Ничуть! Лично мне понравилось, как Вы выступили. Все Вас заужавали, а один назвал даже красивой якуткой». В общем, резюмируя эпизод, скажу: Аржана упряма ради справедливости, и даже сильнее, чем я, то есть упрямее.

Аржана общительна. В толпе родителей на детских шахматных фестивалях она обязательно находит себе собеседниц. На улице с ней

постоянно здороваются соседки. Как-то я пожаловался ей на проблемы с печатанием книги, и она тут же снабдила меня телефоном нужной мадам. Правда, позвонив, я сразу понял, что лучше поискать другое решение в интернете. При любой поломке компьютера она тут же находит нужную фирму. Типично женский подход к решению проблем, и есть повод о себе воскликнуть, как Пушкин: «ай, да Аржана, ай, да самодостаточная!»

Да, она самодостаточная во всех ипостасях. Но прежде всего «независимая». Люблю смотреть, когда она удаляется, зная, что за ней наблюдают, гордо неся крупную голову на вершине величественного постамента, стройной размеренной походкой, всем своим видом выражая независимость и ещё раз независимость, и повиливая великолепной попочкой. Я всегда при этом внутренне улыбаюсь, потому что знаю, что Аржана совсем не такая заносчивая, как это может показаться. Она может быть и растерянная, и маленькая ростом, и скромная, и добрая. Как вы к ней, так и она к вам.

Иногда её движения души мне непонятны. И она меня иногда понимает неверно. Сказывается разница в культурах и укладах жизни наших народов. Каждый народ гордится своей культурой и воспитанием своих детей.

Я чётко выделяю три системы воспитания в России. Хотя их, возможно, больше. Первая основана на доверии к детям. Главное – будьте разумны. Всё, что осуждается, иногда делать можно, но не повторяя. Можно пить, курить, материться, играть в карты, смотреть порнуху, читать нехорошие книги и петь неприличные песни. Но только для

того, чтобы знать, что это такое. Вторая основана на полном запрете. Нельзя пить, курить, материться, играть в карты, смотреть порнуху, читать нехорошие книги и петь неприличные песни. Потому что это плохо и опасно – как бы чего не вышло. И действительно, ничего не выходит. Дети, воспитанные в этом духе, ничего не умеют: даже свернуть самолёт из бумаги. Третья система, я думал, что она мусульманская, потому что встретил её у татар. Но познакомившись с Аржаной, понял, что это древняя тюркская система воспитания. Главное в ней – слушаться начальников и уважаемых людей. А с кем поведёшься, известно, от того и наберёшься. Чего наберёшься? А всех благ жизни.

Первая система характерна для районов обитания свободолюбивых донских казаков и украинцев. Вторая – собственно из белокаменной московской России, с Ивана Грозного. Вот почему так идейно непримиримы хохлы и москали. Поволжье и Сибирь – под третьей системой, поэтому мы все так дружно голосуем за любую существующую власть и хвалим любых её узурпаторов.

Несмотря на то, что Аржана исповедует тюркскую систему жизни, а может и в согласии с ней, она необыкновенно вежлива и доброжелательна ко всем. В общем, плоховато она относится только к дуракам, недотёпам и ко мне. Она, возможно, не знает, что это не по-христиански. Что надо любить абсолютно всех. Нас она не любит, потому что мы не вписываемся в правила. По житейским правилам я давно должен был бы уже сдохнуть, а не приставать к молоденьким красавицам со своими дурацкими комплиментами. У нас обычно нет ни денег, ни должности, ни

уважения в обществе. А значит, нет прав на внимание красавиц. Конечно, ради успеха у Аржаны я мог бы подготовить знакомых сделать мне рекламу в её женском коллективе, как это принято. Но недотёпе «совесть не позволяет».

Аржана на редкость правильный человек. Она быстро дала понять, что не пьёт вообще и не выражается. Я робко спросил: «А в карты Вы тоже не играете?» – «Нет, в карты мы с детьми играть умеем». В другой раз она поправилась: «Нет, в компании я иногда могу выпить». – «Что же Вы пьёте – водку? Вам же гены не позволяют». – «Нет, я люблю шампанское». – «Почему не красное вино?» – подумал я и, живо представив предновогодние магазины с бутылками шипучки, редкой гадости, криво усмехнулся. По ассоциации вспомнилось, как одна симпатичная дама хвасталась, что богатый мексиканский воздыхатель угощал её в ресторане шампанским по 600 долларов за бутылку. Вспомнив ту неудачу, я сник и упустил явный намёк Аржаны на встречу в интимном полумраке кафе. Что и значит – недотёпа.

Опыта ухаживания за девушками у меня, как оказалось, не было никакого. Я понимал, что следует пригласить её на встречу: в кино, театр, кафе или просто погулять. Но как конкретно? Театр я терпеть не мог, в местных кафе не разбирался, так как не посещал, о местной культурной жизни представлял, как неандерталец о колесе. Друзей, кто мог бы посоветовать, не было, а неконкретные вопросы Аржана игнорировала. Как же сблизиться? В интернете прочитал, что надо дотронуться до девушки с её разрешения. При очередной встрече я так и спросил:

«Аржана, можно до Вас дотронуться?» – «Конечно. Что тут такого?» – «Ну, да! Что такого!» – подумал я и легонько дотронулся до её плечика. Это было чудесно. Ничего особенного, всё обыденно, но я почувствовал огромное облегчение. Это был контакт доверия. Что бы ни случилось дальше, станем мы духовно ближе или расстанемся, но в любой момент жизни я уже могу подойти и прикоснуться к ней, ничего не говоря. Зачем это? Не знаю. Так прикасаются носами звери, даже разные по виду. Кошки и белки, например.

Та встреча прошла замечательно. Мы много разговаривали о пустяках. Но ближе не стали. Фестиваль закончился, Аржана пошла на выход с детьми, не попрощавшись. Ну, что ж, я старик знаю своё место. Я выключил свет в зале. И вдруг она вернулась, подошла ко мне и стала горячо благодарить за то, что я развлекал её, что уделял ей внимание. Ни хрена себе! Опять эти тюркские благодарности. Но я был доволен, что она вернулась. Я улыбался и светился от радости. Это я был благодарен ей, что она уделяла мне внимание. Совершенно импульсивно мне захотелось её поцеловать. Я мягко взял её за плечи и приблизил к себе. Она несколько не напрягалась. Последний луч заходящего солнца светил на её лицо лимонно-золотым светом, и оно показалось мне лицом золотой богини. Я приблизил губы к её щеке, и тут, в этот момент её жёсткие густые волосы упали со лба завесой и закрыли её от меня.

«Так во всём судьба плутует!» – вспомнились слова Беранже, и с лёгким нервным смехом я чмокнул её в волосы. Романтический момент был намертво испорчен. Конечно, в кино герой отвёл бы медленно и уверенно её

волосы в сторону и смачно поцеловал в самые губы. Но в жизни всё, увы, идёт проще и комичнее: меня разобрал счастливо-дурацкий смех, да ещё я оступился на упавшем огрызке карандаша. Так что пришлось выпустить её плечи. Мы посмотрели друг на друга ошпаренными глазами, и я с ужасом понял, что больше мы уже не встретимся.

Часть 5. Аржана, а Вы удивительная мама!

Мужчина всегда обращает внимание, любит ли девушка детей. Первое, что удивило меня в Аржане – это,

как она относится к своим детям. Когда после закрытия фестиваля все родители уже похватили своих детей и умчались с ними по домам, Аржана спокойно сидела с детьми и кормила их призовыми шоколадками. Было ощущение, что

для неё дом там, где её дети, а не дети там, где её дом. Это было очень необычно и интересно.

Она всегда расцветает рядом со своими детьми. Она радуется их успехам, как ребёнок. Они источник её жизненной силы. Скажете, все женщины такие? Отнюдь.

Аржана водит их на четыре урока в музыкальной школе, на шахматные занятия, на программирование и на усиленную физику, и наверняка ещё на что, я не знаю:

танцы, театр, изостудию, хоккей, английский и т.п. Всё это в разных местах и в разное время. И не всё бесплатно. Она считает, что всё это им нравится и всё это им нужно. Откуда у её детей берётся время? – Да матриархат! Откуда у мамы энтузиазм? – Опять матриархат! Сказочная королева матриархата.

Сын показался мне чересчур суровым на вид. Но стоило с ним заговорить, он превратился в доброго мягкого

котёнка. В этом вся его мама. Меня поразил круг его интересов. Кроме шахмат ещё и пианино, физика, математика и программирование, которым он занимается с шести лет. И везде он старается добиться успехов. Мама рада, но вот если бы папой был я, то больше обращал его внимание на творческую сторону и развлекательную, а не только

на знания и советы авторитетов. Впрочем, мальчики – это особая человеческая субстанция, склонная вариться в соку себе подобных. Скоро он вырвется из маминых объятий, и куда занесёт его на жизненном пути, угадать трудно.

Девочка ещё не определилась, но характер и лицо у неё мамины. Она порхает, как мотылёк, повторяя то, что одобряет мама. Видимо, так и надо, так и мудро.

Аржана души не чает в своих детях и требует от них согласия. Они одна команда. Но Аржана любит и чужих детей. Как и у неё самой, так и у её детей много друзей. Все

просятся к ним в гости, все с восторгом говорят об Аржане и её гостеприимстве.

Посмотрите на фото этой семьи. Ну, кому она может не понравиться? Кто из мужчин не хотел бы такую семью, не мечтал о такой?

Послесловие.

Почему я пишу Аржане комплименты, хотя она их, возможно, и не читает? Мне нравится Аржана. И я хочу нравиться ей. Конечно, она не совсем идеальна, как и все

люди. И моя информация о ней, к сожалению, далеко не полная. Многие, да и она сама, найдут здесь ошибки, домыслы, натяжки и искажения. Но таков жанр комплиментов. Я не имею права, к примеру, вещать о недостатках, если

только они не смехотворно малы по сравнению с достоинствами. Так, любой женский ум имеет смехотворно малую особенность мышления одиноких женщин, которую все ещё называют «женской логикой». Аржана, однако же, к этому имеет в достоинстве такой огромный избыток женского обаяния, что запросто нашла бы себе в хорошую

половинку мечту всех женщин – весёлого и находчивого гения или депутата, на любом углу и в любой момент, как только пожелала бы за неё небесная канцелярия. Разве о такой распрекрасной девушке не стоит ли трезвонить на всех этих углах, или расписывать её портретами заборы? Она этого достойна.

Однако причём тут я? Не годен ни в половинки, ни в депутаты – потому что один и неделим. Зачем бог послал мне Аржану пред очи мои на склоне лет? Мне – старому критикану, занудному брюзге и жёлчному ругателю. Чтобы моя похвала Аржане выглядела предельно весомо? Оригинально, как сковородой об яйца! Я же собой никакой культуры и авторитета не представляю. Да, в результате общения с ней сделал пару десятков её красивых фото. Ну, без сомнения Аржана всколыхнула мою дряхлую жизнь. Творческий дух опять воскрес во мне, и ум оживился. Я написал книгу по шахматам для детей, имея в виду её детей. Сочинил пару-другую стихотворений, она служила мне музой. Опубликовал две научные статьи. Пару лет, как молодой, сочинял глупости, придумывал новые формулы и алгоритмы, делал фото- и кино-презентации. Суета сует. Я даже стал заботиться о здоровье. Но это не повод, чтобы именно мне дарить встречу с прекрасной Аржаной, с «гением чистой красоты».

Может быть?.. Ага! Может, это не она была послана богом ко мне, а я к ней? Может, это я был подарком для неё, а не наоборот? Смех, представить меня в качестве подарка трудно. Но не в наказание же! Чем юная красавица провинилась? Избытком красоты, очарования, ума и

хитрости? Да она имеет право кинуть на всех нас мужиков – да хоть бомбу. Или Бог – действительно женщина?

Без сомнения одно: Аржана увидела на моём примере, что её привлекательность и красота парят на высоком уровне. И это увеличило её оптимизм и веру в свои чары и удачу. Так что я всё-таки сыграл роль подарка! Она действительно преобразилась с первой нашей встречи: стала намного увереннее в себе и чудеснее, заманчивей, загадочней – это видно по фото. Вы скажете, что у меня высокое самомнение? Так мог бы повлиять каждый? Не знаю, не знаю. Может, это и не я, но из-за моих комплиментов тоже. И вот что я думаю ещё: сейчас она уже переросла свою потребность в моём почитании и потому ушла. Так, выздоравливая, уходят от врачей. Дай бог ей обрести по достоинству!

Этот рассказ я написал вчерне ещё два года назад. С тех пор прокатился коронвирус, унося достойные жизни.

Произошла переоценка ценностей в мире. Началась идиотская война за Украину. Бог позволил мне ещё пару кратких встреч с Аржаной, чтобы показать, какой она стала красавицей, и чего он мне не дал в жизни. Иногда я пишу ей письмо, иногда посылаю, но она не отвечает и скорее всего не читает. Много раз зарекался ей пи-

сать, а надоедать-звонить боюсь – как бы не было хуже. Посмотрите на последнее фото: это одна из её милых и щирых улыбок, чтобы очаровать меня как фотографа. Помнится, хвасталась, что в роду у неё были шаманы. Или шаманки.

Но постепенно возникла мысль: Аржана неординарна и замечательна – в каждой своей клеточке, в каждой своей повадке. Бог, возможно, послал меня к ней, чтобы я написал этот рассказ, потому что она по скромности сама о себе не напишет. И я должен это сделать – рассказать людям об Аржане. И показать, как она прекрасна.

Почему в результате получился такой «этюд» – чуть-чуть «с подковыркой»? Да она сама такая, аура у неё. А я становлюсь таким, как только о ней вспоминаю. А думаю я о ней по сто раз на дню. Мы с ней, как два сапога – пара. Кому же ещё о ней писать – не завлабу же? Или завлабухе? Поэтому я решил с чистым сердцем собрать воедино, что о ней думаю, и её фотографии с простора интернета, ну, и сначала послал рассказ самой Аржане в надежде на отклик. Без ответа, без запрета. А что не запрещено, то позволено.

Ликуйте, судари, и злобствуйте, сударыни! Я дарю вам этот странный опус для прочтения. Чтобы читающий мир сугубо знал, что самая красивая в мире, самая очаровательная в мире, самая замечательная девушка в мире – это Аржана, и другой нет. А я, как Нестор, буду счастлив и известен миру уже тем, что несколько раз видел её и даже разговаривал с нею.

* * * * *

Футбол - дело тонкое

Накануне ЧМ-2018 по футболу попался случайно мне на глаза мой старый неоконченный набросок о нашей футбольной сборной. Он был написан в те недавние времена, когда из сборной с треском был изгнан тренер-итальянец и бразд правления перешёл к исконно нашему тренеру. С тех пор и наш тренер поменялся на более вождеподобного, и игроков импортных в ней поприбавилось, но мне показалось, что актуальности набросок не потерял.

Я предлагаю его вашему вниманию. Он не законченный, поэтому каждому предлагается придумать свой собственный конец. Или посмотреть его по телику.

* * *

- С каким счётом наши выиграют у Англии? - спросила накануне матча моя хорошая знакомая, широко улыбаясь. Улыбка её и спасла, и я ответил сдержанно:

- Проиграют, 2:0.

- Почему? - искренне удивилась она, - У нас же новый тренер, и ты его ещё не ругал.

- Играть не умеют. Полные бездари. Видел их последние матчи.

Я тут же внутренне пожалел о суровом предсказании и подумал, что стартовое волнение может размыть счёт до 2:1 или 1:0. Но нельзя же выказывать сомнение перед женщиной.

Следующий разговор состоялся через неделю, после двух игр нашей сборной на Чемпионате Европы:

- Ага! Наши с Англией сделали ничью, а ты говорил - проиграют.

- Это случайность. Березуцкий случайно забил: он хотел послать мяч вправо, и вратарь знал, что он пробьёт вправо. Это же элементарно, все так думали. Но голова у

него оказалась угловатой, и мяч с головы неожиданно срезался влево. Не хотел он забивать, его этому не учили. Он же защитник.

- Очень смешно. Выкрутился.

- А чего мне выкручиваться? Я оба матча смотрел – всё видел. Во втором, со словаками – так вообще цирк. Ты только представь: вот наши начинают наступление, вратарь кидает мяч защитникам, а те выстраиваются по вершинам широкой такой трапеции и начинают его перепасовывать между собой. Все остальные игроки, и противник тоже, ушли на другую половину поля, чтобы им не мешать. А защитники наши остановились метрах в 30-и от этой второй половины и не спеша так по трапеции мяч гоняют. Уже минут пять его перекидывают.

В это время комментатор по телику говорит: "Проблема нашей сборной - это как донести мяч от защитников до наших нападающих". И правда - аж тридцать метров пустого пространства до ближайшего человека - нашего или словака. Но словакам мяч и не нужен - они его уже забили. А наши игроки все попрятались за словаками, чтобы их не было видно. Кому же давать пас, если никого не видно? Вот тут-то и пригодились бы наши полузащитники. Подбежали бы к защитникам, попросили мячик и понесли бы его короткими перебежками вперёд, к нашим нападающим.

Но, похоже, полузащитники дали тренеру клятву идти в бой нападающими: "если погибнем, то просим считать нас нападающими". И доносить к нападающим просто стало некому. Их можно понять: в команде половина игроков по профессии – полузащитники, а нападающих – меньше, чем вратарей. И единственного нападающего Дзюбу ещё не выпустили на поле на замену. Вот и пришлось им идти в нападающие.

Стоят так наши защитники и не знают, что делать. Самим вперёд идти нельзя – нарушат тренерскую установку. Пасовать кому за 30 метров – вряд ли попадёшь, да и не видно никого открытого. А те, кто спрятался, тоже стоят рядом со своими оппонентами, как тренер велел, и не отходят. Попробуй нарушь тренерский наказ – допинга лишит и тринадцатой зарплаты.

Вдруг один словак наклоняется пятку почесать и тем самым открывает нашего игрока. Следует мгновенный пас, но словак тут же выпрямляется, и мяч попадает ему в голову. И не хотел он, а приходится идти в контратаку. И тогда наши всей командой по тренерской установке бегут на защиту своих ворот, по пути сбивая с ног бедного словака. А как же иначе? Все на одного! Защитники-то сами не справятся с защитой. Не обучены. Некогда было. Потому как им надо ещё и командный дух в себе воспитывать, и к повышенным нагрузкам себя приучать. Некогда учиться отбору мяча как коллективному, так и индивидуальному, дальнему пасу и игре накоротке.

Но любознательности-то им не занимать. Вдруг видит центральный защитник, что словак новый какой-то финт показывает приятелю. Подошёл поближе посмотреть. Да забыл попросить товарищей слева и справа присмотреть за своим местом. А этот хитрый словак прямиком на его пустое место мяч и послал. Смотрят товарищи, кому же он так глупо пасует: точно посередине между ними, кому же к мячу-то бежать? – "Да не беспокойтесь, ребята, это он не вам, это он мне пасует", – кричит им другой словак, подбегает, забирает мяч и забивает его в ворота. Сам всё видел.

- Хи-хи-хи! Вот напридумывал!

- Чистая правда. Жизнь придумать нельзя.

А что жизнь? Когда-то в юной молодости попала мне в руки немалая книжка под названием "Тренировка футболиста". Оттуда я узнал, как легко отбирать мяч, как можно бить по мячу, как тренировать удары по воротам и много чего. Но точно помню, что в ней не учили подкату, толчкам, ударам по ногам. То есть, тому, чему так хорошо обучены нынешние футболисты. Настолько хорошо, что комментаторы долго рассказывают нам с телика, то какой подкат был – чистый или не очень, то какой толчок был – на фол, на пенальти или на жёлтую карточку, то какой удар по ногам – болезненный, на травму или английский судья не заметит. Но вот за многолетний мой опыт сидения у телевизора лишь один раз я видел отбор мяча не подкатом сбоку, а спереди – так, как в этой книжке было написано.

И возник у меня вопрос, где эта книжка, почему её не дают почитать российским футболистам. Почему футбольные тренеры учат игроков всяким ногодробильным приёмам и театральной симуляции, а не классической, но человеческой технике игры? Я не говорю про всякие там финты Зидана и Пеле, которым тоже никто не учит. Почему думаю, что не учит? Да потому, что их у нас никто не применяет. Я подозреваю, что футболистов даже не учат бить по нарисованным воротам, стремясь попасть в девятку. Их учат только уважать тренера да упражнениям на выносливость.

Действительно, если ты выносливо бегаешь, как дурак, то продвижение по спортивной лестнице тебе обеспечено. Тренер обеспечит. А зарплата самого захудалого мастера спорта, независимо от его мастерства, не меньше 200 т.р. в месяц. Совесть будет молчать за такую сумму, что ты ничего в футболе не умеешь, кроме как бегать, как дурак, по указке тренера. Всё равно, никто ни у каких

тренеров не умеет попадать в девятку, круто обводить или мягко отбирать.

Тренеру в плюс только место команды. Поэтому накачанный Березуцкий бегаёт, как угорелый, а мяч срывается с его головы. Поэтому Дзюба носится, выпучив глаза, но мяч от него летит выше ворот. А так как он ничего больше не умеет, кроме как сильно ударить, то его возвели в ранг нападающего. Но это не более, чем слово. Мамаев почему-то играть может только со Смоловым (или наоборот – Смолов с Мамаевым), а поврозь – они полные неумехи. Как оказалось, они и вместе неумехи. Тандем бездарей не может быть талантливым. Количество в качество не переходит.

Когда-то, совсем недавно, был в России один действительно умелый футболист Аршавин. Не забуду, как его в «Арсенале» выпустили на замену за 20 минут до конца при счёте 0:0, когда команде остро была нужна победа. Он забил все 4 мяча. Спросите, почему таких игроков в России больше нет. А лучше спросите, почему его самого нет в сборной, даже в роли консультанта. Да просто он немного вынес сор из избы. И великий футбольный тренерский совет решил "не пускать его на стадион – иуду".

Давным-давно аналогичная история была в СССР, от которого мы мило отрещиваемся, хотя поём тот же гимн под ту же музыку. Лучшего бомбардира высшей лиги игрока "Пахтакора" Г.Ярцева не взяли в сборную страны. Почему? Не соответствовал тренерскому видению игры. Тогда команда с треском провалилась, показав бездарный футбол, как и сейчас. Команда без талантов, с одними тупыми исполнителями воли дураков, и должна проваливаться.

* * *

2018.

Правообладатели

Жыв дид Яшка.

Була у нього свита-семиряжка.

А на сраци латочка.

Чи хороша моя казочка?

(Донские казочки)

Не каждый день выпадает, что показывают матч Франция-Россия по футболу. Надо посмотреть. Поддержать, так сказать, в трудную минуту нашу сборную в знаменательные времена, когда, наконец, её возглавляет, по совместительству, наш доморощенный тренер вместо бездарного забугорного хапуги. Получить надо для себя ответ на вечный вопрос болельщика: "Неужели-таки пришли к футболистам "лучшие дни", о которых пел Высоцкий?"

Я обнаружил на солидном сайте "Спорт-экспресс" сообщение, что они собираются транслировать матч из Франции вживую, как перед этим транслировали матч с Литвой. Отлично! Какая, всё-таки, сейчас крутая цифровая техника! Матч с Литвой я смотрел на их сайте "в записи" и остался очень доволен. Если и сейчас будет так же, то о чём ещё мечтать пенсионеру? Не мечтать же поехать в Париж на пенсию!

Наутро после ночной (проспанной, как всегда) трансляции я открыл сайт, нашёл страницу с видео и щёлкнул на треугольник. Как сказал поэт, "мальчик с детства не овал, треугольник рисовал"! Однако, возник овал. Он покрутился немного и выдал сообщение, что мне надо зарегистрироваться. Знаю я эти регистрации. Требуют адрес почты и пароль на неё, да ещё обязательно номер мобильного, которого у меня нет. Имею я право в правовом государстве не иметь чего-нибудь, например, мобильного? Нет, не имею, - с точки зрения интернетчиков, повсюду курируемых незримыми органами.

Это не так смешно, как может показаться. Недавно я не смог купить своему внуку в подарок маленький бинокль в интернет-магазине. Модель и цена были подходящими, самовывоз предусмотрен, но в заявке магазину надо было указать не только адрес почты (чего вполне многим хватает), но и телефон. Якобы на который позвонит менеджер. Хотел бы я знать, зачем ему звонить. Если захочу его обмануть, то и по телефону сумею. Я указал мой городской телефон. Но напрасно ждал звонка. А на почту пришло два сообщения. Одно - что заказ принят, а второе - что номер телефона неправильный, поэтому заказ аннулируется.

Я написал в ответ тот же номер телефона, но девушка даже не стала искать менеджера, чтобы восстановить заказ. Я послал новый заказ, но с ним произошла точно такая же история. Когда я допёр, оказалось, что мой номер телефона просто не передавался у них из формы заказа, потому что он был из 7 цифр, а не из 10-и, как в мобильнике. Какая в сущности разница? Но у них не положено. Как говорится, заставь дураков богу молиться. То бишь мобильнику. В общем, пока я пытался донести до них мой номер телефона, товар уже закончился. Вместе с хреном. Впрочем, думаю, даже если б его было завались, то и тогда заставить менеджера позвонить на городской номер или написать на почту в этом интернет-магазине было бы "миссией невыполнимой".

Вспомнив этот случай, я почувствовал, что и сейчас что-то случится, но, скрепя сердце, стал регистрироваться. Однако, поначалу всё поехало резво. Даже пришло письмо с адресом активации. Кликнув на адрес я оказался, увы и опять, на странице, где требовался номер мобильника. Он не был отмечен как обязательный, но без него выход со страницы не получался. А без этого выхода возникала какая-то половинчатая ситуация: в правом верхнем углу

было написано, что на сайте я уже зарегистрирован, а видео с футболом опять не запускалось. Видимо (иначе не объяснить), где-то в запутанных электронных подвалах ВЧК не уложилась, как ей положено, запись о моём не существующем мобильнике.

Но под чёрным видео-окном была ссылка на Youtube! "Эврика!" - хотелось подумать, но тёртый калач опять не давал. Перейдя по ссылке на Youtube, немного прояснилось. Появилась надпись: "Просмотр запрещён правообладателем. Зарегистрируйтесь". Какая регистрация требовалась: Google, Youtube или Спорт-экспресс – осталось загадкой. Меня не пустили и здесь.

"Вы вдумайтесь в простые эти строки" (пел Высоцкий): "запрещён правообладателем". Кто он этот обладатель? И зачем он вообще выставил ссылку на открытый общественный сайт Youtube, если посмотреть по ней никто с улицы не может? Знать хочу, какая это сволочь выпендривается и показывает мне, что он чем-то нужным мне обладает и поэтому меня и всех мне подобных имеет. Не может он просто сидеть себе у себя в хате на том, чем обладает, и не высовываться. Ему нужно обязательно ещё меня унижить и всем об этом похвастаться. На общедоступном бесплатном сайте, где любой человек может разместить любую информацию.

Память услужливо подсунула кое-какие пример

Время от времени московские суды рассматривали иски таких самодержных "правообладателей", расширенно понимающих свои права и зауженно - чужие, к разного рода электронным библиотекам, или базам данных, или файлообменникам. И суды их удовлетворяли! Это в правовом государстве, где по идее все равны в правах. Некий грузин, с него всё началось очень давно, запретил читать свои книги в библиотеке Мошкова. Да кому его занюхан-

ные книги нужны? Его и так никто не читал. Запретить читать - это же не заставить читать. Но грузин думал иначе. Недавно такую же махинацию проделала авторша детективов. Позарилась на мнимую прибыль, которую хотела прихватить запретом. Да господи, люди! Пишите хорошо. И вас тогда читать будут и без хапужьих ухищрений - и в интернете, и на бумаге. А если вам слабо - то и бумага не поможет, никакая. Позор один. Хоть 100 раз назовёт суд брюнета поэтом, он им не станет. Хоть нобелевку ему организуйте - не станет. Как говорил Остап Бендер, "ничто не изменит этого соотношения сил".

Однажды я искал в интернете песни в исполнении Бернеса. Давно ставшие достоянием народа, его культурой. Их не было. Родственники – правообладатели и его наследники запретили публикацию его записей в интернете. Чего они достигли этим? Того, что запятнали светлое имя торговскими замашками. Слава богу, через какое-то время одумались. Или кто-то подсказал. Алчность сама не проходит.

В одном научном институте меня всегда смешила группа молодых людей (давно уже не молодых), которая имела публикации в платных научных журналах. То есть, в журналах, читать которые в интернете можно только за плату. Как они пыжились, всем видом намекая, что это-то только и есть научная ценность, если за знакомство с ней взимается плата. На самом же деле других научных трудов они и не имели, а проверять, что они там опубликовали за деньги, конечно же, никто не брался. Так, преподавали немного в вузе да протирали штаны на семинарах, где с трудом сочиняли каверзный вопрос докладчику. Конечно же, с непременным намёком, что публиковаться надо в платных журналах.

Жизнь повернула так, что сейчас коммерческих научных журналов пруд пруди. И все за руки хватают проходящих авторов. Непонятно, может, это мошенники хватают. А журналы с бесплатным доступом всё держат свою высокую научную марку.

Я сейчас расскажу историю, которую нельзя читать менеджерам. Либо обморочат, либо не поверят. А это чистая правда. Рассказал её дворянин Андрей Болотов в своих мемуарах. Дело было при Екатерине. Послали его служить в Германию, с армией. Он очень обрадовался, потому что хорошо знал немецкий язык и надеялся там изучить побольше книг. В первый же день по прибытии он помчался в книжный магазин и набрал себе гору книг. Увидев это, - вот сейчас закройте глаза менеджеру и уведите его. От греха подальше. Так вот, увидев книги, хозяин магазина ему сказал: "Я знаю, жалованье у вас скромное, а книги дорогие. Если столько будете покупать, то с голоду помрёте. Можно отдать переписчику, чтобы он сделал копии, но это долго и тоже недёшево. Вы пойдите по такому-то адресу. Там библиотека. Почти все эти книги там есть. Она бесплатная. Прочитаете одни - вернёте, возьмёте ещё".

Болотов не понял, но пошёл. Всё оказалось правдой. До конца службы он посещал библиотеку и был от неё в восторге. Часть книг всё же купил. Наиболее для себя ценных. В России в то время ничего подобного не было.

И ведь представьте: при дороговизне книг ни один автор, ни один правообладатель не обращался в суд с запретом нахождения его книг в библиотеке. Автору - авторово, издателю - прибыль с тиража, а читателю и покупателю - право на распоряжение экземпляром книги по своему усмотрению. Хоть продавай втридорога, хоть давай читать бесплатно. И заметьте: никто не укорял Болотова, что он сквалыга, что ворует у правообладателей

их трудовой хлеб, когда читает чужие книги, а не покупает свои. Кто сейчас поймёт ход мыслей тогдашних людей?

Одно время правообладатели шифровали диски с кинофильмами, чтобы их нельзя было смотреть на компьютере. Один шведский школьник купил пару таких дисков и определил, каким образом работал алгоритм шифрования. Своё открытие он опубликовал. Обиженные хапуги-правообладатели подали на него в суд, так как им был нанесён "коммерческий" урон. Адвокат легко доказал, что юноша имел право делать, что хочет, с купленными дисками. В том числе и дешифровать запись. Но это был шведский суд! Представьте только, куда бы загремел юноша, если бы суд был московский.

Почему же, на каком витке развития народа хапужья идеология торгашей возобладала в умах россиян? Почему никто не видит национального позора в решениях московских судов, в уничтожении бульдозерами "пиратских" дисков с фильмами, в запрете файлообменников и торрент-трекеров?

Я знаю ответ на эти вопросы, но не скажу. Потому что "правообладатели" давно оградил себя законами, которые для них угодливо приняла коррумпированная (пардон, лоббированная) власть, и запросто могут засадить меня за "разжигание вражды к социальной группе", то есть, к ним. С каких пор хапуги стали социальной группой, а те, кого они обирают, социальной группой не являются? Пусть об этом думают наши внуки и дети. А я дедушка умываю руки. Сейчас сяду и посмотрю кино, скачанное с запрещённого торрент-сайта. И катись всё конём. Мы ещё умеем делиться с ближними тем, что нам бог послал.

Кстати, а футбол я посмотрел - в великолепном качестве. Скачал с того же запрещённого сайта. Посмотрел - и стёр файл. Проиграли наши. За державу обидно.

Да! Совсем забыл. Гонорар за публикацию этой писанины на нашем сайте прошу отдать самому бедному тому, кто больше всех скажет про себя: "я бедный".

Корейский пот

Вы знаете, как чудесно пахнет политое американским дезодорантом тело юной красавицы, выходящей из пенной пучины океана, который хранит в себе свежие ароматы йода, морских чудовищ и диковинных подводных растений?

Нет, вы не знаете, как пахнет тело этой красавицы. И я не знаю. И никто не знает. И она сама не знает. Потому что чудо американской химической индустрии и предприимчивости – этот дезодорант – отшибает запахи всего живого, и оставляет лишь какую-то одну неуловимую компоненту, которая по слухам приводит в неистовство молодых американских придурков и импотентов, в результате чего они хотят секса с красавицей не один раз в месяц, а целых два раза.

А ещё раз в месяц они хотят наблюдать, как эта красавица от скуки мастурбирует. А в четвёртую неделю месяца они отдыхают от этого такого утомительного секса. Увидел Бог дело рук своих и сказал: это хорошо.

Я очень долго гадал, почему американки на пляжах ходят практически в чём мать родила, а вот американцы,

наоборот – в двойных широких шортах пониже колен. Говорят, американцы боятся походить на геев. А я думаю, они боятся, что в плотных и откровенных европейских плавках все увидят, что в этих плавках ничего-то мужского и нет. А широкие шорты всё скрывают, и их длина даже на что-то якобы длинное намекает.

А вот патриотически настроенные американки, лишённые родным дезодорантом природного женского запаха, этого мощного компонента женской привлекательности (вспомните французский фильм "Аромат женщины"), вынуждены избыточно демонстрировать остатки и без того бледной своей визуальности.

В жаркий полдень мы с женой зашли в супермаркет, и она потерялась. А время поджимало. С тяжёлой тележкой я обегал все закоулки, неприлично покрылся потом, но, наконец, нашёл её, беседующей с соотечественницей. Рядом тупо стояли две мексиканские продавщицы. Мексиканцы вообще всегда либо стоят, либо двигаются очень медленно, боясь хоть чуть-чуть припотеть. Потом новая знакомая рассказала, что мексиканки, говоря обо мне, сильно возмущались, неужели я не пользуюсь дезодорантом.

Знакомый собирался на интервью. Пожилая опытная женщина, которая нашла ему эту работу, предупредила, чтобы он тщательно вымылся и обязательно обрызгал себя всего дезодорантом, иначе работы не получит. Он её получил с бесплатным испытательным сроком. На работе его заставили красить и оттирать краску ацетоном, при этом давали только марлевую повязку. Ну, да, ацетон же и крас-

ка не пахнут, это же совсем не то, что человеческий пот, который вынести абсолютно невозможно без дезодоранта!

Это был образец мексиканской логики, воспитанной американской рекламой и привычным для рабов лизоблюдством.

По этому поводу говорят, что у мексиканцев очень хороший нюх. Но он какой-то избирательный. Только на

пот. Ни один мексиканец не воротит нос от канализационных люков, из которых, извините, частенько несёт настоящим зловонием. Ни один не морщится от дыма и смрада регулярно опускаю-

щегося на город смога. Чёрный дым из выхлопной трубы автомобиля или автобуса прямо в нос никогда не выведет из себя мексиканца. Он может ходить в грязной рубашке и штанах, но отсутствие пота - это для него святое. Ради отшибить этот пот он моется под душем не меньше двух раз на день и заставляет президента страны призывать его экономить воду. А президент не только зря призывает, но и увеличивает цену на водопотребление. Помните, когда у нас цена на водку постепенно, но неуклонно росла от 2.12 до 4.62, появился стишок, в котором проводилась мысль, что как бы цена ни росла, мы всё равно будем пить. Не за

горами, когда аналогичный стишок появится в Мексике про воду, дескать, будем мыть. А как ему не появиться, если всё руководство страны и всё чиновничество, которые призывают народ к экономии, друг перед другом выпендриваются в усердии лизнуть зад дяде Сэму и в количестве помывок под душем за день? Как может народ отставать от лучших людей страны?

Может быть, мексиканцы генетически не потеют? Ну, да! Чиновники, которые в обеденное время, +-2 часа, медленно и вальяжно беседуя, в галстуках и пиджаках прогуливаются в сторону любимой едальни, не потеют. Кто не работает, тот не потеет. Но посмотрите по ТВ футбольный матч. Сколько пота струится по футбольным лицам игроков в угоду тренерской доктрине! Мексиканцы бегают по полю, как психи, сталкиваясь лбами и ломая ноги. Хотя в передовых футбольных странах давно исповедуется более экономичный и техничный футбол. Прикиньте, сколько нужно дезодоранта, чтобы нейтрализовать такое количество пота. И что интересно, ни один игрок не жалуется судье, что, например, Куатемок Бланко специально потеет и воняет, чтобы мешать противнику играть.

К нам в комнату на работе подселили молодого мексиканского еврея. На второй день он притащил из дому мощный вентилятор, который был всегда включён и своим шумом очень мешал работать. Но что для мексиканца работа? Он ходил и всем рассказывал, что от меня так несёт потом, что он не может работать. И требовал для себя (не для меня) отдельной комнаты. В конце концов, получил. Но вот интересный факт. К нам частенько заходил

наш соотечественник, который имел намного больший научный вес, чем я, то есть, монографии, связи, знакомства и прочее. Он имел старческие проблемы с пищеварением, и от него иногда неприятно пахло, извиняюсь, говнецом. Ну, что делать, такова, к сожалению, жизнь. Мы терпели. Не обижать же человека. Но что удивительно, и мексиканский еврей терпел и ни слова плохого в его адрес никому не говорил. Он хорошо знал, кому надо задницу лизать, а на кого можно собак вешать себе на пользу.

Моя старшая сестра, когда я приехал к ней в гости, с гордостью показала подаренный ей баллон с дезодорантом для туалета и тут же обрызгала им бачок. "Что это за мерзкая вонь?" – спросил я её. "Ты что, это же импортный дезодорант и ароматизатор. От лучшей подруги", - смеясь, ответила она. "Слушай, пока я у тебя гощу, чтобы этого запаха не было. Немедленно проветри". Она открыла все окна и двери. Эта стойкая дрянь воняла ещё два дня, вызывая у меня мигрень и побуждая к сквернословию в адрес лучшей подруги, глупых женщин вообще и ещё сволочных американцев, дурящих доверчивый народ.

Когда я был маленьким, отец купил участок земли и строил на нём дом. Он работал практически один, лишь в самом крайнем разе приглашая друзей помочь. Вечером он приходил со стройки потным и грязным, и мать поливала его водой над тазиком. При этом она ругала его "страшными" словами: "опять пропах корейским потом". Мы жили недалеко от Корейской слободки, и тогда там действительно ещё жили корейцы. Это очень работающий народ, намного больше, чем русские. Меня долго занимал вопрос,

что же это за такой особо вонючий "корейский пот". Я незаметно крутился возле отца, вынюхивая, чем же от него пахнет. И ничего никогда не унюхивал.

"У них невеста вся в прыщах – созрела, значит", – пел Высоцкий. Отнюдь! Только начала созревать и активно интересоваться мужчинами. Мне запали в душу два эпизода юности с двумя милыми еврейскими девушками. Прыщавые, активные и улыбчивые девушки. Одна другой лучше. Если хотя бы на полгода позже. С одной меня познакомил её старший брат, пригласивши в гости. По принципу – лучше уж со мной, чем с кем попало. Девушка действительно очень хотела жениха. С другой свёл наш общий знакомый из самых благих побуждений. Мы с ней долго гуляли по берегу моря. Но от обеих разил такой кошмарный сладковатый приторный запах девичьего пота, который им свойственен именно в ту пору, когда они уже красивы, но прыщавы, и ещё нельзя им трахаться, потому что не получат они никакого удовольствия. Мудрый защитный запах. Спасибо надо сказать матери Природе, И ничего у меня с этими девушками не вышло. Противно было. Через полгода они нашли себе настоящих женихов.

А представьте себе, если б они при такой предприимчивости обливали себя дезодорантом, как американки. Выросли бы из них холодные потаскухи. Может, вам и всё равно, а мне больше нравятся темпераментные и верные.

Но всю свою жизнь я буду с необычайной нежностью вспоминать двух других девушек. Одну я встретил в русской библиотеке в Бруклине. Жгуче-чёрная молодая еврейка с длинным носом и румяными щеками, энергич-

ная и худая, пролетела мимо меня, обдав резким смолистым запахом от волос. За этим запахом я побежал бы на край земли. Потому что это был тот же самый чарующий запах волос моей второй жены, когда я её встретил и когда она меня ещё любила. Это запах, который меня всегда сводил с ума. Не Шанель №5, а природный запах смолы от корней волос. Это запах, ради которого я плевал на все житейские предрассудки и женился на девушке намного меня моложе. Кто этого запаха не встречал в жизни, никогда меня не поймёт. Ради того, чтобы вдыхать этот аромат в интимные минуты, я терпел невзгоды жизни и унижения. Когда со временем он стал исчезать, я долго ещё надеялся унюхать его в разных местах. Никакого лучшего аромата в жизни я не вдыхал. К сожалению, всё проходит, и наша совместная жизнь тоже прошла. Но если бы этот запах остался, я был бы её рабом на всю жизнь. Несмотря ни на что. Всего две девушки в мире с таким запахом. И счастье, что одна была моей женой.

Какой, бля, дезодорант имеет право отбивать этот чудесный запах? Какой человеконенавистник придумал эти грёбаные дезодоранты? Может, память об этом запахе и надежда встретить его вновь ещё и связывают меня с этой никчёмной жизнью.

Я всегда любил обнюхивать жену. Ну, нет этого запаха, так есть другой. Все запахи любимого человека приятны. Когда она меня разлюбила и стала искать другого, то ей понравилось обижать меня мыслью: "А, ты меня нюхаешь, потому что хочешь узнать, не была ли я с любовником!" Что я мог ответить? Моего любимого запаха уже не было. О

любовнике можно узнать наверняка и по другим признакам. А с беспредельностью женского самодовольства всем нам приходится мириться. Многим, думаю, ради и таких пустяков, как чудесный женский запах.

Когда вы молоды, запах женщины, запах цветов, запах хлеба, запах жизни сводит вас с ума. Когда вы стары, и никакая жизнь от вас уже не требуется природе-матери, — не пахнут цветы, не пахнет хлеб, не пахнут женщины, и жизнь теряет свой аромат и привлекательность. Зачем же, господа, ещё каким-то дезодорантом напрочь отбивать возможно последние дорогие вам запахи жизни?

Как я тонул.

Кому суждено быть повешенным,
тот не утонет.

(Английская мудрость)

Гавно не тонет.

(Русская мудрость)

Тонул я раза четыре. В детстве, когда только научился грести саженками, не зная, что делать ногами, решил доплыть до поплавок на детском пляже. Начал резво, но ближе к поплавам скорость замедлилась, а расстояние увеличилось. Там было уже с ручками, все так говорили, отдохнуть можно было только у поплавок. Я заработал быстрее руками, но тут стала кружиться голова от перенапряжения. Я закрыл глаза и доплыл. Но это было полдела. Руки держались за канат, а тело уходило под него. Я обхватил канат руками в обнимку и притянул себя к нему. Подняться на канат, как делали другие, не хватало сил.

Волна, хоть и мелкая, но перекатывалась по лицу, и нахлебался я вполне. Ногам было холодно.

Наконец, выждав момент уверенности, поплыл обратно. Когда ноги почуяли дно, сил уже не было. Шатаясь, я вышел на берег и плюхнулся на песок. Мои товарищи даже не заметили, что со мной происходило.

Из этого случая я сделал чёткий вывод: надо научиться отдыхать на воде, лежать на ней, не двигаясь. Это проще всего получалось на спине. И я изобрёл свой способ плавания: лежать на спине и делать ногами движения вверх-вниз, а гребки руками - как медуза или осьминог. Способ был очень медленный, но позволял держаться даже в среднюю волну. Моя проблема была в том, что я был тяжёлый. Как ни плыви, а чуть замедлишься - и топором на дно, а нос под воду. В морской воде ещё туда-сюда, а вот в пресной...

Второй случай был как раз на реке. Невдалеке я заметил буй с фонарём и захотел его осмотреть. Подплыву, подержусь за него, отдохну и осмотрю. Всё было разумно, если бы с другой стороны к бую не подплыли два идиота чуть раньше меня и не влезли на него. Они стали нарочно раскачивать буй, чтобы я не смог ухватиться. Никакие угрозы не помогали. Кроме того они обливали меня водой.

Как показывает жизнь, идиотов очень много. Они меряют всё на своё удовольствие. Подумать немного за другого им не дано.

Пришлось плыть обратно, не отдохнувши. Я поплыл к берегу кратчайшим путём, когда надо было в обход, влез в илистый и коряжистый берег, ободрал ноги и испортил настроение. В общем, мне повезло, что эти идиоты не прыгнули с бую и не стали меня топить себе на удовольствие. Талмуд этого не рекомендует, но разрешает, если рядом никого нет.

Третий случай произошёл лет десять назад и показал, как плохо я знаю повадки моря. Мы соблазнились подводным плаванием с аквалангом и долго плыли на катере к нужному месту. Я не хотел спускаться, так как плавал плохо, а просто сопровождал к месту жену и сына. Они надели амунцию и довольные погрузились на дно вместе с инструктором. А я и ещё двое парней остались на катере их ждать.

Рядом остановился катамаран с американскими туристами, и они дружными группками колыхались на поверхности моря, высматривая что-то внизу. И тут подходит ко мне один из парней и предлагает так же полежать на воде и посмотреть, что там делает внизу моя семья. Я надел тяжёлые ласты (никогда в них не плавал), трубку и маску и плюхнулся за борт.

Зрелище было прекрасное. Абсолютно прозрачная океанская вода, ярко освещённое пятнистое, как лоскутное одеяло, дно и на нём, метрах в десяти от поверхности, как казалось, копошились маленькие фигурки людей.

Вдоволь налюбовавшись, я решил вернуться и высунул голову из воды. Странно, но катер оказался дальше, чем я предполагал. Парни не могли включить мотор и отъехать. Зачем им это? Я лёг на спину и поплыл к катеру. Я уже почти поравнялся с ним, но странное дело - подплыть не мог, как будто кто-то держал меня на месте. Сбросить тяжёлые ласты как-то не решался, они же были не мои. Я опять сделал попытку подплыть, но стоило остановиться, как меня тут же относило. Парни на катере весело болтали и обо мне не вспоминали. Я понял - подводное течение. Катер стоял на якоре, а меня это течение уносило. Почему американских туристов никуда не уносило, было загадкой природы. А вот мне повезло. И что делать, силы-то уходили?

Я барахтался без особого успеха, прекрасно понимая, что если меня отнесёт далеко, то уже не найдут. Я попробовал заплыть к другому борту катера, но течение было и там. В общем, отнесло меня уже метров за сорок, когда парни спохватились. Один прыгнул в воду, а другой завёл катер и подплыл поближе. С их помощью я забрался на борт, не без труда. Не знаю, что уж они обо мне подумали. Про течения в открытом море я узнал впервые.

И вот последний, надеюсь, случай. Он произошёл недавно, уже в старости. Блаженное время человеческой осени. Когда ты только созерцаешь жизнь и никому не нужен. Когда жена ушла на поиски своего счастья, а дети думают о своём пути в жизни, непохожем на твой. Время собирать урожай в одиночку. Но урожай этот интересен только тебе самому. Когда всё знаешь и понимаешь, но никого не можешь убедить, что ты герой или гений. Потому что твой песок сыпется, и все знают, что он неизбежно высыплется. Кто-то неожиданно умирает в 30 лет, а ты хоть и гарантированно после 60-и, но женщина предпочитает первого, а на тебя плюёт с колокольни, будь ты хоть сам Эзоп. И в этом её божественное предначертание.

Одна чудесная фемина, мечта поэта, я говорю это только с грустью, без надлежащего сарказма, потому что это действительно замечательная женщина, пригласила меня провести пару дней с ней и её бой-френдом на берегу моря.

Смешно и непонятно? Пожалуй. Но мы давно выражали желание встретиться, однако что-нибудь да мешало. И вот подходящий, хоть и запоздалый случай. Мы познакомились на сайте знакомств, и я сразу прикипел к этому необыкновенно доброму лицу, доброте которого не портила ни наигранная чикагская улыбка, ни сиплый блатной голос. Я сразу поверил всему, что она говорила. Даже тому, что

было сомнительно. С ней было очень легко. Удивительно, что я, подозрительный и жутко самолюбивый человек, верил каждому её элементарному совету. У неё был дневник со стихами, и она меня легко убедила, что это хорошие стихи. Мало того, я стал думать, что это в большинстве её стихи. До сих пор не знаю, так ли это, но верю. В общем, не хочу сказать, что я в неё влюбился, но это была, как говорят мужчины, моя женщина.

К сожалению, я не был её мужчиной. Что я ей мог предложить? Песок, который сыпется всё быстрее? Жалкий доход, которого едва хватает? Чем на этом фоне является любовь? Ничем. Она занялась устройством своей жизни и нашла себе бой-френда. Хороший парень, почти как в "Москва слезам не верит". И когда она успокоилась в своих поисках, мы и встретились. Потому что родственные души должны встретиться. Просто так.

Назовём её Люсей.

Я вышел из автобуса, чувствуя себя юношей, спешащим на свидание. Пока разбирался с гостиничным ресепсьёном, она подошла сзади. Ничего необычного: как будто мы разговаривали только вчера. Это действительно было просто и естественно: вот она стоит, ничем не отличаясь от моего представления о ней. Кроме одного: она обращалась ко мне на "Вы". И дураку ясно, что это значит. Я был слишком старый и не соответствовал её представлению. Ну, что ж, не судьба. Но это была "моя женщина", и мне было с ней легко и приятно.

Мы втроём перекусили, выпили пива и немного дерьмовой текилы "Хемадор" и пошли на пляж. Смеркалось, спасателя на вышке уже не было. Это была не бухта, а океанское побережье. Огромные волны накатывались на берег. Вода после спиртного казалась тёплой, и мы нашли место попрыгать на волнах. Было весело.

Однако темнело быстро. Я решил последний раз подпрыгнуть и уходить, как раз набегала большая волна. Люся была метрах в десяти ближе к берегу. Было по грудь. Я подпрыгнул, чтобы не накрыло волной. Волна прошла, но дна я не нащупал. Меня отнесло в море. Люся потом говорила, что тоже едва выбралась.

Я сделал несколько мощных гребков в сторону берега - дна не было. Я повторил это ещё два раза и опять не нащупал дна. Было ясно, что через гребень волны мне не переплыть. Я с него скатывался обратно в море. "Похоже, придётся утонуть" - возникла мысль. Но тут я представил, какие неприятности это принесёт всем: работникам гостиницы, моим друзьям - Андрею с Люсей, моим детям, да и на работе. Мне стало так горько из-за этого, что я решил: нет, надо что-то придумывать, чтобы спастись. Но что?

Сначала оценим ситуацию. Скорее всего, я за двумя гребнями волн, потому что уж очень темно, свет с берега не доходит. А это значит, что меня не видно. Да и два гребня волн выше человеческого роста меня скрывают. Наверняка ещё и снесло в сторону. Поэтому помощи ждать неоткуда. Значит, надо экономить силы и надеяться на авось. Какой это может быть авось, я не представлял. Но силы надо было беречь. Я ещё раз померял дно, не нашёл и решил больше этого не делать.

Я сориентировал себя поперёк волн и просто лежал, стараясь, чтобы не накрыла волна. Однако, видимо, вода уже попала в лёгкие. Потому что я не мог регулировать своё дыхание. Оно вышло на какой-то автоматический режим, глубокий и мощный. Это было плохо, потому что я не мог задерживать дыхание, когда очередной гребень волны перекатывался по моему лицу. Приходилось глотать эту солёную воду. Но вкуса соли я не чувствовал. Впрочем,

и температуры воды тоже. Я слышал только сильный шум волн, просто грохот, ощущал, что у меня есть руки и ноги, а перед глазами стояло чёрное небо с неожиданно возникавшими гребешками волн. И мозг хладнокровно искал шансы. Но не находил.

В один из моментов мне надоели эти назойливые мелкие гребни, и я закрылся от очередного руками. И тут же неясно подумалось: может, высовывать руки, когда подходит гребень, чтобы он меня за эти руки нёс к берегу? Идея была так себе, отнюдь не эврика, но я стал высовывать руки - без всякой веры в успех. Это был хоть какой-то шанс. Надо же было что-то делать. Проделав это с дюжину раз или больше, я без всякого энтузиазма, просто ради любопытства решил померять дно. Вода была по колено.

Ещё не веря в чудо, я перевернулся на живот и стал на карачки. Подняться на ноги не получилось: тело не слушалось приказов мозга. Я с ужасом подумал: если сейчас набежит волна, ударит меня в зад, поднимет и понесёт обратно, я этого уже не выдержу. Но тут откуда-то слева ко мне подбежал Андрей и помог встать на ноги. И только тогда я понял, что спасён.

Он повёл меня к берегу. Подошла Люся и спросила:

- Это Андрей тебя спас?

- Нет, сам выплыл.

На берегу я сел на лежак и попытался успокоиться. Дыхалка не менялась. Из горла вырывался сип, как будто из лёгких выдыхалась вода, а не воздух. Немного отдышавшись, я произнёс "умную мысль":

- Бог спас, но это от него предупреждение. Вот только о чём?

Практически не разговаривая, пошли в гостиницу.

В номере Люся стала суетиться насчёт поесть, но я её попросил слабым голосом:

- Люся, есть не хочу. Чаю, пожалуйста, сладкого и крепкого, как можно больше.

Она сделала кружку. Мне показалось, очень быстро. Видимо, сознание стало отдыхать. Выпил подряд две. Потом попросил ещё. И снова выпил две. Видимо, солёной воды в желудке было много. Потом налил себе кружку простой воды и снова выпил.

Сил не было, ноги едва двигались. Я лёг спать под два одеяла и тут почувствовал озноб.

- Люся, укрой меня ещё двумя одеялами.

Люся укрыла, потрогала лоб и сказала:

- У тебя температура.

- Нет у меня никакой температуры. У тебя рука такой же температуры, как мой лоб.

Тогда Люся потрогала мой лоб губами, как делают детям, и ничего не сказала. Губы у неё были большими и мягкими, как лепёшки. Я не мог даже пошевелить глазами.

Озноб бил почти всю ночь. За ночь я пять раз просыпался в туалет. Только под утро дыхалка восстановилась.

За что Он меня спас? Или так и надо было, потому что я не паниковал и вёл себя разумно? Кто знает? Но только чем дальше, тем больше я осознаю, какой ужас мог произойти. И мне уже не в радость эта жизнь, потому что я кому-то ею обязан.

Зачем я пишу? Может, мои истории кому-то будут полезны. Может, никому. Через день я вернулся в свой город, через неделю - Люся с Андреем в свой. Вряд ли мы ещё встретимся. Вряд ли будем переписываться. Я уже один раз почти умер, и новой жизни не надо знать про старую, какой бы хорошей она ни была.

Мехико, 2013.

Пуассон неисчерпаем – как атом (Из цикла «Чтиво на даче»)

*Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.
(Гамлет)*

Это надо же!

Один великий физик как-то сказал, что электрон так же неисчерпаем, как и атом. Они всегда чего-то говорят, а остальные люди ходят вокруг и записывают. Для истории. Меня никто не записывает, поэтому я сел и решил написать втихаря сам что-нибудь о моём самом любимом – уравнении Пуассона. С тех давно забытых пор, как я его узнал, оно постоянно потрясает моё воображение, как огонь потрясал душу неандертальца, как колесо колесницы – глаз фараона, как Пифагоровы штаны – студента средневековья, как любителя кино – вид обнажённой ББ, и как Анну Каренину мог бы потрясти психоанализ Фрейда, если б она его знала.

Всё, что я перечислил, прекрасно и просто в своей гениальности. Уравнение Пуассона – не хуже. Для него даже придумали симпатичный математический иероглиф, посмотрите:

$$\Delta\varphi = f .$$

И звучит он тоже вполне по-китайски: «дельта-фи-равно-эф» или «лапласиан-фи-равно-эф». То есть вполне непонятно. И так же мало кому понятно, как его переводить на язык школьников. А среди нас, несомненно, есть школьники, но не только продвинутые и задвинутые, а и просто умные и любопытные. Так что попробую немного ввести в курс дела.

Если где-то чего-то (как говаривал Ломоносов) убудет, то туда начнётся течение (приток, или более общим словом поток) от большего (б) к меньшему (м) чему-то:

$p = -(\varphi_m - \varphi_b)/s$. Здесь s – это расстояние между (б) и (м).

Его поток ещё называют отрицательным градиентом и записывают так: $p = -grad \varphi$.

А сейчас представьте себе, что это «убудет» организовал некий дядя Федя (f), который где-то стоит и постоянно это «что-то» кладёт себе в карман или теряет из кармана. К нему подходит поток, а от него уже уходит совсем другой поток. Получается в результате расходимость потока, физики ещё её называют дивергенцией.

Этот процесс записывается так: $div grad \varphi = -f$, – что, по-видимому, означает в переводе: «дивергенция (расходимость) градиента (минус потока) поля фи (величины фи) равна функции источников-стоков (не могу сообразить, чему какой знак – сами решите) эф (дяди Феди)». И на чей язык перевод, тоже не скажу.

А математикам эта заумь для тёти Фени от дяди Феди не нужна. Они просто заменяют всё вторыми частными производными в Декартовых (обычных наших) координатах и получают прелестнейшее по простоте уравнение:

$$\frac{\partial^2 \varphi}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 \varphi}{\partial y^2} = f.$$

А потом заменяют левую часть на иероглиф «лапласиан-фи» и радуются своей хитрости. Это и есть наше уравнение Пуассона на плоскости (x, y) в переводе с китайского. В левой части два слагаемых по числу координат. Если же мы находимся в пространстве – то есть, в координатах (x, y, z), то добавляется ещё одно слагаемое. Но мы в пространство выходить не будем – не космонавты.

Да, не пугайтесь, частная производная – это обычная производная по одной (частной) переменной, независимая и свободная от других переменных – кроме своей собственной как от своей жены. Ничего интересного.

В этом месте, я предвижу, дамы обижаются, устав от ожидания комплиментов, и идут разогревать блинчики с мясом для себя и своих подруг. Оставим их за этим полезным занятием. Проблемы мужчин бывают утомительны для слабого женского организма. А я тем временем расскажу, как дошёл до такой странной любви к уравнению.

Дискретный мир

Детство моё, как сейчас принято говорить, было «трудным». Летом бегаешь за бабочками, играешь в прятки и другие азартные игры, а вот зимой не каждый день получается выйти покататься на санках. То пурга метёт, то мороз крепчает. Игрушек мало и только полезные: пистолет с присосками, грузовик с пружинным заводом да конструктор металлический. Одно только и спасало – карты, деньги и женщины. Но у сестры с матерью своих забот хватало – не со мной сидеть, а для карт нужен гость, который в пургу и мороз в гости не ходит. Оставались только деньги, точнее монеты. От одной копейки до двадцати. Полтинников и рублей тогда не было. Много их у меня иногда накапливалось. На сдачу. Можно было складывать в столбики по 10 и по 5, а столбики пересчитывать и переносить в группы по рублю и два, если хватало. Много чего с ними можно было делать, даже футбольные турниры устраивать. И вся моя жизнь протекала разделённой на эти копейки: эскимо – рубль и пять копеек, коробка спичек – шесть копеек, перо №11 для ручки – две копейки (если не подводит память), тетрадный лист – одна копейка, а меньше ничего нет. Нет в мире ничего меньше копейки – ни атомов, ни молекул. Они где-то там – в книгах для старшеклассников, а копейки здесь, в жизни. стакан молока – всегда стакан молока, полстакана не бывает. Бутерброд с сахаром (без масла) – всегда один бутерброд, даже когда с сожалением отрываешь от него кусок приятелю. Дискретный мир.

Я бегал в магазин и покупал хлеб и молоко на эти рубли и копейки. Я запоминал номера машин и трамваев, очень бывали интересные. Я считал, сколько машин проезжает направо и сколько налево по шоссе. Я считал штакетины в заборе и доски в потолке. Столько всего можно было пересчитать. Если больше делать нечего.

В школе пришла пора учить таблицу умножения. Как я избежал таблицы сложения, не помню.

– Дети, к завтрашнему дню выучите наизусть таблицу умножения на один, на два и на три. Она у вас на задней обложке тетради. Первые три столбика.

– А зачем её учить наизусть? – спрашиваю.

– Чтобы уметь умножать.

– А я и так умею.

– Ой, ну хорошо, сколько будет трижды семь?

– Трижды семь чего?

– Ну, например, копеек.

– Копеек – двадцать одна.

– Всё равно выучи, буду спрашивать.

Конечно, я ничего не учил, потому что это был просто эпизод моей дискретной жизни, а зачем учить жизнь – достаточно было знать.

А многие честно учили. Мамаши приходили жаловаться учительнице Анне Петровне, как тяжело даётся эта проклятая таблица умножения. Может, прикрепить отличника (т.е. меня)? Но я не знал, как учить, потому что сам её не учил. С тех пор преподавать так и не научился.

В пятом классе я получил первую двойку – по геометрии. В доказательстве теоремы я помнил, что надо было повернуть чертёж вокруг точки, но у доски вдруг задался вопросом: а что это доказывает? Рисунок остаётся тем же, откуда на него ни смотри. Мир не меняется, так в чём же был смысл и секрет? Крутить можно по-разному –

любители найдутся. Моё дискретное мироощущение не воспринимало уловки теоремы. В ней явно был какой-то обман: очевидное выдавали за неизвестное и требовали его доказать. С тех пор я не понимаю доказательств никаких теорем. Потому что они ничего не доказывают. Они наводят дикую тоску. Они просто говорят другими словами то, что уже есть в мире. Если наблюдать мир – его никому не надо доказывать.

Как-то я нашёл на улице старую монету в полкопейки! Так значит, когда-то люди меряли свою жизнь ещё и полукопейками? Это было открытие: мой мир сразу вырос в два раза. Раньше ещё и названия другие были: полушка, грош, алтын, гривенник, пятиалтынный, двугривенный, полтинник. «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз». «Не было ни гроша, да вдруг алтын». «Ну, давай пятак!»

Наконец, подросший, поумневший и натренированный в решении задач, но в душе дискретный, в последнем классе я решил попробовать себя в изучении производных. Всё вроде бы понятно: разность делим на интервал, а потом начинаем его уменьшать. Но зачем всё это, и главное – до каких пор уменьшать? Как это «до нулевого предела»? Что там может быть нового около этого нулевого предела, чего нет около моей конечной величины, в полкопейки?

Это были вопросы. Интуитивно было ясно, что ничего нового там нет. Но авторы книг почему-то старались уверить, что только там всё то и начинается. Ничего не заметил, ничего не начиналось. Всё уже было заложено в ясные и понятные синусы, логарифмы и т.п. Так до сих пор я в это и не поверил. Хотя студентом все экзамены сдавал по мат анализу, и даже бывало на пятёрки. Как все.

Вы любите пить горячий кофе с молоком? Я люблю. А холодный терпеть не могу. Представьте, вы наливаете

кипяток в кружку на ложку растворимого и две ложки сахара, и тут звонит телефон. Он всегда звонит в самый неподходящий момент. Вы человек вежливый, да и любопытный – не подойти не можете. Помнится, как-то по молодости я не подошёл на звонок тёщи. Через три минуты пришли узнать, в чём дело, соседи снизу, которые на какой-то сабантуй угощали нас татарскими сладостями, а я не догадался высказать неподдельный восторг... В общем, любопытство – это полезное качество.

И тут возникает проблема: влить молоко и пойти к телефону или сначала поговорить, а потом влить молоко. Понятно, что молоко холодное, а кофе надо, чтобы меньше остыл. Чтобы решить эту проблему, надо знать, что такое (опять же) поток тепла. Оно тепло, в сущности, пропорционально температуре. Чем выше разность температур в комнате и в кружке, тем больший будет поток. И тем быстрее кофе будет остывать. И вы поступите правильно, если сразу снизите температуру кофе, налив молока. А потом уже пусть остывает себе медленно, пока вы разговариваете.

Эврика! Вот откуда появилась разность в определении производной. Это же просто другими словами вычисление потока. Но зачем делить на расстояние? А это уже просто: чем больше толщина стенки кружки, тем меньше поток сквозь неё. Чем толще кружка, тем медленнее остывает. Так что видим: процесс вычисления производной от температуры и вычисление потока тепла – очень похожи.

– «Как я рада, как я рад, что мы едем в Ленинград!»

Только вот зачем же уменьшать толщину стенки, да ещё до нулевого предела? Нулевой толщины не бывает!

Правильно, не бывает. И главное, нулевая она никого не интересует. Реально все имеют дело с конечной

толщиной и со средним потоком. Это давно уже поняли вычислительные математики и стали заменять в своих вычислительных методах производные их определениями, но без стремления толщины к нулю, или же какими-нибудь другими конечными выражениями, так называемыми конечными разностями, в отличие от бесконечно малых разностей в производных.

Математика вычислений

Стоп! Что это ещё за вычислительные математики, чем они отличаются от обычных и с какой сырости появились? А они были всегда, но, строго говоря, их нет. Все математики изучают мир и находят подчас потрясающей красоты его свойства. Да хотя бы число π – с виду совсем не дискретное. И есть люди, которые применяют их открытия при решении практических задач и, опять же подчас, сталкиваются на этом пути с неожиданными и неприятными трудностями. Я укажу лишь некоторые из них: 1) ошибки в измерении физических величин, 2) конечное число цифр для вещественного числа в компьютере, 3) нехватка машинной памяти для вычислений, 4) малое быстродействие компьютера, 5) медлительность самих математических методов, которые не всегда следуют своей славе. Эти люди придумывают всевозможные способы обхода, и даже изобретают новые методы решения. Если им удаётся математически обосновать свои способы, то их называют математиками – прикладными, вычислительными или численными. А если нет, то о них молчат. Что сказать о людях, которые видят пятна на солнце и наводят тень на плетень? Хотя, конечно, они всего лишь хотели хорошо сделать своё дело: решить физическую, химическую или геофизическую задачу. Но об этом чуть позже.

А сейчас мы, подражая вычислительным математикам, которым надоело брать интегралы и суммировать

длинные ряды, заменим частную производную конечно-разностной производной в согласии с определением производной:

$$\frac{\partial \varphi}{\partial x} \approx \frac{\varphi_i - \varphi_{i-1}}{x_i - x_{i-1}},$$

где индекс i имеет значение номера дискретной точки на оси x . Все такие точки (узлы) нумеруются по порядку и образуют так называемую разностную сетку.

И вот тут возникает он – ответственный момент: все значения функции φ вне точек разностной сетки никого не интересуют. Их нет. Вот оно – торжество целочисленного мира: есть копейка, и меньше её ничего нет. Если кого-то интересует значение в другой точке – не на сетке, пусть поставит туда узел, всё перенумерует и получит новую сетку.

Да, «так во всём судьба плутует». Трудно бывает переварить факт, что наши желания ограничены условностями. Дамы, распахнувшие было дверь, с пониманием и непониманием на лице снова скрываются за нею. А мы, пока дамы за чашкой чая привыкают к этому новому повороту судьбы, поговорим о возможных задачах для уравнения Пуассона.

Краевые задачи

Дело в том, что φ , – наше «что-то» (назовём его «потенциал», хотя физики, бывает, называют и по-другому), – обычно распределено на какой-то ограниченной площади. Неограниченных площадей не бывает. Хотя, конечно, в теоретической модели может быть всякое. На площади (обычно говорят «внутри области») пусть распределение потенциала подчиняется уравнению Пуассона. А вот на границе области должны быть заданы для потенциала сдерживающие условия (говорят «граничные условия» или «краевые условия»). Типов условий может быть

всего два: 1) задано значение потенциала (условие Дирихле) и 2) задано значение потока (условие Неймана). Понятно, что возможно и смешанное условие – из линейной комбинации этих двух условий, то есть из суммы с весами.

Если на всей границе заданы только условия Дирихле, то такая задача называется краевой задачей Дирихле. Если же на всей границе заданы только условия Неймана, то это краевая задача Неймана. Для задачи Неймана есть маленькая, но существенная проблема. Её решение для уравнения Пуассона определяется с точностью до константы. То есть, оно не единственное. Поэтому, чтобы численно выделить одно решение, необходимо его как-то зафиксировать. Проще всего это сделать, задавая значение потенциала в точке на границе.

В этом месте некоторые сугубые физики возмущаются и кричат: «Как это в точке? Она же бесконечно малая!» Сам видел такого придурка. Пытаются всех запутать в своей бесконечной малости. Не смущайтесь и отвечайте: «А вот так! Это у Вас она бесконечно малая, а у нас в дискретном мире она конечная и не меньше шага сетки». Но всякие такие дискуссии смехотворны. Куда интереснее наше наблюдение, что чистая задача Неймана вычислительно нереальна. Для вычислителя имеет смысл только смешанная краевая задача, близкая к задаче Неймана, то есть, в которой на границе кроме краевых условий Неймана присутствует хотя бы одна точка с условием Дирихле. Забегая вперёд, скажу, что это самые неприятные задачи для численных методов решения.

Отметим также, что наша область не обязана быть сплошной. Внутри неё вполне могут быть внутренние границы с заданными на них граничными условиями. Понятно и то, что чем сложнее область, тем труднее решать

на ней задачу о нахождении распределения потенциала. И если кто придумает метод решения, которому наплевать на сложность границы, а заодно и на близость к краевой задаче Неймана, то он может считать себя молодцом.

Вот вкратце о краевых задачах, то есть о задачах на ограниченной области. А сейчас продолжим выводить разностное уравнение Пуассона, или другими словами – разностную схему для уравнения Пуассона.

Выше мы получили разностную схему для левой производной. Предположим для простоты, что разностная сетка равномерная, то есть все шаги сетки равны: $x_i - x_{i-1} = h_x$. Тогда, комбинируя левую и правую производные (для симметрии), получим такое выражение для второй производной:

$$\frac{\partial^2 \varphi}{\partial x^2} = \frac{\partial}{\partial x} \left(\frac{\partial \varphi}{\partial x} \right) \approx \frac{\varphi_{i-1} - 2\varphi_i + \varphi_{i+1}}{h_x^2}.$$

А для всего двумерного уравнения Пуассона – разностную схему на двумерной прямоугольной сетке (два индекса i и j):

$$(\varphi_{i-1,j} - 2\varphi_{ij} + \varphi_{i+1,j})/h_x^2 + (\varphi_{i,j-1} - 2\varphi_{ij} + \varphi_{i,j+1})/h_y^2 = f_{ij}.$$

И всё! Опять простота необыкновенная. И заметьте: в этой схеме задействованы только пять узлов, минимальное число, и образуют они между собой шаблон «крест».

Далее записываем уравнение разностной схемы в каждом узле разностной сетки, включая и узлы границы, и получаем систему линейных уравнений. Например, если область наша – прямоугольник, то есть, $i = 0 \dots I; j = 0 \dots J$, то узлов будет $(I + 1) \times (J + 1)$, столько же будет уравнений в системе, и столько же переменных, если условия Неймана на границе записывать только с помощью узлов, не выходящих за границу. Это легко осуществимо, если в разностной схеме на границе поток с узлами за границей

заменить его значением из условия Неймана. Многовато, конечно, уравнений, но зато очень много нулей в матрице системы. Это упрощает процесс решения задачи.

Сейчас можно передохнуть и послать гонца посмотреть, куда ушли дамы от всей этой скуки. Потому что без них всё равно никакая математика с физикой не укладываются.

Уравнение Лапласа и век ТФКП

А вот уравнение Лапласа ещё проще: это уравнение Пуассона с правой частью равной нулю. Это история науки 20-го века. Это ради его решения была создана Теория Функций Комплексного Переменного (ТФКП) и теория конформных отображений. И это им был нанесён сокрушительный удар персональными компьютерами и теорией разностных схем и итерационных методов. Я при этом присутствовал и могу отдаться воспоминаниям, пока ещё дамы не вернулись.

Ещё каких-то 50 лет назад я учился на физфаке университета. Это был экспериментальный университет, и экспериментальный физфак. И поэтому руководство, академики и член-коры, решило, что будущим великим физикам не нужно черчение (инженеры нарисуют), теория вероятностей и методы вычислений. Зато нужна теория функций комплексного переменного, с помощью которой так хорошо писать научные статьи с картинками и выдвигаться в академики. В то время самым популярным персональным компьютером была логарифмическая линейка, хотя где-то там у них, да и у нас, появлялись отдельные вычислительные машины и книги про кибернетику. Если, скажем, надо было посчитать форму крыла нового самолёта, то брали лист бумаги формата А1 или больше, чертили на нём таблицу, – в левой колонке переменные, а в верхней строке – формулы для логарифмической линейки, – и

клали на большой стол, и младший научный работник ползал по этой таблице с этой самой линейкой, вписывая в клетки значения.

Академикам и в голову не приходило, что им придётся изучать языки программирования, разностные схемы и итерационные методы. И очень скоро. Впрочем, они так и не научились. Уже через пять лет появилась, а потом хлынула бурным потоком вычислительная техника, и энтузиасты с жадностью и любовью набросились на новую область творчества – вычислительную математику. Но физики так и остались дилетантами в неосвоенной теории вероятностей и самоучками в методах вычислений.

Мне приятно, что я был и остаюсь среди этих первых самоучек, но немного стыдно, что мой сын, учившийся на экономике, в отличие от меня запросто щёлкает задачки по теории вероятностей, а другой сын знает все современные языки и системы программирования.

Но что же с ТФКП? А вы знаете, что почти вся советская теория движения грунтовых вод основана на решении уравнения Лапласа методами ТФКП? Написано множество толстенных монографий. Почему толстых? Да потому, что каждая задача, отличающаяся от другой пустяком, например, положением дрены, решалась своим методом. Решения получались в виде красивых и сложных интегралов. Исследовались свойства этих решений в критических и околокритических режимах. И т.д., и т.п. Но за редкими исключениями никто не приводил результаты расчётов. Однажды я понял почему, после того, как сам разработал метод численного решения всех подобных задач, о котором ещё расскажу.

– «Да задолбал уже меня шеф своей задачей! – в сердцах сказал наш лаборант Коля, – часами считается, а решения всё нет». – «А что за задача?» – поинтересовался

я. Оказалось, та самая краевая задача, близкая к задаче Неймана: два небольших участка границы с условиями Дирихле. Так называемое аналитическое решение в виде нескольких интегралов, которые заменяются потом рядами, чтобы получить численное решение и численный результат.

– «Так у вас же ряды медленно сходящиеся. Нужно очень много членов ряда, чтобы что-то получилось». – «А других рядов нет».

Всё правильно, потом я не раз встречался с этой проблемой – медленно сходящиеся ряды. Огромное количество членов ряда, чтобы получить хорошее приближение к сумме ряда.

В конце концов, шеф написал докторскую на 500 страниц и защитил её. Труд его многолетней научной жизни. Он с большой любовью рассказывал всем о своих задачах и был доволен собой. Я не стал говорить ему, что знаю метод, которым его задачи легко и единообразно решаются, не прикладывая большого ума. И метод этот использует простенькую разностную схему и довольно экономичный и универсальный итерационный метод.

Итерационные методы

Итак, выше мы получили сеточную систему линейных разностных уравнений для краевой задачи в прямоугольнике для уравнения Пуассона. Как её решать, то есть, находить значения потенциала в узлах сетки?

Запишем её в матричном виде:

$$A\varphi = f,$$

где φ и f – вектора с $N = (I + 1) \times (J + 1)$ компонентами, а квадратная матрица A имеет N^2 элементов, из которых подавляющее большинство нулевые.

Решать эту систему можно методами линейной алгебры, например, приводя к треугольному виду. Это

требует много компьютерной памяти и времени. Есть методы, которые учитывают специфику распределения нулей в матрице, например, метод матричной прогонки или метод редукции. Но у них проблемы устойчивости в случае краевой задачи близкой к задаче Неймана. Все эти методы называются прямыми методами решения. У них ещё и довольно сложные алгоритмы.

Альтернативу представляют итерационные методы, то есть с повторением вычислений. Рассмотрим такой итерационный процесс:

$$B(\varphi_{s+1} - \varphi_s) = -A\varphi_s + f,$$

где индекс итерации (повторения) $s = 0, 1, 2, \dots$. На начальной (нулевой) итерации задаётся какое-то распределение искомого потенциала. Численное решение итерационной системы уравнений тогда даёт φ_1 , следующая итерация даёт φ_2 , и так дальше.

До каких пор? Заметьте, что если $\max|\varphi_{s+1} - \varphi_s| \rightarrow 0$, (стремится к нулю) то итерационное уравнение стремится к исходному разностному. Значит, критерием окончания итерационного процесса вполне резонно взять

$$(\max|-A\varphi_s + f|)/(\max|-A\varphi_0 + f|) < \varepsilon,$$

где ε – малое число.

Другой вопрос – будет ли это итерационное решение решением дифференциального уравнения, но решением разностного уравнения будет с точностью порядка ε . Иначе говоря, итерационный процесс будет сходиться.

Зачем эти выкрутасы, если есть прямые методы? Всё дело в матрице B . Её можно задать такой, чтобы система уравнений решалась просто и экономично. Её можно задать такой, чтобы число итераций было небольшим для достижения приемлемой точности сходимости. И это будет хорошо, лучше, чем прямые методы. Но можно задать и так, что число итераций будет удручающе большим. Или

того хуже – что критерий сходимости не будет выполняться вообще, и процесс разойдётся.

Дамы уже сходили испустаться. И меня посетила зависть к этой прекрасной и практичной половине человечества, которая не испытывает мук любви к уравнениям и скучной себялюбивой болтовне. Поэтому я опущу намеченный обзор всех этих великих итерационных методов: верхней релаксации, переменных направлений, попеременно-треугольного, Монте-Карло и Лас-Вегаса, а перейду сразу к методу, который придумал физик, а его ученики и последователи, тоже физики, довели до уровня. И это потому, что им всем, как полагается, надо было хорошо решать свои физические задачи. Всё же, мы не только у коллайдера сидим.

Метод неполной факторизации

Но сначала, чтобы видна была историческая преемственность, взглянем на обычный метод прогонки решения одномерного уравнения (язык не поворачивается сказать Пуассона):

$$-a_i \varphi_{i-1} + b_i \varphi_i - c_i \varphi_{i+1} = f_i.$$

Это уравнение вида $A\varphi = f$. На левой границе $a_0 = 0$, на правой – $c_l = 0$. Запишем левую часть в виде произведения: $UV\varphi = f$, где оператор U определяется так: $U\varphi \equiv u_i - \alpha_i \varphi_{i-1} = f_i$, а оператор V так: $V\varphi \equiv \gamma_i \varphi_i - \beta_i \varphi_{i+1} = u_i$. Приравнивая $UV = A$, получаем выражения для α, β , и γ . Это стандартные рекуррентные формулы алгоритма прогонки. То есть, в них искомые значения выражаются через предшествующие значения. Есть только одно «но»: из-за того, что $b = a + c$ во всех узлах (если условия Неймана на обеих границах), то счёт приводит к делению на ноль. Чтобы этого избежать, практически надо поместить условие Дирихле на одной из границ.

А сейчас рассмотрим двумерный случай. Уравнение Пуассона на неравномерной сетке, к примеру:

$$-a_{ij}\varphi_{i-1,j} - b_{ij}\varphi_{i,j-1} + e_{ij}\varphi_{ij} - c_{ij}\varphi_{i+1,j} - d_{ij}\varphi_{i,j+1} = f_{ij}.$$

Опять задаём операторы U и V :

$$Uu \equiv u_{ij} - \alpha_{ij}u_{i-1,j} = f_{ij};$$

$$V\varphi \equiv \gamma_{ij}\varphi_{ij} - \beta_{ij}\varphi_{i,j-1} - \delta_{ij}\varphi_{i,j+1} - \epsilon_{ij}\varphi_{i+1,j} = u_{ij}.$$

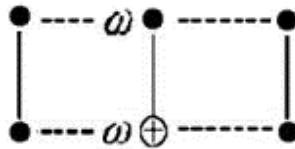
Но вот неприятность: произведение $UV \neq A$. И не может быть равно, потому что в нём два лишних члена: при $(i-1, j-1)$ и при $(i-1, j+1)$. Что же делать?

Выход гениален. Во-первых, заменить произведением U на V ту самую матрицу B в уравнении итерационного процесса. Во-вторых, добавить к уравнению $UV = A$ два уравнения для лишних членов, которые написать по аналогии с формулой линейной интерполяции (ω – итерационный параметр):

$$\varphi_{i-1,j-1} + \omega\varphi_{ij} = \omega\varphi_{i-1,j} + \varphi_{i,j-1};$$

$$\varphi_{i-1,j+1} + \omega\varphi_{ij} = \omega\varphi_{i-1,j} + \varphi_{i,j+1}.$$

Что это даёт? Во-первых, простенькие рекуррентные формулы для алгоритма. Вы их можете вывести сами. Во-вторых, уникальный вид матрицы $H = B - A$, которая определяет так называемую матрицу перехода от одной итерации к другой $T = (A + H)^{-1}H$. Схема её узлов, то есть шаблон матрицы H – «ящик», который я не откажу себе в удовольствии привести.

Вид ящика говорит, что собственные значения матрицы H представляются произведением, примерно так: $\mu_i(2\lambda_j - 1 + \omega)$, где λ_j – собственное значение трёхточечного разностного одномерного уравнения Пуассона (см. выше). Один сомножитель зависит только от i , другой –

только от j . Глядя в то же время на матрицу перехода, при небольшой фантазии, можно заметить, что она отдалённо напоминает матрицу перехода для популярного и хорошо изученного метода переменных направлений, а отсюда можно уже выписать формулу для итерационного параметра. Конечно, эти значения параметра будут не оптимальны, но на практике оказываются очень даже неплохими. Впрочем, при желании можно найти и оптимальные параметры с помощью довольно громоздкой вычислительной процедуры, но это уже совсем не для милых дам.

Да, прошу прощения: я не рассказал, что такое собственные значения матрицы. Это очень хорошая вещь. Можно, конечно, привести точное определение, но в нашем житейском рассказе достаточно обойтись примитивным описанием. У каждой матрицы есть собственные значения. Они, конечно, не в ней самой записаны, но их можно с ней сопоставить. Если они действительные, то лежат в интервале от минимального значения до максимального. Отношение минимального собственного значения к максимальному называется числом обусловленности матрицы. Это потому такое название, что матрица, соответствующая краевой задаче Дирихле, имеет наибольшее число обусловленности (говорят, что она хорошо обусловлена), а матрица для краевой задачи Неймана имеет наименьшее число обусловленности, равное нулю (или близкое к нулю в случае фиксации решения – т.е. плохо обусловлена).

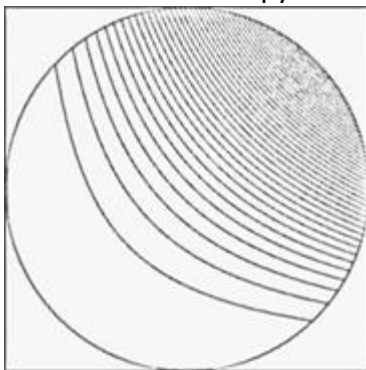
Однако, наша матрица перехода T лучше матрицы перехода метода переменных направлений, собственные значения которой представляются примерно в таком виде $(\omega - \lambda)/(\omega + \lambda)$. Матрица T подавляет значение $\lambda = 0$ за одну итерацию при $\omega = 1$ (потому что собственное значение A это $\lambda_i + \lambda_j$, и величина $\mu \sim \lambda_i$), а матрица для

переменных направлений вообще его не подавляет. А это как раз то нулевое собственное значение, которое присутствует в краевой задаче Неймана, в отличие от других краевых задач.

В случае собственных значений близких к нулю, то есть для плохой обусловленности, матрица T имеет собственное значение меньше единицы при $\omega = 1$, которое практически не зависит от λ_j . В результате это позволяет эффективно решать смешанную краевую задачу близкую к задаче Неймана. А метод переменных направлений, даже с оптимальным набором итерационных параметров, даёт медленную сходимость при плохой обусловленности, тем худшую, чем меньше λ . Другие итерационные методы страдают тем же недостатком: снижают свою скорость сходимости при ухудшении обусловленности. Вот преимущество странного «ящика».

И ещё штрих: для устойчивости счёта по формулам алгоритма достаточно присутствие условия Дирихле только в одной какой-нибудь точке на границе $i = I$. А это как раз краевая задача Неймана с фиксированным значением на границе.

Всё сошлось, и мы молодцы. Осталось только проверить чувствительность метода к форме границы. Вот, посмотрите на этот симпатичный круг.

Внутри круга – изолинии функции $\varphi = x^2y^2$. Они получены, как решение уравнения Пуассона с правой частью и граничными условиями Неймана такими, чтобы получалось именно это решение. Но граница области, если присмотреться, вовсе не окружность, а многоугольник ближайший к окружности, проведённый по сеточным линиям. Эта псевдокруговая область вписана в квадрат размера 501×501 узлов. Относительная точность $\varepsilon = 0.00001$ была получена за 25 итераций. Для сравнения, та же задача, но в квадрате сходилась за 23 итерации.

И в связи с этим возникает философский вопрос. Люди стараются сгладить границы – придумывают всякие методы конечных элементов, чтобы точнее учесть криволинейность границы в вычислениях. При этом вынуждены бывают использовать для решения медленно сходящиеся итерационные методы. А зачем всё это? Возьмите мелкую сетку и замените кривую границу прямоугольным многоугольником – дискретной областью. Зато в награду можете применить быстро сходящийся итерационный метод. Почему я не прав?

Дамы накрошили салатик из помидор, полили его сметанкой и зовут нас тоже отобедать. А сами поспешили к экрану смотреть сериал. То ли она полюбила, да он бросил, то ли он увлёкся честным бизнесом, да его кинули. Чего только не бывает в жизни! Так что я перехожу к финалу.

Заключение

Уравнения типа Пуассона, то есть вида $div(K \text{ grad } \varphi) = f$, повсеместно используются для описания различных явлений, от течения нефти и воды под землёй до распределения электрического поля в пламени реактивного двигателя. Желание иметь для их решения

экономичный и универсальный метод – это не прихоть. Описанный здесь вкратце метод применим не только к постоянному коэффициенту K (к уравнению Пуассона), но также эффективен и в случаях переменного $K = K(x, y)$, и даже нелинейного коэффициента $K = K(x, y, \varphi)$. В деталях он известен с 1980 года на русском языке и с 2005 года – на английском. Но мне не известно ни одного его применения, кроме моих собственных.

Я мог бы с восторгом написать, как знание новых численных методов решения уравнения Пуассона помогает “космическим кораблям бороздить просторы Вселенной”, да совесть не позволяет. Даже личные контакты не помогли. Легче уговорить девушку, чем научного сотрудника, попробовать новое. Люди предпочитают доказанные теоремами рекомендации больших математиков, а не скромных физиков. Хотя мир один, и он дискретен как для математиков, так и для физиков. Он один, и не надо думать о нём привычными домыслами, а надо его изучать.

Кстати о домыслах. Многие верят, что в областях со слабым изменением решения можно применять грубую сетку для экономии, а вот в областях, где решение меняется быстро, надо применять мелкую. Очень смешно: они ещё придумали и красивое китайское название для этой идеи – метод доменной декомпозиции. А вот когда грубая разностная ошибка в решении поплывёт с грубой сетки на мелкую, по принципу Ломоносова «ежели где чего убудет», то как они отбрешутся?

Этот философский вопрос я оставляю вам для обдумывания перед сном. Вместо того, чтобы считать верблюдов или баранов. А сам пока пойду посижу возле дам, ибо без них никакой любви не бывает к уравнениям. Но рассказывать им ничего такого – ничего подобного, не буду.

Тикётъ ли текила?

Часть первая, 2002-2004

(Заметки туриста)

1. Первый месяц.

*Готовься в дорогу на долгие годы,
Бери с коммунистов пример.
(Пионерская песня)*

Задумав слинять в Мексику (подвернулась работа - всё равно, ведь, куда), мы ничего о ней не знали, как и все советские люди. Не более чем о Марокко или Аргентине.

Стоя в стороне от большой политики, она не привлекала внимания СМИ.

Нет, мы, конечно, знали по американским фильмам, что в Мексику, как в землю обетованную, бегут американские уголовники, и она их охотно впускает. По тем же фильмам можно было понять, что в Мексике женщины затюканные, а мужчины жестокие и беспощадные. В это плохо верилось. Сладявые мексиканские сериалы о плачущих

богатых с их глуповатыми диалогами тоже явно не давали информации. Что мы знали – так это загадочную историю о Троцком, который почему-то поселился именно в Мексике, в доме за высоким колючим забором, который усиленно охранялся, - но тем не менее убийца Троцкого легко прошёл в дом да ещё и пронёс увесистый топорик.

Ближе к отъезду мы уже знали многое. Во-первых, что это нефтедобывающая страна. Что оформить документы на въезд в эту страну – это долгий и изнурительный труд. Со слов русских, там живущих, что люди в Мексике ленивые и лживые (но не со зла, как в столице нашей родины, а в силу желания всем угодить). Что продукты и транспорт там дешёвы, а люди бедны и стараются сбежать в Америку. Что там грабят днём на улицах, воруют детей, и полиция совершенно бессильна.

Я уже месяц живу в небогатом районе Мехико, напротив огромнейшего Политехнического института, и, прошу прощения, чувствую себя пока свободнее, чем в оплотах американской свободы Вашингтоне и Нью-Йорке.

Что интересует человека, собравшегося в чужую страну? Погода и климат, цены, какие там женщины, и мужчины, нравы и порядки, медицина, и как там наши. Возможно - что-то ещё, возможно - в другом порядке.

Погода и климат.

*На равнинах Испании часто идёт дождь.
(Бернард Шоу)*

2.5 тысячи метров над уровнем моря чувствуются. Иногда становится трудно дышать, иногда колотится сердце, но организм выдерживает и сильно не возмущается. Труднее привыкнуть к американской пище, которой здесь немало в супермаркетах, к этим поганеньким сырам, спрес-

сованному мясу, хлебу для тостеров, напиткам и сокам из концентратов.

Зимой так же тепло, как летом в Новосибирске. Но ночью прохладно – чувствуется близость гор. Даже днём в жару мексиканцы ходят в куртках, и довольно тёплых, по утрам можно видеть женщин в тёплых перчатках и даже в шарфах и пальто. Мексиканцы, со слов очевидцев, плохо переносят не только холод, но и жару.

Погода довольно стабильна. День похож на день. В летнее время (сезон дождей) кратковременный ливень идёт каждый вечер. В зимнее время – дождь раз в месяц. Нельзя сказать, что в Мехико буйная растительность. Это из-за почвы. Она сухая и каменистая. Такое же впечатление оставляют и трава с деревьями, и даже пальмы. Но цветы цветут и плоды растут. Это зимой. Однако, насекомых мало. Немного бабочек, очень мало мух. Птиц тоже не густо. Это из-за загазованности воздуха промышленными отходами. Иногда откуда-то несёт настоящей вонюю. Небо часто бывает затянуто дымкой. Говорят, смог. Однако, слухи о смоге и тому подобном, возможно, преувеличены. В центре Новосибирска воздух ничуть не чище.

Судя по ценам в супермаркетах и на базарах, в Мексике хорошо растут бананы и цитрусовые. Намного хуже – помидоры, картошка, капуста, яблоки, груши.

Цены

(к сожалению, старые – всё растёт стремительно).

*Всё, что любим мы и ценим,
Чем гордится коллектив.
(Высоцкий)*

Одним словом, то, что растёт и производится в Мексике – дёшево, а то, что привозится – дорого. На базарах цены в полтора-два раза ниже, чем в супермаркетах. Мандарины в 5 раз, апельсины и лимоны – в 3 раза, бананы – в полтора раза дешевле, чем в Новосибирске. Картошка – в 6 раз, мясо – в 2 раза, помидоры и капуста – в полтора раза дороже, чем в Новосибирске. Хлеб местной выпечки стоит примерно столько же, что и в Новосибирске. Остальные цены на продукты и товары – на уровне мировых. Рыба дорогая, икры нет.

Автобус – 2 песо, если едешь на расстояние до 5 км. Метро – 1.5 песо в любую сторону (9.2 песо = 1 доллару США). Через два года: автобус 3 и 4 песо, метро 2 песо, 1 доллар = 11 песо. Такси тоже недорого. Почти половина из движущегося по дорогам – это маленькие зелёные частные такси фирмы Фольксваген, реже – Ниссан.

Лекарства, по-видимому, дороги. Медицина не очень дорогая. Медицинские страховки есть, но по пустякам не используются. Сын приехал из Новосибирска с вирусным конъюнктивитом. Приём у врача в клинике обошёлся в 350 песо, мазь и капли с антибиотиком – в 250 песо. Частный дантист залечил ему пульпит в три посещения за 1000 песо.

Цены на жильё примерно в полтора раза ниже мировых. Видимо, из-за отсутствия отопления или кондиционера. Зарплаты невысокие. Мастер на швейной фабрике получает 5000 песо в месяц. Заведующий лабораторией в Политехническом институте – 22000 песо. Хорошо оплачивается нефтяная отрасль. Очень многие подрабатывают торговлей на улице. Однако, просящих милостыню мало, меньше, чем в Российских городах, и даже меньше, чем в Вашингтоне.

Женщины.

Эта женщина – увижу и немею.

(Б.Окуджава)

Практически все – смуглые брюнетки. Волосы длинные и гладко зачёсаны назад. Иногда пышно завитые. Короткие стрижки крайне редки. Некоторые подкрашивают волосы в светлые тона – без особой надежды обмануть. Редко душатся, иногда красят губы тёмно-коричневой помадой. Обычно носят джинсы или брюки, причём отнюдь не стремятся,

как негритянки в Америке, чтобы джинсы обтягивали фигуру. Доброжелательны, улыбчивы и общительны.

Девушки очень активны и сексуально привлекательны. В любом общественном месте, если есть свободное пространство радиусом в полтора метра, то в нём можно увидеть целующуюся враспашку парочку. Причём девушка обычно висит на парне и прижимает его к стенке. В более пожилом возрасте активности полюсов меняются. При такой повышенной половой активности девушек, однако, не видно, чтобы прижатые парни особо возбуждались. Если б (невероятнейшее предположение) такая девушка повисла на моей шее, то боюсь, что в 55 у меня бы всё твёрдокаменно и неприлично стало молодым.

В общем, женщины необычайно приятны и привлекательны. Часто встречаются фигуры и лица, писанные ещё

Гогеном. Однако, мексиканцы – сплошные метисы, поэтому в женских лицах можно различить черты разных европейских народов – испанские, немецкие, еврейские и только история знает ещё какие.

Кстати об истории. Удивительно, но многие индейские слова похожи на украинские. Полянко, Закатенко, Итапалапа, Незахуалькойотль – районы Мехико, чалупа – лодка, себойя – лук. У меня есть репродукция с картины мексиканского художника: отдыхающая крестьянская парочка на фоне мексиканской природы. Так парень – вылитый запорожский казак, как на иллюстрациях к произведениям Гоголя. И шляпа такая же, и рубаха со штанами.

Мужчины.

*“Эх, мусикапы!”
(Из анекдота)*

Мужчины низкого роста, хорошо упитаны. Лысые практически не встречаются, что указывает (по мнению, поддерживаемому эротическими сайтами и американскими фильмами) на невысокое в среднем половое трудолюбие мексиканцев, или же на хорошее питание.

Лучше всего о мужчинах могут рассказать женщины. Я спросил у одной русской, бывшей 11 лет замужем за мексиканцем и 4 года уже живущей в разводе,

почему она живёт одна.

- Не люблю мексиканцев, - был несколько ошарашивающий ответ.

- А чем же так плохи мексиканцы?

- Нет, вначале они очень даже неплохи, умеют ухаживать, не то, что русские.

- Ну, вам женщинам надо бы знать, что у русских просто жизнь такая, тяжёлая, - немного смутившись, вступился я за соотечественников.

- А потом, когда добились своего, они меняются. Они очень властны, себялюбивы. Ни в чём им не перечь, своего мнения не имей, подавляют всякую женскую самостоятельность и очень ревнивы. С соседом не разговаривай, на эту работу не ходи, можешь устраиваться только на эту. Денег не дают, даже на самое необходимое.

- Господи, - промолчал я, - да это же всё, чем моя жена меня попрекает!

- А главное, мексиканцы живут на две семьи.

- Как это?

- У них принято иметь любовницу и её содержать.

- Что, если не имеешь, то продвижение по службе замедляется? – вспомнил я какой-то фильм.

- Нет, пожалуй. Но если у него нет любовницы, то он не считается полноценным мужчиной. Они друг перед другом хвастаются своими любовницами, не скрывают этого от жён. И вообще они жуткие сплетники. Любят сидеть и обсуждать женщин, у кого какие ноги, кто как одевается. Противно это.

- Ну хорошо, а к любовницам они тоже так же относятся, как к жёнам, то есть, не разрешают им того-сего, не дают денег?

- Ну, я не знаю, в любовницах не была. Кроме того, они лживы и ленивы. Например, строят всякие планы,

говорят, что будут учиться, найдут лучшую работу, а на самом деле ничего этого не делают.

- Ну, так это же очень приятно женщине, когда мужчина обещает ей лучшую жизнь!

- Да, но эта жизнь никогда не наступает. Это утомляет.

Во время разговора она всё оговаривалась, что это только про её мужа и про его круг знакомых. Возможно, другие мужчины другие. Да, бывают и другие, но то, что она рассказала, типично. И стремящейся «побежать за поворот» русской женской душе действительно трудно сохранять и поддерживать традиции мексиканской семьи.

- Что-то все мужчины одинаковы в Мексике – черноволосые, короткие, - заметил я.

- Нет, есть и светловолосые. Но их не увидишь. Они ездят в автомобилях и живут в богатых районах. За ними гонятся женщины, и они смотрят на всех свысока.

(Ну точь-в-точь, как красивые американские женщины. Их тоже никогда не встретишь, потому что они не вылазят из автомобилей и замужем за богатыми.)

Мексиканский характер.

*У меня такой характер, ты со мною не шути.
(Из песни)*

В Мексике ровный и тёплый климат и нет проблем с едой. Это сказывается на национальном характере. У них всегда лето, поэтому они не замечают времени, никуда и никогда не торопятся. Бесплезно спрашивать у мексиканца на улице дорогу. Он ответит так, как по его мнению вам приятнее. Если вы спросите «туда?», он согласится, а если вы переспросите «а может быть туда?» - он с радостью закивает головой.

Я пересаживался в аэропорту Лос-Анджелеса на рейс мексиканской авиакомпании. Мы с летевшей туда же кореянской и сопровождавшей нас по аэропорту мексиканской долго шли по залам с озабоченными спешащими людьми. Наконец, вошли в Мексиканский зал – и попали в иной мир. Полупустое пространство, плавно движущиеся и улыбающиеся девушки за стойками, непрерывно щебечущие между собой на звонком наречии. Я забыл им показать мой мексиканский паспорт, а когда они заметили его среди моих бумаг, лежавших в стороне, на их лицах отразилось полное счастье и никакого намёка на досаду по поводу моей бестолковости.

Самолёт без всякой видимой причины задержался с вылетом на час. Всё это время служащие авиакомпании парень с девушкой за стойкой, мило и постоянно улыбаясь, болтали о чём-то своём. Наконец, появился экипаж, и так же не торопясь, мило улыбаясь и болтая, прошёл в самолёт. В полёте полчаса из этого часа самолёт нагнал. Стюардессы были приветливы и улыбки и готовы были закормить до отвала.

Нравы и порядки.

Анархия – мать порядка.

(Лозунг анархистов)

Типичный американец (американка) в Вашингтоне, отправляясь утром на работу, садится в машину, беря с собой пустую кружку-термос для кофе. По дороге он (она) заезжает в ближайшее заведение «Старбук кофи» и заполняет эту кружку. Дальше они едут каждый по своей полосе, одной рукой гордо держа руль, а другой – кружку с кофе, изредка прикладывая её к губам.

Приехав на работу в офис, они, полчаса спустя, спускаются в лифте в ближайшее отделение «Старбук

кофи» и торжественно несут оттуда те же кружки с кофе. При этом - очень довольные собой, как будто совершают таинственный и многозначительный ритуал.

У мексиканцев тоже есть свой ритуал. Они любят поесть на улице. К их кревоугодию – всевозможные пищевые точки на открытом воздухе, в которых жарятся, источая дым и чад, куры, мясо, лепёшки, разные острые соусы и чёрт знает что ещё, отжимается свежий апельсиновый сок, и вокруг которых всегда толпятся жаждущие и алчущие вкусно и сытно поесть и попить. Мексиканская еда действительно очень вкусна. Острый перец не является героем фольклора и эпоса или индейским божеством, но он является первой частью всех приправ. Мексиканский перец более жгуч, чем знаменитый кайенский, и его едят не только красным, но и зелёным. Однако, в отличие от сортов перца, выращиваемых на Украине или в бывшей нашей Средней Азии, или корейских сортов, его обжигающее действие кратковременное, и его можно запивать водой. Мой организм, с детства привыкший к перцу, первое время просто ликовал от острой мексиканской пищи.

Мексиканцы едят медленно и с видимым удовольствием. Во время еды они много разговаривают и хохочут.

Их пища разнообразна, хоть в ней и присутствуют традиционные компоненты, высококачественна и, похоже, экологически чиста. Цены на еду очень даже умеренные. Комплексный обед в нашем институте стоит 26.5 песо (через два года – 29), причём хлеб и фруктовый напиток на столах никто не считает. Целая жареная курица в супермаркете стоит около 40 песо.

Мексиканцы с уважением относятся к еде и значительно менее требовательно – к одежде. У женщин не в моде платья. Обычная одежда – спортивная куртка или футболка и джинсы. Доходы большинства населения невелики, поэтому сильно развита уличная торговля. В метро на каждой остановке в вагон входит новый торговец и хорошо поставленным речитативом начинает расхваливать свой товар – всякую мелочёвку. Кончается речитатив мелодичным припевом: «синко песос, синко песос». То есть 5 песо. Товар в метро стоит 2, 3, 5 или 10 песо. Иногда вошедшая женщина быстро раздаёт направо и налево упаковки жвачки или конфет. А потом идёт обратно и собирает деньги или возвращаемый товар. Всё делается ненавязчиво и быстро.

В метро бывает очень много народу, но люди ведут себя аккуратно и предусмотрительно. Однажды я замешкался и пошёл на лестницу, около которой стоял старик с табличкой «только для дам», которую я второпях не понял. «Синьор, синьор» - закричал на меня старик, указывая на табличку. Я сконфузился, подумав по совковой привычке, что это вход в туалет, развернулся и прошёл к следующему спуску. Выйдя на перрон, я увидел ещё двух мужиков с табличкой «для дам», которой они заслоняли проход к головным вагонам. И тут я понял, что тот спуск, куда меня не пустил старик, тоже вёл к первым вагонам поезда, которые обычно более свободны в часы пик. Поезд метро

был переполнен и стоял, ожидая завершения посадки. Я прошёл в конец поезда и к удивлению обнаружил, что последние вагоны – почти пустые.

Мексиканцы вообще любят строго придерживаться правил, которые они придумали. Они очень боятся грабителей и всяких уголовников, и поэтому везде держат очень много охраны. Небольшие улицы часто бывают перегорожены железными воротами, возле которых – будка охранника. Подъезды домов также кроме запираемых на ключ дверей имеют ещё внешнюю тоже запираемую железную решётку. Институты огорожены высокими железными заборами, ворота в которых тоже охраняются. Бывают, конечно, и дырки в заборах. (В Вашингтоне увидеть ограду или забор возле дома – большое счастье, ограждают обычно лес).

Каждое ведомство, каждая контора имеет свою охрану. Полицейских можно иногда увидеть в патрульной машине. Охранники вооружены, часто автоматами или винтовками. Забавно видеть, как охранники с пистолетами наголо быстро и деловито ведут инкассатора – один впереди, другой сзади. Забавно, потому

что в такую же форму могли бы вырядиться и преступники, а у человека с пистолетом в руке вряд ли кто спросит документы.

Охранники доброжелательны, хотя и очень старательны. Однажды я видел, как вся институтская охрана обступила женщину с пустой сумкой, у которой что-то звенело, когда она проходила сквозь магнитные ворота. Все были очень ею заинтересованы. Я прошёл в другой выход с полной сумкой, и на меня никто не обратил внимания. В другой раз я пронёс в институт сломанный сидиром, чтобы после работы, не теряя времени, обменять его в магазине. Охранница тщательно осмотрела и занесла все его данные в журнал. Вечером она же даже и не заглянула, что я несу в коробке. Обычно они осматривают сумки. В моей сумке их интересовало только самое большое отделение. В двух других поменьше я мог бы пронести и вынести что угодно. При такой мексиканской безалаберности охраны история с убийством Троцкого становится более понятной.

По рассказам, грабят часто. Приставляют к виску пис-толет и к горлу мачете. Грабят в основном светловолосых иностранцев, но бывают и исключения. Две женщины с ВЦ вернулись в Новосибирск в ужасе: их ограбили. Жена лете-ла в самолёте с женщиной, которую грабили неоднократно. Воруют детей, особенно светловолосых. Причины не только экономические, но и историческая нелюбовь к американцам.

Мексиканцы, несмотря на то, что метисы, национально однородны. Как японцы. За месяц проживания в Мехико я один раз видел негра. И пару раз белых туристов. Так как иностранцев мало, то отношение к ним, в отличие от Америки, не враждебное, а снисходительное. И естественно, им не нравится в иностранцах то, чем они отличаются от мексиканцев в быту. Несмотря на улыбочку и общительность, мексиканцы эмоционально сдержанны, и им не нравится вспыльчивость и экспрессивность, свой-

ственные россиянам. У мексиканцев сильно развито обоняние (индейские гены). Поэтому им не нравятся запахи, исходящие от представителей других народов, живущих в климате с резкими изменениями погоды, и поэтому имеющих хорошо развитую потовыделительную систему. Мексиканцы утверждают, что самые вонючие – это русские и французы. Сами же мексиканцы в прохладном Мехико почти не потеют и пахнут слабо. Это свойство особенно удручает в женщинах, природный запах которых является источником наслаждения для мужчин. Мексиканские мужчины, однако, хорошо «чуют женщину», что видно сразу по их масляным глазкам.

Индейские предки завещали мексиканцам мыться три раза в день, поэтому в мексиканских домах всегда есть душ, и даже не один, но редко можно встретить ванну. Также часто они чистят зубы. Забавно видеть, как по институтскому коридору важно шествует к туалету солидный мужчина с маленькой зубной щёткой в руке.

Мексиканцы любят сидеть прямо на траве или, например, на голом цементном полу в метро (скамеек в метро нет). Метро организовано очень удобно и понятно, в отличие от нью-йоркского. Но лучше всего в метро идти туда, куда идут все. Часто проход, на котором написано “no pass” – самый короткий путь к поезду. Вагоны метро – на резиновом ходу, как троллейбус. Поэтому шума немного. Возможно, это вызвано сейсмической неблагоприятностью Мехико. Первая квартира, которую сняла жена, была в 20-этажной свечке. Перед последним крупным землетрясением рядом стояла другая такая же свечка. Напуганная, жена сняла другую квартиру – в другом районе и в пятиэтажном доме. Через неделю в районе новой квартиры произошёл подземный толчок. Однажды я уехал с работы раньше жены. Она приехала уже через полчаса и

рассказала, что в институте произошёл какой-то взрыв, их сильно потрянуло, набежала охрана, всех выгнали, а кое-кто и сам пораньше слинял под шумок. На следующий день выяснилось, это было землетрясение – подземный толчок. Дома мы ничего такого не почувствовали. Такие локальные толчки типичны для Мехико. Тёща звонит из Новосибирска: «Как вы там, живы, здоровы?» - «А что случилось?» - «Как что случилось? У вас же там землетрясение. По телевизору только и говорят». – «Не знаем. Мы ничего не заметили».

Транспорта на улицах много. Часто возникают пробки. Каждый норовит другого обогнать, но в пределах разумного, и конфликты на дорогах крайне редки. За месяц я видел один. Задний автомобиль чуть-чуть толкнул переднего в бампер, без царапин. Первый раз видел возмущённого мексиканца. Он в одиночестве чего-то махал руками, а потом оба проехали к ближайшей ремонтной мастерской. Автобусных остановок в строгом смысле (скамейка и навес) здесь мало. Частный автобус можно остановить, чтобы войти, в любом месте, подняв руку. Выйти тоже можно в любом месте, нажав на кнопку. Вход в автобус спереди, выход – сзади.

В целом, Мехико напоминает чем-то Ташкент, Душанбе или Ашхабад. Но с одной существенной разницей. Нет той суровой подозрительности, которая отличает приверженцев ислама от нормальных людей. Какое счастье, что ислам в своё время не проник в Америку и не поработил наивный индейский народ.

Наши в Мехико.

*Веселится и ликует наш народ,
И быстрее, шибче воли
поезд мчится в чистом поле.
(Нестор Кукольник)*

Я спросил как-то, почему в Мексике так мало других национальностей, даже негров не видно.

- Негров сюда не ввозили.

- Ну, а сейчас-то почему они сюда не едут? В Германию их тоже не ввозили, а посмотрите, что творится на Франкфуртском вокзале.

В ответ было молчание.

- Ну хорошо, а евреи? – не унимался я. – Их разве что только в Китае нет.

- Нет, евреи есть. Здесь есть богатый район Полянко, там можно встретить и религиозных, с пейсами, в чёрных шляпах.

Я пару раз бывал в Полянко, но никого, кроме мексиканцев, и иностранцев в Институте Миграции, не видел. Эта Полянко вам точно не Бруклин.

зарабатывает. Есть даже общество «российско-

Наши российские граждане в Мехико есть. Примерно раз в неделю я вижу подозрительных на российских граждан личностей в метро. В основном, они делятся на две категории: москвичи, нашедшие дорогу в Мексику в поисках приличной зарплаты, и русские жёны мексиканцев, обучавшихся в Рос-сии. Обратно никто уезжать не мечтает. Ни те, кого грабили, ни те, кого бросили, ни те, кто мало

мексиканской дружбы». На последнюю свою акцию – экскурсию за город они собрали два 30-местных автобуса. Идея этой поездки была пообщать между собой полностью русские семьи и смешанные, в которых отец – мексиканец (обязательно учившийся в России), а дети в силу этого плохо знают русский язык, - и тем самым помочь этим детям в освоении русской речи.

Однако, главный координатор, душа и знаток русскоязычной общины – владелец турфирмы Смирнов (редко кто за глаза называет его по имени-отчеству). Возможно, внедрённый агент. На самом деле бывший агент Аэрофлота, женившийся на мексиканке. Его знают все, и он знает всё про всех. Он продаёт всем билеты, снабжает информацией и советами, даёт напрокат книги и видеокассеты, которых в его фирме огромное количество.

Русские чувствуют себя в Мексике более комфортно и духовно свободнее, чем в Америке, или даже в Бруклине. Американцы чётко следят, в достаточной ли степени уверенно ты держишься, хорошо ли выговариваешь их английские слова, и с достаточно ли американским акцентом, плавно ли течёт твоя речь, достаточно ли гладко побрился, повязан ли на тебе галстук, и надет ли обязательный пиджак, смазал ли ты дезодорантом свои подмышки, - и требуют от тебя прочих таких же унижительных вещей. Они всегда едут по своей полосе на автостраде, не выезжая на чужую, и не знают, что такое свобода, хотя повсюду о ней трезвонят.

В Мексике, как и в России, одеваются по карману, а не по правилам, ходят и ездят, как находят нужным, но с учётом интересов других, все стараются понять твой тарбарский язык и дикие жесты, которыми ты заменяешь знание испанского, и довольно быстро совковая натянутость российского гражданина проходит, и остаётся спокой-

ная уверенность в смысле твоей жизни. А когда при регистрации паспорта с тебя снимают отпечатки пальцев, то это воспринимается как местное чудачество, а отнюдь не как унижительная процедура.

2. Опять Мексика.

*Не ищите нас по дальним странам.
В тёплых банях не ищите нас.
Мы живём за тем меридианом,
Где Макар телят своих не пас.
(Из песни)*

Когда в разговоре с одной русской парой я сравнил Мексику с Японией, имея в виду такую же загадочность для европейца, то получил в ответ эмоциональную отповедь:

- Ну, Япония такая же цивилизованная страна, как и любая европейская! Там всё строго и понятно. А Мексика - это уникальная страна. Другой такой нет. Здесь даже полицейский, заламывая преступнику руку за спину, нежно похлопывает его по щеке, как бы приговаривая: ну, что ж ты, а мы о тебе так хорошо думали.

История этой семьи нас поразила. Он электронщик, они хотели эмигрировать в Канаду, в провинцию Квебек, но не знали французского языка. Адвокат фирмы наплела им, что в Мексике дают канадскую визу и без экзамена по французскому. Они приехали в Мехико и только тут узнали, что это наглая ложь. Возвращаться не имело смысла. Их сын быстро нашёл работу учителя в школе, муж - работу программиста в Интернет-кафе, не ахти что, но жена работу не стала искать, потому что на жизнь им уже хватало. Они

учат французский язык, не оставляя мечты о Канаде. Но о Мексике, которая их приютила и накормила в трудную минуту, отзываются с большой теплотой. Попади они в Штаты, намыкались бы.

За последние 4 месяца мои первые впечатления от Мехико и мексиканцев изменились и уточнились, но хуже не стали. Как может быть хуже или лучше знание? Я не чувствую себя здесь "своим", но и не чувствую "чужим", как часто бывало в России.

Полиция.

*Милиция – это не полиция.
(Ответ учителя на вопрос «чем полиция
отличается от милиции»)*

Мексиканцы сами себя называют «страной, в которой ничего не происходит».

Наш унидад (подобие нашего небольшого микрорайона) площадью около двух гектаров обнесён высоким проволочным забором с девятью входами. Около каждого входа стоит будка охранника. Охранник вооружён дубинкой или просто ничем. Что они делают весь день и всю ночь, непонятно. Те, кто около автомобильных въездов и выездов (их всего 7), ещё открывают и тут же закрывают ворота. Такого рода охранников нижнего уровня можно встретить у каждого уважающего себя магазина, ресторана, банка, запертого воротами квартала, - в любом месте, владелец или обитатели которого могут раскошелиться на такую услугу.

Наш институт площадью гектаров пять-шесть тоже обнесён забором, высоким и стальным. В этой ограде пять входов-въездов. Возле каждого входа - широкая будка по крайней мере с двумя охранниками, вооружёнными ду-

бинками и пистолетами. Один вход главный, охраняется не менее, чем четырьмя охранниками, среди них – женщины, и все мило улыбаются, радуясь возможности сказать тебе "pase". Если в рабочее время попытаться войти через другие входы, то охрана, как правило, не пускает, а направляет в главный вход.

После работы огромная очередь личных машин выстраивается на выездах из института. Охранники вежливо проверяют багажники и задние сиденья. У идущих пешком проверяют сумки. Этот ритуал проделывается с деланным рвением, но только, чтобы так казалось со стороны. Я открываю в

сумке только среднее (большое) отделение. Охранник бросает беглый взгляд и радушно улыбается. Если мне надо действительно пронести что-то сомнительное, например, винчестер, я кладу его в другое отделение сумки, которое никогда никого не интересует.

Утром можно наблюдать, как охранник ходит по институтской стоянке личного транспорта с блокнотом в руке и дёргает дверцы автомобилей, проверяя, закрыты ли они.

Но это ещё не полиция. У полиции написано на спине, она носит толстые бронежилеты (в любую жару) и, кроме дубинок, раций и пистолетов, ещё огромные крупнокалиберные ружья. Полиция охраняет инкассаторов. Один ружьеносец с пальцем на крючке стоит у машины, поводя стволом туда-сюда, другой - у входа в банк или денежный автомат. Третий немного в стороне - наблюдает ситуацию.

Иногда такая тройка с ружьями проходит по нашему унидаду, чем жутко пугает нашего малыша. Он уже понимает, что к чему, насмотревшись компьютерных стрелялок.

Патрульные полицейские, которые разъезжают в «шевроле», как в американских боевиках, встречаются реже, хотя одеты очень импозантно. Чего стоят только их фуражки с высокой тульей и огромной кокардой и обязательные чёрные очки!

Вся эта масса стражей порядка очень похожа на маскарад. Преступников иногда показывают по телевизору. Они представляют собой жуткое зрелище своей свирепостью и грубостью. Но зная российскую действительность, я смотрю не в телевизор, а на уличную молодёжь. Здесь не увидишь наших огромных толп подогретых и сквернословящих молодых людей, мимо которых страшно пройти. Молодые люди нашего унидада не сидят в тёмных углах и шушукуются, как это повелось у нас, а с удовольствием играют в футбол и баскетбол на площадке. Максимум агрессивности, которую я наблюдал один раз, это рифмованные шутки в сторону проходивших мимо знакомых девушек. Кстати, девушки тоже любят играть в баскетбол. Часто можно видеть прогуливающихся подружек с мячом в руках. Выходят покидать или погонять мяч и целыми семьями с детьми от мала до велика.

Другой случай юношеской агрессивности был уже более похож на российский. Молодой человек с нервным и угрюмым выражением лица попросил у меня денег, запев обычную песню о билете на автобус. Был церковный праздник, грешно было отказать, и я дал ему два песо, которые только что получил на сдачу. Он меня неожиданно горячо поблагодарил. Мы разговаривали по-английски (мой испанский пока слаб) и его английский был лучше моего.

Рядом чего-то сидел на тротуаре непонятно как возникший молодой американец, который наблюдал эту сцену. Он обратился ко мне с чем-то вроде: "сэр, он обманывает, не давайте ему ничего". Я попытался объяснить американцу, что знаю, что он врёт, но сегодня праздник, почему бы не дать? Американец хода моих мыслей не понял. А парнишка, отойдя немного в сторону, зло спросил американца: "у вас что, сэр, проблемы?"

Интересно, что эти два песо минут через десять ко мне вернулись. Маленькая девочка во дворе, отбежав от родителей, неожиданно подарила моему малышу чупа-чупс.

В системе охраны общественного порядка в Мексике кормится, по-видимому, огромное количество людей, так же, как в российской армии.

Сфера "услуг".

*Нет, это вам не Рио-де-Жанейро.
(Ильф и Петров)*

Другая ещё большая часть людей, которая тоже ничего не производит, но активно участвует в перераспределении общественных доходов, пожалуй, выражает собой душу мексиканского народа.

На вокзале в Париже студент с бледным лицом и угрожающим видом, держа за руку такую же бледную студентку, нагло потребовал с меня денег. Группа студентов посреди зала положила на пол кепку и в полной уверенности, что подадут, стала весело играть мячиком. Мексиканцы до такого неуважения к людям не опускаются.

Явных попрошайек немного. Это люди, которые принципиально не хотят работать, - как негры в центре Вашингтона. Например, на половине тротуара сидит молодая жен-

щина, рядом весело играют её маленькие дети. Она сидит на одном месте битый рабочий день, греясь на солнце, присматривая за детьми и не особенно приставая к прохожим. Рядом с автомобильной пробкой тут же появляется весёлый плечистый парень на протезе, потряхивая банкой. Он мог бы запросто работать чистильщиком обуви, например, как основатель заводов "Форд". Затем к машинам подходит молодая женщина очень привлекательного вида с ребёнком на руках и с выражением горя на лице. Если эту женщину помыть, причесать и приодеть, то она зашибала бы немалые бабки, работая фотомodelью. Для этого рода людей попрошайничество не работа, а образ жизни. Так проще. В Мексике, где за 30 песо можно отлично пообедать в кафе.

Так же и в России, где полно новых русских, ни одна российская блядь не согласится на деле нарожать детей и посвятить свою жизнь заботам о них, - что бы там ни пели на эту тему писаки и писачки. Так проще.

Основная масса мексиканцев исповедует принцип Джефа Питерса: что-то дать взамен. По нашему унидаду утром медленно расхаживает молодой парень и играет на трубе. Он играет одну и ту же унылую и маловразумительную мелодию. Ему кидают из окон деньги, только чтобы он поскорее уходил. Вечером на очень оживлённом перекрёстке около нашего унидада появляется другой парень в разорванном на спине пиджаке и загримированный под клоуна. Он неумело жонглирует тремя мячиками перед стоящими автомобилями. Когда зажигается зелёный, он перебегает жонглировать на другую сторону или садится подправлять грим. В вагон метро входит детина, снимает куртку и бросает на пол. На этой куртке он делает кувырок через голову, а потом идёт по вагону собирать деньги "за представление". В вагон метро входит очень маленькая

девочка лет четырёх с маленьким аккордеоном на груди. Она берёт несколько жутких аккордов непослушными руками, а потом идёт по вагону с протянутой банкой.

Пение и представления в вагонах метро можно услышать чуть ли не через остановку. Но зато на каждой остановке входит продавец чего-нибудь. Если вы купите у них это что-нибудь, то дома можете неожиданно обнаружить, что, например, фломастеры высохли, ручки не пишут, полезная книга бесполезна, а шоколадка с просроченной датой. Ну а что вы ещё ожидали за 5 песо?

Торговля и есть выражение души мексиканца. Не знаю, как в Китае, но в Мехико торгуют везде и всегда. По оживлённым улицам невозможно пройти, потому что тротуары забиты лотками, жаровнями и просто разложенным на асфальте товаром. На перекрёстках между машин обязательно снуют несколько торговцев. Для торговли используются и оригинальные трёхколёсные велосипеды: два колеса спереди, одно сзади. Приятно, что здесь не навязывают товар, а просто предлагают. Покупают редко, и непонятно, какой с такой торговли доход. По внешнему виду торговцев не скажешь, что большой. Это опять образ жизни. Мне часто приходится проходить мимо маленькой кухни, торгующей на глазах приготовленной горячей едой. Она работает до глубокой ночи, и похоже, что хозяева и живут здесь. Рядом на тротуаре весело играют их четыре

маленькие чумазые девочки. Всё производство на примитивном уровне. Ни намёка на избыточный доход.

Приготовление и приём пищи, пожалуй, главное и любимое занятие мексиканцев. Московский тренер по гимнастике привезла своих девочек на турнир в Мехико. Заняли первое место. Когда её спросили: "что, ваши девочки лучше мексиканских?" - она сердито ответила: "нет, конечно, они просто меньше едят". Трудно поддающаяся русскому пониманию разница между ланчем и бранчем становится смехотворной, когда узнаёшь, сколькими словами мексиканцы называют свои утренние приёмы пищи. У выхода из нашего унидада вечером появляется матерчатый навес, под ним небольшая жаровня и столик. За столиком сидят один-два посетителя и мило беседуют с хозяйкой этого заведения. Иногда походная кухня на маленьких колёсиках заезжает внутрь унидада, копя трубой и собирая любителей поесть печёных бананов. В праздники бывает, расставляют столы на детской площадке, котлы и жаровни, дети и старики с удовольствием проводят там время.

В обед у одного из выходов из нашего института выстраивается очередь. Причина - небольшое кафе напротив. Еда там не лучше и не дешевле, чем в институтской столовой, - но поди ж ты! На другом углу, на перекрёстке, в обед возникает временная пищевая точка, окружённая толпой жующих мексиканцев из института. Через 15 минут всё исчезает. Как, по какому сигналу они находят друг друга?

Трудно понять, чем привлекает та или иная еда мексиканцев. Одно кафе забито народом, а рядом в другом - ни одного посетителя. Но одно несомненно: ничего другого, кроме еды, мексиканцы делать не любят или не умеют. Я не говорю об отдельных умельцах, они есть у любого народа. У нас дома стоят великолепные по прочности и удобству круглый стол и стулья кустарной работы.

Простые, но сделанные с любовью. Но на шкафы и двери смотреть не хочется, новый бойлер пришлось регулировать и делать к нему трубу самому. Водопроводчики устранили засор в стояке только с четвёртого захода.

Вдоль проспекта Монтевидео, около которого мы живём, тянется ряд мастерских по ремонту. Чаще всего автомобилей. Проходя мимо них, можно каждый день видеть одни и те же машины. Окна мастерской по ремонту телевизоров заставлены снизу доверху техникой, ждущей ремонта. Тут же есть просторный центр по ремонту компьютеров фирмы "Компак", который тоже не пустует. Всё это говорит о качестве выпускаемой в Мексике продукции. А сами улицы Мехико! Они часто расположены под 60 градусов друг к другу. Это было бы неплохо, если б кварталы были треугольные. Но они-то сделаны в форме параллелепипеда. Проезда по короткой диагонали нет. Недалековидность такого "украшения" города очевидна и усугубляется ещё повсеместным односторонним движением.

Мы купили электрочайник фирмы "Браун" с гарантией на год. Поработав три месяца, он перестал включаться. Я догадался, что дело в контактах, но возиться не хотелось, шестигранной отвёртки, чтобы раскрутить, тоже не было, решили отдать в гарантийный ремонт. Гарантийный центр по ремонту техники фирмы "Браун" только один в Мехико. Через полмесяца ещё не было готово, через месяц тоже. Когда мы им надоели уже звонками, они сообщили, что обнаружили в нашем чайнике белый налёт, следовательно, мы кипятили в нём молоко (!), поэтому по гарантии они чинить не будут, а без гарантии ремонт будет стоить 400 песо. Чуть про молоко была очевидна, сам чайник стоил 300 песо, я поехал и забрал его, моля бога, чтобы эти придурки не успели его развинтить. И действительно, за полтора месяца они к нему не притронулись, даже из

любопытства. Это непостижимо для понимания русского человека. У нас бы его хотя бы разобрали и посмотрели. Я с трудом развинтил его обычной отвёрткой, нашёл отошедший контакт, подогнул его - и весь ремонт занял полчаса.

На одном из уроков испанского наш маэстро Рохерио ради живого примера взял в руки маркер и начал читать на нём: "сделано в ...". Мы дружно и со смехом подхватили "в Китае" (с нами вместе сидел один китаец). "Да, действительно, в Китае", - удивился маэстро, - "но зато импортировано Мексикой!" Это действительно стандартная ситуация. На одной мексиканской детской книжке я прочитал: создано, отредактировано, свёрстано в Канаде, напечатано в Китае, импортировано мексиканской фирмой такой-то.

Эта судьба, похоже, ждёт и Россию, которая подвергает свою интеллигенцию экономической блокаде. Прецеденты уже есть. Лазерные диски с софтом и музыкой, которые производятся в Москве, на самом деле печатаются в Китае.

Женщины.

*Красотки, красотки, красотки кабаре,
Вы все рождены для наслажденья.
(Из оперетты)*

Мексика - это страна, где зафиксирован рекорд: девочка забеременела в 5 лет. Возможно, что это и выдумка, но Мексика, всё же, страна для женщин.

Я не поставил их на первое место в рассказе, потому что, похоже, что в жизни мексиканского мужчины они тоже не на первом месте. Я имею в виду именно интерес к женщинам, а не физическую кондицию. Не будучи женщиной, не могу судить, хороши ли мексиканцы в постели. Но глядя

на спокойных и довольных мексиканских женщин, можно заключить, что с этим у них всё в порядке. Хотя, думаю, что тут большая заслуга именно самих женщин. И вот почему.

Театр во дворе унидада.

Мексиканские мужчины в массе своей довольно полноваты, несмотря на усиленные занятия физическим спортом. Второе, что их роднит с женщинами, это пышные шевелюры, лысых крайне мало. Видимо, мексиканская пища и тёплый климат более благоприятны для выработки женских гормонов, но отнюдь не мужских. Хорошо известно, что яйца надо держать в холоде. А мексиканские женщины любят кутаться в тёплое.

Но кроме шуток, мексиканские девочки очень рано развиваются. Школьницы средних классов уже ходят с огромными грудями. Студентки крайне активны в отношении юношей. В густонаселённом Мехико, где негде укрыться от чужого взгляда, мало парков и скамеек, молодёжь

для интимного общения использует станции метро. Они садятся прямо на пол (скамеек нет), обычно девушка сидит на парне, целует его и делает с ним, что хочет, а он только подчиняется. Секс в такой обстановке невероятен, но есть подозрение, что у юношей встаёт слабовато. Если б на месте такого мексиканского парнишки оказался бы русский прямо из России, то он бы отдал концы от перевозбуждения. Не лишне заметить, что хитрые девушки при этом одеты в джинсы, а не в платья, что, конечно, не так возбуждает юношей.

Ещё одна мексиканская традиция ещё больше приводит в ужас русских. Мексиканки с мексиканками и мексиканцами при встрече и прощании целуются похлеще членов политбюро. Один наш русский сидит в институте в одной комнате с двумя симпатичными мексиканками. Это предмет наших шуточек:

- Миша, а Алисия и тебя тоже целует?

- Нет, Лена ей сказала, что меня не надо целовать.

Дружный хохот. Но у русских выработалось стойкое подозрение, что мексиканские мужчины просто бесчувственны. Хотя сексуальные домогательства с их стороны к одиноким женщинам - обычное дело.

На то, что мексиканские женщины более активны в жизни, указывает и тот факт, что большие семьи, в которых одни девочки, значительно чаще встречаются, чем те, где одни мальчики.

Мексиканская проститутка за 20-минутную услугу берёт 200 песо. Это недорого. В Англии - 200 фунтов. Лишнее подтверждение того, что спрос на женщину у мексиканцев меньше предложения.

Эротические журналы с обнажёнными до последнего приличия смуглыми девушками украшают все газетные киоски, но большим спросом не пользуются. Порносайтов

в мексиканском Интернете на порядок меньше, чем в России. Мексиканское телевидение крутит кучу женских сериалов с одними намёками да нудными бабьими разговорами. Увидеть на нём даже театрализованный половой акт - большое счастье. Зато сами женщины на телевидении ведут себя довольно раскованно. Как у себя в спальне. Одна передача запала в душу. Две вульгарного вида ведущие на глазах у своей малолетней сестры устроили розыгрыш. Они накидали на тарелку расправленных презервативов, полили их соусом и стали на улице предлагать проходящим молодым девушкам попробовать "новое блюдо". К чести девушек ни одна из них не распознала, что это презервативы и, подцепив вилкой, они вежливо направляли их в рот. Тогда девицы кричали: "Ой! Презерватив! Как он сюда попал?" Девушки, услышав знакомое всё же слово, в ужасе кидали его на тарелку и смущались. В этом и состоял печальный однако розыгрыш. Над чем смеялись вульгарные женщины?

Шутка по Фрейду - удел мужчин, которые таким образом стараются привлечь женщину. Такую шутку приятно послушать и мужчине. Шутка женщины - это стремление разделаться с соперницей. Это печально. Если такие шутки имеют

место, то активных женщин в Мексике гораздо больше, чем активных мужчин.

Скрытый матриархат налицо.

У мексиканок очень симпатичные округлые попки. Возможно, это результат любви к спортивным играм. Мексиканки любят подчёркивать это своё достоинство, нося поголовно брюки и джинсы. Джинсы скроены так, что ещё больше округляют предмет притяжения мужского взгляда.

В Мексике популярны русские имена Ольга и Таня. Но вот парадокс: никто не знает, что Таня и Татьяна одно и то же, а уменьшительное от Ольга у них Ольгина. Имя Симон у них женское. Слава богу, что Иван мужское. Больше всего повезло моему младшему сыну: мы его легко перекрестили в Григорио, чтобы было понятней. Но хотя в испанском языке и нет звука "ш", все, кто знает, охотно называют его Гришей. Боже мой, какие красивые девушки оборачиваются на него и кричат "Гриша"! И часть их взглядов перепадает мне.

Так случилось, что я как-то пообщался с одним продавцом в универсаме. Узнав, что я русский, он гордо ткнул себя в карточку на груди и сказал, что у него тоже русское имя. Я присмотрелся: Эдуард. Я начал было говорить, что это не совсем русское имя, но потом решил его не огорчать и сказал, что уменьшительное от его имени будет Эдик. Он живо заинтересовался и попросил меня написать.

Как мы с ним встретились, это немного не в тему, но рассказать можно. Мои туфли прохудились, и я решил поискать себе что-нибудь 45 размера в универсаме. Не тут-то было! Больших размеров мексиканцы не носят. Это третье, что их роднит с женщинами. После долгих поисков сын заметил в углу стенда подходящие кроссовки. Четыре штуки и все на правую ногу. Нашли продавщицу и попросили принести пару на обе ноги. Она принесла один кроссовок на левую ногу и сказала, что больше ничего нету. На радостях мы умчались домой, и только там я заметил,

что кроссовки разного цвета. Оба белые, но у одного оттенок розовый, а у другого зелёный. Нитки на них тоже разного цвета, но самое неприятное, что на одном был слишком короткий шнурок. Я поехал менять.

"Действительно, других таких кроссовок больше нету" - сообщил мне Эдуард. "Там ещё на полке три правых остались. Может быть, пройдем, и я выберу себе хотя бы с длинным шнурком?" - сказал я. Мы прошли, но тщетно: все были розовые и с короткими шнурками. Я выбрал один, на котором шнурки показались немного подлиннее, и мы тепло распрощались. "Что ж делать, ходить в чём-то надо, а когда испачкаются, будет уже незаметно", - решил я. И тут мне пришла в голову мысль купить чего-нибудь поесть, раз я уже здесь. Я сдал коробку в камеру хранения и снова прошёл в зал. Когда минут через 15 я уже набрал свою тележку, случилось невероятное. Посреди огромного зала, в котором и жену можно потерять и не найти, вдруг меня встречает Эдуард и протягивает длинный белый шнурок. Я не знаю больше ни одного человека, кроме себя, который был бы способен на такой же поступок.

Русские женщины радикально отличаются по духу от мексиканских. В этом истинная причина разводов их смешанных браков в Мексике. Мы случайно были свидетелями, как энергичная русская молодая особа грубо ругала мексиканца, который робко стоял перед ней с протянутой в руке конфеткой.

- Да это её бывший муж, - объяснила наша знакомая.

Мы познакомились и поговорили немного с этой особой. Из десятиминутного разговора и её "философских" высказываний мне стало ясно, что моей теще до неё далеко, и что я не вынес бы её общества даже на рабочем месте. А моей жене она понравилась.

В русских женщинах сидит проблема, которую они по скудости ума и паскудности воспитания никогда не поймут. Русских женщин всегда тянет "побежать за поворот", где, говорят, яйца больше. Они, очертя голову, бегут за грузинскими, еврейскими, мексиканскими яйцами (неважно чьими, главное - все говорят, что больше), свято веря в свою непогрешимость, даже когда убедятся, что не в яйцах счастье. Они всегда готовы всё бросить, предать и продать ради этих мифических "яиц". Нет, они могут никуда и не бежать, но мыслишки-то, мыслишки, это ещё хуже - они остаются и множатся. И высыпаются из ненасытного лужёного хайла на голову бедного русского мужика.

История культур.

*Чем славится индийская культура?
(В.Высоцкий)*

Примерно половина "русских" в нашем институте с Украины: с Харькова и Львова. Украинца в Мексике поражают проявления похожести этих двух разделённых океаном культур. Мексиканские женщины носят вышивки такие же, как и украинские. Мексиканские сомбреро - это украинские соломенные шляпы, только поля чуть больше. В Мексике есть небольшой народ, который называет себя "тараски". Технология приготовления текилы, насколько я понимаю (хотя один мексиканец утверждает, что это не так) - это технология украинского самогона. Да и название "текила" очень напоминает "текёт", то есть капает из змеевика. Почему не «горилка»? Потому что гореть самогон начинает после многократной перегонки, а такая улучшенная технология скорее всего появилась уже после открытия Америки. Испанцы не могли привезти технологию самогона, потому что Испания - страна виноделия.

Коньяк имеет похожую технологию, но это чисто французский продукт, разработанный по аналогии с английским джином и ромом. В Испании они не могли быть популярны, так как она в те времена враждовала с Англией. А коньяк не из винограда ни один француз делать не будет. Если кто-то докажет, что текилу придумали ацтеки или майя ещё до Колумба, он этим перевернёт всю мировую историю. Известно, что в Северной Америке индейцы спиртного не знали.

Но больше всего поражает обилие общих корней в украинском и испанском языках и явные следы украинских слов в индейских названиях. Достаточно взять карту Мехико и почитать названия районов и улиц. Фантазия разыгрывается, когда читаешь на карте фамилию индейского вождя Закатенко и узнаёшь, что его звали Сан Педро, то есть святой Педро. Это единственный индейский вождь, возведённый в ранг святых. За какие заслуги? Я не любитель ходить по музеям. Там наверняка есть много любопытных сведений о Закатенко. Но по жизни знаю, что наибольших почестей удостоиваются собутельники. С кем же он пил? А вот тут-то и помогает явно украинская фамилия Закатенко. Не приученный к крепким напиткам организм индейца быстро отрубался после принятия - "закатываясь спать". А в отрубленном состоянии организм плохо контролируется после сытного ужина.

Отсюда и его первоначальное прозвище "Пэрда" Закатэнко, которое заменилось на более приличное испанское Педро.

Кто же мог так грубовато подшучивать над своим собутыльником, да ещё и на украинском языке? Только запорожские казаки, которых в то время сильно трепали турки, а их письмо к турецкому султану - образец такого рода юмора. Вполне естественно в смутной обстановке, что, заслышав об открытии Америки, некоторые храбрые запорожские юноши захотели поискать счастья там.

Что же такое крепкое они могли пить? Не испанское же вино, которое, ясно, быстро кончилось. Только самогон. Из местного кактуса. А ничего другого и не растёт. И конечно, научили делать его индейцев.

- Гля, Пэрда, тикётъ! - учили они Закатенко. Или, приняв стакан:

- Добрэ потикла!

- По те-ки-ля, - хряпнув свой, повторял Педро Закатенко.

Заслуга Закатенко видится в том, что он приучил индейцев к текиле, внедрил технологию её приготовления и тем самым способствовал мирному завоеванию Мексики (американцы по жадности держали технологию приготовления виски в тайне от своих индейцев, результат известен). А о стрелочниках - то бишь о щирых запорожских казаках забыли. И память об их исторической роли осталась только в прозвище индейского вождя, истинный шуточный смысл которого могут оценить только на далёкой Украине.

Другая историческая проблема не давала мне покоя всю жизнь и только в Мексике стала понятнее. Что это за Карфаген, который не давал проходу древним грекам? Как он мог быть столь могуществен, если располагался на малолюдном северном побережье Африки рядом с пустыней Сахарой? А древний Египет? Не мог он быть таким

могущественным и богатым только за счёт долины Нила. Нужна ещё торговля, а окружён он со всех сторон дикими народами, пустынями, и флота достаточно хорошего не имел.

Разгадка идёт от пирамид. Лишь в Мексике и Египте стоят пирамиды, и расположены они примерно на одной широте. Не могли древние заниматься бесполезным делом, то есть строить пирамиды только для захоронения царей. Очевидно, что это ещё и сторожевые сооружения, построенные для наблюдения за врагом, способным напасть с моря (китайцы) или со стороны Вавилона. А сфинкс - для устрашения. Раз они одинаковые, значит, пирамиды стояли на противоположных границах одной древней империи, которую мог создать лишь один народ (добровольное объединение в те времена маловероятно), живший между Мексикой и Египтом. На фресках в Египте и Мексике изображён этот народ, отличающийся прямым носом без переносицы. Древние греки и римляне ещё изображали их (видимо, по традиции) в своих скульптурах богов, но в современных людях следов их генотипа нет, разве что среди мексиканских индейцев, история смешения которых с европейцами не столь продолжительна. Это

могли быть атланты, жившие на несуществующих ныне островах Атлантического океана. Но для существования такой империи необходим не только лёгкий морской путь в Мексику и в Африку (много островов), но и хорошие дороги на севере Африки, где находится пустыня Сахара.

Решение элементарно для того, кто знаком немного с наукой о пустынях. Пустыни Сахары в те времена не было. Все песчаные пустыни на Земле создавались в результате человеческой деятельности. Вырубка лесов на равнинной местности для нужд древнего земледелия приводила к эрозии почвы и образованию песков. Процесс этот сам обратно не идёт. Хороший вполне современный пример – образование Австралийской пустыни. Когда Австралию открыли, пустыни ещё не было. Аборигены жгли леса, начав заниматься земледелием, а колонисты, вытесняя аборигенов, ещё больше им в этом помогали. Люди сейчас в Австралии живут практически только вблизи побережья.

В этой империи процветала торговля (вот откуда в Мексике страсть к торговле), Карфаген и Египет были частями империи, кроме них были районы с богатым земледелием и хорошими дорогами на месте пустыни Сахары. Образовавшаяся пустыня погребла всю древнюю культуру и скрыла её от археологов, привела к упадку Карфаген, а Египет выжил за счёт Нила, но уже не имел былой гордости. Куда пропала Атлантида, одному богу известно, но она должна была существовать по логике. Скорее всего, острова опустились ниже уровня моря, как и те острова в Тихом океане, по которым древние китайцы прибывали в Америку и заселяли её. Иначе, от кого защищали атлантов мексиканские пирамиды? Мысль о том, что заселение Америки шло через Чукотку, смехотворна: уж слишком там холодно. Не такой быстрый процесс - переселение. По дороге надо и пожить где-то. Не замерзая.

Дети.

*Дети, в школу собирайтесь.
Петушок пропел давно.
Попроворней одевайтесь.
Светит солнышко в окно.
(Стишок)*

Обычных в России песочниц для маленьких детей в Мехико нет. Как, впрочем, и в Америке. В нашем унидаде есть только качели и лестницы. И это ещё очень хорошо. Я случайно заглянул через стеклянную дверь в один детский сад. По огромной комнате с жуткими криками носилась толпа детей самых разных возрастов, от мала до велика. Рядом за низеньким столиком сидели несколько женщин и, не обращая никакого внимания на детей, разговаривали и кушали. Я противник любых детских садов, а таких - тем более. В Мексике очень короткий отпуск по уходу за новорожденными детьми, кажется, всего два месяца. После этого его сдают в детсад. Раннее обобществление детей не способствует их умственному развитию.

А вот жизнь школьников уже намного лучше. В нашем унидаде есть бетонированные спортивные площадки для футбола и баскетбола. В школе рядом тоже уделяют большое внимание спорту. Не знаю, насколько всё это типично.

Давно или нет, но Мексика очень заботится об образовании для своего молодого поколения. Каждая школа имеет свою ученическую форму. (Детские сады тоже). Деньги на зарплату учителям, похоже, тоже есть, но, возможно, ставки в школах не очень большие. Вот почему я так думаю.

К нам на курсы испанского ходила одна молодая пара из Гвинеи. Очень симпатичные и общительные негры.

Она математик, работала в ЮАР, откуда её послали делать докторскую в Мехико. Как вам нравится это, и что мы действительно знаем об Африке? Он просто поехал с ней как муж. Она очень красивая женщина, в которой чувствуется уверенность и жизненная сила. Именно такие женщины приносят настоящее счастье мужчине, и именно таких женщин ценят и ими восхищаются все мужчины в мире. Как раз такие женщины на дороге и не валяются. Остаётся только завидовать счастливицам. Он типичный простой рубаха-парень, каких ещё немало было в России в 50-е годы, поэтому я их и помню. Приятно было встречаться с этими ребятами на занятиях, но однажды он перестал ходить. Что случилось?

- Рене нашёл работу учителя французского в школе и его часы совпадают с нашими уроками испанского, - объяснила Жаки. Через некоторое время и она перешла в другую группу, к нашему большому сожалению.

Как могли принять такого несерьёзного на вид человека, не знающего испанского, да к тому же с небольшим дефектом речи, учить детей в школе? Однако, факт. Значит,

учителей не хватает (возможно, мало платят), а ставки есть. Я что-то не слыхал, чтобы наши в Бруклине работали учителями.

Я вспоминаю этих обаятельных негров ещё в одной связи. Я сравниваю их с американскими неграми. Нервные и неуверенные или агрессивные, но с душой пакостного раба, не с гордостью, а с гонором, американские негры вызывают восхищение своей жизнерадостностью и жизненной силой и жалость тем, что они сами явно не чувствуют себя хозяевами в своей стране и полноценными людьми. Их женщины из кожи лезут вон, чтобы казаться сексуально привлекательными, их мужчины тщатся показать себя умными и сильными. И они не замечают, что на самом деле и являются такими. Их женщины очень красивы, а мужчины обладают большей жизненной силой, чем белые американцы.

А эти ребята из Африки просто живут и чувствуют себя уверенно и спокойно. Они живут в своей стране, где они хозяева. И куда бы они ни поехали, даже в ЮАР с апартеидом, они останутся такими же гордыми и уверенными в себе, потому что с ними остаётся их родина, в которой они хозяева.

Точно тем же бруклинские (да и вообще американские) русские, точнее евреи (не надо демагогии, русских переселенцев там мало), отличаются от русских и евреев, оставшихся в России. Поражает их нервная суетливость. Они не пропускают ни одного концерта артистов из России и готовы ехать за этим на край земли. Но в то же время не имеют никакого представления об истинном положении дел в России. Их культурный уровень застыл на точке, когда они уехали из России. Они усиленно стараются приспособиться к американской жизни, суетятся в поисках работы и успеха, учёбы для детей, радуясь и хвастаясь

любому достижению в этом, но не замечают, что живут на чемоданах, в неуютных квартирах, как будто втайне надеются, что когда-нибудь это счастье кончится. Кому везёт больше, покупают себе дома, гордятся этим без меры, но матерят друг друга за мелкую царапину на автомобиле. Они пыжятся доказать, что они такие же американцы, стараются говорить, где надо и не надо, по-английски и обязательно с американским прононсом. И даже продавцы в русских магазинах, которые нормально общаются с русскими покупателями, начинают лебезить перед зашедшей случайно замшелой американской пенсионеркой. Я не люблю Америку за то, что она делает с нашими бывшими людьми.

Однако, вернёмся. Мексиканское высшее образование считается плохим и не котируется на мировом рынке. Возможно, дело здесь в преподавательских кадрах, общество которых ещё не успело развиваться достаточно. Хотя, наш маэстро Рохерио на курсах испанского – выдающийся профессор без всяких но. Возможно, дело в мягком мексиканском характере, который не может требовать со студентов прилежания. Но тяга к знаниям у молодёжи есть. На любой оживлённой улице в Мехико можно найти Интернет-забегаловку (иногда совмещена с кафе). Они редко пустуют, и молодые люди в них не азартными играми балуются, а ищут в Интернете рефераты, готовятся к студенческим занятиям. Мексика заботится о своих студентах. Наиболее выдающихся в огромных количествах отправляют в другие страны для завершения образования. В Россию тоже.

Мы жили одно время около Политехнического института. Территория его на карте занимает не меньше квадратного километра. В других частях города тоже есть принадлежащие ему территории, на которых располагаются

разные его учебные и исследовательские учреждения. Что же на этом квадратном километре? Десятка два учебных корпусов. Удивительно, что аудитории заполнены студентами полностью. Планетарий. Компьютерный центр (научно-исследовательский институт). Футбольный стадион с трибунами, где выступает сборная института в официальных матчах. Открытый бассейн для соревнований, с трибуной. Крытый спортзал. Масса площадок для игры в баскетбол. И невероятное количество футбольных полей. Прогуливаясь по территории, мы насчитали 20 и сбились со счёта. Естественно, столовые и кафе. Перед административным корпусом стоит высокий памятник основателю института, который непостижимым образом отхватил себе такую огромную площадь, которую до сих пор не могут освоить.

Русские, которые работают там, говорят, что зарплаты небольшие, но зато любой заказ на оборудование и компьютеры выполняется, и работать при таком внимании и уважении можно.

В последнее время, после прихода к власти партии национального единства, власти стали больше уделять внимания политике и сокращать расходы на науку. У нашего института отобрали огромную часть прибыли просто так. Это в первую очередь ударило по нам - стипендиатам. Нас было запрещено посылать на конференции в командировки. И сейчас я, как и в России, такой же невыездовой

научный работник. Вполне возможно, что в штат института нас не возьмут, и не исключено, что стипендию тоже не продлят, хотя мы подали заявки на два проекта, один из которых, по оценкам, вполне может быть принят. Мексиканцы, однако, очень любят обещать, но не любят делать.

И всё же я рад побывать на старости лет в гостях у этого своеобразного народа. Я не хочу походить на него, потому что слишком люблю свою личность. Но от меня, пока, слава богу, никто этого и не требует, как в Америке.

Как говорят сами мексиканцы: "Мы же свободная страна!" И при этом имеют в виду: "в отличие от Америки".

3. Мексика - первые разочарования.

Эх! Как бы дожить бы...

(Из песни)

Как бы ни были сильны первые очарования, две культуры найдут друг в друге и неприятные стороны. Я уже писал о том, что мексиканцы считают русских грязными и вонючими. Потому, что русские моются раз в неделю, а мексиканцы каждый день. И зубы чистят раз в день, а мексиканцы три раза. Но всё же столь резкие слова о русских вызывают подозрение, что что-то здесь нечисто. Как будто мексиканцы хотят сказать русским: "сами дураки!"

Действительно, одна одинокая русская женщина, которая живёт в одной квартире с такой же мексиканкой, открыла нам причину. Оказывается, что добрую французскую привычку спать на простынях, которую русские считают своей, мексиканцы не приемлют. Естественно, когда они спят на голом грязном матрасе, им приходится мыться каждое утро. Ну а если кушать жгучий перец и сыр,

который липнет к зубам, вместо сладкого чая с вареньем, то поневоле начнёшь искать зубную щётку после каждого приёма пищи.

Второе, что удивило в гигиенических привычках, мексиканки не закрывают крышкой кастрюли, в которых хранится приготовленная еда.

Моя жена тоже всегда оставляет все кастрюли открытыми. 20 лет я борюсь с этой её привычкой, но только себе во вред. Она не может изменить себя и только озлобляется. А в ней лишь наполовину сидят монголоидные гены.

Лучший способ узнать мир, это путешествовать самому. Когда я смотрю американские фильмы с действием в Нью-Йорке, то с большим удовольствием вспоминаю, как, будучи в Нью-Йорке у моего приятеля, я не внял

его совету посетить Национальный музей, а просто погулял по Центральному парку и Бродвею. Ни один киношник не прошёл мимо тех мест, где был и я.

Нам представилась возможность съездить в Веракруз. Это место, где высадился Кортес, с которого начинается история Мексики. Веракрузианцы говорят иначе, чем остальная Мексика: они не произносят звук "с", когда он на конце слова. Вместо "дос" (два) они говорят "до". Кроме того, они очень гордятся, что Кортес ошачествил их своим посещением и основал в их долине свою колонию, так что даже называют всех остальных

(забугорных) мексиканцев, которые первоначально с Кортесом воевали, презрительным индейским словом, которое я, к сожалению, забыл.

Не доезжая Веракруза, стоит город Кордоба, в котором я узрел на одном доме надпись: Институт Веры Круз. Кто такая, почему не знаю? Революционерка, как Вера Засулич или Роза Люксембург? Потом уже я заметил, что Круз очень распространённая в Латинской Америке фамилия. Поиск в словаре принёс разочарование: круз - это крест, а Вера Круз - это всего лишь Святая (крестовая) вера.

В Веракрузе отличные пляжи с мелкой тёплой водой и жара, которая в пыльном центре города становится невыносимой. Это явная провинция: лачуги на самом виду и отклоняться сильно от центральных улиц, где стоят шикарные отели, даже днём опасно и неприятно. Поражает отношение местного населения к иностранцам и вообще к

жителям этих отелей. Оно сильно похоже на отношение москвичей к "гостям столицы": их рассматривают лишь как объект для поживы. Таксистка, мило разговаривая, затребовала за переезд

из отеля в отель 40 песо, и при этом отказала в квитанции. За полчаса до этого сын совершил этот же путь за 20 песо.

Это типично для Мексики - с иностранцев драть двойную цену. Рассказывают случай о таксистке, которая сказала американцам "100", а когда её переспросили "песо?", то живо ответила: "это с мексиканцев - песо, а с

вас - долларов: каждый платит в своей валюте". На этот анекдот русские реагируют весело: "Как бы поймать это такси и заплатить в рублях?"

Веракрузианцы мелочны. В гостинице мы испачкали полотенце, вытерев им случайно промоченный матрас, который оказался, однако, слишком пыльным. С нас стали требовать цену полотенца, утверждая, что, якобы, его невозможно отстирать. "Слушай, да отдай им эти 60 песо, а полотенце мы возьмём с собой и отстираем дома", - сказал я жене. Она послушно отдала деньги, но пока мы это делали, другая мексиканка взяла наше полотенце и быстро унесла. Нашего знания испанского не хватило, чтобы объяснить, что так поступать нехорошо. В Веракрузе большая часть пляжей огорожена отелями, и охрана рьяно следит, чтобы "чужой" не проник на пляж. Кроме того по пляжам ездит молодой дурак на лошади и требует плату за пользование морем.

Но эта мелочность, пожалуй, общая черта мексиканцев, как впрочем и всех южан. Я часто вспоминаю столь хвалёный в своё время фильм "Мимино" с ещё более хвалёным советскими женщинами актёром Кикабидзе. А именно эпизод, когда этот самый Мимино-Кикабидзе ни с того, ни с сего вдруг набрасывается с возмутительнейшей руганью на свою знакомую стюардессу-блондинку. Она ему ну просто ничего плохого не сказала, просто подвернулась под руку, когда у него было дурное настроение. Это для грузина достаточный повод, чтобы обидеть ни в чём не повинную милую женщину. Ну нет в этих грузинах широты души, как ни ищи. Мелочность, и своя хата превыше всего. Это тебе не щирый украинец, и даже не забубённый русский, которому все его горести и несчастья - трын-трава, если есть что выпить. Но слава богу, история советской эпохи показывает, что комплименты и взгляды, которые сво-

дят с ума падкую советскую женщину, не сбивают с панталыку простого мужика, например, на базаре, который этого грузина (узбека, нацмена) видит насквозь, сразу и наверняка.

Мексиканцы не столь грубы на людях, хотя и с удальством, как видим, живут домыслами. У них есть своя особенность того же южного класса: они любят приглашать в гости вообще, но когда подходит момент уточнить время и детали приглашения, то куда-то исчезают, а при следующей встрече ничего не помнят. Все иностранцы знают эту их особенность и этим приглашениям не верят. Также интересно, что, если какое собрание назначается на время, то начинается оно на полчаса позже. Это знают даже мексиканцы. Наш шеф погорел на этом знании. Он пришёл на званый отдельский обед немного позже, чем на полчаса. Мест за столами уже не было, и никто ему не поставил дополнительный прибор. Он поздоровался с приятелями за руку и ушёл. В конце обеда была лотерея и ему выпала бутылка текилы. Но так как его не было, то награда не нашла героя: её разыграли по второму разу. Он, впрочем, воспринял всё это вполне добродушно.

В Веракрузе поражает дороговизна и полное отсутствие альтернативных дешёвых забегаловок, кафе и мест общепита, типичных для Мексики, которых так много, например, в Акапулько, Пуэрто-Вайярте, да и в самом Мехико. Это тоже признак "столичной" жадности и хапужьей мелочности, столь знакомых по современной России, где милиция взимает мзду с бабок, торгующих цветами со своего огорода. Веракруз, видимо, нетипичен для Мексики. В значительной мере это европейский или североамериканский город, и он не особо популярен среди туристов.

Крестовая вера.

*Опустите, пожалуйста, белые шторы.
(Булат Окуджава)*

Полгода назад мы сменили квартиру. Хозяин прежней захотел её продать. Остаток от депозита он клятвенно обещал вернуть, но пропал, как все в такой ситуации. Его квартира всё ещё продаётся и поэтому не приносит дохода, что доставляет нам мелкую радость.

Наша новая квартира немного меньше, но удобнее, да и стоит в полтора раза дешевле. Но главная наша

радость, которую мало кто разделит – окна выходят на площадку, где играют дети. По пятницам здесь собирается школа для детей по изучению катехизиса. Дети рассаживаются группками, рисуют, читают, пишут, декламируют хором, а энергичные старушки ведут эти занятия.

А по воскресеньям с 9 до 10 утра нас будит настоящая церковная служба. Над

площадкой натягивается тент. Расставляются столы и стулья, вешается динамик, приносят усилитель, микрофоны, церковные символы. Сбоку собираются человек шесть молодых людей с гитарой. Начинается проповедь, в наиболее сильных местах она прерывается

пением под гитару этого молодёжного ансамбля. Боже, что они поют! Типичные наши бардовские песни. Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что эти песни сочинили эти же ребята. Многие очень даже приятны. Сходство с бардами у костра полное. Многие мелодии даже напоминают песенки из наших мультиков. И, страшно вымолвить, большевистские, политические и революционные песни.

Кто у кого украл идею: мексиканская католическая церковь у советских пеших туристов и альпинистов или же КГБ у мексиканской церкви? Я думаю, скорее второе. А это значит, что так же, как и общество книголюбов, туризм, альпинизм и бардовское движение - любимые детища КГБ. Удивляет, как из этой хав-толпы Городницких, Кукиных и Дольских вышли Галич и Высоцкий. Правда, кормишь одинаково - а в семье не без урода. Мне сейчас ещё трагичнее кажется судьба и личность Высоцкого. Любил его песни народ. Но очень любила его песни и номенклатура, как своего - сам видел, и пластинки выходили при жизни, да и за границу он ездил с лёгкостью - не обменивали его на Луиса Корвалана. А ведь всем этим бардам верили столько миллионов людей. Как всё-таки проникла в культуру народа и манипулировала им с виду неприметная организация на три буквы!

О языке и связи культур.

*Что же ты, шалава, бровь свою подбрила?
(В.Высоцкий)*

В мексиканском варианте испанского языка нет звуков "ш", "щ" и "ж". Звуки "ц", "з" и "с" не различаются, так же, как "б" и "в". Я сам слышал, как по телевизору аббревиатура CNCI произносилась как "цээнэси". Наш учитель испанского языка маэстро Рохерио, забавный интеллигентный старичок, которого впоследствии перебросили на

преподавание английского, однажды меня поразил. Русского, само собой, он не знал и иногда объяснял смысл по-английски. Один раз он решил подсказать перевод глагола "comprar" (покупать) таким образом: "По-английски это "вай"". Мы не поняли.

Тогда он написал на доске "buy". – «Так это же бай!» - закричали мы (двое нигерийцев, двое китайцев и четверо русских). – «Ну да, вай», - невозмутимо согласился маэстро.

Буква "h" не произносится ни при каких обстоятельствах. Так даже автомобиль «Хонда» называется «Онда» - волна. Но зато целых три других буквы этот самый звук «х» передают. Привычная нам Ямайка или после Робертино Лоретти Джамайка становится Хамайкой. А Япония – это Хапон, не путать с «хабон» - мыло. Матерных ассоциаций с русским языком полно, и не только из-за обилия звука «х». Популярна табличка «Проибидо фумар» - запрещено курить. На футбольном матче болельщик держит забавный плакатик: «2004 - Импердонабле пердир», - то есть, непростительно потерять путёвку на игры 2004 года. Несмотря на приписываемый им темперамент, мексиканцы не вкладывают эмоции в свою речь, поэтому русская речь им кажется ужасной из-за обязательно сопутствующей ей эмоциональности. Только москвичи способны говорить гадости елейным голоском (специально тренируются), остальная Россия меняет при этом тональность и тембр голоса. В Мексике для выражения избытка эмоций

меняют произношение букв. Вместо "й" произносят "дж", а вместо "в" - "б". Иногда (пожалуй, чаще на телевидении) ускоряют темп речи.

Что касается иностранных слов, то по нормам мексиканского языка их можно произносить как по-испански, так и в оригинальном произношении. Например, "гарахе" и "гараж". Ну а если чужого произношения они не знают, то происходит нечто. Например, имя нашего президента Владимир становится «Блядимир», с ударением на последнем слоге (твёрдого "л" тоже у них нет). Женщины произносят это искажение имени с неподражаемой нежностью. Кстати о Путине. Слово «путо» здесь значит примерно то же, что у нас «педик». Дети смеются.

Хотя знатоки утверждают, что индейцы своего языка не забыли, я ни разу не слышал, чтобы говорили не по-испански, и не видел книг не на испанском. Как-то я попал на главную площадь столицы, когда там проходил праздник ацтеков. На одной сцене плясали ансамбли, а потом начались политические выступления и патриотические песни в защиту прав ацтеков. Это было странно видеть, потому что ацтеки составляют подавляющее большинство мексиканцев. Но ещё удивительнее, что всё это происходило на одном испанском языке, без единого ацтекского слова. Политики со сцены всё накаляли обстановку, в один из моментов я подумал, что пора уносить ноги, а то побьют. Но слушатели стояли невозмутимо, а когда подъехала машина с халявными прохладительными напитками, выстроилась длинная беспечная очередь. Интересно, что племя майя, известное в России своей древней культурой, здесь почти не упоминается, зато ацтеки имеют два своих телеканала "ТВ-Ацтека" (7 и 13). Но на этих каналах всё тоже только по-испански.

Маэстро Рохерио объяснил мне, "кто же такой" Сан Педро Закатенко. Дело в том, что по всему Мехико в древние времена стояли пирамиды. Одна из них называлась Закатль, что значит "трава", и местность вокруг неё - Закатенко. Когда пришли испанцы, они стали разрушать пирамиды и на их месте строить церкви. На месте Закатля поставили церковь святого Педро (Сан Педро). С тех пор местность стала именоваться двойным именем (чтобы никого не обидеть) Сан Педро Закатенко. Таким образом, моя идея, что Закатенко - это украинская фамилия, потерпела, видимо, крах. Однако, недавно мы ходили в музей. И там за стеклом была выставлена национальная одежда племени Закатеков. Мужчина был в белой рубаше с вышитыми по краю воротом и обшлагами - точная копия украинской вышивки, а женщина - в красной широкой юбке с большими нашитыми цветами и в белой блузке. Ей не хватало только лент в волосах, чтобы походить на украинку. Многовато совпадений.

Мы покупаем автомобиль.

*Би-бип, би-бип, йе.
(Биттлз)*

"Прелестный автомобиль!" - сказал наш знакомый, пока ещё безлошадный русский, увидев нашу машину. На что я ему возразил: "Автомобиль, как жена - она всегда прелестна".

Получить права в Мексике иностранцу стоит 400 песо. Они называются лицензией на вождение автомобиля. В требования на получение лицензии не входит умение водить или знание правил уличного движения. Самое страшное - знание языка. Поэтому приходится платить эти деньги левой личности. Зато получаешь права без проблем и почти без очереди.

Но только ненормальный самоубийца отважится выехать на улицы Мехико, не имея уверенных навыков вождения и не зная неписанных правил движения. Мечта анархистов о сознательном самоуправлении полностью осуществилась на дорогах Мехико. Полиция здесь не пристаёт за превышение скорости, за проезд на красный свет и за алкоголь в трубке. Но мексиканцы жизнь свою сами ценят.

(К сожалению, два года спустя после написания этих строк пригласили бывшего мэра Нью-Йорка, итальянца, для наведения порядка в борьбе с преступностью, и он ввёл проверку водителей на алкоголь. На праздник Рождества эту акцию отменили на один день.)

Если ты выехал на дорогу, то автоматически становишься членом товарищества с ограниченной ответственностью и с неписанными правилами общения. Если ты мешаешь, тебя освистят клаксонами, если ты нуждаешься,

тебе уступят дорогу. Ты обязан ехать с той скоростью, с какой едут все, или с большей, и хорошо знать, куда тебе надо. Карта не поможет: названий улиц на домах нет, указатели непонятны, если собьёшься, обратно можешь не вернуться. Мой сын - отважный человек, он проезжал весь Мехико насквозь и обратно, но отыскивал путь на наш родной проспект Монтевидео. Я боюсь ездить по незнакомым улицам. На днях я дважды сворачивал на широкие улицы с односторонним встречным движением. При этом один раз чуть не столкнулся с огромным грузовиком.

Три типа транспортных средств на улицах Мехико представляют наибольшую опасность: автобусы, такси и женщины за рулём. Женщины опасны в любой стране. Здесь главное вовремя её заметить, пока не врезалась. Первый наш семейный выезд прервала девушка, только что получившая права. Мой сын, ничего не подозревая, плавно выехал за ворота стоянки на тихую улочку, и по нашему бамперу чиркнул огромный Додж-Стратус, который торопился выехать на зелёный светофор. Вмятина на двери Стратуса обошлась нам в 3500 песо, не считая содранной краски на нашем бампере. Я имею нехорошую привычку максимально тормозить перед поворотом, что не нравится едущим сзади. Но это спасло меня от столкновения с женщиной на таком же Стратусе. Только я повернул, как со встречной полосы перед моим носом развернулась на 180 эта весёлая сеньора. Я успел затормозить в полуметре, а она быстренько заняла свободное место на парковке. Ей, конечно, и в голову не пришло, какое мнение о её езде и о ней самой сорвалось с моих губ по-русски.

Большая часть такси - это Жуки-Фольксвагены. Они маленькие и юркие, водят их профессионалы, которые смело пролезают в любые дырки в потоке машин. Их вождение в пробочных ситуациях вызывает восхищение,

но любителей они не любят. Их машины дешёвы, и они их не берегут. Эти прохиндеи подрезают, едут на красный, нагло вклиниваются. Однажды я близко обгонял такси, стоявшее на обочине. Как раз когда я проезжал, он открыл дверь и процарапал мне весь бок, а сам спрятался. Я сразу не понял, что случилось. Посмотрел в заднее окно: стоит весь побитый и ободранный Жук, никого внутри нет, и ничего из него не торчит, за что я мог бы зацепиться. Моему сыну доставляет удовольствие так же подрезать таксистов, как и они его. Но таксисты уважают чужую ловкость.

Однако, общее мнение - самые опасные это автобусы. Наглость, с которой они выезжают на чужую полосу, беспримерна. Монтевидео - с односторонним движением, но крайняя левая полоса отдана автобусам, которые идут навстречу. Однажды я ехал по соседней с автобусной полосе. Метров за 400 впереди автобус объехал своего коллегу и, не сворачивая обратно на свою полосу, пошёл по моей мне навстречу. Почуввав неладное, я запаниковал и стал внедряться на соседнюю справа полосу, чуть не столкнувшись с кем-то, за что получил нагоняй от сына. Едва я успел съехать, автобус пронёсся мимо по моей полосе, не сбавляя скорости и не думая сворачивать. Несколько недель я боялся ездить на Монтевидео по этой самой полосе, которая рядом с автобусной.

Я знаю ещё одну опасность - это огромные контейнеровозы. Пару раз я чуть не попадал под задние колёса их прицепов. Они мощные и могут легко набирать скорость. Однажды ночью я решил обогнать такой, который долго плёлся рядом. Я нажал на газ, вырвался вперёд и начал внедряться на его полосу. В этот момент ему тоже захотелось обогнать меня. Я успел посмотреть налево и увидеть, что он уже рядом. Пришлось уступить, обливаясь холодным потом.

Но основную опасность в Мехико представляют сами дороги. Они четырёх типов: скоростные магистрали, просто магистрали, улицы и дороги внутри кварталов. Большинство из них с односторонним движением. На многих односторонних левая полоса отдана для встречного движения автобусов. Скоростные магистрали не имеют разворотов обратно. Часто полосы туда и полосы обратно разделены большим пространством городских кварталов. На многих участках нет разметки полос. Встречаются очень узкие полосы, широкие американские машины и автобусы из них вылезают. География дорог вычурна и сложна, часто дороги пересекаются под 60 градусов, там, где есть съезды,

нет заездов на дорогу и т.п. Внутри кварталов ездят, не взирая на стрелки направления движения. Многие кварталы перегорожены. Красный свет - не догма. Сюда надо добавить рытвины в асфальте и открытые люки в самых неподходящих местах. В таких критических условиях общество выработало правило спасения: если ты высунул руку из кабины, тебя пропускают все, куда бы ты ни ехал, куда бы ни поворачивал.

На американских дорогах сплошной коммунизм. Все должны строго подчиняться придуманным чиновниками правилам. Права на ошибку не зарезервировано. Тебя не пустят на свою полосу, хоть руку протяни, хоть ноги протяни - дескать, думай заранее. Автолюбители при встрече только и рассказывают, как они вовремя не переехали на нужную полосу, в результате не смогли съехать на нужную

дорогу, и сколько десятков миль им потом пришлось искать разворот обратно. Американцы – жертвы своего чёткого порядка. Доходит до идиотизма, которого они не замечают.

Однажды в Вашингтон из пригорода меня взялась подвезти соотечественница. Обычно я ездил автобусом и потом на метро. Вся дорога занимала полтора-два часа. Мы выехали минут на десять позже её обычного графика и уже минут через 15 стали притормаживаться. По дороге она то и дело кидала квортеры в приёмники касс и накидала их больше, чем стоил мой билет на автобус. Наконец, мы почти совсем остановились. Но стояла только наша полоса, слева всё было свободно. Я спросил, почему бы по левой полосе нам не обогнать пробку. Она ответила, что нам надо ехать по этой полосе, чтобы попасть на мост, а если мы съедем, то обратно нас уже не пустят. Я не понял, но замолчал. Через десять минут левая полоса стала уходить влево. Вдруг с неё прямо по газону огромный пикап, гружёный латиноамериканцами, полез перпендикулярно на нашу полосу. Все стали возмущённо на него сигналить, а из пикапа ругались и махали руками. Пикап был большой и страшный и он влез. Ещё минут через 40 показался мост. Он был четырёхполосный, две полосы были наши и они были забиты машинами, а две слева - почти свободными. "Почему мы не поехали по левым свободным полосам?" - удивился я. "Эти полосы с дороги, которая идёт вдоль реки, и мы никак не могли на неё попасть" - был ответ. И тут я понял идиотизм американского порядка на дорогах и коммунизма вообще. Не был предусмотрен даже аварийный съезд на соседнюю дорогу! Какой-то недоумок придумал порядок и все ему слепо подчинялись. Но самое интересное, что и на мосту почти никто с наших полос не сворачивал на соседние свободные. Мы добирались два с

половиной часа, а на метро мне всё равно пришлось немного проехать.

Мне почему-то всегда больше нравились идеи анархизма, чем коммунизма.

Однако, вопрос: как это я, клявшийся никогда не сесть за руль, не имевший в жизни ни желания, ни средств купить автомобиль, дошёл до жизни такой, да ещё в самом бестолковом городе мира?

Я всегда завидовал библейской истории про еврейского патриарха, который к сорока годам понял, что ему нужна жена, и пустил своего слугу по свету на её поиски. Слуга, видимо, очень хорошо знал вкусы господина, потому что долго не раздумывал, когда встретил Юдифь у колодца. Правда, папаша у неё оказался вредный и долго оттягивал желанную свадьбу, подсунув патриарху сначала другую дочь. Да и сама девушка оказалась, хоть и красивой, но не особенно любвеобильной. Процесс покупки машины почему-то очень похож на поиски жены. Но вот добросовестного слугу в Мексике найти ещё большая проблема. Мы могли действовать только на свой страх и риск, методом проб и ошибок и с минимумом помощи от русскоговорящих господ.

Вкратце опишу процесс поиска и покупки, в скобках комментируя, как бы могло это выглядеть, если искалась жена.

"Угнать машину в Мехико никаких проблем, - как-то сказал мне сын, - их вон полно стоит на улице, и даже без сигнализации. Хоть сейчас пойду и угоню". И я понял, что от покупки машины не отвертеться: "Нет, шанс познакомиться с полицией нам не нужен, давай лучше купим свою".

("Ну, девушки здесь на дискотеках - сами на шею вешаются, - как-то сказал мне сын, - я не выдержу". И я

понял, что без невестки не выйдет: "Здесь очень большой процент СПИДА. Если тебе так невмоготу, то давай лучше мы тебя женим".)

Моя задача, понял я, направлять молодое поколение и препятствовать покупке барахла и перерасходу денег. Если на счастливый случай не надеяться, то есть три возможности для покупки: новая машина, подержанная машина из магазина и машина с рук по объявлению. Но сначала надо определиться, какая марка нужна. Лучший способ быстро получить знания - через Интернет. Сын сел шарить по автомобильным сайтам.

(Моя задача, понял я, направлять молодое поколение, чтобы оно не бросилось на первую попавшуюся и не подкосило своим выбором семейный бюджет. Если на счастливую встречу не надеяться, то есть три возможности для выбора: дискотеки, брачные конторы и частные объявления. Но сначала надо определиться, какую жену выбирать. Лучший способ быстро получить знания - через Интернет. Сын окунулся в изучение женских, эротических и порносайтов.)

"Лучшие машины – японские, они в полтора раза дольше служат", - сказал я. "Да, но их делают в Мексике", - возразил сын. "Но, может, контроль качества у них японский?" - предположил я, и мы пошли в магазин "Ниссан" (для нас русских – все китайцы на одно

лицо). Нам дали проспекты на самые дешёвые модели "Ниссан-Платина". "За 110 тысяч купить нельзя, у неё руль не гидравлический - руки будут уставать, - сказал сын, - надо за 130, но у неё коробка - не автомат, я на такой не умею, да и нет кондиционера". Я углубился в чтение проспектов, пытаюсь понять, почему японские машины дольше служат: "В течение двух первых лет масло надо менять каждые 2000 км пробега в нашем центре техобслуживания, где вам зальют особое высокоочищенное масло". "Понятно..." - и для очистки совести я залез в кабину на заднее сиденье. Затылок мой упёрся в потолок.

"Все очень хвалят "Ниссан-Сентру", у нас в институте один продаёт 2000-го года", - сказал я сыну и мы пошли смотреть. Машина на модель 2000 года не выглядела, скорее это был 1998. Сын сел за руль, лихо дал задний ход, чуть не врезавшись в ряд машин на стоянке, и резво покати, скрывшись из виду. Когда он, наконец, вернулся, я с сомнением ему сообщил: "Что-то мотор у неё натужно ревёт". - "Да я её с ручника не снял, когда поехал, только в самом конце заметил". - "Ну, а когда снял, как мотор-то?" - "Да нормально, но 90 тысяч она не стоит, никаких наворотов, за 70 бы купил". У меня потеплело на душе: большой угрозы для семейного бюджета не предвиделось. Когда мы рассказали о случае с ручником знакомому, он весело рассмеялся: "Да я сам с ручника забываю снимать. Если ехал на ручнике, значит мотор хороший!" - "Ага, или ручник плохой", - заметил я, и история с японскими машинами на этом закончилась.

("Лучшие жёны - японки, браки с ними самые стабильные", - сказал я. "Да, но где в Мексике найти настоящую японку?" - возразил сын. "Ну, есть японские магазины, японское посольство, да и многие мексиканки на

японки похожи, - предложил я, - вот у нас в институте японка работает, правда, у неё ноги толстые, да и старовата она для тебя". "Нет, японку надо искать в Японии. А дочка японского дипломата нам не по карману", - заметил сын и история с японками на этом закончилась.)

"Крайслер-НьюЙоркер - вот это машина! - закричал сын из-за компьютера, - иди посмотри фотки. Я такие здесь видел: мощная, большая!" "Ну хорошо, а сколько она стоит и сколько бензина жрёт?" - спросил я. "Здесь цены по Америке, мексиканские надо смотреть в газете, вряд ли больше 60". Он купил газету: "Здесь ещё есть Форд "Гранд Маркиз" подходящий. Это тоже классная машина, я видел фотки. Мама, иди звони по телефонам, узнавай адрес!" "Что я вам, на побегушках? - отмахнулась жена, - Изучайте язык и звоните сами". Однако, она позвонила, договорилась о встрече, мы нашли на карте, и в субботу сын поехал смотреть "Гранд Маркиза". Его не было часа три. Наконец, вернулся: "Мама, звони снова. Я доехал до конечной метро, там взял такси, нашли улицу, а номера дома нет. Обрывается на 18-м, а дальше овраг, а за ним уже большие дома, а не дачи, как ты говорила. Таксист крутился, а найти так и не смог". Договорились о новой встрече, но он туда больше не поехал, потому что съездил посмотреть "Нью-Йоркер". "Это всё - покупаем! Кожаные сиденья, настоящие, не потёртые. Широкая, чёрная, большая - как на картинке!" - завопил он, когда приехал. "Ну а мотор как?" "Да мужик не может его завести, что-то сломалось, обещает через пару дней починить, ещё съездим". Дней через 10 мужик починил, и мы поехали уже втроём, с приехавшим на каникулы старшим сыном. Опять до конечной метро, но на юг, потом две остановки на пригородном трамвае и ещё пешком. Огромная американская машина, отличные кожаные сиденья, впечатляет. Наконец, "мужик" завёл мотор.

Скрежет, свист, чихание и огромное разочарование на наших лицах. "Нет, - объяснили мы мужику, - мы в машинах не смыслим, не сможем мы эту машину довести до кондиции, извини". "Может, "Бьюик" посмотрите? - показал он на другую машину, - тоже американская". Но один вид "Бьюика" нам уже не понравился и мы откланялись.

("Ты посмотри, какие шикарные женщины на этом сайте знакомств! - завопил сын из-за компьютера, - поленькие, сексуальные". "Да, упитанные. Видимо, по ресторанам привыкли, таких не прокормишь", - заметил я. "Всё, в субботу иду знакомиться с блондинкой, а через неделю - с брюнеткой, она пока немного приболела". С блондинкой он не встретился, разминулись. Брюнетку пошли смотреть втроём, с приехавшим на каникулы старшим сыном. Брюнетка чихала, кашляла, шмыгала носом и от неё несло чесноком. Мы вежливо попрощались. "А у меня ещё сестра есть", - неожиданно сообщила брюнетка. "Старшая или младшая?" – невпопад уточнил я и не получил ответа.)

Поиски перешли в область Интернета и дискуссий. "Какую всё-таки покупать: новую или с рук?" - "А почему не поддержанную с магазина?" - "Там дороже стоит". "Надо посмотреть в Интернете динамику падения цен на разные модели. Тогда станет ясно, какая марка хорошая, а какая плохая", - предложил я. "Это ничего не даст, там цены американские, у них старые машины дешевле, чем в Мексике", - возразил сын. Но я всё же оттеснил сыновей от компьютера и стал изучать. "Слезай давай, нам тоже нужно", - кричала вся семья ближе к полуночи. "Ещё два года осталось", - отбивался я. Наконец я закончил: "Очень большой разброс, но в среднем цена падает в год тысяч на 10. А вот самое большое падение - в первые два года, тысяч по 20, причём японские падают меньше, чем Крайслер там или Шевроле". "Значит, покупать новую невыгод-

но, лучше 2-4 летнюю". "Да, а по объявлениям в газете, видимо, продают то, что просто так не могут. Зачем искать где-то, когда и в институте у нас продают, и на стоянках полно машин с долларом на стекле". "Ладно, вы с мамой посмотрите в институте, а мы здесь на стоянках посмотрим", - решили сыновья.

"Садовничий продаёт срочно свою машину, только что с ним встретила, пойдёшь поговори", - сказала жена. "Крайслер-Шедоу 1993 года, просит сорок, говорит, в магазине ему дают 35, в понедельник в обед смотрим, если хочешь", - сообщил я сыну, вернувшись с работы. В понедельник сын сел за руль и включил мотор. Из трубы пошел чёрный дым, мотор сердито урчал. Мы понуро шли на выход из института. "Смотри, Крайслер-Спирит продаётся, 1994 года, больше, чем Шедоу, на вид очень даже симпатичный, - обратил я внимание, - давай сейчас же позвоним". Мы пошли звонить, и вскоре к машине подошла её хозяйка. Салон был высокий и просторный, мотор чистенький и работал сравнительно тихо. Дыма из трубы было меньше. На капоте и крыше краска слезла пузырями. Всё указывало, что пыль в глаза нам не пускают, и хозяйка свою машину любит. Сын сел прокатиться. "Нормальная машина, - сказал он уже дома, но довольно хмуро, - но 45 тысяч - это много, за 40 купить можно".

"Форд-Мустанг - вот это зверь! Я сейчас смотрел. Три с половиной литра, спортивная, просторная, кожаный салон. Стереосистема - папаша с сыном держат магазин радиотоваров, сын сам её установил. Договорились за 25 тысяч, одна стереосистема 6 стоит", - сообщил сын спустя пару дней. "Ну а мотор?" - "Мотор мощный, только греется сильно". - "Что, у неё цилиндры разболтаны? Масло течёт?" - "Не знаю. Завтра ещё посмотрю". Такой диалог произошёл у нас с сыном. Назавтра он рассказал: "При мне отец

поехал в магазин, приехал, а из машины пар валит. Они там к радиатору приделали ёмкость и в неё воду постоянно подливают". - "Что же ты, за 25 тысяч одну стереосистему купить хочешь?" - "Да, пожалуй, не стоит. Но вообще машина стоящая, если б поновее была".

"Самые хорошие машины - это "Кутлас" и Шевроле-Кавальер. Так Смирнов сказал, - сообщил сын, вернувшись от Смирнова с кино-кассетами, - они мощные и надёжные". "Кутлас я видел, симпатичная машина, а вот Кавальер, что-то не припомню", - ответил я. "Да тоже видел, только не обращал внимания. В газете есть пара хороших объявлений, - и через некоторое время сын уже договорился о смотринах, - Мужик сам к нам приедет! Кавальер 98-го года". Мужик приехал. Машина красного цвета имела отталкивающий вид: высоко задранный зад и круглый перед. Под капотом тоже всё было некрасиво. Мотор рокотал громко, но дыма не было. Я указал сыновьям, что машина была побита. На меня замахали руками, чтобы не мешал. Я обиженный ушёл в полной уверенности, что такое барахло никто не купит. Однако, домой все вернулись возбуждённые, обсуждая, кого завтра позвать из знающих испанский язык. "Вы чо?" - спросил я. "Завтра он привезёт документы, покажем Херардо", - ответила жена. "Да вы чё, с ума сошли? Она же стукнутая, масло с мотора течёт!" "Папа, ты ничего не понимаешь", - ответил примкнувший к ним старший сын. "Сколько ж она стоит?" - "70 тысяч". Я лишился дара речи. Назавтра, пока жена проводила мужика через проходную, мы с Херардо прошли, разминувшись с ней, к машине. "У моей сестры такая. Сломалась и не ездит", - сообщил Херардо. Он пощёлкал пальцем по бамперу. "Пластик" - с сожалением заключил он. Постучал по багажнику. "Железо. Тонкое", - в его голосе было горькое презрение. Заглянул в салон и

только махнул рукой. Я немного задержался и вошёл в комнату, где разговаривали Херардо, мужик и жена, когда мужик уже встал в крайнем раздражении и, заявив, что нам он продавать машину не будет, направился к выходу. Херардо, сердитый, объяснил мне: "Он же механик! По рукам видно, что механик. Он подкрутил счётчик. 47 тысяч километров не может быть с 98 года. Я в год 16 накручиваю, а никуда не езжу. По сиденью надо смотреть, у него сиденье потёртое". Жена потом рассказала, что у мужика номера оказались старые, а Херардо на это ему и скажи: "Вот когда будут новые, тогда приходи и продавай". Мужик и обиделся. "Да какой Херардо знаток машин, я догадываюсь. В его новом "Пежо" так на заднем сиденье трясёт, как будто рессор нет", - и я рассказал, как мы осматривали с ним машину.

"Мама, звони, договаривайся. Тут у нас на стоянке стоит Форд-Гия, 50 тысяч пробег, 94 года". Смотрели уже в темноте. Полнейшая автоматика, мотор сразу не выключается, а медленно снижает обороты, кресла регулируются кнопками. Сели прокатиться. Машина идёт легко, мотор работает нормально. Только кресла потёртые. На следующий день смотрели днём. Ничего плохого и цена 45 тысяч хорошая. Договорились в субботу смотреть документы и покупать. Но ночью мои сыновья с чего-то пошли на стоянку, залезли под эту машину и обнаружили, что с мотора капает масло. Они до сих пор не уверены, может, это вода, был сезон дождей. Но перепроверить было не дано. На следующий день позвонил владелец Кавальера и сказал, что он передумал и готов продать нам машину, если мы найдём другого советника, а не заносчивого Херардо. И старая любовь вспыхнула вновь. Мы попросили Дуду, украинца, живущего в Мехико 6 лет, помочь нам. Ему машина понравилась, его Форд был меньше и слабее.

Документы, он сказал, в порядке. Меня никто не слушал, хоть я заметил и развал колёс, и побитость корпуса, и потёки масла, и слишком громкий звук мотора, и сломанную защёлку двери. Машину купили. Когда Херардо узнал от нас об этом, он замахал руками и сказал: "Не говорите мне об этом и об этой машине вообще. Вы меня не послушались, и больше я вам ничего не хочу говорить".

Через неделю я разобрал дверь и починил защёлку. Потом починил магнитолу, которая не хотела выплёвывать кассету. За 4 месяца сын много раз навещал автомастерскую, чтобы: устранить развал колёс, перевальцевать и переставить колёса, закрасить бампер, сменить масло, масляный фильтр, воздушный и топливный фильтры, свечи, водяной насос, рессоры и тормозные колодки. Мы сами сменили севший аккумулятор. Я отрегулировал педаль газа, убрав излишний свободный ход. Подтянул разболтанные крепления шлангов и подновил изоляцию проводов, подтянул выше выхлопную трубу. Кондиционер рычит, как загнанный зверь, но как с ним бороться, ещё не знаем. Намечаем заменить колёса, которые уже изрядно стёрлись. Единственное, что пока хорошо работает и так, так это ручник, на котором не проедешь.

В дороге машина пока не подводила. Мы на ней съездили в Акапулько и обратно. На машине никакой автоматики, кроме медлительной автоматической коробки. Это досаждают. Деревенская машина типа грузовика, сделанная под полуспортивную. Машина научила нас кое в чём разбираться, а именно, мы поняли, что:

1) наши советники, и Херардо, и Дуда разбираются в машинах лишь на уровне юзеров: пока не сломается, в мастерскую не побегут;

2) мексиканцы вообще не заботятся о своих машинах, если бы хозяин нашей машины (фирма

"Дженерал Электрик") хотя бы раз в год менял фильтры и сводил колёса, то сейчас бы она бегала, как молодая; часто видишь, как у машин свободно болтается выхлопная труба или отваливается крыло или колпак на колесе;

3) нельзя заливать воду в систему охлаждения;

4) в автомастерских работают халтурщики;

5) вопреки "научному" мнению, что красные машины наиболее безопасны, потому что лучше видны, оказалось, что они чаще попадают в аварии, потому что их цвет нравится людям неуравновешенным; у нас на стоянке появились два красных Доджа-Неона с одинаково смятыми передками, да и нашу приходится подкрашивать;

б) разница между машинами только в цене, если о ней забота, то она становится родной и хорошо служит - прямо как жена.

Узнали мы также одну тонкость. В Мехико борются за чистоту воздуха. (Что-то не заметно: машина каждое утро покрыта слоем грязи и копоти). Дважды в год надо проверять выхлоп на чистоту. Если оценка 0, то можешь ездить каждый день. Если 1, то один день в неделю машина обязана стоять. И так дальше. Через 4-5 лет обязан менять катализатор. Машине старше 8 лет запрещено ставить оценку выхлопа 0. Вот почему больше всего продавалось машин 94 и 98 годов.

А вот продолжение истории со старыми номерами, которая показывает лень и необязательность мексиканцев. Наш мужик говорил, что новые номера, из-за отсутствия которых они и поссорились с Херардо, ещё не готовы, и дал нам расписку, что передаст номера, как только их ему пришлют. Через три месяца я заволновался, стал беспокоить мужика, а заодно шарить в Интернете, где и нашёл на официальном сайте администрации Мехико, что наши номера давно готовы и, когда мы покупали машину, уже

были доставлены первому её владельцу - фирме "Дженерал Электрик", которая номера и заказывала и в которой раньше работал наш мужик. Он опять пообещал всё выяснить. Мы и сами организовали широкий поиск пропавших номеров, но без успеха. Наконец, нам повезло. В этой самой фирме один из начальников оказался молодой парнишка, так сказать, ещё не испорченный. Он быстро нашёл наши номера, мы с огромным трудом разыскали эту фирму далеко на юге Мехико, и он нам их вручил без проблем. Через два дня после этого у нашего мужика проснулась совесть (или его жена-адвокат его

накрутила) и он сам поехал в фирму, обнаружил, что наши номера кто-то забрал, и позвонил нам.

Когда сын вознамерился вернуться в Россию, он стал учить меня водить. Последний раз, и он же первый, когда я водил машину, это было в седьмом классе на уроке авто-дела. Я проехал на грузовике 50 метров со скоростью 10 км/час, повернул налево и был снят с пробега. Мы с сыном начали обучение на тихой и просторной улице со сквером посередине и с очаровательным именем Хухуй. Сейчас я проезжаю по этой улице, полностью расслабляясь и отдыхая. Сколько ругани я наслушался от сына за полтора месяца обучения, заслуженной и незаслуженной, сколько поучений, приемлемых и неприемлемых, и житейской мудрости, которую трудно было предположить в этом бестолковом молодом человеке. Я понял, что мой сын талантлив,

хоть я об этом и догадывался раньше, и что талантливые люди не лишены обычных человеческих недостатков.

Выпускным экзаменом моим было самостоятельное возвращение из аэропорта, когда сын улетал. Я сам себе поставил 4 с плюсом. Потом началось самообучение на собственных ошибках. Слава богу, мы все ещё живы.

Недавно жена сказала: "Я всю жизнь мечтала, чтобы у нас была машина". "Да-а..." - только и смог я на это сказать, вспомнив нашу долгую совместную жизнь. Насколько же темна загадочная женская душа. И проста, если разобраться.

Курортная жизнь.

*Акапулько, ля-ля, ля-ля.
(Из песни)*

Эта песня, зазывающая новых русских на мексиканский курорт, очень популярна в России. Но слушая её, мы и не спрашивали себя, где же это Акапулько находится.

В Мексике уютных берегов много, но лишь четыре крупных места отдыха у моря: Веракруз и Канкун на Атлантическом побережье и Пуэрто-Вайярта с Акапулько – на Тихоокеанском. Из них, говорят, Канкун наиболее приятен. К сожалению, не были. Веракруз я уже описал выше.

Пуэрто-Вайярта севернее Акапулько, имеет международный аэропорт и огромный процент отдыхающих там американцев. Они выделяются бледной серо-розоватой дряблой кожей, которая потеряла способность загорать. Возможно, это от американской пищи, но скорее всего от присущей американцам стадности мышления. Это народ, который привык слепо верить рекламе, моде, нечистоплотным «научным исследованиям», пропаганде и лозунгам политиков и невежественным статьям в газетах. Одним из

американских заблуждений является утверждение, что прямой солнечный свет вызывает рак кожи. Дескать, были случаи, - так сказать, прецеденты. Над Аризоной якобы очень тонкий озоновый слой, и поэтому на улицу лучше не показываться без шляпы. Удивительно, что даже в Новосибирске, где каждый лучик на вес золота, находятся придурки, которые верят в эту чушь и прикрывают детей панамками. И никому не приходит в голову, что этот самый рак возникает скорее всего по причине применения всяческих кремов от загара, которыми эти американские придурки мажут себя сверх меры, боясь мифического рака. «Страшен рак, да в жопе ноги» - как гласит украинская поговорка.

В Пуэрто-Вайярте приятные пляжи, чистая вода, не очень высокие волны и доброжелательные люди. Но наличие богатых американцев вносит коррективы в мораль. Такси из аэропорта стоит 300 песо, а в аэропорт – всего 70. Это из-за монополии аэропортовых таксистов. Достаточно выйти из зоны аэропорта и перейти на другую сторону улицы, и такси вы возьмёте всего за 120 песо. Почему не за 70? А это уже из-за коррективов в морали. В аэропорту Мехико аналогичная история. Взять аэропортовское такси до нашего унидада обойдётся в 240 песо. Если пройти сначала 100 метров до станции метро, то 80 песо. Обратное в аэропорт такси без счётчика будет стоить те же 80 песо.

Но дурят не только таксисты. Надо иметь зоркий глаз и быстро считать в уме. Я частенько наведывался в ближайший к гостинице магазин «Оххо». Это система американских придорожных продуктовых магазинов со скудным ассортиментом и дикими ценами. Набираю в корзинку товар и иду к кассе. Мужик за стойкой вынимает из корзинки бутылку «Кока-Колы», долго пыхтит, наконец, наклоняется под прилавок, на что-то нажимает, и на экране монитора кассы появляются две строки чего-то мне неиз-

вестного с ценой 26 песо и 4 песо. Потом он набирает цену «Кока-Колы». Когда приходит пора рассчитывать, я скромно указываю на вторую строку с 26 песо и спрашиваю, что это за товар. Мужик растерянно смотрит на меня и на монитор, через полминуты снова наклоняется под прилавок, и две первые строки на мониторе исчезают. Ещё один приём. Мужик берёт в руки упаковку шести штук сникерсов и спрашивает у помощника, сколько она стоит. Помощник забегает с другой стороны прилавка и смотрит, сколько стоит один сникерс. Продавец умножает это число на 10 и вводит в кассу. В общем, в «Оххо» совесть покупателя – лучший контролёр.

Акапулько – это совсем другой город, с другими нравами и другими людьми. Это во многом чисто мексиканский город, и отдыхают здесь преимущественно мексиканцы. Иностранцы же в массе своей неслучайные люди и наведываются сюда регулярно. Мы встречали здесь соотечественников из Калифорнии, Аризоны, да и американцы, едущие сюда, по нраву совсем не те, что в Пуэрто-Вайярте. Непонятно, почему именно Акапулько рекламируется в песне для новых русских. Это отнюдь не фешенебельный курорт, на тесных улицах огромное количество машин, пыль, шум и жара. Приезжают сюда в основном люди со средним достатком. Я видел одну ново-русскую пару, которая явно была недовольна своим отдыхом.

Платная дорога из Мехико хорошая, на машине можно доехать часа за четыре, но дешевле добираться на автобусе. Это всего на полтора часа больше. Сам город разделён горным хребтом на две части, которые соединяются тоннелем. Меньшая часть расположена на берегу почти круглой бухты, окаймленной выступающими косами. Отсюда и название, капулько – коса. Сама бухта небольшая, и по логике в ней должно быть тихо, но

отнюдь. В средней части на берег накатывают огромные волны. Это, конечно, экзотика, но купаться в таких волнах неприятно. И как раз в этой части стоят все многоэтажные современные отели, которые так любят иностранцы.

Вид на бухту Калета и остров Ракета.

Северная часть бухты защищена островом Ракета, и здесь в маленьких бухточках волн нет. Но здесь нет и дорогих отелей, почти нет иностранцев, и царит чисто мексиканский дух. Много непритязательных мест общепита с дешёвой и вкусной пищей. На площади огромный базар, где сувениры и прочий курортный товар намного дешевле, чем в центре. На пляже для всех желающих выкают большие зонты и ставят стулья. Под зонтами располагаются на весь день целые семейства, а официанты им приносят еду и питьё. Народу очень много, и вода быстро становится мутной. Но на такие пустышки никто внимания не обращает. На Ракету ходят катера, и там тоже есть аналогичный битком набитый пляж. По дороге катера заходят к памятнику Гваделупе (святой праматери мексиканцев), установленному на каменистом островке и на морском дне около него. Сквозь стеклянное дно катера можно смотреть также на рыб и на парнишку, который плавает под водой на забаву пассажирам. Артель ловцов ракушек продаёт

свои изделия прямо в море с узких плотов. На самом острове есть небольшой зоопарк с крокодилами, жирафом и другими бедными животными. Мы отдыхали в бухте Калета много раз, я лично с большим удовольствием.

Это рай для детей. Но летом здесь влажно и жарко. Впрочем, к таким неудобствам быстро привыкаешь. Это не сибирские морозы.

По Акапульским пляжам ходит масса бедно выглядящего народу и предлагает всякие товары и еду. Я заметил нескольких женщин, которые скромно ходили с полураскрытыми альбомчиками женских фотографий. По советскому менталитету я подумал, что это матроны предлагают проституток. Действительность же оказалась намного занимательней. Эти женщины предлагали услуги по созданию женских причёсок из множества заплетённых косичек. А на фотографиях были образцы. Этот бизнес очень выгоден. Редкая женщина откажется попробовать поносить чёртй каким образом искусно заплетённые по всей голове тоненькие косички, которые оканчиваются цветными висюлочками.

В Акапулько вы встретите типичных мексиканцев и типичный мексиканский бизнес с обаятельной улыбкой. Здесь нам залили настолько разбавленный бензин, что его едва хватило на полдороги до Мехико. Раз я вышел из гостиницы поискать для сына водяной пистолетик. Подошёл к небольшой рыночной точке. Мне наперерез выбегает мальчонка с вопросом: «чего ищет сеньор?» - «Водяной пистолет». - «Сейчас будет». Мальчонка скрывается в недрах мини-рынка. Я догадываюсь, что на другой стороне кто-то торгует такими пистолетами. Через полминуты он протягивает мне три и говорит: 70 песо каждый. Это немного не то, что я ищу. Видя моё недовольное лицо, он тут же поправляется: 50. Я объясняю, что ищу немного другую конст-

рукцию, и направляюсь на другую сторону рынка. Действительно, там девочка продаёт эти же пистолетики. «40» - говорит она. Опять это не то, но выбор есть. Видя, что я в сомнении, она выпаливает: «30». Наконец, я замечаю то, что мне нужно и спрашиваю: «а этот?» - «Столько же». Все диалоги с полным ко мне радушием и чуть ли не любовью. Объясняю, что сейчас приведу сына и куплю, если ему цвет понравится. Я привожу сына, ему, конечно, всё нравится, и тут уж девочка с той же улыбкой, но твёрдо говорит: «40». Торговаться с этой очаровательной девочкой, да ещё после такого торгового спектакля, я не могу.

Центр побережья Акапулько.

В другой раз мы захотели покататься на водном мотоцикле. Это недёшево, хоть на черноморских пляжах и дороже, и мы пошли поискать подешевле. «Я знаю здесь место и там подальше. С какого начнём?» - сказал средний сын. – «Какая разница?» - и мы пошли, где поближе. Нас встретил молодой мексиканский еврей, в чистых отутюженных шортах и аккуратной рубашке. Разговаривал с нами, не

сходя с места и сверху вниз. Рядом валялись несколько мотоциклов. Через минуту выяснилось, что цену сбавлять он не хочет, и мы двинулись на дальний конец пляжа. Там у единственного мотоцикла стояли три дочерна загорелых мексиканца и что-то оживлённо обсуждали. Они тут же переключились на нас. Через пару минут переговоров сын сообщил: «Ну, у них немного дешевле, но зато дольше, так что потратим мы больше». – «Ну ладно, бог с ним, раз уже пришли». Тут же проворный мексиканец чуть ли не сам надел на нас жилеты, а двое других помогли ему столкнуть в воду мотоцикл с сыновьями. Через двадцать минут настала моя очередь кататься. Был сильный прибой, и к мотоциклу надо было добираться вплавь. Этот чёрный неутомимый мексиканец бросился в воду, чтобы помочь нам со старшим сыном поменяться местами. Я вошёл в прибой, и тут налетела особенно сильная волна, неожиданно сбила меня с ног и потащила к берегу. Чтобы не кувыркаться по прибрежной гальке, я вытянулся бревном и благополучно приземлился на песок. Каково же было моё удивление, когда, встав из воды, я увидел возле себя того же мексиканца, который успел приплыть ко мне с явным намерением спасти и спрашивал, всё ли со мною в порядке. Потом он ещё посадил меня на прыгающий в волнах мотоцикл. Ну, никак не могу представить на его месте того в отутюженных шортах.

Но Акапулько от Мехико далеко, а вот пирамиды близко. Ближайшие от нашего дома всего в 40 километрах. Это пирамиды Солнца и Луны. В отличие от Мехико воздух здесь чист, и лицо и руки быстро загорают. Народ лезет на пирамиды, просто гуляет, а торговля вокруг кипит и процветает. К нам подходят и цену говорят по-русски. Как они догадались и откуда знают слова? «Здесь бывает очень много русских», - отвечают. Один торговец попросил жену

написать небольшой словарик русских слов. За такую ценную коммерческую информацию он сделал скидку на безделушку. Оба остались очень довольны.

Пирамида Солнца.

В полутора часах езды на юг есть городок, в котором пирамида на вершине горы. Нам показали её из окна отеля в подзорную трубу: маленькая, невзрачная, и не очень-то высоко. Мы расположились в индийском отеле. Владелец его индеец, поэтому там стоят индийские скульптуры и собираются иногда кришнаиты. Есть отличный бассейн, и мы хорошо отдохнули пару выходных. В последний день решили сходить перед отъездом на пирамиду. Полчаса наверх, полчаса вниз – успеем. Мы резво бросились вверх по дорожке, надеясь, что она перейдёт в ступеньки. Не тут-то было. Она перешла, но в ступеньки из валунов и камней. Через полчаса мы посмотрели вверх и сказали: ну до верха уже немного осталось. Женщины стали отставать и часто останавливаться. По пути нам встречались группы отдыхающих американцев. Ещё через полчаса мы проследили, куда идёт тропа, и решили, что когда она обогнёт скалу, то пирамида уже будет видна. «Интересно, а что же будет наверху, когда поднимемся?» - поинтересовалась моя сестра. «Понятно, что: киоск с газированной водой», - ответил я. Через какое-то время сын предложил спуститься, а то что-то много уже времени прошло. «Нет, раз пошли, то

надо добраться», - резонно возразил я. За скалой тропа почему-то резко пошла вверх. Наши женщины сказали, чтобы мы их не ждали. Какие-то спортсмены бегом взбирались и спускались. Ненормальные. Кое-кто шёл с маленькими детьми и тащил их на руках. Ещё через полчаса мы неожиданно пошли горизонтально, огибая глубокий овраг. Сын, забежавший вперёд, крикнул, что говорят, что уже близко, и что он пойдёт посмотреть, где там наши женщины. Я перешёл на другую сторону оврага и остановился подождать сына и полюбоваться пейзажем. Какая-то женщина догнала меня и участливо спросила, заглянув в лицо: «с вами всё в порядке, сеньор?» Я бодро ответил «да» и задумался, чего это она спрашивает. Вряд ли хочет познакомиться, скорее у меня, как всегда, лицо бледное. Я помог какой-то паре сфотографироваться на память и с подошедшим сыном отправился дальше. Это был ещё не конец. Неожиданно мы подошли к вертикальной железной лестнице высотой с трёх- или четырёхэтажный дом. Без перил. Вверху виднелись два люка: для тех, кто лезет вверх, и кто спускается. Я на секунду представил, что ещё придётся спускаться, и полез наверх. Это был апофеоз. Когда я преодолел лестницу и ещё столько же вскарабкался по камням и скалам, радоваться пирамиде уже не было сил. Нас встретил ларёк с газированной водой. «Откуда он здесь взялся?» - «Наверно, там на плоскогорье есть какое-то село, - предположил сын, - не на вертолёте же товар сюда завозят».

Мы прошли к пирамиде, полуразрушенной и невысокой, сделали снимки и вернулись к ларьку. Тут подошли и наши женщины, бледные, но очень довольные собой. «Вот это лестница! Как я на неё карабкалась, ох», - восторгалась сестра. Мы погуляли по вершине, посмотрели на странных, почти домашних зверьков с вертикально торчащими поло-

сатыми хвостами. Как нам потом объяснили, они водятся только здесь. «Ну, что, спускаемся?» - «Нет, вы мужики идите, а то Семён уже заждался, а мы ещё немного поспим». Ну, женщинам виднее. Спуск действительно занял чуть больше получаса. Но ног я уже не чуял. Мы сидели в машине, закусывали и ждали женщин. Они появились минут через сорок, странно переваливаясь с ноги на ногу и не торопясь. «Знаете, одна мексиканка сейчас, моего возраста, меня спрашивает, - довольно заявила моя сестра, которая на 9 лет меня старше, - А вы сеньора тоже были наверху? Она, - говорит, - четыре раза поднималась, а ни разу до верха не доходила. Я отвечаю, да была, а она проверяет: а что там наверху. Я ей говорю, а она не верит. Знай наших - русских».

Через неделю вся кожа с подошв у меня слезла. Ступни заметно похудели, и ещё долго туфли на ногах болтались. Походка стала упругой и лёгкой. От сестрицы такого энтузиазма и жизненной силы я не ожидал. Нет, всё же что-то есть таинственное в этих пирамидах.

Канкун.

*Сбылась мечта Идиота.
(Из школьного сочинения)*

Мы разочарованы, проще не скажешь.

Сын давно пилил нам мозги, что надо купить новую машину, мощную, спортивную. Но она же будет двухдверная, возражал я. Сошлись на компромиссе: четырёхдверную, но шестицилиндровую. Это либо БМВ третьей серии, либо Ниссан-Максима, либо Хонда-Аккорд. Новые нам не по карману, да и подержанные кусаются. Сын быстро продал наш Шевроле, сбросив цену до минимума, когда обнаружил, что счётчик километров был скручен. Без

машины стало невмоготу. Самая лакомая – БМВ отпала: не поймут в унидаде. Была здесь у одного, так ему разломали вдребезги зеркало. Здесь на севере Мехико вообще редко увидишь БМВ, Мерседес, Инфинити и даже Максиму. Хонд много, но не шестицилиндровых. И вот сын звонит: неси деньги, еду на Хонде, какую ты хотел. Хонда 2000 года оказалась после аварии, немного перекошенная, с разбитыми пластмассовыми внутренностями, старыми колёсами и никуда не годными рессорами. Но мотор меня очаровал: он работал почти бесшумно. А система охлаждения – как часы. Это решило дело. Осмотренный перед этим Ниссан-Пасфайндер был хорош, но мотор подозрительно свистел, а вентилятор не выключался. Для меня так и осталось загадкой, что же случилось с его системой охлаждения. Минимальный ремонт Хонды добавил к цене 12%, и мы уложились в 100 тысяч. Что такое 6 цилиндров и 200 лошадиных сил – это трудно объяснить тому, кто сам не попробовал. Лёгкое нажатие на газ – и ты король на дороге, остальные машины как будто стоят на месте. На этой Хонде не чувствуешь скорости, пока не помотришь на спидометр. На 100 км/час она идёт так же плавно, как на 60, а на хорошей дороге – и как на 130. На трассе уже можно отличить 160 от 140. До 200 она разгоняется без проблем, а дальше мы не пробовали, помня о рессорах. На трассе с нами пытались тягаться отчаянные молодые люди на «Стратусах» и «Джеттах», но без успеха, и только новенький Ягуар легко обставил нас и скрылся за горизонтом.

Но, хвастаясь машиной, я немного забежал вперёд. Святая неделя в середине апреля растягивается в Мексике на двухнедельные каникулы. По неясным финансовым соображениям нас отправили в отпуск на это время. Сын заранее купил по дешёвке номер в гостинице у богатого члена туристического клуба. Пока решали вопрос, лететь ли

половине семьи на самолёте, авиабилеты кончились. Сомневаясь в рессорах, 1600 километров до Канкуна решили ехать за 3 дня, заезжая на пирамиды, а обратно, как получится. Но жизнь внесла коррективы. Сын замыаялся животно, и мне пришлось его заменять чаще. А я веду со скоростью километров на 10 меньше – реакция уже не та. А на выезде из Мехико попали в пробку. Так что развлекательная дорожная программа рухнула, и остался голый автопробег.

Вообще-то дорога живописная и приятная, если не считать некоторых участков, где проводился капитальный ремонт. Есть крутой спиралевидный спуск, от бесконечного количества поворотов которого голова идёт кругом. На обратном пути это был подъём. Когда я забрался на перевал и вылез из машины, у меня закружилась голова вполне реально, и дальше уже вёл сын. Есть длинный участок со встречным движением, на котором поддерживать высокую скорость – это большая нагрузка на нервы. И как всегда на мексиканских дорогах, есть неожиданные выбоины и неизвестные в России «топлессы» - это варварское изобретение жандармски мыслящего американского ума. Ещё их называют «лежачими полицейскими».

Есть такой богом проклятый городок, название которого недостойно напоминания, сквозь который проходит трасса, и который понаставил на трассе этих топлессов штук 50 не меньше. Представьте, вы несётесь под 150 км/час и вдруг замечаете на дороге нечто тёмное поперёк всего полотна, а рядом невзрачный знак, на котором изображена косая стрелка вниз и волнистая линия. Неужели топлесс? – мелькает в мозгу, нога панически жмёт на тормоз, и счастье, если успеваете сбросить скорость до 50. Машину встряхивает, как бомбой моджахеда, и, проехав этот 15-сантиметровой высоты валик, вы вспоминаете, что метров

за 200 был непонятный плакат о том, что нужно сменить дальний свет на ближний. Весьма туманное предупреждение о предстоящей «зоне вибрации». Дальше едем, всем составом внимательно вглядываясь в полотно, и на каждом топлессе ругаем жителей этого поганого городка, отводя душу. На обратном пути мы уже высматриваем этот городок, как дорогую подругу. Перед нами медленно едет старый, но мощный «Форд», он тоже знает об этом городке. Мы его не обгоняем, пусть лучше нас предупреждает о топлессах. За нами тащится длинный хвост машин, на нас гудят. Но когда кто-то нас с «Фордом» обгоняет, мы закатываемся гомерическим хохотом. Он – ещё не знает. Маленький городок мы проезжаем на малой скорости за полчаса, очень довольные, что не попались на происки этих поганых жителей городка-эгоиста.

Карта Канкуна нас подвела. Она оказалась безнадежно устаревшей. Город вырос раза в три после создания этой карты. В центре города можно запросто заблудиться из-за веерообразной планировки улиц. В первый день я так и сделал, поехав в магазин. Меня спасла редкая удача – местная мексиканская семья, совершавшая вечернюю прогулку. Глава семьи описал длинный извилистый путь, которым следовало выбираться. Но хоть и он под конец ошибся, я нашёл дорогу, ведущую в зону отелей.

В Канкуне практически все отели расположены на косе, огибающей огромную лагуну. Вдоль этой косы идёт четырёхполосная дорога. В общем, довольно оригинально. Хоть мы жили и не в самом шикарном отеле, упрекнуть его было не в чем. Ну, магазинов поблизости на косе не было, но с машиной это не проблема. Так что же не понравилось, или мы в конец зажрались? Нет, отнюдь. Как ни странно, главную неприязнь вызвало то, что Канкун – не мекси-

канский город по духу. Вот только то, что явно бросилось в глаза.

1) Те бесчисленные ларёчки, лавочки и просто люди, расположившие свой товар на земле или на столиках, мимо которых ни пройти, ни проехать, которыми так богат Мехико, начиная с главной площади, а также Акапулько и другие известные нам города, и которые создают атмосферу национальной общности, в Канкуне полностью отсутствуют. В Канкуне есть только торговые узлы и супермаркеты американского типа, да изредка небольшие специализированные магазины. По-видимому, уличная торговля запрещена в угоду американским туристам. Из-за того, что нет конкуренции отсутствующей уличной торговли, рестораны кормят просто плохо.

2) Вместо нормальных перекрёстков, которые просматриваются во все стороны, в Канкуне устраивают в центре перекрёстка круглую высокую клумбу, опять же на американский манер, которую приходится объезжать по кругу, и которая сильно затрудняет ориентировку. Есть «зебры», которых нет в Мехико, но они выкрашены тёмной желтоватой краской, незаметной в сумерках, и расположены в неожиданных местах без всякого предупреждения. Американские туристы нагло бросаются прямо под колёса автомобилям по этой «зебре». Я с непривычки чуть не врезался в одну такую группу, спасли хорошие тормоза «Хонды».

3) Швейцары в гостиницах разговаривают только по-английски. И даже когда ему отвечаешь по-испански (он же мексиканец), продолжают говорить по-английски.

4) Но это у них работа такая. А вот я наблюдал двух калифорнийских мексиканцев, туристов, отец и сын. Находясь на своей этнической родине, они между собой говорили только по-английски, с этим ужасным лающим мекси-

канским акцентом. Если меня это удручает, то я стал уже большим патриотом Мексики, чем эти мексиканцы.

5) Нам говорили, в Канкуне белый чудесный песочек. Это не песок. Это туф, растёртый в порошок. Это скорее глина. В Канкуне нет песка, как, впрочем, и на всём побережье полуострова Юкатан. Становится понятна причина гибели цивилизации майя. Туф как строительный материал непрочен и разрушается водой и ветром. Аналогичную картину я наблюдал в Латвии. Там крепости строились тоже из очень непрочных кирпичей.

6) В Канкуне дуют постоянные ветры, и погода неустойчивая. Из-за этого, конечно, не очень жарко. Но в первый же день, обманутый облаками на небе, я сильно обгорел. Никакие мази не помогли. Через неделю я остался без старой кожи на спине, но что более печально, и на голове. Это было крайне неприятно и в первый раз в таких огромных масштабах. Но зато, наконец, загорели ноги, которые по этой идиотской американской моде приходится прикрывать длинными трусами до колен. Говорят, что в коротких плавках в Америке ходят только геи, а остальные американцы, чтобы, не дай бог, о них не подумали, наряжаются в нецелесообразно длинные трусы, да ещё под них для пущей убедительности обычные плавки надевают, так, чтобы это было видно. Чёрт бы побрал этих американских геев. А может, американских придурков?

7) Кстати об американцах в Канкуне. Их много. Не знаю, может, туда какие-то больные люди любят ездить, но они какие-то чинные, скучные, смурные и угрюмые. Ну и, естественно, все бледные. В Акапулько тоже есть американцы, можно встретить бывший наш народ, крепко осевший в Калифорнии, и приятно поболтать с ними. Да и коренные американцы в Акапулько вполне по-людски выглядят, если не считать цвета лица. А тут, фотографирую

я игуан, которых полно в прибрежных камнях, подходит американец и без особого интереса спрашивает «игуана?» Я отвечаю по-испански «да» и надеюсь на продолжение диалога, а он тут же, не говоря ни слова, уходит. Впрочем, в Пуэрто-Вайярта американцы тоже не очень-то общительны и держатся свысока. Однако и общительные американцы, мягко говоря, странноваты. В Акапулько я познакомился с весёлым армянином из Лос-Анжелеса. Мы стоим по грудь в воде, рядом его приятель американец, который знает, что я русский, их жёны. Мы с армянином взахлёб болтаем о прежней жизни, о его торговле мороженым, о том, что американцы скупили все крупные магазины в Мехико, в общем, о простой цивильной жизни. И вдруг американец, долго молчавший, спрашивает меня: «а вы в армии служили?» Вы можете понять ход его мыслей?

И тут я вспоминаю американские фильмы, где все люди - душа нараспашку, а женщины ещё и ноги врозь, и начинаю задумываться. Кино кино, а жизнь жизнью. Действительно, это же патологически скучная нация, которой не свойственно чувство юмора. Точнее юмор у них какой-то извращённый, для других наций это и не юмор даже, а

недоразумение. В лучшем случае - давно забытый детсадовский. Бруклинские евреи ещё пытаются перевести для них одесские анекдоты на английский язык, но получается тоскливо. Да и язык свой английский они настолько извратили, что поневоле подозреваешь, что сделано это из чувства неполноценности перед своими родителями англичанами. Зачем иначе «о» произносить как «а», «у» - как «о», «т» - как «р», да ещё при этом безбожно гнусавить?

В кино у них сплошной пердёж и пукание, подаваемые как юмор («Шрэк-2» - последний «шедевр» этого детсадовского юмористического приёма). Негры внесли свежую струю в эти приколы – намёк на онанизм и сексуальные движения под синей простынёй. Нет, обязательно синей. Все положительные герои в кино носят синие рубашки с подобающе мрачным галстуком. Американская нация изобрела в области юмора «чи-и-из», кидание кремовых тортов в лицо, летающий по всей комнате пух от разорванных подушек и закадровую фонограмму смеха, чтобы законопослушный зритель понимал, когда ему следует смеяться. Эти убогие приёмы юмора везде и всюду суют, как гениальное откровение, не в силах создать ничего свежего, и однообразно всё это повторяют с усердием малолетних дебилов. Понятно, когда на тебя практически везде работают иностранцы, самому уже и не можетя, даже юморить. Нет, я тут, пожалуй, немного несправедлив. Приём «торт в лицо» был модифицирован «мороженым на темечко». А недавно я видел апофеоз американского юмора. Вокруг большого круглого торта с метр в диаметре сидят гости и по команде одновременно опускают лица в этот торт. А потом одновременно вынимают и одновременно смеются отмеренное количество секунд. Полный коммунизм для идиотов.

А как американцы любят даже самое своё ничтожное достижение рекламировать. На американских дорогах монументальные плакаты пропагандируют убогий шедевр дорожного каламбура: «мальчики водят, а девочки управляют». Да тут и говорить не о чем с точки зрения нормального человека. Шекспир и Биттлз родились в Англии, в Америке такое было бы невозможно. В Интернете я прочитал, что якобы женщины считают, что лучшие любовники – это американцы. Покажите мне этих «женщин». Мелкая самореклама, которой полно в Интернете. Глядя на этих бледных полусонных задохликов - не верю! В другой интернетовской статейке даже приводятся цифры, на сколько процентов больше остальных народов американцы имеют секс. Но мы-то знаем, что американцы всегда привирают. В частности, они за секс считают и отношения Билла с Моникой, и гомосексуализм, чего не принято, например, у русских. Поэтому их процент надо поделить хотя бы на полтора, и они честно оказываются в хвосте в соответствии со своим нездоровым внешним видом.

Зная свою неполноценность и угрюмость, они в кино показывают себя жизнерадостными и общительными и обязательно загорелыми (на самом деле – покрашенными). Вот уж чего никогда не видел в жизни. Если не считать американских негров и латинос. А вот другие нации зато они выставляют злыми, грубыми и жестокими. Например, мексиканцев, которые, как дети, смеются над всяким пустяком от души. Особенно сподручно им хаять русских, которые одеваются в нелепую зимнюю одежду, у которых невесёлая жизнь из-за холода и голода и глупых правителей. И при такой суровой жизни они умудряются побеждать американцев в боксе, штанге и хоккее – сугубо мужских видах спорта. А «значит», русские агрессивные и жестокие. Ведь, не могут же они просто быть умнее, силь-

нее и здоровее. Они же едут куда угодно, чтобы работать, как негры. А то, что русские в кругу друзей и веселее и остроумнее американцев, так об этом можно и не упоминать, никто этого, кроме друзей, и не проверит. Тем более, что в самой Америке русских очень мало, в основном это русские евреи, которые себя друзьями русских не считают, потому что, как московские таксисты, любят больше тех, кто им даёт больше зелёных.

Американцы везде кричат, что они заботятся о своём здоровье. Да, они бегают по «Централ парку», играют в бейсбол на травке между Белым Домом и Капитолием, и в баскетбол на тесных площадках, огороженных клеткой. В этом они переплюнули русских. Им, правда, ещё плевать и плевать до мексиканцев, которые поголовно и ежедневно играют в футбол и баскетбол на любом подходящем месте. Однако достаточно увидеть по телевизору репортаж с заседания в ООН, и становится не до смеха над американцами. Их дипломаты (это отнюдь не бедные люди) – с бледными морщинистыми лицами и угрюмыми выражениями на них. Даже русские представители с их ярко выраженной плохой родословной смотрятся намного здоровее. Да и простые американцы пожилого и не очень возраста имеют те же маски смерти. Молодые американцы выглядят лучше, но и среди них попадаются экземпляры, которых лучше бы не видеть. Я не верю, что американцы были всегда такими. 50 лет назад в замечательном фильме «Серенада солнечной долины» американцы блистали таким здоровьем и оптимизмом, что вызывали заслуженную полноценную симпатию. Что же произошло за 50 лет, и почему своей метаморфозы не замечают сами американцы?

Я не открою Америки, если скажу, что причина в том, чем они ещё недавно гордились. А гордились они тем,

что решили проблему питания нации. А решили они её за счёт сомнительных химических и гормональных добавок и искусственных консервантов при производстве пищи. «Ножки Буша» сначала ударили по здоровью американцев. Если говорить честно, то решили они не проблему питания нации, а проблему получения больших прибылей с питания нации. Европа по этому пути не пошла, но голода не испытывает. Новые русские кинулись поедать долгожданные американские харчи и питьё, а в результате Россия за короткое время наполнилась молодыми людьми, которые сами себя шире и неспособны загореть на солнце, как и американцы. Приобретённую неспособность загорать американцы, верные своему придурьему гонору, выдают за достоинство и всюду насаждают мысль, что солнце вредно для кожи и от него надо защищаться. Воистину один Джон шагает в ногу.

Как в войне против Ирака, где американцы прикрываются «благородным» лозунгом борьбы с терроризмом, а на самом деле имеют в виду прибрать к рукам иракскую нефть, так и здесь они прикрылись «благородным» лозунгом накормить нацию, а на самом деле имели в виду только барыши. Ради этих барышей они с помощью законов протащили запрет на производство у себя и ввоз из-за границы традиционной здоровой европейской пищи: кисломолочных продуктов, дрожжевого хлеба, твёрдого сыра, варений, солений и копчений, - то есть пищи массового спроса. Сделано это было опять же под «благородным» лозунгом борьбы за экологическую чистоту американского континента. Возможно, привлекли ещё и экономическое давление. Смехотворно, что их пропаганда в угоду «химии» ударила даже по сахару – отличному консерванту. Вместо варенья появились маринады – на основе уксуса, который детям даже нюхать опасно. Так американ-

ские промышленники заставляли народ жрать новоизобретённую отраву. Сейчас здоровые продукты появляются в спецмагазинах, но, естественно, по повышенным ценам.

Пользуясь политическим влиянием, опять же под лозунгом борьбы за чистоту Америки, они насадили подобные запреты и в других государствах обеих Америк. В Мексиканском аэропорту таможенник с видимым злорадством изъял у меня 300-граммовый пакетик Советского сыра: из России нельзя, можно только из Чили. Советский сыр из Чили? Оригинально! Если б знал этот придурок, какого удовольствия лишён мексиканский народ благодаря своим политикам, лижущим задницу дяде Сэму! Правда, у мексиканцев невозможно отобрать их традиционную народную пищу, которой торгуют на каждом углу. Пока не действуют американские запреты на мелкую частную торговлю пищевыми продуктами, мексиканцы имеют альтернативу. Но в Канкуне альтернативы уже нет.

Так почему же американцы, как безропотные овцы, гребят здоровье нации на радость крупным производителям пищевого дерьма? А почему советский народ безропотно терпел коммунистов, а сейчас олигархов? Рецепт и там, и там одинаков. Во-первых, КГБ и ФБР. Во-вторых, пропаганда национализма, что американский (советский) народ – самый передовой, самый умный, самый здоровый, самый справедливый и т.п. И что власть состоит из лучших людей Америки (СССР) и заботится о благе своих граждан. Ну а граждане должны быть законопослушными. Вот и слушаются, гордясь собой и жуя жилистую индейку. А на самом деле – безмозглые придурки.

В-общем, отвлекаясь от мировых проблем, Канкун – типично американский город, сделанный для богатых американцев. Улицы чистенькие, отели огромные и серые, мексиканцы со своими привычками здесь не высовы-

ваются. Всё сделано, чтобы дорогой американец не почувствовал, что он не на родине. И это окупается. Судя по состоянию дорог, штат Юкатан деньги имеет.

Возвращались мы немного разочарованные. Проехали штат Юкатан. Вдоль дороги стали продавать ананасовый сок, потом кофе в зёрнах – так сказать, дары земли. Пообедали в мексиканской харчевне. Мексиканка заботливо и без заискивания подала нам простую и здоровую пищу. Жива Мексика! Въехали в Мехико и по родным колдобинам, сквозь толпы людей и машин, невероятно изворачиваясь, выбрались на «Сирквит Интериор». Дома!

«У ней от радости текут по щёкам слёзы. Сыночек Коля, ты больше - никуда».

Кроме Акапулько. Ля-ля, ля-ля.

Куба: рабы с вывихнутыми мозгами.

*За хлеб и воду, и за свободу,
Спасибо нашему савейскому народу.
(В.Высоцкий)*

Лучшее доказательство – от противоположного. Лучше всего убеждает контраст. Куба – это далеко не Мексика, и это такой контраст, который уместно привести в разговоре о Мексике. Я провёл на «Острове Свободы» полтора дня благодаря родному Аэрофлоту, самолёты которого не пускают в Мехико. Почему не пускают, стало ясно на обратном пути. Когда Ил-96 приземлился в Гаване, и придурки начали хлопать в ладоши, потолок самолёта стало трясти с амплитудой в полметра. Это продолжалось секунд десять в сразу же наступившей гробовой тишине, но, слава богу, телевизор от потолка не оторвался. Когда же Боинг компании «Мехикана» приземлялся в аэропорту Мехико, он пролетел ограду аэропорта на высоте не более 20 метров и тут же

опустился на полосу. В той тесноте, которая присуща Мехико, доверять посадку можно только мексиканцам.

С высоты на Кубе видна необыкновенного красного цвета земля, ухоженные сельхоз поля и хорошо развитая растительность. Судя по природе, жить здесь можно.

Я всегда буду, как нечто, вспоминать, как выйдя из самолёта в аэропорту Хельсинки, я прошёл насквозь здание аэропорта и вышел в город. Никто меня не остановил, никто не поинтересовался ни моим паспортом, ни визой. Выйти в город в аэропорту Гаваны – это проблема. Впрочем, не выйти – тоже проблема.

Российским гражданам на Кубу можно въезжать без визы. Но на паспортном контроле меня завернули: нужна ещё бумага из будки посреди зала. Улыбчивая женщина любезно заполнила её за меня, так что я ничего, ни смысла, ни таинства, в этой процедуре не понял.

Кстати, кубинские женщины довольно приятны и общительны, чего не скажешь о чванливых и подозрительных кубинских мужчинах. Однако кубинкам далеко до мексиканских женщин. Мнение о необыкновенной красоте кубинских женщин сильно преувеличено. Один мой знакомый, побывавший на Кубе, утверждал, что кубинки красивее мексиканок, потому что в них смешалась кровь трёх рас. Он работает в Тихуане, которая находится на самой границе со США. Понятно, что там полно американских туристок, и он просто не встречал в такой разбавленной среде по-настоящему красивых мексиканок. Возможно, что мужское мнение о кубинках, так же как и мнение о русских женщинах, основано на дешёвизне услуг проституток. Правда, в аэропорту Гаваны мне выпал шанс полюбоваться на двух действительно удивительных по красоте женщин с гладкой светло-шоколадной кожей. Но они оказались с какого-то небольшого Карибского острова.

На Кубе, как и в Мексике, знакомые мужчины и женщины целуются при встрече. Но в Мексике это деловой поцелуй, как у нас рукопожатие, а на Кубе - ханжеское представление, отнюдь не украшающее кубинских мужчин. Кубинский поцелуй – это очень громкое изображение губами тройного поцелуя у самой женской щеки. Это довольно мерзкий звук с непривычки. Без специальной тренировки его не изобразишь. Обратное из Москвы на Кубу я летел рядом с одной парой, по-видимому, молодые дипломаты из какой-то прибалтийской республики. Зная русский язык, они со стюардами разговаривали только по-английски. Так эта парочка придурков всю дорогу тренировалась в этом кубинском поцелуе. Кубинские мужчины, кстати, целуются с женщинами очень высокомерно и держатся нагло.

Но вот я прошёл контроль и вышел в зал выдачи багажа. Мне багаж не нужен, и я пошёл искать выход. Не тут-то было: за мной увязался какой-то молодой человек и стал допытываться, кто я, с какого рейса. Я показал ему все документы, но он не унимался: «с американского рейса?» - «Нет, с мексиканского». – «Тогда вам следует пройти не в этот выход, а в другом конце зала». Ну, началась кубинская свобода, подумал я и поплёлся в другой конец. Пройдя ещё одну проверку документов, я, наконец, вышел к такси и доехал до гостиницы.

Аэропорт обслуживается довольно новыми и хорошими машинами такси. Я ехал на Мицубиси. Дипломаты и богатые люди имеют очень даже крутые модели, но этого не скажешь о простом народе. На Кубе машин немного, но полно автомобильного старья. Много «Лад» выпуска 1970 года. До гостиницы я доехал за 15 долларов, но на обратном пути другой таксист нагло затребовал 20, потому

что, видите ли, у него машина новая. Это была выдавшая виды «Джетта» 99 года. Хапуги долго не живут.

Гостиница, где Аэрофлот даёт бесплатное место, представляет собой комплекс гостиничных корпусов между двумя каналами, выходящими в море. Однако из самой гостиницы проход к морю по земле перегороджен высокой стеной. «Как пройти к морю», - спросил я у охранника. – «Только в обход по мосту через канал». Это прекрасно! Ну, хорошо: в гостинице есть большой бассейн, кафе и ресторан, но море-то оно рядом, в ста метрах! В чём проблема?

Я побрёл в обход. Мне показалось, что к морю ближе, если перейти два канала, а не один, - и вот я уже топаю по замусоренному пустырю к заваленному бетонными блоками берегу. Такой заваленный камнями берег я видел ещё только в Бруклине. Но там он был отгорожен высоким проволочным забором, чтобы никто не смог пройти. А здесь вдруг послышался негромкий свист и окрик. Обернувшись, вижу одиноко стоящую около дороги на краю пустыря будку с охранником. Что он здесь охраняет? Подхожу и сходу начинаю заливать охраннику, что я первый раз на Кубе, что здесь так интересно, и вот хочу пройти к морю посмотреть. Охранник на глазах добреет и в свою очередь общается, что я вот фотографировал, а вон то здание – это гостиница Венесуэлы, и её фотографировать нельзя. И вон ту гостиницу фотографировать нельзя. «Как? – удивляюсь, - Я же в ней живу». – «Да, живёте? А в каком корпусе?» Я неопределённо махнул рукой. Охранник немного сконфузился. Поболтали ещё. «Ну, ладно, ты иди, куда хотел» - закончил наш разговор охранник. Я повернулся было, чтобы поискать ухоженную часть берега, но уже расхотелось.

Гостиничный комплекс, кстати, очень даже неплохой. В ресторане и кафе кормят хорошо. Здесь отдыхают новые русские, а в боулинг по соседству приезжают из

Гаваны на очень даже крутых тачках. Заведует (или владеет) гостиницей приятная и отзывчивая русская женщина. Русские в латиноамериканских странах вообще довольно общительны, чего не скажешь о Бруклинских «русских» или о самой метрополии. Их сближает общая судьба. Сюда едут не за длинным американским долларом, а в основном люди в какой-то мере неудачные. Они здесь быстро оттаивают и добреют на глазах. Но груз тайных проблем преследует их и точит изнутри. Браки, которые они хотели упрочить, всё равно разваливаются. Иностранцы мужья или жёны, к которым им хотелось бы прилепиться, не нравятся. Бедность не заменяется на богатство. А карьера и здесь не соответствует высокому самомнению. Эти несчастные люди бродят по просторам Латинской Америки глухие и немые и мечтают, что когда-нибудь вернуться, то у них будут хорошие мужья или жёны, достойная работа и уважение детей, внуков и соседей. Но всё это уже было и всё напрасно: от себя нигде никуда не убежишь.

Меня подцепили на крючок трое молодых парней. Потом мне сказали, что на Кубе это частое занятие молодых людей – приставать к иностранцам и тянуть с них деньги на развлечения. Я тоже так сразу и понял, но они предложили повозить меня по Гаване, и я согласился. Была уже почти ночь, мы катались на старой «Ладе», глазели по сторонам, иногда выходили попить пива. Ночью в Гаване практически никакого освещения нет. Мне указывали горделиво на шикарные многоэтажные отели и исторические памятники. Но люди, где люди? Вдоль длинной набережной стояли редкие парочки. «Устроим марину», - кричал старший из парней (так на Кубе называется праздник), но танц-клубы оказывались закрытыми. Под конец он предложил снять девочку. «Молодая, горячая, всего за 20 долларов – на всех нас четверых!» Это было заманчиво, хотя «на всех» не очень привлекало. Тем более, что платить – то мне. К этому моменту меня так уже растрясло в их колыхаге и развезло от дрянного пива, что я честно и серьёзно сказал: «Ребята, я так устал, что у меня вряд ли получится даже с молодой. Отвезите меня лучше в гостиницу, я сегодня ночью не спал перед самолётом». Попросить их о девушке для меня одного было как-то не по-товарищески, и не пришло в голову. К тому же где-то в коммунистическом подсознании сдерживало одно подозрение. Уж очень старший из них был прилипчив и неестественно весел - как провокатор или агент КГБ. На одной из улиц к молодым парням пристал полицейский и потребовал показать документы. Старший его не заинтересовал. Чутьё подсказало, что, не зная тонкостей кубинской жизни, в дело, которое во многих странах считается уголовным, влезать не стоит. Групповухой у нас зовётся. Тем более, что в кармане у меня лежали все мои наличные доллары.

Вернувшись утром в аэропорт и пройдя регистрацию, я понял «смысл» той самой бумажки. На выходе в зал ожидания с меня потребовали заплатить 25 долларов «за взлет». «Почему? Я же транзитный пассажир». – «У вас в паспорте бумажка. Значит, вы выходили в город. Значит, уже не транзитный». На обратном пути из Москвы я уже не выходил в город. Нас транзитников собрали всех в холле на первом этаже, отобрали паспорта и билеты и сказали ждать. Одна женщина забеспокоилась: ей надо получить багаж, который она по неопытности направила только до Гаваны. Эта ситуация оказалась нестандартной, и для её разрешения позвали русского агента. Потом кубинского начальника. Багаж ей принесли.

Потом нас подняли на лифте на второй этаж в зал ожидания и сказали, что паспорта и билеты отдадут за два часа до вылета. Предстояло шесть часов провести в этом зале, как в тюрьме.

Оказалось, международный аэропорт Гаваны был построен канадцами. В центре зала ожидания, украшенного флагами всех стран мира под потолком, расположились точки общепита и магазин шмоток. На входе – несколько киосков с политической литературой, сувенирами, медициной. Торговля везде – только на доллары. Туалет бесплатный, но ближе к полудню в мужском туалете появились две девицы. Они скромно стали у стенки, одна недвусмысленно держала в руке долларовые бумажки, другая пыталась предложить мне рулончик туалетной бумаги, который свободно лежал на умывальнике ещё с утра. «Ну, нет, девочки, мои кровно заработанные буржуйские доллары я вам засранцам-кубинцам за просто так не отдам», - решил я.

Господи, как же я ждал самолёта в Мехико! Вдохнул облегчённо, лишь ступив на борт. И хоть место мне

досталось у окна и в середине самолёта, то есть ногам было тесно, я во все глаза и влюблённо смотрел на этих потрясающе улыбчивых и болтливых мексиканок-стюардесс, пытался говорить с соседями-мексиканцами на моём бедном испанском и радовался полёту, как ребёнок.

«Как хорошо устроен белый свет!» (В.Высоцкий)

И на три точки мне ваша кубинская свобода!
Оставайтесь с ней сами.

Октябрь 2004. Мехико.

Тикётъ ли текила?

Часть вторая, 2005-2014

(Заметки туриста)

У стены Советского посольства.

Предисловие.

*Мы с ними встретились,
как три рубля на водку,
И разошлись, как водка на троих.
(В.Высоцкий)*

Со времени написания первой части прошло много лет. Появились новые наблюдения, произошли новые события и встречи с новыми людьми. И перо запросилось на бумагу, то есть пальцы потянулись на клавиатуру. Но сначала был переезд на новое место и привыкание к нему и к новой жизни. Это было так давно.

20 минут на машине между старым и новым местом или, если хотите, светом, но люди, нравы и образ жизни совсем другие.

1. Новая жизнь.

*Напрасно старушка ждёт сына домой.
Ей скажут - она зарыдает.
(Песня)*

Наш младший сын подрос, и наступила пора отдать его в школу. Русское школьное образование - лучшее в мире. Уж точно не сравнить с мексиканским: здесь по 65 человек в классе, учат долго и нудно, и если заболел учитель, то его никто не заменяет.

Наш сын до школы побывал в двух "киндерах", по нашему садиках. Не сидеть же дома. Это были хорошие садика, рекомендованные знакомыми. Первый был попроще: небольшой бетонированный двор типа тюремного и вокруг – комнаты для занятий. Заведующая, строгая сухопарая еврейка, очень гордилась своим знанием английского и поддерживала проамериканский дух этого заведе-

ния. Это немного сковывало атмосферу, но персонал и родители были простые люди. Дитё наше быстро научилось болтать по-испански. Мне этот садик нравился, но сын со временем стал выражать неохоту в него ходить. Думаю, в маленьком коллективе острее чувствуешь, что ты иностранец.

Второй садик был шикарным во всех отношениях. В нём был огромный зелёный двор с деревьями и детскими сооружениями и ещё зелёный дворик поменьше. Куча разных учителей, психолог и компьютерный зал. Обучение в нём было в два раза дороже, и ходили туда в основном дети очень богатых родителей. На молодых ухоженных неработающих мамаш очень даже было приятно смотреть. Все вежливые и улыбчивые, живут в своих домах и проблем не имеют.

Вот тут-то птичка и попалась. Богатым мамашам старались польстить, и показуха в садике цвела махровым цветом. С помпой отмечались дни мам и отцов и другие праздники. С закусью и грандиозными концертами, где дети пели и плясали в костюмах, за которые надо было нам платить. До сих пор ещё валяются у нас два одинаковых (!) и одного размера (!) костюма ангела. Устраивались дни открытых дверей, и родители могли наблюдать, как хорошо обучают их детей. Всё было направлено на то, чтобы убедить родителей: их дети здесь быстро научатся и читать, и писать, да ещё и аглицкому языку и компьютеру. Какие там лепки, труд, шитьё, логика мышления, и навыки, которые пригодятся в жизни! Детей просто заставляли перерисовывать буквы и слова в тетрадь, причём строго по клеточкам печатным шрифтом. Щоб швыдче, как говорят на Украине.

Мы стали с ужасом замечать, что наш сын всё механически копирует и не вникает в смысл того, что пишет. И

стал плакать, когда его ругают. От богатых мальчиков он поднабрался нехороших испанских слов, которых и в нашем пролетарском унидаде не услышишь. Всё точно, как в коллективе рабов - это мы и сами в России проходили. Надо было срочно выправлять ситуацию, которая грозила сделать из ребёнка не свободно мыслящую творческую личность (чего бы нам хотелось), а пешку в руках начальников.

За полгода до выпуска мы перестали водить его в садик, хотя это автоматически отрезало нас от продолжения его обучения в мексиканской системе общественного образования. То есть, в школу здесь не принимают, если не окончил киндер. В частную - пожалуйста.

Мы насписывали из интернета множество мультфильмов и детских фильмов на русском языке, чтобы приобщался к русской культуре, и решили отдавать его с шести лет в русскую школу при посольстве. Когда закончит школу, пусть лучше мы его отправим учиться дальше в Россию одного, чем здесь превращать в мексиканца, который даже в простых вещах соображать не будет уметь.

Я извиняюсь перед самолюбивыми мексиканцами, но это действительно так. Достаточно посмотреть, как они делают дела, которыми гордятся: играют в футбол и водят машину. Просто удивительно, но объяснить это можно только отсутствием навыков соображения: большинство мексиканцев неспособны предусмотреть ситуацию как на поле, так и на дороге буквально на пару секунд вперёд.

Полнейшая случайность выбора решения, вызванная только сиюминутным желанием. Направо освободилось место - поеду направо, хотя в обще-то мне скоро сворачивать налево. Налево вдалеке свободный игрок - пасну ему, хотя по центру пусто и туда уже бежит мой приятель. Про мексиканский футбол я ещё расскажу - это просто горе.

А пока что мы стали частным образом возить сына к школьной учительнице изучать русскую азбуку, да и просто, чтобы он стал больше общаться с русскими людьми, чтобы знал, что мы есть.

И уже через год мы с радостью стали видеть, что спохватились правильно. Сын с удовольствием ходил в школу, сам делал все задания, стал более раскрепощённым и сообразительным. Однако от тупости, привитой ему в киндере, до конца не освободился. На это ушло ещё три года. И всё ещё боялся, что делает что-то не так.

А мы переехали поближе к посольству. Жена сейчас битый час добирается на метро с работы домой, за квартиру платим в два с лишним раза больше, масса других неудобств, но живём-то для детей.

2. Новое место и белые люди.

*Ой, ты Галю, Галю молодая
Пидманули Галю, забрали с собою.
(Украинская песня)*

Итак, новый район Мехико - Кондеса, что переводится как Графиня. Недалеко от исторического центра. И это далеко не север Мехико, где мы жили раньше. И это как Москва отличается, скажем, от Иркутска. Прежде всего, людьми.

Кондеса - район богатых отелей, ресторанов, и, естественно, здесь живёт много американцев. Они по

определению богатые, и поэтому их надо доить. Цены в Кондесе на всё гораздо выше, чем на севере Мехико. От продуктов на базаре (на 15%-50%) до цен за аренду квартир (на 50%-100%). Мы живём на краю района. Стоит перейти Сирквит Интериор - оживлённейшую кольцевую дорогу - и цены приходят в норму севера Мехико. Но квартиру там мы не нашли близко к посольству. А в Кондесе - пожалуйста, на каждом углу сдаются - только плати бешеные деньги.

Близость дармового американского богатства пагубно влияет на обычное (северное) добросердечие мексиканцев. Например, сюда съезжаются просить милостыню из пригородов. Местные попрошайки имеют свои постоянные места, обычно на перекрёстках, и делают свою работу весело и ненавязчиво, по-хозяйски. А приезжие просто ходят по улицам и пристают с требованием подарить песо.

Жена по переезде, не дожидаясь, когда у нас со старшим сыном дойдёт очередь до её проблем, вызвала из мастерской мексиканца, чтобы он прикрепил душ и повесил верёвку на балконе. Он рассказал, что живёт у пирамид и добирается на автобусе на работу два часа. На машине боится ездить, потому что в Мехико все водители сумасшедшие. Почему не работает у себя в городке, нам стало ясно, когда он запросил за свою более чем скромную работу и кусок медной трубы 500 песо. За подобную работу на севере Мехико с неё, помнится, содрали всего 300 песо. Но больше всего нас поразил там на севере парнишка, чинивший газ. Он возился с нашими трубами полдня, всё проверил и, что нужно, заменил, подогнал. Всё на совесть. Он нам очень помог, он нас спас. Когда спросили, сколько ему заплатить, он сказал: 80 песо, не больше. Это за материалы, а за работу он не берёт, так как получает зарплату в нашем унидаде. Мы стояли с открытыми ртами,

жадно глядя на это чудо честности. В Кондесе такого не возможно никак.

Когда жена сообщила о своём желании установить ещё сушилку, мы с сыном не выдержали. Поехали в универмаг, купили электрическую

дрель, шурупы и верёвку, всего на 250 песо, и я за полчаса всё соорудил к её удовольствию. Но дрель-то при этом ещё и осталась у нас!

Наша квартира выходит окнами во внутренние дворики, поэтому, когда приходит мусорная машина, и мусорщик звонит в колокольчик, нам не слышно. Однако расписание здесь выдерживается неплохо, поэтому, зная его, можно жить, мусорных машин ходит много. Старшая по подъезду на наши просьбы сказать о расписании как-то отвечала невразумительно и уклончиво. Наконец она решилась и сообщила, что у них в подъезде мусор выносит к машине сеньор, который моет подъезд. Три раза в неделю мы можем выставлять мешок рано утром. За это он берёт дополнительную плату, но немного. Это немного оказалось 25 песо в неделю, если мусора мало. (Со временем лично для нас это "немного" выросло до 35 песо). Нам прибывшим с севера это показалось грабежом. Но мусор уже был, а расписания машин так и не было. Пришлось согласиться. Когда наш сеньор ушёл на месяц в отпуск, расписание стало ясно. И стало ясно, что оно очень удобное для нас. И каждый день, и в выходные. Но вот он вернулся, и мы снова носим мусор к нему. Наш менталитет изменился. Мы стали белыми людьми Кондесы, которых следует доить, как здесь принято.

На территории Кондесы два небольших парка. Один из них - парк Мехико - очень популярен. Здесь небольшое озерцо с гусями и утками, которых можно покормить. Есть открытая сцена, где часто выступают самодеятельные артисты.

Перед ней - большая площадка, где все желающие гоняют мяч и ездят на велосипедах. По аллеям бегают ради здоровья, кто хочет, причём американки в сексапильно тоненьких трикотажных трусиках. Либо считают мексиканцев импотентами, либо думают, что иначе никто на них совсем не обратит внимания. На скамейках целуются долгими поцелуями, даже ярким днём. Здесь же выгуливают и купают в фонтане собак, просто гуляют, просто едят и просто сидят. В общем, почти Централ-парк Нью-Йорка в миниатюре, но сугубо по-мексикански. По воскресеньям здесь появляется масса торговцев и масса развлечений для детей. Дети рисуют, катаются на машинках и прыгают на батуте, а взрослым делают массаж. Народу - как в ГУМе. Но и цены, цены! Наше с младшим сыном любимое лакомство - початок кукурузы, помазанный майонезом и посыпанный сыром и перцем - 15 песо. В квартале от парка у универсама то же самое, но вкуснее, - 12 песо. А возле нашего унидада на севере симпатичная и улыбчивая пара продавала за 10, или 11, если початок был большой. Причём они так разбаловали нашего малыша, что он сам командовал им, что и как делать.

Недалеко от нашего дома, но это уже не Кондеса, - лес Чапультепек. Это огромный по площади огороженный высоким стальным забором парк с несколькими входами. Но подходы к нему неприятны, потому что он со всех сторон окружён скоростными дорогами. На территории - большое озеро, где можно покататься на лодках и педальных катамаранах. Бесплатный и большой зоопарк, киоски всякой всячины и зона общепита, фонтаны, памятники, платные музеи и

много чего. Здесь есть широкие дороги и зелёные поляны, белки и голуби, многовековые деревья и столики, за которыми можно сыграть в домино или даже шахматы. Есть места, где народ ходит толпами, и места, где кроме вас с любимой на сто метров никого не будет. Сам видел, как молодая пара со вкусом и неторопливо имела секс под высоким деревом на полпути между тротуаром и забором. Уникальное заведение, но по понедельникам и вечерам закрыто. Не столь уютное, как парк Мехико, но величественное. Как Ватикан в Риме. Как государство в государстве.

За этим лесом, но это уже совсем далеко для пешей прогулки, - второй лес Чапультепек. Это скорее парк. Там два небольших озера: на одном можно покататься в лодке, а на другом - покормить рыб. Они огромные и прожорливые, и просто кишмя кишат вокруг печенья, которое им бросают с берега. Ясно, что это печенье тут же услужливо продают торговцы с тележек. Для детей здесь - несколько музеев. Самый популярный из них - музей Папалоте

("Воздушный змей"). В нём дети могут самостоятельно залезть на пожарную машину, сделать огромный мыльный пузырь, совершить археологическую раскопку, и много чего ещё – не упомнишь. И кстати, есть большое кафе, в котором можно перекусить. На территории парка - какие-то странные старинные башни и непонятные водные сооружения, и огромный центр развлечений - от каруселей до высоченной надувной горы, с которой съезжают в мешках.

Немного поближе, но южнее, расположен парк Лира. Он небольшой, но выглядит мрачно, сыро и запущено. Это потому, что он расположен на склоне сильно пересечённого пригорка. По выходным там учат танцевать, и массовик даёт поиграть в шахматы и порешать головоломки. Интересно, что в парке работает большой бассейн и районная мэрия. Но это уже не Кондеса.

3. Посольство.

*Всё хорошо под сиянием лунным.
Всюду родимую Русь узнаю.
(Некрасов)*

Но хватит ходить вокруг да около. Пора в Советское (ныне Российское) посольство. Спускаемся по улице Пачука (это город такой Пачука, а не герой гражданской войны, и тем более не гоголевский персонаж) до перехода через проспект, который называется "диагональ Патриотизма". Странноватое название для русскоязычного уха. Но на карте начало этой улицы действительно выглядит, как диагональ прямоугольного треугольника. Светофор для пешеходов горит зелёным ровно 30 секунд, чего как раз хватает, чтобы пересечь 6 полос проспекта быстрым шагом под 60 градусов. Красный свет для машин не догма. На него все едут до тех пор, пока не начинает двигаться поперечный

поток. А зелёный для пешехода - не гарантия безопасности. Всегда найдётся шофёр, желающий быстренько повернуть направо, пока ещё не подъехал тот самый поперечный поток. Все об этом знают и начеку. А если не знаешь, то зачем ты приехал в город (и переходишь улицу), не изучив предварительно традиции народа? (Это отнюдь не моя мысль, а прозрачный намёк одного охранника из посольства, татарского мусульманина).

Сами мексиканцы рассказывают о себе такой, к слову, анекдот. В машине два молодых человека, подъезжают к перекрёстку, когда им загорается жёлтый. Водитель жмёт на газ, проскакивает перекрёсток. "Ты чё делаешь?" - спрашивает приятель. - "Так всегда делает мой старший брат". Подъезжают к следующему перекрёстку, когда загорается красный. Водитель жмёт газ в пол и проскакивает. "Ты с ума сошёл?!" - кричит бледный приятель. - "Так всегда делает мой старший брат". Подъезжают к следующему перекрёстку - загорается зелёный. Водитель давит тормоз в пол. Приятель летит в стекло: "Ты чё, совсем охренел?!" - "Ага! А если слева едет мой старший брат?"

(Недавно я слышал похожий анекдот, но уже о грузинах).

Итак, блестя глазами и зыряка налево, спортивной ходьбой пересекаем диагональ патриотизма, обходя зигзагами массу автомобилей, зае-

хавших на пешеходный переход. Дальше всё просто: за угол налево, мимо геофизической лаборатории, перед которой всегда стоит без дела, но болтая, парочка-другая охранников, - и вот мы переходим перекрёсток, за которым вход в Российское консульство. По утрам перед открытием у него бывает небольшая очередь желающих получить визу или другие российские документы. А если, не доходя до консульства, свернуть на перекрёстке направо и пойти вдоль бежевой стены, то сначала пройдем закрытую дверь школы, тут же закрытую дверь мусорного отсека, а дойдя до следующего перекрёстка, увидим зелёные ворота официального въезда и входа в посольство. Есть ещё и чёрный вход, с противоположной стороны квартала, но об этом не будем.

В общем, посольство - это огромная усадьба, занимающая три четверти площади квартала, - спасибо старой стерве Коллонтай, купившей её для СССР, - с великолепными постройками, которые наверняка представляют историческую ценность. Самое красивое здание, над которым реет российский стяг, расположено справа от ворот на пригорочке, внутри него - уютный и красивый зал приёмов с огромной люстрой под сводчатым потолком. А под ним в подвале, говорят, бар. За этим домом и немного влево - две более скромные постройки, в которых расположен конференц-зал и квартиры сотрудников. Между ними и школой - стоянка для машин и школьный двор со спортплощадкой. Много зелени и простора, который так любит русская душа. Прямо кусочек райского сада. Но детям бегать по посольству запрещается, хотя их у работников посольства хватает. Обычно они собираются в беседке на школьном дворе, посередине которой стоит круглый стол, либо играют на спортплощадке.

Посольство - это частица души страны или народа. Простите за выспренность, но об этом надо сказать. Однажды мне посчастливилось оформлять визу на конференцию в финском посольстве. Поднявшись на седьмой этаж высокого здания для офисов, я очутился в скромно обставленной приёмной и, взглянув за стеклянную стенку перегородки, обнаружил, что в посольстве

всего две небольшие комнаты. Симпатичная и высокая улыбчивая девушка, розоволицая блондинка, пригласила меня к окошку и после пары моих английских фраз спросила по-русски: "Вы русский?" У меня отвисла челюсть, а она, смеясь, объяснила: "Я несколько лет работала в посольстве в Москве".

Я был просто очарован простотой её манер и добросердечием. Оказалось, визу можно сделать за несколько дней, но вот паспорт у меня кончается через месяц после въезда, а по правилам надо бы не меньше, чем за шесть. Я вспомнил, что через пару недель мне должны выдать новый паспорт, и ещё останется несколько дней до отъезда для оформления визы. "Хорошо, - ответила она, - приходите через две недели и, если нового паспорта ещё не будет, то что-нибудь придумаем".

Через две недели паспорт я получил и тут же помчался в финское посольство. Девушка встретила меня,

как старого знакомого. Она повертела мои документы и как-то нерешительно стала задавать вопросы. - "Значит, вы едете на научную конференцию? Это к востоку от Хельсинки". - "Ну, да. Вот приглашение". - "Может, вы хотите многоразовую визу?" - "Да зачем? Мне хватит и обычной". - "Там близко граница с Россией. Может, вы хотите заехать в Санкт-Петербург к родственникам, знакомым?" Тут, наконец, я понял, к чему она клонит, и рассмеялся. - "У меня в Санкт-Петербурге никого нет. А до Новосибирска, где есть, слишком далеко". - "А вы на самолёте", - продолжала она уговаривать. - "Нет, спасибо, спасибо. Дороговато выйдет и хлопотно". - "Ну, хорошо, - успокоилась она и, выждав таинственную паузу, продолжила, - мы вам можем сделать визу сегодня. Или подождите полчаса здесь, или приходите после обеда". Я от неожиданности опять выпучил на неё глаза: "Конечно, подожду!" Она очаровательно улыбнулась и, довольная собой, плавно скрылась в недрах посольства. Через двадцать минут я стал обладателем шенгенской визы, с которой мог путешествовать по всей Европе.

Скромность, деловитость и простодушие финского посольства меня покорили. Но они оказались национальными чертами. Я в этом начал убеждаться, уже когда в аэропорту Парижа (куда меня пустили лишь проверив и паспорт, и визу) пересел на финский самолёт. Он был старый, дребезжащий и потёртый, и со своими скромно одетыми суровыми стюардессами больше напоминал деревенскую телегу с бабами, которых не следует отвлекать от важной работы. Еда так же была по-деревенски скромной и невкусной, и я едва осилил половину. Но окончательно поразил меня аэропорт в Хельсинки. Сойдя с трапа, я вместе со всеми вошёл в здание аэропорта. Поискав глазами полицейских с автоматами (непременный атрибут аэропорта Франкфурта) и таможенные будки, я

ничего не нашёл. Внятных указателей тоже не было, и я пошёл, куда глаза глядят, стараясь пересечь здание поперёк. Я ожидал, что кто-то меня остановит или окликнет, как в аэропорту Гаваны. Был серый день, и ни одной собаке я оказался не нужен. А действительно, если на самолёт меня взяли, то зачем ещё проверять на выходе? В полнейшем одиночестве и недоумении я вышел на стоянку автобусов и доехал до города. Интересно, а возможно ли такое в Шереметьеве?

Финская деловитость больше похожа на пунктуальность. На банкете я сел за стол с более молодыми моими соотечественниками из США и Турции. Перед каждым уже стоял бокал с налитым вином. Красное вино было отменным, и нам, естественно, захотелось ещё. Молодёжь куда-то отлучилась и вернулась с наполненными бокалами. На мой вопрос они показали на стол с бутылками. Я направился туда и, потянувшись к бутылке, был с позором остановлен невесть откуда взявшейся официанткой. Выпучив глаза, она очень решительно сказала: "Это не для вас. Вам больше одного полуфужера не полагается. Можете налить

пива". Я обалдел и взял бутылку пива, которого не люблю. До сих пор не знаю, что она имела в виду: или что я слишком старый для второго полужужера, или что уже слишком весёлый, или что это вино не для нашей конференции. А ведь там было много и вообще непьющих. Душа финской женщины для меня осталась потёмки.

Зато американское посольство - это тема, на которую может рассказать каждый зарубежный русский. Кроме тех, кто сам давно живёт в США. Эти ребята говорят примерно так: "Не ругайте американцев, не говорите плохо об Америке". - "А почему же?" - "Они этого не любят". Это как в анекдоте. Привезли мужика избитого в больницу, хирург накладывает швы и спрашивает: "Кто это вас так уделал?" - "Не поверите, доктор, - женщина. Вчера пошёл в кино. Кончился сеанс, все встают, вижу - у женщины впереди платье в жопу попало, а она не замечает. Нехорошо. Ну, я взял его и выдернул. Помог, значит. А она повернулась - и раз мне по глазу. Ну, я стерпел, а сегодня мы в кино с корешем пошли. И опять та женщина перед нами села. Кончился сеанс, все встают, и опять ей платье в жопу попало. Кореш взял его и выдёрнул. "Стой, - кричу я ему, - она этого не любит!" - и стал обратно его запихивать. Вот тут она ко мне повернулась, доктор! Дальше не помню".

Лишь в американском посольстве есть такое унижительное понятие, как интервью. И это при том, что американская виза не гарантирует въезд в страну. Уже на месте любой таможенник

в плохом настроении имеет право устроить вам своё интервью, которое вы уже окончательно не пройдёте.

Но по порядку. На интервью сначала надо получить очередь. Можно по телефону, можно по интернету. За телефонный звонок надо платить отдельно, за заказ по интернету - само собой. В американском посольстве надо платить за всё. За анкету платить, за визу - заранее. Если визу не дали, то деньги возвращают. Теоретически. На практике ждать этого возврата приходится больше полугода. За это время в банке на эти деньги накручивается неплохой процент. Когда жена спустя полгода поинтересовалась, когда же ей вернут обещанные 100 долларов, то получила возмущённый ответ: решение о возврате принимается в Вашингтоне, а это не быстро. США единственная в мире страна, которая ввела для транзитных авиапассажиров транзитные визы. И для получения транзитной визы надо тоже проходить интервью.

А вообще, что такое транзитная виза? Людей, например, едущих на автомобиле из Мексики в Канаду (не так уж их и много), объединили с теми, кто пересаживается в американском аэропорту с самолёта на самолёт (таких в тысячи раз больше) или только приземляется и остаётся в том же самолёте, и стали драть с них по 131 доллару за визу. Из Мехико нет прямых рейсов самолётов в Китай, Японию или Корею, только через

США. Какова коммерция?! На интервью (!) по поводу транзитной визы следует приходить в 6-30 утра. Кто догадается почему? Потому что до открытия посольства в 8-30 всех страждущих хоть на секунду коснуться американской земли фотографируют и снимают с них отпечатки всех десяти пальцев (!). А эти отпечатки ещё и не снимаются, как надо. Страна, нет, не дураков, - идиотов.

Таких унижительных процедур и правил придумано для американского посольства немало. Чего стоят списки нежелательных стран? А нежелательных профессий? Все научные работники априори считаются шпионами. Для них разработана специальная анкета, вопросы в которой могут поставить в тупик и нобелевского лауреата. На научную конференцию визу надо начинать оформлять не менее, чем за полгода, когда обычно ещё и нет приглашения. И при этом никакой гарантии, что её дадут вообще, а тем более, что дадут вовремя. Очень часто двухнедельную визу дают уже после того, как конференция давно прошла. А если человек, естественно, отказывается получать уже ненужную визу, то его грозят занести в чёрный список.

Унижение слабых - это позорная национальная черта американцев. Не надо вспоминать индейцев. В Вашингтоне я захожу в большой магазин чемоданов, чтобы посмотреть, что мне нужно. Продавцу, который предложил мне помощь, я вежливо отвечаю "спасибо, я сам". Но это не освобождает меня от презрительного и подозрительного взгляда из-за стойки. Из-за такого же взгляда я не люблю ходить уже здесь в Мехико в американские магазины "Радио Шэк". А когда по причине необходимости приходится всё же идти в этот "Шэк", то я специально напускаю на себя наглый и самоуверенный вид. Только это и спасает от унижения персоналом. Оно проявляется не

только в косых взглядах, но даже и в увеличении цены на товар специально для меня.

Хоть тыщу раз называйте себя свободной страной, но вы рабы. И в США рабы, и в любой частице США за их пределами. Ничего подобного я не испытываю в мексиканских магазинах. Более того, когда изредка мне приходит в голову поесть в уличной точке общепита, которая представляет собой стол под навесом и две скамейки, и где по семейному сидят и болтают с хозяйкой простые мексиканцы, то хоть своим я себя за этим столом и не чувствую, но и чужим тоже. Вполне комфортно. А вот американцев в таких точках не видел.

Никогда не забуду сцену из американского сериала "И Малькольм посередине". На пикнике на лужайке перед шикарным особняком дерутся две не очень молодые гости. Они бьют друг дружку по лицу и таскают за волосы. Вокруг стоят группки гостей, в том числе с десятков мужчин, и холодно наблюдают. Представляю, сколько бы "этих злобных" русских мужиков кинулось разнимать такую вот парочку в России! Женщины, сцепившись, падают на землю и так, борясь, катаются по земле. Но всё приличненько: юбки выше колен не задираются. Они докатываются до какой-то невесты откуда взявшейся грязной лужи и, в изнеможении, застывают на её краю, ничего не замечая в объятиях друг друга. И только тут герой сериала медленно подходит к ним и со смачным удовольствием кретина на лице носком ботинка сталкивает эту парочку в лужу. Все взрываются

смехом и аплодисментами. Вот эта позорная сцена и есть суть американского характера. Американцы даже не понимают, что киношники, ища в этом эпизоде юмор, на самом деле опозорили их на весь остальной мир.

Если бы эта сцена была единственной в американской жизни! Отнюдь. Чего стоит "традиция" помогать окунать лицо в торт виновнику дня рождения? А такие упоительные драки пуховыми подушками до их полного разрыва?! А раскидывание еды и игрушек, когда ясно, что виновника не найдут? А общий солдафонский смех, когда кто-то прольёт себе соус на манишку, или неудачно поскользнётся, или со старушки вдруг спадёт юбка, или ... ? Да присмотритесь сами к фильмам, которые о себе снимают американцы: в каждом вы найдёте сцену, когда толпа единодушно и довольно смеётся над одним беззащитным несчастным. Нация позорных солдафонов!

Американское посольство презирает и унижает аборигенов на каждом шагу. Очередь на интервью вам могут назначить назавтра, а могут и через два месяца. Ваши желания никого не интересуют. Назначенная очередь не является гарантией, что вас впустят в посольство. Надо прийти заранее, лучше всего рано утром, и отстоять огромнейшую очередь. Её в любой момент могут обрезать. Американская охрана со стоящими в очереди обходится, как с уголовниками. Она орёт на них в матюгальник и, бывает, угрожает дубинками. На асфальте проведены какие-то линии, за которые нельзя заходить. "Шаг в сторону - попытка к бегству".

Само интервью? Я видел, как не пустили одну молодую женщину с ребёнком. Химик, нужная профессия, английский в совершенстве: "нани-нани-на" отскакивает от зубов, как барабанная дробь. Уверенная в себе интеллигентная женщина, запасшаяся множеством документов, и

видно, что поездка ей очень нужна. Она под конец даже заплакала. Но по ту сторону окна имели свои веские контр-аргументы. Какое уж тут "мы что-нибудь придумаем"!

Но вот, "претерпев все униженья", визу вы получили. И даже сели на самолёт, и даже прилетели. Вы устали, но впереди ещё пограничник. "Следи за собой, будь осторожен".

Жена решила использовать слишком поздно полученную визу на конференцию, чтобы погостить у старшего сына в Сан-Франциско. Ну, используй, "дорогая, за неё заплачено". В четверг она приземлилась и вышла на пограничника.

- Вы собираетесь здесь поработать?

- Нет, я приехала в гости к сыну.

- Вы собираетесь здесь с кем-то встретиться из коллег, зайти в институт?

- Нет, я же вам говорю, приехала навестить сына.

Тогда он зовёт другого пограничника.

- Может, вы приехали на праздник?

- Какой ещё праздник? Ни на какой праздник я не приехала.

Тогда они смотрят на неё, как на умалишённую, переглядываются и говорят:

- Сегодня День труда, нерабочий день.

- У нас в Мексике никакого дня труда нет. Я взяла отпуск за свой счёт и приехала. Уезжаю в понедельник.

Тогда их осенило:

- Ну, да! Вы приехали к сыну провести с ним праздник и конец недели. Проходите.

Ну, вот: повезло ей приехать на День труда, а если бы на простой трудовой день?

Российское посольство смахивает на деревню. У входа висит переговорник-матюгальник конструкции шес-

тидесятых годов прошлого века. Если нажать на кнопку, которая постоянно западает, то можно услышать нечеловечески дребезжащий голос охранника. Дальше идёт игра "Угадайка": охранник угадывает, чего вы хотите, а вы гадаете, чего он ответил. В критических ситуациях из приёмной выходит секретарша, которая испанский знает лучше. Часто помогает полицейский-мексиканец, который дежурит у входа с внушительным автоматом Узи. Их обычно двое: ещё один до обеда дежурит у консульства. Рядом со входом их будка - маленький зелёный сарайчик, где и одному тесно. Этот сарайчик почти всегда полон гостей: коллег-полицейских, просто знакомых, учеников посольской школы. Сами полицейские свободно проходят в посольство со своими устрашающими автоматами. "Мы их знаем", - объясняют наши охранники.

Они также хорошо знают и всех непосольских шпионов ФСБ и открывают им высокую железную калитку ещё на подходе. Это как в анекдоте, как выловить всех русских шпионов в Англии. Надо поставить у каждого общественного туалета по наблюдателю. Если мужик, выходя из туалета, застёгивает ширинку, то это русский шпион. Что касается Мехико, то надо поставить наблюдателя у входа в посольство, и ещё одного в начале месяца с утра у входа в школу. Почему у школы? Просто, шпионы не платят за обучение своих детей.

Работники посольства тоже не платят. Но вот остальные, местные, платят неприлично большую сумму, которая каждый год растёт и уже перевалила за 200 баксов в месяц, которые тоже постоянно зеленеют. Для большинства местных это большая прореха в семейном бюджете и тема для разговоров при встрече. Каждый месяц до 10-го числа они несут кровные наличные баксы директору. Мне неизвестен счёт школы, на который можно было бы перевести эти

баксы. И моим знакомым он тоже неизвестен. Точно, что его не существует. (Говорят, уже есть). Однако, часть родителей из местных не носит баксов директору никогда. Ну, известная часть из них - работники военного представительства. Ещё один - представитель Агенства печати. Он заведомо шпион, по профессии. А кто остальные? ФСБ любит придумывать весёленькие легенды и прикрытия для своих агентов. Один, например, торгует вертолётами, другой - матрёшками. Я как-то спросил у его бывшей жены: а откуда он матрёшки-то берёт? Эта необыкновенно красивая и во всех отношениях прекрасная, но наивная девушка ответила: привозит с собой из Москвы. Я не стал её огорчать хорошо известным фактом (который должен быть известен настоящему коммерсанту), что самые дешёвые русские матрёшки продаются и делаются в Китае. Там они раз в 10 дешевле, чем на Арбате.

Нет, поймите меня правильно. Я знаком с очень многими агентами ФСБ и просто с осведомителями. Они, конечно, ничего такого про себя не рассказывали. Я догадался сам. Они вообще очень хорошие люди, приятные в общении. И я, поняв, кто они такие, даже и не думал их уличать. Но у них есть две общие черты характера: они довольно наивны, и очень любят приврать и прихвастнуть.

Это следствие их комплекса неполноценности, благодаря которому они и были завербованы. И кроме того у их жён наблюдается внешняя надменность и скованность, хотя внутренне они очень добрые женщины, что сразу видно, стоит только с ними заговорить.

Действительно, избыточная власть или принадлежность к особой группе накладывает на людей повышенные требования, с которыми они в силу своего комплекса не справляются. Комплекс неполноценности, полученный в детстве в силу разных причин (бедность, неполная семья и т.п.), - страшная вещь. Так, например, один милиционер хвастался мне, что знает такие травы, которые могут убить или сделать импотентом, или наоборот, половым гигантом. Он это сообщил мне с таинственным и важным видом, чтобы я проникся, какой он значительный человек. При этом глаза у него блестели, как у сумасшедшего, так что я действительно немного испугался.

Упомянутая выше прелестная жена матрёшечника, для которой врать было так же просто, как дышать, как-то не к месту похвасталась, что посещала курсы психологии. Нетрудно было также заметить, что, не особенно общаясь с мексиканцами, она, тем не менее, свободно владеет испанским. Это притом, что закончила она только школу. И ещё хвасталась, что не боится ходить одна в незнакомых местах поздно вечером. Таких женщин, как известно, не бывает. Но тут же эта "смелая" девушка призналась, что очень боится машин (комплекс Камо). Вывод напрашивался сам: перед засылкой в Мексику её обучали как языку и общению, так и боевым единоборствам.

Один фээсбэшник (в подпитии) похвастался, что он полковник на пенсии. Ну, какому же военному полковнику разрешат по выходе на пенсию уехать за границу, кроме как полковнику ФСБ? Его жена как-то обиделась, что я директора школы назвал кэгэбэшником, потому что тот похож на Путина. И стала рассказывать, что предыдущий директор, вот тот был кэгэбэшником. Она его как-то встретила в переулке, где чёрный вход в здание ФСБ. А сама-то она что там делала? А вы знаете, где этот чёрный вход?

Нет, с этими людьми не соскучишься. Врать они любят, не задумываясь. Этот полковник вдруг меня спросил: "Ты еврей?" Зная, что эта тема скользкая, я решил отшутиться словами Высоцкого: "Нет, не повезло". Тогда он сделал гордый вид и сказал: "И я тоже нет". Тут у меня непроизвольно вырвалось: "Как же так, а твоя жена?" - "Ну, у неё есть, конечно, в роду евреи, процентов 15, не больше". Я не стал его припирять к стенке за враньё, потому что не знал тогда ещё фамилии его жены. Но прекрасно видел, что она типичнейшая советская еврейка, "хоть пиши с неё роман", и хорошо знал, что еврейки за русских замуж не выходят. Разве что за генералов.

Однако, оставим эту невесёлую, хоть и смешную тему. У многих из этих людей судьба, которую они в иной жизни не захотели бы иметь. Так получилось.

Не знаю, может, так обучают в ИМО и в МИДе, но все посольские работники, начиная от посла, и кончая временными строителями, очень радушные и вежливые

люди. Не без исключений, однако, но которые, возможно, работают по другой епархии. Посол, например, всегда здороваётся со мной за руку, хотя мы не только не представлены, но и двух слов друг другу не сказали. Охранники, так те дежурят ещё и у входа в школу, и за те 15 минут, когда по утрам дверь школы открыта, мне иногда в дружеской болтовне удаётся узнать у них такую информацию, как из жизни России, так и из местной жизни, которую даже в интернете не получишь. Кое-чем я ещё поделюсь с вами.

В посольстве постоянно делается какой-нибудь ремонт, и так как качество мексиканской работы не устраивает, то привозят наших строителей из Москвы. Одно время в соседнем с нами доме жили три строителя. Их окна выходили в наш колодец, и каждый день с вечера за полночь оттуда нёсся родной отборный мат: ребята гудели за троих. А рано утром эти весёлые ребята уже топали в посольство, обгоняя нас с сыном. Один из них, высокий мускулистый усатый брюнет, ходил принципиально в одной безрукавной маечке, невзирая на погоду. Над ним потешались все, кому не лень, а он только добродушно отшучивался. Наконец, к концу своего срока, он простудился и надел тёплую фланелевую рубаху, а шею повязал косыночкой. На моё "ага, заболел" он ответил с достоинством: "Нет, я решил сменить имидж".

О посольстве можно говорить долго. Но пора и о мексиканцах.

4. Полиция.

*Что наша жизнь? - Игра.
(Опера "Пиковая дама")*

Да, полиция в Мексике выглядит очень даже театрально. Этим двух приятелей у ворот посольства издали можно принять за близнецов-братьев. Оба невысокие и полноватые в толстых бронежилетах (тонкие выдают только начальникам) с огромными автоматами и пистолетами и опоясанные патронами они еле передвигаются на жаре, но всегда сохраняют неизменные добродушные улыбки. Если бы не форма, они вполне могли сойти за цирковых клоунов. Работы практически никакой, разве

что возникнет какой-нибудь приём или делегация, но тогда им в подмогу присылают пару-другую таких же статистов.

Ещё более нелепа банковская полиция. Обычно они охраняют инкассаторов, которые заправляют банкнотами банкоматы. Трое в толстых бронежилетах и с патронами вокруг пояса, но уже с суровыми лицами и ружьями наперевес такого большого калибра, что с ними спокойно можно ходить на самого свирепого медведя. От одного их вида становится не по себе, но вообще-то с ними вполне можно разговаривать. Думаю, ограбить броневик, на котором они приезжают, не составило бы большого труда. Намного труднее скрыться в многолюдном городе, где невозможно и 10 метров пройти, чтобы кого-нибудь не встретить.

Дорожная полиция бронежилетов и автоматов не носит. На перекрёстках их регулировщики в ярко-зелёных жилетах машут руками в такт светофору и свистят в свистки, которых внутри машины не слышно. Реально от них пользы

мало, они даже не могут штрафовать за проезд на красный свет. Штрафуют другие, и их надо уметь чётко видеть. Совсем недавно штрафовать мог любой полицейский и квитанции он не выписывал. Это называлось у них "помогать полиции". Моему сыну доставляло особое удовольствие дурачить этих вымогателей и он частенько нарывался на рожон.

На проспектах с односторонним движением обычно крайняя левая полоса отводится автобусам, которые едут в противоположном направлении. Машинам по этой полосе ездить запрещено. Однажды мой сын поехал по такой полосе и был остановлен полицейской машиной.

- Ну, что, в участок поедем или будем помогать полиции? - начал полицейский стандартной фразой.

- Вот, бери 20 песо, - ответил сын (это самая маленькая купюра).

- Какие ещё 20 песо? Гони 150.

- Такое нарушение больше, чем на 20 песо не тянет.

- Ну, да! Вот у меня написано, - полицейский снимает фуражку и делает вид, что читает внутри неё, - 130 песо.

- Ну, ладно. Вот тебе 50 и разъехались. Больше нету.

Полицейский берёт, и оба довольные улыбаются.

Однажды сын принёс и показал очень искусно сделанные рекламные 100 долларов. На одной стороне – точная копия с президентом, а на другой - информация о фирме. Он сложил "купюру" вдвое президентом наружу и спрятал в кошелёк. А уже на другой день, смеясь, рассказал, что его опять остановила полиция. "Нет у меня песо", - заявил сын полицейскому и в доказательство открыл кошелёк, в котором лежали только эти поддельные сто долларов. - "Ничего, ничего, - затрясся полицейский, - можно и такие. Клади сюда в блокнот". Сын положил и поскорее смылся.

Сейчас такая самодеятельность невозможна, да и штрафы выросли до невозможных размеров. 500 песо за непристёгнутый ремень! Хотя, казалось бы, жизнь и смерть - это личное дело каждого. Я, к примеру, значительно более осторожно вожу, когда на мне ремень не пристёгнут. И вот сын везёт меня на джипе, и мы видим подозрительную активность полиции на перекрёстке впереди. Сын быстро пристёгивает ремень, я тоже, и мы принимаем независимый вид. Но полицейский нас останавливает: "А какой сегодня день недели?" Ну, да, сегодня среда, и наша девятилетняя машина, хоть и с нулевым выхлопом, а ездить не имеет права. "А ну-ка сдвигайтесь к обочине и остановитесь". Сын сворачивает к обочине, в это время полицейский отвлекается на другого, а нам зелёный, и сын тихо переезжает перекрёсток. За нами никто не бежит, и сын едет дальше, потом даёт газ, потом сворачивает направо. Погони не видно, видимо, у них нет свободной машины. Остаётся гадать, записали номер или нет. Через месяц

едем на техосмотр, и сын с удовольствием узнаёт, что никакого штрафа на нём не висит. Фу!

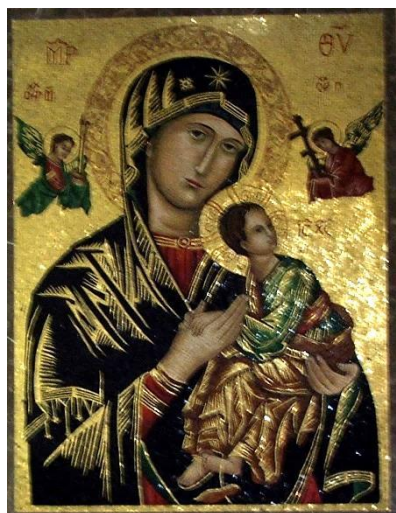
Различных видов полиции много, но не все они одинаково опасны или полезны, потому что их функции не перекрываются. То есть, например, банковская полиция не станет задерживать хулигана на улице. Не так давно появился вид с расширенными возможностями - федеральная полиция (типа ФБР). Ещё когда мы жили на севере, старший сын вздумал покатать нашего малыша на только что купленной Хонде. Усадив его на заднее сиденье, он помчался по пустынному проспекту Монтевидео на скорости за 100 км/час. Это показалось странным случайно ехавшим там "федералам". Они догнали Хонду и стали делать сыну знаки остановиться. Сын прекрасно понял, но вместо тормоза нажал на газ и легко оставил федералов позади. И тут случилось неожиданное. Федералы высунулись из окон и стали стрелять ему по колёсам из автоматов. Пришлось остановиться. Федералы с автоматами в руках бросились к Хонде: "Ты почему не остановился?" - "А я подумал, что вы хотели потягаться со мной наперегонки". - "А это кто?" - увидели они малыша. - "А это мой брат". В общем, повезло сыну, что ехал с братом, - его отпустили с миром.

По телевизору можно каждый день видеть, как полиция в других штатах борется с мафией, стреляет, задерживает, изымает и тому подобное. В столице

этого почти нет. Один раз только на улице я видел

бегущего полицейского с автоматом наготове, явно имеющего намерение кого-то поймать или даже стрелкнуть. Полиции много, особенно на машинах, но они ни к кому не пристают. Эффективность полиции значительно ниже, чем нашей милиции. Возможно, это связано с низкой зарплатой: 8000 песо у нижних, самых массовых, чинов. Правда, у школьных учителей всего 6000 песо, но зато и образование в Мексике - это полный "пэ". Но вполне вероятно, что уровень образования связан с присущим мексиканцам разгильдяйством.

Мою сноху ограбил таксист. Это было всего в 9 вечера, но зато в ливень. Он остановился на площади, откуда легко смыться, но в дождь полицейского не найдёшь, и сказал: "Выходи, а все вещи оставь, и куртку тоже. Вот видишь, сзади едут мои дружки, так что делай, что сказано". Самое ценное, что у неё было - это её студенческие конспекты, но она так перепугалась, что не ста-

ла за них просить. Она вернулась домой на автобусе мокрая и заплаканная, и они с сыном поехали в полицию. Конечно, номера такси она не стала запоминать. Но цвет и марка машины могли остаться в памяти. Таксисты имеют лицензии, значит, в базе данных есть их фотки. Наверняка и осведомители должны что-то знать. Это мы так думали.

Они отстояли длинную очередь таких же заявителей. Никому ни до кого не было дела. Конечно же, база данных могла быть только у дорожной полиции. Им пред-

ложили приехать в другой день, чтобы сделать фоторобот за отдельную плату. На том и закончилось.

Неудивительно, что даже государственные учреждения предпочитают иметь своих собственных охранников и собственных таксистов.

5. Нищие.

*А там на паперти старушка просит хлеба.
Подайте милостыню ей.
(Беранже)*

Нет, такой степени российского отчаяния здесь увидеть трудно. Но народ беден. И это толкает его на разного рода самодеятельность в рамках закона в поисках дохода.

Торговцы в метро. Редкая остановка обходится без того, чтобы в вагон не вошёл торговец с музыкальными дисками, жвачками, ручками, брошюрками или другой залежалой всячиной по цене 5 или 10 песо. Репертуар примерно один и тот же, что говорит о едином источнике товара. Они во весь свой лужёный голос, не переставая,

расхваливают свой товар. У торговцев дисками за спиной в рюкзаке – мощный динамик, включённый на полную громкость, за что я их терпеть не могу. Иногда входят певцы. Это либо слепые, либо дети, и уж совсем редко – самодеятельные артисты или

небольшие ансамбли. Бывают и "циркачи" - например, грязные молодые люди делают кувырок на битом "стекле" и тут же начинают требовать с пассажиров денег. В метро ездят люди небогатые, но в общем-то дают и покупают.

Торговцы на перекрёстках. На перекрёстках вынуждены останавливаться машины, и тут их подстерегают торговцы газетами, телефонными карточками, игрушками, цветами и всякой всячиной, мойщики окон, циркачи и просто попрошайки. В машинах, считается, ездят люди богатые, и на перекрёстках вам могут предложить действительно хорошие вещи, которых вы в другом месте не купите, или так дёшево не купите. На одном перекрёстке я присмотрел неплохую настольную лампу дневного света, которая выглядела на 60 песо. Я сбегал домой за деньгами и подошёл к торговцу. "130 песо", - сказал он. Такого я не ожидал и взял с собой только 80, о чём ему и сообщил. "Хорошо, - радостно ответил он, - давай 80". Из этого я заключил, что самому ему она обошлась не больше, чем в 40. Лампа до сих пор служит и радует.

Мойщики окон - обычно нахальные молодые люди, которые сначала брызгают вам на стекло из бутылки, а потом только смотрят, что вы им на это скажете. Когда-то лет десять назад в Мехико появилась группа русских, которые хотели уехать в Канаду, но их в московской фирме обманули, сказав, что через Мексику это будет сделать легче. Они практически все так и застряли в Мехико. Часть из них вначале зарабатывала на жизнь мытьем окон машин. Одна такая семья сейчас имеет ресторан и неплохой с него доход. Один работает в компьютерной фирме, другие как-то крутятся, но в Канаду никто не рвётся.

Наиболее неприятны на перекрёстках "циркачи". Это обычно школьники или молодые люди, которые едва выучили жонглирование тремя шариками. Иногда они про-

сто надевают клоунские штаны с подложенными в них мячами и крутят перед вашим носом такими вот огромными задницами. Иногда кувыркаются на битом "стекле". Качество таких шоу настолько низкое, что платить не поднимается рука.

На некоторых перекрёстках можно увидеть шарманщиков. Один крутит ручку, а другой или другие бегают среди машин с фуражкой в руке. Это уже фирма типа артели инвалидов, потому что все они одеты в одну и ту же форму песочного цвета, и шарманки у всех одинаковые. Их музыку из машины практически не слышно, но на улице их шарманочные мелодии придают жизни романтический аромат. Хорошо!

Простых попрошаек немного. Это либо мужики, просящие на опохмелку, либо изображающие индейцев с перьями на голове и луковицами на ногах. Либо женщины с детьми. На перекрёстке рядом со входом в посольство уже много лет подряд в любую погоду с утра до вечера дежурит молодая скромная темнокожая женщина. Иногда её на короткое время заменяет старик со шляпой, иногда он же, но с перьями на голове и сушёными луковицами на ногах - традиционный индей-

ский наряд. Она живёт где-то неподалёку по другую сторону Сирквита. Сначала она приходила с двумя малыши детьми, мальчиком и девочкой, потом появился ещё и

младенец. Потом дети подросли, и старший сын стал приходить редко, а когда приходил, то делал свой бизнес - мыл стёкла машин. Эта молодая женщина, как и полицейские - неременный атрибут посольства, без неё и её детей жизнь у посольства была бы совсем другой. Они просят деньги только у водителей. Пару раз старший её сын попытался с ухмылкой попросить у меня, когда я ожидал сына из школы. Чтобы не создавать прецедент, я ему не дал и, улыбаясь, дал ему понять, что он нарушает правила. Он меня прекрасно понял и не обиделся. Однажды я остановился в машине на этом перекрёстке. Увидев меня за рулём, он сильно удивился, подошёл и спросил, тот ли я самый, который приходил всегда к посольству за сыном. Я ответил, что да. Мы улыбнулись друг другу, как старые знакомые, он критически осмотрел мою потёртую машину и денег просить даже не подумал.

Я не скажу, что дети её недокормлены, больны или имеют изъяны. Нормальные дети, возможно, немного более тихие, но она и сама такая. Когда мой сын свысока, проходя мимо них, называет их бомжами, я объясняю, что это просто работа у них такая. Что она скорее всего из деревни и ничего больше не умеет в городе делать. Что живёт она в обычной квартире, и муж у неё есть, и родственники. Но жить и зарабатывать надо, и это совсем не то же самое, что наши бомжи, которые живут по подвалам и хлещут водку.

Базарные и уличные нищие. По вторникам на нашей улице базар. Два квартала столов в три ряда, над которыми натянуты тенты на случай дождя. Наш базар считается большим, но я видел и больше, на которых действительно можно купить всё. На многие товары здесь цены такие же, как в магазинах, или даже чуть выше, но на овощи и фрукты - значительно ниже. Поэтому я хожу сюда за кар-

тошкой и витаминами на неделю. Да и вообще приятно потолкаться среди весёлых продавцов и улыбчивых покупательниц. В другой день этот базар появляется в другом месте. Таких кочующих базаров полно по всему Мехико. По средам, например, похожий базар можно увидеть на соседней улице - недалеко от нас, но я на него ходить не привык.

По нашему базару ходят две попрошайки и ещё одна с железным ящичком - якобы от церкви, но это уж полная туфта. Одна более скромная и бедно одетая, а вторая с выпученными глазами. Очень прилипчивые. Сначала я им давал мелочёвку, но потом заметил странную особенность. Та, что с глазами, завидев меня, кидалась сквозь толпу, расталкивая всех, и требовала денег, как будто я ей чем-то обязан. Но она никогда не просила у мексиканцев. Только у иностранцев. Это меня обидело. Во-первых, сейчас я живу ничуть не лучше среднего мексиканца, если не хуже. Мы едва сводим концы с концами из-за того, что я потерял работу (об этом потом). А во-вторых, по базару бродит огромное количество богатых чиновников из министерства энергетики, что занимает свечку в конце нашей улицы. И она никогда даже не подходит к ним, к этим бездельникам и паразитам на теле мексиканского народа, которые имеют огромные зарплаты, машины и собственные дома, талоны на питание и льготы, которые ей даже и не снились. И при этом душат экономику, о чём можно судить по частым демонстрациям протеста у этой свечки. В обеденное время они группками человек по 4-5 вальяжно выходят из министерства и медленно, важно и степенно беседуя, прогуливаются до базара, где принимают пищу на открытом воздухе. Значит, она считает их своими? Ну, тогда, как она ко мне относится, так и я к ней. Это не нищие, это попрошайки.

Наглые люди ходят просто по улице и сшибают деньги у лохов. Они либо придумывают сказочку про отсутствии денег на автобус, либо, как одна женщина, что ищут работу, а если вам их услуги не нужны, то хоть помогите материально. Одного такого я встретил случайно вечером в гражданской вполне приличной одежде, видимо, возвращался домой с работы. Автоматически, увидев меня, он стал просить денег, чем себя полностью дискредитировал. Я его послал.

Изредка, однако, попадаются деревенские люди с детьми. Они отличаются не только одеждой, но и цветом кожи и скромной манерой держаться. Они просят не только деньги, но и старые вещи и обувь. Мы в своих путешествиях по Мексике посещали небольшие города и посёлки. Бедность поражает. Даже в таком большом городе, как Веракруз, рядом с центром можно увидеть такие лачуги, которых в столице не увидишь и в теленовостях.

6. У ворот школы.

Ну, пошёл же ради бога.
(Некрасов)

Ровно в 8-30 открывается дверь в школу, а в 8-45 она закрывается, и начинается первый урок. В эти 15 минут родители привозят или приводят своих детей в школу. Старшеклассники приходят сами. Охранник следит за порядком. Общительные родители используют это время, чтобы поболтать, обменяться новостями, мнениями и информацией. Общение бесценно. И часто эти группки родителей не уходят после закрытия дверей ещё минут 10-15. Люди разные. Менее общительные просто высаживают детей из машины и смотрят им вслед. Крайний случай - одна скромно одетая себе на уме девушка (в России девушками

называют и молодых женщин), простая, но красивая и очень привлекательная. Мужики глазуют и, по её же словам, "сами липнут". Понятно, что повышенное мужское внимание без особого практического смысла ей досаждают, и она останавливается на дальнем углу квартала, долго следя, как сын бежит в школу. Мне удалось с ней поговорить.

Удивительная и странная перестроечная судьба с торговыми успехами и неудачами в конце концов закинула её в Мексику. Оригинальное мышление, гротескный взгляд на жизнь и неординарные отношения с мужчинами благодаря гордому

и независимому характеру. Явное отсутствие мужского воспитания в детстве. Сменила гражданского мужа на официального. Снимается в массовках. В общем, мечта поэта, дама с сыночком, роковая женщина, заботливая мать - кому как. Безжалостна к врагам ("рейха"), преданна друзьям ("по партии"). Необыкновенно интересная женщина. Как загадка природы. Увы, наше общение быстро прекратилось, когда она решила, что оно может быть неправильно истолковано подругами. Да, старость не в радость. Всегда завидовал О'Генри, которому намного больше удавалось узнавать у женщин.

Детей привозят из разных концов Мехико и даже из соседних городов - Пуэблы и Толуки. Один отец возил дочек с юга Мехико из района Сочимилко, это битый час по утреннему трафику, и они брали с собой в машину подушки, досыпая на них всё это время. Забавно было видеть, как девочки вылезали с этими подушками из

машины, ещё не окончательно проснувшись, и, шатаясь, запихивали их в багажник.

В нашем классе почти все родители - "местные" и, кроме нас, смешанных браков. Впрочем, мы тоже не одной породы. У всех разные судьбы, которые забросили в Мексику, и все живут далеко друг от друга, но одинаково болеют за здоровье и воспитание своих детей, имеют схожие взгляды на процесс обучения и, в силу этой общности, в общем-то, негласно определяют микроклимат в классе. Мелкая городская советская интеллигенция, которая одинакова как в Москве, так и во Владивостоке, так и в Мехико тоже. Хоть обсыпь её золотом, хоть закопай на грядке.

Одна женщина из Санкт-Петербурга живёт в Толуке и имеет там частную музыкальную школу. Очень весёлая и общительная, легко относится к жизни и практичная. Первый муж её мексиканец неожиданно умер из-за послеоперационного

осложнения. Она довольно быстро нашла второго мужа, тоже мексиканца, но уже музыканта. Дочка её учится в мексиканской школе и два раза в неделю приезжает в русскую школу при посольстве. Смышлёная девочка ещё имеет большие успехи в игре на пианино. Когда в мексиканской школе каникулы, не совпадающие с нашими, то девочку приводит к школе и забирает пожилая мексиканка - не родственница, не подруга, а просто хорошая знакомая, которая живёт в Мехико. Действительно,

обаятельную молодую женщину из Толуки трудно не любить, и её ждут очевидные успехи в жизни.

Другая молодая женщина из Москвы - тоже артистка: она поёт, участвует в концертах. Очень спокойная, можно сказать, немного флегматичная. Трудно поверить, что родители её в 20-летнем возрасте "выгнали" в Мексику на заработки. С мужем мексиканцем живёт раздельно, но в хороших отношениях. А? Как я загнул? Это с её слов, русским умом такого не понять. Воспитывает очаровательную дочку, которая любит танцевать и петь - вся в маму. Они перешли к нам в конце первого класса из второго. Им не понравилось, как там обучают, и они решили посидеть лишний год в одном классе, но уже в нашем. А почему бы и нет? Получилось неплохо.

Ещё одна молодая мамаша из Москвы в своё время вышла замуж за мексиканского дипломата, долгое время жила с ним в Венесуэле, не так давно они вернулись в Мексику. Они очень чудесно смотрятся на свадебной фотографии. Особенно невеста. У неё много родственников и знакомых как в Москве, так и в Мехико. Она в курсе всех культурных событий и достижений, у неё огромная библиотека и дискотека (если можно так сказать) фильмов и музыки. Конечно, дипломатическая жизнь интересна, и зарплатой не обижают. Но вернувшись в Мехико, муж решил на сэкономленные деньги исполнить свою мечту - купить большой дом, чтобы в нём могли ещё жить и его близкие родственники. Он его и купил, но, в согласии со своим положением, в дорогом и престижном районе. Сейчас они выплачивают огромный кредит, и поэтому большой зарплаты высокого чиновника едва хватает на сведение концов. А жена постоянно честит мужа за чрезмерную дальновидность, а заодно и всех его мексиканских родственников, которые сидят на её шее. Это энергичная и в

общем-то крутая женщина, которая может и рявкнуть на своих сыновей, но меру знает и уважение к семье имеет. А это всё указывает на хорошо развитый интеллект.

7. Евреи в Мексике.

*В небе тёмно-синем синяя звезда, о-о, о-о.
Только в небе, в небе тёмно-синем.
(Из песни).*

Ханжой, который видит одно, а говорит, что надо, и которым стать от меня требовало советское "интернациональное" воспитание, быть не буду и вам не советую. Евреи во всём мире сами рекламируют и приукрашивают себя и свой народ, зная, что реклама умножает доход. Ну, а почему бы и мне, хоть и не в целях рекламы (потому что никакого личного навару), не отдать им скромного должного, как объекту внимания туриста?

Евреи сыграли драматическую роль в истории России, осуществив Октябрьскую революцию и террор против русской интеллигенции. В советском обществе они заняли освобождённое таким образом место этой интеллигенции и руководства. Это было законодательно закреплено позорным четвёртым декретом советской власти «О самой угнетённой нации», предоставившим им огромные льготы. Моё дело не судить их и советскую власть, а отметить неоспоримый факт (что бы они сами о себе ни говорили), что в результате в советском обществе евреи имели значительно более высокий уровень жизни, чем русские (и большинство остальных). Они лучше питались, имели лучшие жилищные условия, получали лучшее образование и медицинское обслуживание. Как следствие, женщины их были более здоровы и красивы, а мужчины - более упитаны, самоуверенны и сексуально привлекательны. Понимая, чьё мес-

то заняли, они не допускали возрождения русской интеллигенции, затирая редких талантливых людей и всячески помогая выдвижению своих соплеменников. Система власти им в этом способствовала. Это явление известно под названием "русофобии", то есть боязни того, что русские "возникнут из пепла" и потребуют всё обратно, и оно отнюдь не означает боязни мифических погромов со стороны русского населения, чего в советское время не было и быть не могло.

В Мексике живёт и работает несколько тысяч наших соотечественников. Говорят, 17. Это немного. Если не считать работников посольства и военного представительства, среди которых с десятую часть, не более, этнических русских, все остальные - это евреи, или в крайнем разе наполовину евреи. Я лично не встречал ни одного действительно русского. Здесь уже (да и в предыдущем абзаце) предвижу колкие замечания в мой адрес и дружные, но не дружелюбные смешки. И уж конечно, в душе и за глаза меня обзовут антисемитом. Успокойтесь, трусливые сограждане, я всего лишь научный работник, чтящий истину. Я лишь описываю факт, и на злобные насмешки русофобов мне наплевать. Замеченный мною факт отражает качественный состав отечественной интеллигенции, к сожален-

нию. Не рабочего же класса, кому он здесь из России нужен? Его и среди родных мексиканцев можно набрать.

Нет, конечно, сугубых Гершензонов и Рабиновичей здесь мало. Всё больше Ивановы, Петровы да Сидоровы, то есть в анамнезе гэпэушники. И практически все из Москвы. Женщины красят волосы в белый или русский цвет, а некоторые носят ещё и голубые линзы. И все поголовно называют себя русскими. Но, как в том анекдоте, "а

мыслишки-то, мыслишки!", национальный характер и менталитет пробиваются даже сквозь хорошее воспитание.

Прежде всего, высокомерие к другим народам. В разговоре с одной дамой я случайно заметил, что мексиканки очень красивы, непростительно забыв добавить, что она-то уж красивей всех. На следующий день я был наказан её сердитым тоном и неожиданной фразой: "Ах, вы говорите, что мексиканки красивы! Покажите хоть одну!" На мою беду мимо проходила мексиканка не в мою пользу. Я так расстроился, что забыл про мою сноху - очень красивую мексиканку. Эта дама со мной больше не разговаривает. Для наших соотечественниц мексиканки - самая больная тема. Стоит только эту тему зацепить, так сразу на вас выльется ушат эмоций: и какие мексиканки дуры, и как они плохо водят машину, и какие они скандальные, особенно те, которые водят семейные микроавтобусы, и в метро они

мажутся, и готовить не умеют, и комбинацию носят, чтобы выглядывала из-под юбки, и какие они такие и расзякие. А суть-то всего лишь в том, что мексиканки более эмоционально раскованы, и поэтому более привлекательны в любви и сексе, чем наши еврейки. Нет, я отнюдь не утверждаю, что у них больше на счету любовников. наших тут, конечно же, никто не переплюнет.

Я тоже из другого народа. Меня тут считают русским (которого еврейские, то бишь "русские", женщины должны бояться, а то я им, не дай бог, испорчу всю их чистокровную родословную), хотя сам я считаю себя украинцем. У одной московской дамы, после того, как мы уже довольно долго были знакомы, и часто разговаривали у входа в школу, я вдруг спросил имя, хотя большой нужды в этом не было. Она даже опешила. На следующий день она уже глядела хмуро и "здрасьте" произносила сквозь зубы, как будто накануне я сделал попытку изнасиловать её на главной площади столицы.

Когда я называю себя украинцем в кругу московских дам, это вызывает лёгкое замешательство: "а как же нам к нему относиться, если он и не русский, и не еврей?" Это похоже на вопрос мексиканских детей: «а на каком языке говорят в России, тоже на испанском?» Вообще, отнюдь не моё мнение, что московские еврейки весьма высокомерны. Завести с ними дружбу, не говоря о большем, практи-

чески невозможно, если у вас есть порочащие вас недостатки: возраст, низкий доход, нестоличное происхождение. Мой знакомый еврей Саша Б. уехал с семьёй из Якутска в Нью-Йорк и там развёлся с женой. Так получилось. Будучи ещё в половоактивном возрасте, он стал искать новую жену с помощью брачных контор, друзей и знакомых. Одинокие московские еврейки, которых там полно, даже не желали с ним знакомиться, потому что он не был ни москвичом, ни ленинградцем. В конце концов, его пригрела старая знакомая, и он был ей несказанно благодарен.

Одна красивая московская полуеврейка с голубыми линзами, находясь в крайней нужде выйти замуж, - ни денег, ни работы, - на мои скромные попытки с ней познакомиться вдруг ответила взаимным интересом. Я был счастлив и горд таким вниманием, но недолго. Уже на следующий день без всяких объяснений она перестала со мной не только общаться, но даже здороваться. При моём приближении она изображала всем своим видом, что меня люто ненавидит. А если я начинал разговор, то уходила в сторону, говоря: "мне некогда разговаривать и мне это не нужно". Целый год я ломал голову, чем же я её так обидел. Ничем! Голову даю на отсечение и клянусь всеми святыми местами. Ничем адекватным её реакции. Так и осталось тайной. Но, вообще-то, у меня все "порочащие недостатки" имеются в полном объёме.

Повышенная лживость. Это следствие презрения к другим народам. Евреи считают всех остальных круглыми дураками и так беспардонно и грубо врут, что уши вянут. Примерами не хочется марать бумагу. Та самая озабоченная замужеством москвичка, перед тем, как люто меня возненавидеть, на мой робкий вопрос "мы ещё встретимся?" горячо ответила: "обязательно встретимся - завтра утром!"

Завтрашние деньги. В русском характере жить сегодняшним днём. Выпить, пожрать, купить ненужные вещи, съездить на курорт и там выпить, пожрать, купить ненужные вещи. А потом сосать лапу. Еврей знает, что деньги надо тратить так, чтобы завтра они принесли ещё большие деньги. Еврей никогда не купит хорошую подержанную машину, чтобы,

как русский, иметь удовольствие от езды и от сознания, что ещё и сэкономил деньги. Он купит либо новую красивую машину, либо полнейшее старьё - доходягу. В первом случае он будет иметь хорошую возможность хвастать машиной на работе и тем самым повышать свой рейтинг в глазах у начальства. А во втором случае - вызывать жалость к себе у окружающих, что тоже можно использовать в свою пользу.

Еврей залезет в кредит, но купит свой дом или квартиру. А русский предпочтёт мифическую экономическую свободу и будет вечно снимать квартиру у других, тратя в конечном счёте больше, чем еврей. Русский пошлёт своего сына учиться в бесплатный государственный университет, а еврей - в дорогой платный, потому что

знает, что после его окончания будет легче найти хорошую работу. Я всеми руками за разумную и дальновидную житейскую политику евреев, но увы - сам-то воспитывался в раздолбайском русском национальном характере.

Но для такой "разумной" жизни нужны деньги, а где их взять? Евреям постоянно не хватает денег, и они постоянно на это жалуются. Многие доходят до того, что одалживаются у других и очень долго, практически никогда, не отдают. Такое поведение абсолютно не в духе русского характера.

Евреи свято верят в сказки, которые сами же и придумывают. Я имею в виду пресловутый антисемитизм и агрессивность русских, а также "гениальность" и ум евреев. И не дай вам бог попытаться поколебать веру в эти сказки. Вы станете вмиг врагом целого народа и каждого из его представителей. Я тоже не собираюсь здесь этого делать, хотя вполне мог бы. Но как сказала голуболиная москвичка, "мне это не нужно". Я только хочу привести два позабавивших меня случая.

В разгар сезона футбольный клуб "Америка" лишился своего тренера. Об этом я ещё расскажу. Помощник тренера благополучно довёл клуб до победы в чемпионате. К новому сезону появился новый тренер. Курчавый начавший лысеть прохиндей с лицом преферансиста он сразу вызывал вопрос "откуда он такой взялся?" Телехроника показала, что он был какое-то время тренером "Челси" - английского клуба

российского олигарха Абрамовича. "Ясно, - подумал я, - по благу с Абрамовичем пролез в "Челси", выгнали, а сейчас пролез в "Америку". Я не знал только факта, что он в молодости немного играл за "Америку". Новый тренер тут же замелькал, нет, не на поле, а на экранах телевизоров. Он попал во все программы знатоков и специалистов футбола, где с умным видом и страстными эмоциями вещал своё мнение. А на поле? А на поле он махал руками, чего-то кричал и подпрыгивал, на что классная команда не обращала никакого внимания. С одного взгляда было ясно, что тренер он никудышный. Команда не попала даже в восьмёрку. Следующий сезон он начал уже в более слабой команде, которую за полгода довёл до вылета во вторую лигу. Сейчас эта сильная когда-то команда под его руководством уже много лет не может вернуться. Вот такая "гениальность". Почему его не выгоняют и из новой команды? А догадайтесь с трёх раз.

Второй случай не такой забавный, потому что касается лично меня. Выпала пломба. Дантисты в Мексике – это особая проблема, наш уже порядком надоел, да и куда-то исчез. «Мне моя подруга подсказала хорошего врача!» -

заявила жена. – «Знаю я ваших хороших врачей, и подруг тоже», - подумал я. Но делать было нечего.

Дом врача был двухэтажной усадьбой с садом-огородом и огромной приёмной, переделанной, видимо, из высоченного гаража. В дантисте не было ничего ни мексиканского, ни испанского. Больше похож на упитанного польского или немецкого еврея. Возле него постоянно крутились студенты, которых

он заставлял работать на себя. Ну, просто Советский Союз!

Он тут же спросил, есть ли зубная страховка, и пообещал её оформить. На следующем приёме он действительно вручил какую-то карточку. Правда, она потом куда-то исчезла. Как выяснилось, он втайне от меня сказал жене, что страховка не выгорела и надо доплатить. Она доплатила, а мне ничего не сказала. А через два года я узнал, что с меня он содрал обычную, не уменьшенную страховкой цену, которая принята среди дантистов за такую работу. Так что этот прохвост содрал с нас две цены, пользуясь еврейским приёмом обмана, описанным ещё в рассказе Шолом-Алейхема. Кто помнит, это рассказ о том, как еврейский юноша продал два прошлогодних календаря русскому полицейскому начальнику и его жене.

Через год зуб под его пломбой стал болеть. Мне было не до того, поэтому просто сменил зубную пасту. Ещё через год пришлось уже пойти к ближайшему дантисту. Он вынул эту металлическую пломбу и показал мне. Она была склеена когда-то из двух половинок металла. Понятно, что склейка со временем разошлась, зуб под пломбой загноился. А внешне ничего не было видно.

Как ни старался новый дантист, но зуб спасти было нельзя, и его соседа тоже. Так как третьего рядом уже не было, то в результате я потерял все три коренных зуба на этой челюсти и есть ею уже не мог.

Вот такая история, как евреи обманывают чужой народ ради своего безбедного существования. Христианин сказал бы, что у него просто нет совести. Но я знаю, что так поступать им предписывает их Талмуд – священная книга. Там много разных поучений против народов среды обитания. Например, пройди мимо тонущего нееврея. И им их учат с детства. У евреев считается, что тот человек умнее, кто лучше умеет обманывать. Некий г-н Беленький

из Израиля опубликовал в Интернете пасквильную статейку против русских патриотов. В ней он обессмертил себя фразой: «Мы вас русских всегда обманывали и обманывать будем». Яснее не выразишь свою суть.

8. Русская торговля.

*Колдуй, баба, колдуй, дед,
заколдованный билет.
(Детская считалка).*

В Мексике нет той системы русской торговли и русских магазинов, которую в США встретишь в любом большом городе. Нет и привычных русскому глазу, да и глазу европейца, продуктов: гречки, горчицы в порошке, манки, пшеничной крупы, подсолнечного масла, картофельного крахмала, мака, цикория, ржаного хлеба, дрожжей, хрена, селёдки, кефира, солёных огурцов, варенья, халвы, облепихи, черноплодной рябины и много чего, даже чёрного индийского и китайского чая. Это отрывок известного американского бзика о защите оригинальной американской экологии. Но на самом деле это защита американской монополии на торговлю этими товарами, потому что в США почти всеми ими торгуют. Идиотизм такого порядка просто поражает в Мексиканском аэропорту, где таможня изымает ничтожный кусочек натурального сыра, тогда как в магазине можно купить такой же уругвайский сыр, и даже швейцарский, но по запредельной цене.

Любой запрет только на руку торгашам. Думаю, они сами к таким запретам руку и прилагают. В Мехико есть немецкие магазины, где можно купить селёдку, но просто ужасного качества, которую в самой Германии никто есть не будет. В китайских магазинах в принципе можно купить китайский чай, но либо экзотику, либо плохого качества. Я

покупаю там острый перечный соус, который делают в США. В Мексике разного перца – завались, но ... не делают. Говорят, во французском магазине Коррифур есть гречка, манка и солёные огурцы, но когда я однажды туда зашёл, то ничего этого не обнаружил. Такого рода иностранных магазинов мало в Мехико. Якобы, их товары мексиканцы не едят. Едят! Ещё как едят. Но только цена должна быть по карману.

Один бывший гэбист приноровился продавать в посольстве советский дефицит, который он якобы привозит на самолёте из Нью-Йорка. Коньяк, сервелат, конфеты, гречка, манка, шпроты, икра и т.п. Цены не намного выше, чем в соседнем немецком магазине, если там есть. Покупают. Доход имеет уже несколько лет.

Но начало торговле в стенах посольства положили две милые женщины из Ташкента. Удивительно – сноха со свекровью. Они тоже из компании «канадцев», которые осели в Мехико (см. первую часть). Когда сын разошёлся с женой, то свекровь не стала на сторону сына. Она взяла внука и сноху, и поехали они искать счастья за рубежом вместе. Они пекли пирожки и готовили всякую русскую и узбекскую еду вплоть до паштета и огурчиков и продавали мамашам школьников и работникам посольства. Их гоняли из угла в угол, они торговали на улице. Свекровь уехала на свадьбу другого сына и больше не вернулась. Но появилась конкурентка в виде толстой армянки. Сейчас всем торговцам выделили удобное место на входе в школу, поставили для них пару железных столов с навесами, и они торгуют себе в разные дни на пользу всем. Столовой-то у школьников нет.

Не только нет привычных и очень полезных для здоровья продуктов, но нет и привычных кухонных предметов. Не нужны, якобы. Я ни разу не видел кофемолки,

хотя кофе в зёрнах когда-то продавали. Американцы научились извлекать кофеин из молотого кофе и продавать его налево. Двойной доход. Поэтому давно кофе в зёрнах не вижу. А молотый стал такой слабенький, что пить его можно вёдрами – чай бывает крепче, если сумеете купить не в пакетиках. Что говорить о растворимом? Правда, стали продавать кофе вообще без кофеина (и вино без алкоголя – вдумайтесь, а зачем его пить), но за эту правдивую надпись и за «услугу» взимают дополнительную мзду.

Впрочем, извиняюсь. Однажды на празднике мне удалось купить баночку молотого кофе по-турецки, произведённого в Израиле, для себя. Не дёшево, но это была действительно старая добрая вещь.

Так же редко можно увидеть привычную нам ручную мясорубку. Я видел один раз в продаже, но с креплением намертво – болтами к дыркам в столе. А на одном базаре в мясном отделе видел нашу родную, но прикрученную к столу проволокой, так что она болталась во все стороны. Тем не менее, мне на ней прокрутили куриный фарш.

Вообще-то с фаршем проблемы нет. Во всех базарных мясных точках есть электрическая мясорубка, и на глазах на ней прокручивают фарш из любого мяса на ваш вкус.

Хуже с соленьями. Огурцы только маринованные. Чтобы самому засолить, во-первых, их надо ещё купить, а это не всегда, а во-вторых, нужны листья хрена, а его нет.

Наша узбечка солит, но чем-то заменяет хрен, я так и не понял.

Капусту солить рука не подымается, когда свежая есть всегда. Но хотя бы раз надо. А где взять нейодированную соль? Проблемы. Мне иногда знакомые женщины из России присылают полезные рецепты. Тортиков там, салатиков, запеканок. Смех – приходится часто отвечать: этого у нас нет, и этого у нас нет, пришлите рецептик попроще.

9. Дела Кальдерона.

*Он мне ни друг и не родственник.
(В.Высоцкий)*

Кальдо – по-испански бульон, или супчик на основе бульона. А Фелипе Кальдерон – недавний президент Мексики. Уже второй год, как этого субчика никто не поминает. А вот его предшественника, похожего на улыбчивого Тарапуньку, часто приглашают в одну из программ ТВ, хотя и фамилия у него американская Фокс, и имя французское Висенте, но зато жена – всегда весёлая мексиканка.

В чём же разница? Когда мы только собирались

ехать в эту страну, где правил тогда Фокс, кое-кто нам нашёптывал: «Вы едете в страну, где президент – фашист, и партия у него фашистская». Хотелось бы мне вспомнить, какая сволочь нам это нашёптывала! Просто для справедливости, потому что нас тогда уже вполне напугали войной в Чечне

– больше пугать было нечем.

Прям, как в анекдоте, при Фоксе было всё. Точнее, ничего не было. При Фоксе были мандарины на базаре и проезд в метро - по два с половиной песо. А после Кальдерона – уже по пять. При Фоксе никто не преследовал пьяных за рулём и непристёгнутых, но не было аварий. Потому что люди уважали друг друга. При Кальдероне был американский «порядок» на дорогах и огромные штрафы за его нарушение – и дикие столкновения машин в теленовостях. Потому что он первый показал, что людей можно не уважать.

Как же мексиканцы дошли до жизни такой?

А как всё, что мы делаем, - по глупости. Фокс ничего не делал, никому не мешал. Он ездил к американцам и улыбался их президенту. Но никак под их дудку не плясал. Недовольные им появились с двух сторон. Левые, которых называли правыми, выдвигали своего решительного критикана Лопеса Обрадора. Правые, которые себя считали либералами, как в России, выдвигали внешне тихого и неприметного Кальдерона.

- Да он же курчавый и лысый, и похож на Цванкина, типичный еврей, - подумали почти одновременно мы с женой и даже сказали это вслух, - и жена у него – типичная американская еврейка.

- Да, мексиканский народ ожидают большие неприятности, если он пролезет, - сказал я, вспомнив не только Октябрь, но и перестройку с Гайдаром и Чубайсом, которого сейчас многие хотят посадить за решётку, а также и антисемитский роман Акунина «Азазель», кино по которому мы перед этим смотрели. Как в воду глядел.

Всегда вера в хорошее остаётся, и мы до самых выборов мечтали, что мексиканцы разберутся, какое зло больше. Не разобрались – пролез. В ход шло всё: и подкуп,

и шельмование конкурента по ТВ, благо оно было уже «захвачено», и подтасовка результатов выборов. Разница была в 400 тысяч при 80-миллионном электорате, после пересчёта она уменьшилась до 300. Сам факт того, что подтасовка была, и была только в пользу Кальдерона, никого почему-то не заинтересовал. Но разница была меньше, чем полпроцента от избирателей. В стране не дураков такая ситуация должна быть предусмотрена конституцией, но не в Мексике. Ну, понятно, здесь же Троцкий поработал в своё время. Он знал цену деньгам. Ему неплохо платили банкиры Америки за революцию в России. А демократия - не королевство. При демократии подкупить сотню или сотню тысяч бедных людей, чтобы победить, ничего не стоит. Это совсем не то, что подкупить целую королевскую семью.

Я стал следить за делами нового президента, и он не обманул моих ожиданий. Но я не мог себе представить и десятой доли того, что оказалось на самом деле.

Сразу же после избрания ТВ замутила передачу о сексуальной свободе, хождении по улице голыми и гомо-ориентации. Передача потерпела полный провал, а её ведущая, дебелая еврейка, заслужила презрение мексиканских мужчин.

- Он не еврей, а мексиканец, - сказал мой шеф некатолик, - но голубой.

Через месяц в метро появились огромные плакаты: два жизнерадостных педика стоят в обнимку, и надпись: «горячая линия для мужчин, звоните по номеру ...» Да, круто взялись чиновники лизать задницу новому президенту.

Потом пошли новые назначения. Замены шли отнюдь не по партийному принципу. Телевидение показывало: потомки испанцев заменялись на евреев.

Думаю, ни для кого не секрет, что Бенито Хуарес был первым и последним индейцем президентом Мексики. С тех давних пор правили только завоеватели: испанцы и приехавшие с ними евреи. Известно из Интернета, что более 80% евреев Мексики имеют доход выше, чем доход среднего класса.

Однако, одно назначение было любопытным: премьер-министром стал молоденький юноша не более 25 лет от роду. Что за ё-моё?

Затем наступил праздник дня открытия Колумбом Америки, который в Мексике называется Днём расы. Имеется в виду новая раса, получившаяся от смешения испанцев с индейцами. Милое названьице, которое вряд ли придумали мексиканские индейцы. Не думаю, что их мужчинам так уж доставались испанские сеньориты для половой нужды. В этот день президент дал официальный обед для еврейской общины. Ни испанцы, ни индейцы приглашены не были. Вот вам и «раса».

Я знаю, что Колумб был евреем. Но служил-то он испанскому королю, плавал на испанских судах, и команда у него была отнюдь не из одних евреев. За что же такая пощёчина «испанским завоевателям»? Как оказалось, это была часть продуманной политики ухудшения экономических отношений с Испанией. Но об этом позже. В то время в Испании ещё была запрещена иудейская религия. Её разрешили немного позже.

А потом случилось событие, которое, видимо,

хорошо замалчивалось мировыми средствами информации, потому что мексиканское ТВ не показывало ни одного отклика на него из-за рубежа. На столицу упал самолёт с тем самым молодым премьер-министром и двумя десятками сопровождающих лиц.

Взлетев с аэропорта на востоке Мехико ясным вечером, небольшой самолёт тут же недалеко от центра упал на западе Мехико. Предположим, неполадки в моторе и управлении. Но это же правительственный самолёт. Такого не бывает, я ни о чём подобном никогда не слышал. Да, в России упал польский самолёт, был скандал, - но без неполадок, а в плохих погодных условиях и в незнакомой местности.

Самолёт упал в час пик в 100 метрах за оживлённым перекрёстком одной из центральных магистралей на пустынную боковую улицу. В этом все видели геройство экипажа, что не было лишних жертв. Но это невероятный случай – найти в Мехико такую широкую и пустынную улицу в час пик. Да и нужно было ещё, чтобы она была продолжением курса самолёта. Я верю в совпадения, особенно в футбольных матчах, но как раз перед перекрёстком был парк, и посадить можно было на его деревья. Возможно, пилоты лучше знали, куда лететь, чтобы надёжнее разбиться.

Пресса сообщила, что найден чёрный ящик и что он будет расшифрован. За неделю сенсация утихла, и о ящике больше не было сказано ни слова. Как и вообще о происшествии. Полное молчание вот уже 7 лет.

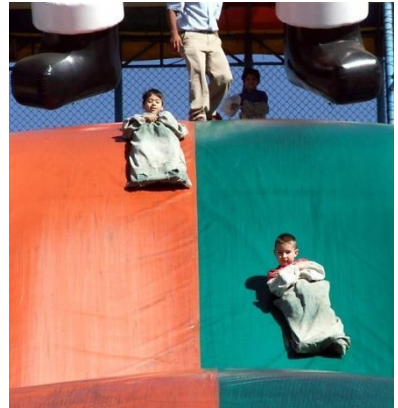
Наши посольские знатоки-охранники ехидно ухмылялись: президент порешил от ревности любовника. Не верить охранникам не было причин: всё же они ближе к политике. Но почему было просто не убить из-за угла или отравить этого неблагодарного любовника? Зачем было

убивать два с половиной десятка невинных? Чтобы показать, что это случайность? Но тогда почему не было расследования? Самое интересное, что мексиканцам было абсолютно наплевать на всё это происшествие.

Я думаю, президенту важно было показать свою огромную власть, что он может совершить любое деяние, и никто его не поймает. Как Мао Цзэдуну с воробьями. Потому что чудеса продолжались.

Почти одновременно были расстреляны из автоматов машины двух губернаторов: штата Синалоа на севере, и штата Мичоакан (не помню точно) на юге. В первом была сильна мафия автомобилей и наркотиков. А во втором, похоже, нефтяная мафия. Это три кита теневой экономики Мексики. Естественно, никого не нашли. Губернатор оппозиционного штата Оахака (штат Бенито Хуареса) отделался испугом – ушёл в отставку. Одновременно в прессе развернулась кампания против наркоторговли и за приватизацию нефти, а также последовали меры против свободы автовождения, и цены на автомобили медленно поползли вверх. Кому это всё было выгодно? Американцам. Им нужны были дешёвые наркотики, чужая нефть и выгодный сбыт своего автобарахла. Новый президент убирал политических и экономических конкурентов с целью захватить лично для себя теневую экономику, чтобы потом править ею в угоду американцам. Не верите? Тогда почитайте дальше.

Следующее дело Кальдерона уже было верхом наглости, потому что его негативные экономические

последствия были очевидны. Оно вызвало многочисленные демонстрации протеста, привело к ещё большему обнищанию населения, но сошло ему с рук, как всегда. Такого рода дела, вообще говоря, в приличных странах должны быть запрещены по конституции, - но не в Мексике.

Он законодательно увеличил минимальную закупочную цену на кукурузу ровно в два раза. Как еврейские прохиндеи от экономики в своё время и во время Ельцина увеличили все цены в России ровно в 10 раз. Так что мексиканцы должны быть ещё довольны, что их еврей увеличил цену для них только в два раза. Я бы ещё понял, если б это была его личная кукуруза, или если б в России это была личная сметана и прочие товары Гайдара или Ельцина. Сам купил – сам продал. Нет, это была чисто коррумпированная акция на благо всего еврейского купечества, в первую очередь американского, которое только продаёт, но ничего не производит.

Кстати, и в России и в Мексике нет действующих законов против коррупции. Все чиновники используют своё государственное положение, чтобы набивать личный карман, совершенно открыто. Не гнушаются ни копейками, ни миллионами. От простого вымогательства с мелких предпринимателей до контрактов от лица государства с временными подставными фирмами.

Кто ничего не понимает в экономике, я сейчас объясню, хоть и сам не экономист. Всё просто. Самое главное – не увеличивать при этом среднюю зарплату. Грабить – так на полную катушку. В России в своё время ещё и вклады заморозили при этом – полный беспредел. Но, как помните, не для белых людей, подобных Мавроди.

Итак, кукуруза – основной продукт питания в Мексике. Но не единственный. Увеличим закупочную цену в два раза. Производитель будет рад? Ага, рано обрадовался. У

него покупает зерно производитель кукурузного масла и, чтобы не разориться, он тоже увеличивает цену на своё масло в два раза. И так по цепочке все цены постепенно увеличиваются в два раза. Так что производитель кукурузы остаётся в результате ни с чем. Жрать-то ему надо не одну кукурузу.

Всё это было бы ещё ничего, если бы не было экспорта и импорта. Ну, отыгрались бы на рабочих, которым зарплату в два раза никто не поднял, ограбили бы их сообща с президентом. На радость его маме. Но увеличение цены на кукурузу тут же уменьшает её экспорт. И доллар уже к хлебопашцу не идёт. А вот импорт из соседней страны США, где своей кукурузы завались, но она была дороже, тут же расцветает. На радость американскому хлебопашцу и жене президента Кальдерона. А мексиканцы остаются на бобах. Пока не разорятся и вымрут настолько, что и бобы перестанут выращивать. Вот какую пакость устроил мексиканский президент мексиканскому же народу. Якобы той же расы. Скромненько, но со вкусом. И никто не пискнул. А кто пицал, на него просто не обращали внимания. Как на тех голых крестьян, которые и в холод, и в зной ходили вокруг памятника в центре Мехико, прикрытые лишь плакатиками: «Правительство нас не видит».

Это понравилось. Увеличили ровно вдвое цены на сахар (его делают не из кукурузы), на яйца, на сливочное масло (не сразу). Зелёные маленькие лимоны (лайм по-американски) – тоже традиционно любимая мексиканская еда. Лимонным соком они поливают всё. Они даже арбуз посыпают перцем и солью и поливают лимонным соком. Таков их организм. Я скорее мясо съем под сладким сиропом или шоколадным соусом. Это тоже их рецепты. Так вот, торгаши не пропустили и лайм.

У этих лимонов есть в начале года период отсутствия плодов. С месяц. Здоровый на голову хозяин, если христианин, естественно запасает лимоны, хранит в холодильнике и продаёт их в этот месяц, лишь немного повышая цену. Да просто потому, что продаёт он их таким же мексиканцам - друзьям и братьям. Для еврейского торгаша мексиканцы – «не друзья, и не родственники», почитайте Маркса. Уж не знаю, как им удалось это протащить, скорее всего, запретили административно (т.е. за взятку) хранить долго лимоны в холодильнике. Вы же знаете, как это делалось в СССР санэпидстанцией, а потом во всём мире – партией «зелёных». Но лимоны в этот месяц вдруг стали ежегодно резко дорожать: с 6 песо за кг до 60 песо. Опять 10 – это вам не 666!

Вот за что я ценю Гитлера, дайте сказать, что он, придя к власти, тут же начал строить дороги и поднимать сельское хозяйство, чтобы народу лучше жилось. И за что терпеть не могу большевиков, коммунистов и всех этих еврейских бандитов и моральных уродов, начиная с Маркса и Ленина и отнюдь не кончая олигархами и Кальдероном, что они, придя к власти, тут же без стыда начинали грабить бессловесный народ, который их же и кормит. Уж прости меня, родная тёща!

Это, - извините, сорвался, господа русофобы, - вам от меня в подарок жёлтенький цветочек в розовые губки – примите. За моих родных русских, по которым, с Ваших милых слов, «тюрьма плачет». За мою бабушку, у которой в вашу великую гражданскую были убиты все её восемь сыновей. За чтобы вам лучше жилось, хорошо кушалось, и чтобы вы все не сдохли.

Однако, Кальдерон и к дорогам руку приложил. В Мехико жуткий трафик, особенно в часы пик. Многие или большинство улиц - с односторонним движением. Если на

такой улице ходят автобусы, то им для движения в противоход выделяется полоса. Но эту полосу используют обычно все. В такой тесноте Кальдерон отвёл ещё одну полосу на центральных, наиболее забитых, улицах для нового транспорта – метробусов. И по этой полосе уже не проедешь. В среднем пропускная способность улиц сократилась на четверть. Метробусы ходят не чаще, чем раз в пять минут. А проезд на них конкурирует по цене с такси. Так зачем же?

Ответ на этот вопрос я получил совсем недавно, увидев по новостям, что в столице Аргентины ходят точно такие же метробусы и той же фирмы Мерседес.

Но причём здесь Аргентина? А это очень интересно. Почти одновременно с Кальдероном в Мексике президентом Аргентины стала очень обаятельная еврейка, денег на макияж хватило. Не знаю подробностей, что она там вытворяла, но одно точно: при ней цены на жильё выросли в три раза. Не на проценты, а ровно в три раза. Нетрудно догадаться, что народ и там обнищал за её правление. Футболисты из Аргентины толпами бегут играть в мексиканских клубах.

Я не занимаюсь политикой, не желаю преследовать евреев своими патриотическими домогательствами, не призываю их к совести, которой просто нет, потому что это понятие чисто христианское, а не иудейское, я только сопоставляю факты. Которые, в общем-то, всем известны. И не закрываю на них глаза, как того требуют правила

хорошего поведения перед советским начальством. Одновременно во Франции пришёл к высшей власти венгерский еврей Шаркози. И, видимо, впервые с Варфоломеевской ночи, французский народ был настолько недоволен его правлением, что это выразилось в кровавом акте антисемитизма в одной из школ Тулузы. Кстати, это город Жанны д'Арк. И это произошло во Франции, славящейся своими демократическими традициями и добродушием. Нет, извините, это всё не просто совпадения.

Добавим сюда ещё один факт, что в Германии премьер-министром в то же время стала тоже еврейка, которая подстрекала богатую Германию выйти из Евросоюза, и проанализируем всё вместе. Да, потом она пролезла в президенты.

Итак, Мексика уменьшила экономические связи с Испанией. Исчезло испанское вино, испанские автомобили. Аргентина, где исторически проживает много итальянцев, думаю, уменьшила экономические связи с Италией. Не знаю, но догадываюсь по внешним признакам, что то же самое произошло между Бразилией и Португалией. Это привело к ухудшению экономики не только Мексики, Аргентины и Бразилии, но и Португалии, Италии и Испании. Впрочем, Мексика закупила у Аргентинского «Мерседеса» метробусы, чем помогла Аргентине. Что вытворял Шаркози, мне неизвестно, я не слежу за политикой. Но известен результат. Франция имеет проблемы и недовольна Германией, Германия недовольна всеми, но главное – Португалия, Италия, Испания и Греция не могут погасить свои долги – настолько пошатнулась их экономика. И это всё ставит Евросоюз на грань нового развала. Кто радуется? Да опять американцы, которые на радостях даже оставили президентом Обаму на второй срок. За заслуги перед Родиной.

Однако, Евросоюз устоял, люди там уже опытные. Тогда срочно придумана была бодяга с Украиной. На Украине богатейшие залежи марганца (или магния – мне до лампочки). При разумном руководстве она в краткие сроки могла бы стать на этом марганце богатейшей страной. Но правят бал в ней те же евреи, что и Кальдерон, которыми управляют из-за океана. Ну, может, немного другие, под другими лозунгами, но уж точно не украинцы и не патриоты Украины. Они создали «майдан», чтобы подстрекать народ на беспорядки, сменить власть и протащить страну в Евросоюз. Что это даст? Марганец достанется американцам, так как они хозяева новых украинских марионеток. А Евросоюз получит бедную страну, которая ещё больше напряжёт его экономику и увеличит проблемы.

И представьте, сколько стран, сколько народа обнищало ради всей этой голубой еврейской мечты – старой идеи фикс их прародителей финикийских купцов: поставить весь мир перед собой на колени!

Я часто с добрыми чувствами вспоминаю легенду моего детства старую еврейку тётю Клаву, которая вечно ходила пьяной и весёлой и следила, чтобы я не матерился. Её добрые усилия пропали даром.

10. Футбол и музыка.

*Когда настанет час бить врагов,
Со всех границ ты их отбивай,
Левый край, правый край, не зевай!
(«Спортивный марш»)*

Латиноамериканская музыка и футбол – две радости мексиканца. Мобильники мексиканцы используют главным образом не для разговоров, а чтобы слушать музыку. Хотя и поболтать горазды. В метро каждый второй молодой

человек – с наушниками, ведущими в мобильник. Они идут в душ и берут с собой мобильник – чтобы мыться под музыку. Кстати, по чиновничьему этикету мексиканцы так же часто чистят зубы и под душем моются, как мусульмане молятся. Регулярно на ТВ появляются призывы экономить воду. Это большая проблема для большого города. Но, как и везде, призывы – не для чиновников.

В магазинах музыка звучит с потолка. То же – в переходах метро. Перед ресторанами и кафе стоят марьячос и наигрывают на своих гитарах, ждут клиентов. На улицах часто можно увидеть парня с трубой, который сотрясает воздух ужасными звуками. Ходят даже небольшие оркестры до четырёх человек. Труба и барабан в них обязательны. В поездах метро поют под гитару или фонограмму, а можно встретить и неплохие ансамбли с танцами. В парках можно услышать большие оркестры или отдельного скрипача или волынщика. В Мексике нельзя, как у нас, начинать застолье и шуметь, пока соседи не заснули. Ну, а с 11 вечера и до рассвета – пожалуйста: громовая музыка, пение, крики и визги - на полную катушку. Под весь этот шум я хорошо засыпаю. Ну, а чем это хуже самолётов, которые летают всю ночь? Или сладострастных стонов любительницы секса из соседнего окна?

Про телевидение и говорить не приходится. Каждый день, особенно в выходные, всевозможные концерты и конкурсы, на которых полуголые молодые бабы вытанцовывают гонорар под зажигательную музыку. На одном канале (22 – культура) можно услышать и классику. Но зато в каждом «приличном» городе есть свой симфонический оркестр, в котором добрая половина – нашего бывшего народа. Неплохо живут, подрабатывая преподаванием, так как мексиканцы любят учиться музыке и пению, и ещё балету.

На стадионе тоже нельзя без музыки. Что это за матч, если на верхней трибуне не стоят шесть барабанщиков и не молотят без перерыва? И нет трубачей, которые дуют неведь что? И нет группы поддержки за воротами из десятка девиц в коротких юбочках, которые непрерывно крутятся, вертятся, прыгают и машут мочалками? Естественно, под музыку соседнего ансамбля, которой мне по ящику не разобрать в этом кромешном шуме. Впрочем, вертятся, прыгают и бегают по трибунам все, кто не сидит капитально. То есть, все, кто может.

Но таков народ, что всё это он делает не ради искусства или своего развития, а только ради удовольствия. Какая бы талантливая песня ни появилась, скажем, о футболе, она тут же забывается, когда появляется новая, но намного хуже. Марьячос не знают песни «Бесаме мучо». Другие действительно шедевры мексиканской музыки исполняются только на юбилейных концертах их старых исполнителей. Не слышно «Са-са-са», хотя по этой песне был даже снят фильм в своё время. Что уж говорить о гениальной подделке Симона и Гарфункеля «Эль кондор паса»? Телевидение забито ширпотребовской халтурой молодых композиторов – как сейчас московское.

Но однажды морозным утром я видел незабываемую картинку. На обшарпанном мотороллере ехал заколеченный мужик в невзрачной поношенной куртке и тоненькой ушанке. Руль был украшен бычьим черепом с рогами, а лицо мужика – длинными усами

торчком. С багажника свисала бычья шкура, а из магнитофона на нём, пытаюсь перекрыть городской шум, играл «Криденс» во всю мощь своего оптимизма! Я помахал ему рукой в знак восхищения, и он ответил подмороженной улыбкой.

Однако, ближе к футболу. Это повальное увлечение в тёплом климате. Играют и мужчины, и женщины. Болельщицы составляют треть. Одно время довольно долго боковым судьёй в мужской высшей лиге работала симпатичная женщина. И отлично судила. За многие годы я заметил только одну её ошибку в определении офсайда. Но, видимо, заметил и ещё кто-то из чиновников мексиканского футбола, потому что вскоре она исчезла с экранов ТВ. А напрасно. Мужчины судят намного хуже.

Раньше мексиканский футбол показывали по ТВ не меньше четырёх дней в неделю и почти все матчи высшей лиги. Но пришёл Кальдерон, и (полная аналогия с Ельциным и Путиным) задолизы половину этого времени стали показывать американский футбол и бейсбол. Какое убожество эти игры по сравнению с регби и лаптой, я напишу чуть ниже. Обычному футболу отвели конец недели и показывают всего 4 - 6 матчей, тогда как команд в высшей лиге 18.

Увеличилось также время показа рестлинга (свободной борьбы, по-мексикански), прыжков в воду и стрельбы из лука. При новом президенте Пенья Нето, который в сущности ничем не отличается от Кальдерона, кроме внешнего вида, и жена у которого тоже американская еврейка, ситуация с футболом не улуч-

шилась. Мексиканская сборная не стала играть лучше, скорее хуже. Но это другая история, к которой я после небольшого отступления перейду.

В чём же отличие американского футбола от регби, которое специально было придумано школьным учителем для развлечения скучающих девочек на уроках физкультуры вместо футбола? Основное отличие в форме игроков. На них надели защитные шлемы типа мотоциклетных, а на плечи – солидные наплечники. Казалось бы - благое дело? Отнюдь. Это привело к коренному изменению характера игры. Основным приёмом борьбы в ней стали столкновения игроков. Попробуй регбист, ничем не защищённый, столкнуться с другим регбистом. Серьёзные травмы обоим обеспечены. Все это знают и на столкновения не идут, хотя играют в регби мощные ребята, а не те относительные хлюпки из американского футбола. Так как столкновения стали основным содержанием игры, то в ней пришлось вбрасывание из-за боковой, которое приводило бы к массовой свалке, заменить на чинное введение мяча на специальных линиях, причём игроки выстраиваются на этой линии друг против друга, чтобы по свистку столкнуться телами с противником. В общем, игра поражает убожеством технических приёмов и, как ни стараются американцы, за границы США далеко не распространяется.

Интересный факт видел я в одном американском фильме: любители американского футбола играют во дворах и на пустырях без амуниции и по правилам регби! И не калечат друг друга. В общем, получается, как езда на машине с ремнём безопасности, который обязателен в "свободной" стране США. Пристёгиваются, потому что требует полиция (из "благих" побуждений). Ремень давит шею, стесняет свободу движений, злит, и в результате в подсознании зреет желание подрезать соседа по дороге и

даже толкнуть его - ремень-то защитит. То, что пассажиры не пристёгнуты, как-то не осознаётся в силу обычного человеческого эгоизма. В результате аварий становится больше, в том числе тяжёлых. В Мексике ввели обязательное пристёгивание на моих глазах. И сразу же новости ТВ запестрели картинками ужасных аварий. До этого все отмечали дикое движение на улицах Мехико и при этом удивлялись факту, что аварий или столкновений очень мало. Водители были просто предельно внимательны и вежливы, потому что не были пристёгнуты.

Моя дальняя родственница погибла благодаря этому ремню "безопасности". Подумайте, какое американское лицемерие в этом слове! Подвыпивший приятель пригласил её с подругами покататься. Она сидела впереди. Сам-то он автоматически пристегнулся, а вот их предупредить "забыл". По дороге они врезались в опору моста, под которым проезжали. Её выбросило в переднее окно. Кое-кто может сказать, что если бы и он не пристегнулся, то было бы два трупа. Ан, нет! Тогда бы эта сволочь ехала предельно внимательно, и заметила бы опору. Я сам это отлично знаю. Однажды я ехал в подпитии, без ремня и вёз семью. К тому же шёл дождь. Я до сих пор удивляюсь: никогда ни до, ни после я так внимательно и ровно не вёл машину. Видимость была плохая, да и в голове шумело, но скорость я не сбрасывал и ситуацию на дороге видел чётко.

А вот почему же он забыл их тоже пристегнуть? Об этом другая история.

Однажды, когда я вёл шахматный кружок в детском клубе, мы решили принять участие в соревнованиях в соседнем городке. Денег выделили мало, но их хватило, чтобы нанять знакомого частника нас подвозить. На второй день нас останавливает ГАИ и взимает штраф. Шофёр заплатил и, бросив квитанции мне, молча указал на

ремень, которым я, естественно, не был пристёгнут. Да откуда же мне, сроду не водившему машины, не имевшему друзей-автолюбителей и не ездившем на такси по причине дороговизны (как, впрочем, и большинству людей в СССР), откуда же мне знать, что надо пристёгиваться ремнём, да и как это делается? К тому же я гость в его машине, и его обязанность как хозяина - нести ответственность за гостя, показать ему, где что и как, чтобы гость чувствовал себя в незнакомой обстановке нормально.

А то получается, как один высокомерный татарин поучал меня, явно намекая, что русские не уважают мусульман, что прежде чем приехать в страну, надо изучить хорошо порядки и нравы в этой стране. Он, похоже, забыл, что приезжают-то не как завоеватели, а как гости, с добрыми намерениями, по приглашению хозяев. А поэтому к гостю надо относиться с уважением (это и в мусульманских традициях), помогать ему освоиться, а не тыкать носом в каждую непреднамеренную ошибку.

Вот именно подспудное высокомерие владельцев машин к безлошадному пассажиру и есть причина их "забывчивости". Я отдал шофёру 40 рублей за штраф, хоть это была и немалая сумма по тем временам для моего бюджета, но разговаривать с ним ханыгой после этого перестал.

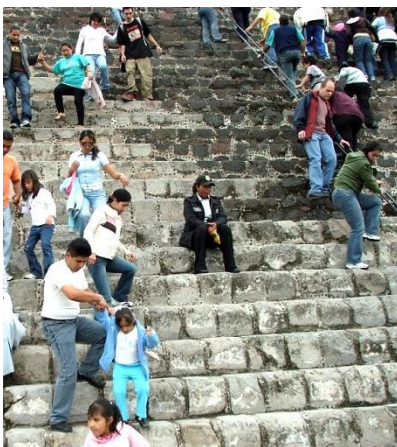
Ещё одна игра, придуманная американцами - это бейсбол. Многие находят её сходство с русской "лаптой". Ничего подобного! Лапта - это весёлая, динамичная и азартная игра, в которой можно пропотеть до седьмого пота.

Представьте себе площадку, разделённую на три части. В средней, наибольшей, располагается команда 1. Команда 2 располагается по обе стороны от 1 на оставшихся частях поля. Один игрок команды 2

подбрасывает небольшой мячик, а другой бьёт по нему лаптой. Цель его - послать мяч так, чтобы он попал в игрока команды 1, что даёт очко, или же, чтобы его мог поймать свой игрок на другом конце поля. Если поймал, то может бросить его в игрока команды 1 или же перебросить его через поле своему игроку. Бедные игроки команды 1 вынуждены в таких условиях носиться по своей части поля от одного края к другому, чтобы в них не попали. Но они могут и поймать мяч, что даёт им очко. В детстве один раз я играл в эту лапту. Убегались и ухохотались до негому.

А вот что представляет собой бейсбол. Говорят, в нём уже 130 правил. Но я опишу в общих чертах. Поле представляет собой подобие прямоугольного сектора, по которому в строгом порядке расставлены игроки команды 1. В основании сектора на определённом расстоянии друг от друга по биссектрисе находятся двое: подающий мяч и принимающий, который почему-то сидит на корточках. Подавать мяч надо строго в воображаемый прямоугольник на уровне печени принимающего. За точностью попадания в этот воображаемый прямоугольник следит специальный судья из-за спины принимающего.

Почему этого судью вместе с принимающим игроком нельзя заменить на штатив с рамкой, это риторический вопрос. От команды 2 выступает в игре только один игрок, который стоит возле принимающего и отбивает мяч (точнее твёрдый шарик) битой. Если он отобьёт мяч, что случается крайне редко, то получает право побежать по малому кругу этого сек-

тора от базы к базе. Если игроки в поле ловят мяч, то они кидают его в бегущего, пока он находится между базами. Один против всех и все против одного – как же это неблагородно! На редкость тупая и малоподвижная игра.

Под стать игре и её болельщики. Но для контраста - сперва о футбольных болельщиках Мексики, - впрочем, европейский футбол уже проник в штаты США с большим процентом испаноговорящего населения. Они приходят на футбол целыми семьями - с жёнами и младенцами. Приносят барабаны и духовые инструменты. Иногда собираются целые оркестры. Очень много девушек, которые не только вертятся, прыгают, визжат и машут руками, но и не забывают своего прямого дела - смачно целуются со своими парнями. Телекамеры выискивают в этой толпе наиболее красивых девушек и транслируют их весёлые лица на всю страну. Очевидно, что все приходят в цветах своего клуба, с флагами и другими атрибутами. Это праздник, в котором все оттягиваются по полной. На сидячих местах стоят и прыгают, а когда забьют гол, начинают бегать вверх-вниз по скамейкам.

Что же в бейсболе? Каждый болельщик чинно сидит в своём кресле, и перед ним на столике стоит большой одноразовый стакан питья. Прикладываются к стакану крайне редко – не принято. Иногда кто-нибудь из них, восторженно, вспоминает, зачем пришёл, и поднимает над головой белый треугольный платок, очень напоминающий женские трусики 60-го размера. Покрутив несколько раз эти трусики над головой, он уныло опускает их опять себе на колени, до следующего раза. И вся любовь.

Нет, я сам всё это видел по телевизору.

Не подумайте, что я «ругаю» американцев или идеализирую Европу или Мексику. Что есть, то и говорю, перемалывая своим характером. Поэтому добавлю ложку

дётся. Мексиканские болельщики, приняв тот же большой стакан пива (не запрещено), а то и два (или ни одного), ведут себя зачастую не по-христиански. Светят зеркалами в глаза судей и противной команды, кидают в них пустыми и непустыми пластиковыми бутылками и стаканами, и прочим мусором, жгут костры и дымовые шашки и кидают их на поле. Это бывает отнюдь не на каждом матче, но пару случаев приведу.

Тренер команды «Тигров», этнический итальянец (для мексиканцев это важно, кем ты был в прошлой жизни – если только ты не испанец и не еврей, то есть богатый человек), так вот, он стоял себе на тренерской площадке, следил за матчем, и не сильно беспокоился, как его обзывают болельщики. Но один болельщик не выдержал такого неуважения, запустил в него бутылкой с газировкой и облил ему брюки. Хотелось бы знать, как поступил бы этот болельщик, если с ним так же поступили в Италии. Сказал бы «спасибо»? Но тренер был вспыльчивый, поднял эту бутылку и запустил её обратно. Как думаете, что сделала полиция? Не заметила. А вот судья дал тренеру красную карточку, и под свист, смех и оскорбления болельщиков тренера увели с поля – та же полиция.

На этом «дело» не закончилось. Тренера дисквалифицировали на месяц за «неспортивное» поведение и, думаю, за оскорбление мексиканцев, и он наблюдал за своей командой с трибун. Каждый матч ТВ показывало его на трибуне и при этом комментаторы нелестно о нём отзывались, какой он самодур и как третировал команду, при этом показывали «соответствующие» кадры хроники. Появился клоун, который во всех спортивных передачах и трансляциях футбола пародировал и высмеивал этого тренера. Он гримировался под тренера и надевал такую же куртку, из кармана брюк торчала бутылка воды. Он ходил,

прихрамывая, сильно утрируя походку немолодого уже тренера. Каждую минуту он резко оборачивался к трибунам, вынимал бутылку и угрожающе махал ею в сторону трибун, разбрызгивал воду и при этом поливал болельщиков матом. И люди смеялись! Такие выступления сопровождали даже международные матчи сборной. Сильная команда «Тигры» после такого общественного «воспитания» проиграла подряд несколько матчей. Такова мексиканская «свобода» и мексиканское христианство. Был бы тренер этническим мексиканцем или (чего ещё!) в блатных отношениях с руководством футбола, ничего бы такого мы не увидели. Чего можно ожидать от страны чиновников и задолбизов!?

На одном из стадионов полиция решила наводить порядок – «успокаивать» болельщиков. Она заходила со щитами и дубинками на стоячие трибуны, где народ жёг костры и устраивал свои разборки, и уводила наиболее активных. Это не понравилось. Я наблюдал два незабываемых побоища болельщиков с полицией.

В одном из них толпа болельщиков оттеснила полицейских в узкий проход. Вперёд они выдвинули двух агрессивных и мощных женщин, которые со всей силы молотили кулаками по щитам. Полиция, состоявшая из немолодых уже мужчин, конечно же, не хотела бить женщин дубинками. Потом женщин отвели, и вперёд вышли парни с длинными ремнями в руках с пряжками на конце. Они били зажатых полицейских гибкими ремнями, поэтому щиты не могли их полностью защитить. С полицейских сбивали каски, разбивали головы и лица.

Второе побоище было продолжением первого, но уже без женщин. На трибунах жгли ракеты и бросали их в полицейских. Им старикам досталось ещё больше крови и разбитых голов.

Но ради чего все эти страсти? Мексиканский футбол лучший в мире и полиция мешает его прогрессу? Отнюдь нет. Проблем – хоть отбавляй, и все они связаны с мексиканским характером и образом жизни. Но кому интересно бревно в своём глазу?

В год проводится два чемпионата. Странно, но первый из них называется «клаусура» (закрытие), а второй – «апертура» (открытие). Чему здесь удивляться, если и в древнем Египте, как рассказывал древнегреческий историк, женщины писали стоя, а мужчины – сидя?

Сначала 18 команд разыгрывают по круговой 8 мест для олимпийского финального турнира. Потом идут пары матчей с учётом мест в отборе.

В командах играют и иностранцы. Парочка даже из США, а остальные – из Южной и Центральной Америк. Но сами мексиканцы трусливы по природе. Поэтому в Мексике нет в футболе своих хороших нападающих, их работу делают иностранцы. Почему я их назвал «трусливыми»? Да просто единственное историческое сражение, которое они выиграли – бой с французами под Пуэблой. Они отмечают его, как национальный праздник. Но есть свидетельства, что французы просто ушли сами, не захотели связываться – одна женщина их увела, уговорив командира.

Если вдруг с испугу какой-нибудь мексиканец начинает забивать голы, то его тут же возводят в ранг национального героя. А если он ещё и успевает прописаться в европейском футболе, то место в мексиканской сборной ему обеспечено на 10 лет. Однако, жизнь более динамична и требует не почивать на лаврах, как мексиканцы, а постоянно совершенствоваться. А вот это совсем не в духе чиновников от футбола. Они, к примеру, от кого-то когда-то узнали, что Чичарито и Джовани хорошо и много забивают, и другого знания уже не принимают. Ребята давно уехали в

Европу, им до Фени патриотизм и пафос, они сменили игру и мастерство, но чиновник каждый раз требует брать их в сборную. И начинается: две трети команды играет в ногу, а чиновничья треть - не в ногу. Это беда многих стран, когда мнение специалиста признаётся ниже мнения чиновника. В том числе и России. Но попробуйте в Мексике хоть раз сказать «нет» чиновнику. Пока что ни один тренер на моей памяти этого не сделал, кроме одного. Но это отдельная история.

История эта связана с, пожалуй, самым интересным и загадочным мексиканским клубом «Америка». Сколько нареканий я слышал от мексиканцев на этот клуб: и что большие зарплаты, и что играть не умеют, и что много иностранцев, – и ещё надо мной смеялись, что я его болельщик, а не такого хорошего «Круз Асуля» (синий крест). Но я-то в футболе немного разбираюсь, хоть и сказать им этого не могу.

Первый матч, который я посмотрел в Мексике, был матч «Америки» на турнире в США, и он меня потряс. Это была хорошая европейская команда: с чёткой позиционной расстановкой игроков, с отличным пасом, динамичным манёвром и высокой техникой игроков. На её фоне противники выглядели дворовой командой и не понимали, откуда на них сыпятся голы.

Тренировал её седой, но жёсткий голландец Лео Беенакер (Beenhaker). Я прикинул, и получалось, что он из той самой легендарной гол-

ландской сборной, которая дала миру «тотальный футбол», стала чемпионом Европы и чуть не стала чемпионом мира. С таким тренером, если и захочешь, то не будешь просто гонять мяч для забавы трибун. Но эта команда и не хотела: на поле она выглядела просто восхитительно. Потом уже, когда команду развалили и тренера выгнали, большинство её игроков перешли в другие клубы и сразу стали в них ведущими и лучшими игроками. Как награбленное крестовосцами золото Византии создало в Европейской культуре эпоху Возрождения.

Однако, сборная Мексики выглядела не так хорошо, как «Америка». Она была составлена из игроков других клубов «чисто» мексиканских тренеров и едва справлялась с неопытной ещё сборной США. Это было проблемой, которая часто обсуждалась на ТВ, и тренер «Америки» принимал участие в дискуссиях, резко и правдиво критикуя порядки в мексиканском футболе. Какие порядки: тренер сборной бесправен, в ней полно не сильнейших, а блатных игроков, вместо работы – реклама и похвальба на ТВ. Это было видно невооружённым глазом. Я ожидал, что к нему прислушаются и сделают тренером сборной. Но тогда бы я жил не в Мексике. Мексиканцы рождены всей своей многовековой доиспанской историей, когда их ещё десятками тысяч приносили в жертву на пирамидах - и они не роптали, чтобы лизать зад жрецам, чиновникам и начальникам. Сеньор Лео куда-то исчез, команда сменила хозяина и руководство, игроки разбежались. Только лет через пять «Америка» стала появляться в верхней части таблиц чемпионатов – с помощью иностранных нападающих. Но это была жалкая тень той команды. И лишь через 10 лет она снова, но неярко, заблестала с самобытным тренером Эррерой, который впоследствии вовремя стал тренером сборной и спас её от провала и позора, но, как и все, не

смог устоять против чиновников. Это был последний взлёт «орлов Америки».

А Лео Беенакер всплыл через два года. Он всё это время тренировал с нуля команду двух маленьких островов: Тринидада и Тобаго. В товарищеском матче сборная Тринидада и Тобаго хладнокровно сыграл вничью с Мексикой. Это была игра кошки с мышкой. Она играла, как когда-то «Америка». Я сказал: «Следующий матч Тринидад выиграет».

Так и случилось. В официальном отборочном матче Мексика была так же спокойно разгромлена: 2:0. Перевес по игре был полный. На первый гол мексиканские комментаторы ещё чего-то пискнули невразумительное, а второй встретили гробовым молчанием, как будто вообще ничего не случилось. Таков мексиканский характер – правды они не любят.

Сборная Тринидада и Тобаго впервые вышла в финал чемпионата мира и показала там такой футбол, что все знатоки ахнули. Но в финальную стадию не пробилась.

Через чемпионат Лео Беенакер опять появился в команде ТИТ, но консультантом, а не тренером. Он сильно постарел, но сохранил независимый характер и был очень зол на мексиканцев. Тренером был туповатый американец, и команда не вышла. Она даже проиграла товарищеский матч Мексике, которая едва зацепилась за выход в своём турнире.

Вы никогда не слышали, как кричат «Гол» мексиканские футбольные комментаторы? Тогда попробуйте сами крикнуть, как можно дольше растягивая это слово. А потом мысленно увеличьте длительность своего результата раза в три. Немыслимо? Но у всех мексиканцев такие лужёные глотки, что они могут. Чтобы поверить, надо хотя бы раз

услышать, как орут торговцы в метро. Кубанскому казачьему хору не снилось.

Сколько должно быть комментаторов на матче? В России хватает двух. Один сменяет другого. В Мексике их четыре. Кроме того они ещё приглашают в помощники известных футболистов и своих красивых сотрудниц. Количества камер не считал, но кроме трёх сбоку есть ещё за воротами, дистанционная камера на вертушках и камера на вертолёте, который летает над стадионом. Бог с ними с камерами, но зачем так много комментаторов? Да просто они ничего не понимают в футболе. Поэтому постоянно бурно обсуждают, был ли офсайд, был ли пеналь, какую карточку надо давать, хохочут, злословят и читают вслух рекламу, появляющуюся на экране. То есть, ведут себя, как четыре хорошо оплачиваемых бездельника. Последнее время они ещё придумали знакомить со своими персонами телезрителей. На экране появляется внушительных размеров окошко, в котором каждый из них по очереди показывает, как он надевает наушники, звонит по мобильнику, грозит пальцем, улыбается, или просто показывают его со

всех сторон. И такое любованье для прекрасных дам этими толстыми самодовольными рожами они повторяют каждые пять минут. Независимо от того, что происходит на поле. У них, конечно же, есть и начальник, авторитет которого непререкаем. «В открытом море нельзя без кормчего». Вот пример.

В команде «Пума» играют два брата, похожие друг

на друга, по фамилии Паласиос. Один из них Антонио – вратарём, и у него кличка Пиколин. Это такая птичка, он действительно в воротах просто порхаёт. Эта лестная кличка написана на его футболке, и номер 1. А другой Марко – защитником, у него на футболке написано просто М.Паласиос и номер 3. Казалось бы, чего проще? Посмотрел на футболки и не путай. Но не таковы начальники в Мексике. Они выше этого простого «посмотрел». У них свои высокие представления. Почему-то, когда играет «Пума», то выпадает комментировать одному толстому и губастому начальнику, который тараторит, не давая другим. И он постоянно допекает меня тем, что всегда вратаря называет «Пиколин Паласиос», как будто это имя и фамилия, а защитника – «Пиколин два» или иногда «Пиколин второй», как будто Пиколин – это фамилия, или же он царских кровей. Видимо, это такой тонкий юмор. Никто из его подчинённых, друзей, знакомых или просто болельщиков не смеет указать ему на его заблуждение. Начальника в Мексике критиковать нельзя. «Нехай будэ гречка, абы не поперечка». А сам он и допустить не способен, что может быть неправ. И никто из его подчинённых даже не пытается ему помочь в комментировании, когда он оставливается, чтобы, не дай бог, случайно не назвать братьев правильно!

Чтобы понравиться начальнику, надо забивать голы. Как – неважно. Поэтому в Мексике возник особый сорт нападающих. Они не бьют издали в девятку, не обводят четырёх защитников хитрыми финтами, не играют с соседом в стенку, не умеют закрутить мяч – они вообще стараются к мячу не подходить. Они ждут паса издали поближе к воротам. Тогда вихрем врываются на перехват и забивают головой. Или ногой. Поэтому мексиканский футбол зачастую представляет убогое и наивное зрелище: проходы

по флангу и пас в центр. Как бороться с этим, защиту не учат. Поэтому забивают голов много. Но в международных матчах вся эта тактика давно не работает. Поэтому скромны успехи сборной. А тренеры ничему новому не учат, они тоже чиновники.

Виртуозом таких голов головой был Борgetti. Однажды я видел, как он при подаче углового просто стал рядом с вратарём. Казалось бы, он даже и не сдвигался, но мяч попал ему точно на голову и влетел в ворота. Вратарь и не дёрнулся, хотя обязан был снять мяч с головы. Но вот его взяли в английскую команду, где игра совсем другая. Он там не продержался и года. Сейчас такой же виртуоз Чичарито. Но поиграв два года за рубежом, он перестроился. И когда его берут в мексиканскую сборную, голов уже не забивает. Забыл как.

Появился ещё один молодой нападающий такого же типа Хименес. Он меня бесил, что забивал только головой, а ногами всегда бил мимо. Но его талант и любовь к футболу взяли своё: он научился и обводке, и кручёным ударами и стал забивать ногами. Если не захвалят, то станет классным футболистом.

В общем, проблем у мексиканцев много, и главная – отсутствие сильной тренерской школы из-за ложно понимаемого патриотизма и засилья чиновников. Но об этом я уже рассказывал. «Друзей футбола» так много, что они всем руки выкручивают. Как сказал Грибоедов, «храни нас бог от этих друзей».

11. Автомобилизм.

*Туда, сюда, обратно – тебе и мне приятно.
(Из загадок Мамонтова)*

Одно время у нас в семье было три автомобиля. Я ездил на той самой Хонде-Аккорд, сын купил себе джип

Ниссан-Пасфайндер и для целей коммерции – небольшой грузовой автобус. Но красавец джип имел проблемы с задним мостом, и сын его продал, не особенно торгуясь. Это оказалось началом конца. Возвращаясь на Хонде ночью, он засмотрелся на девушку, не вписался в поворот и врезался поперёк в поребрик. Поддон двигателя разбился, все 4 колеса лопнули, а сама машина пролетела метров 10 по воздуху и срезала по дороге небольшое деревце.

Хотя машина в принципе чинилась и недорого, он был в таком потрясении, что продал её за треть цены какому-то полицейскому. Счастливый полицейский быстро всё исправил и разъезжал, вызывая у нас жгучую зависть. Это была наша лучшая машина.

Затем продали старенький автобус, коммерция у сына не пошла. И сын купил БМВ-328. Давно мы хотели поездить на БМВ, сбывалась мечта идиотов, и мы не обратили нужного внимания на то, что машина явно была сильно стукнутая, и пробег был явно скручен.

Это тесная, но крутая машина с кожаными сиденьями – если бы только была исправная. Но радиатор вёл себя очень странно, и мотор со временем стал перегреваться в пробках. Кондиционер работал через пень-колоду. Такие проблемы, как плохое открывание дверей и отсут-

ствие переднего бампера, были пустяками. Но, в общем-то, какое-то время мы юзали её неплохо.

Потом у меня неожиданно закипел радиатор. Блокировка мотора сработала. Но эту проблему охлаждения никто не мог исправить. Потом на мокром асфальте меня неожиданно развернуло на 180 градусов. Хорошо, что движение было редким, а мексиканские водители вежливыми. И, наконец, не повезло сыну – отказал руль.

Он ехал со знакомым по пустынной воскресной улице и, объезжая лужу, повернул направо. Но машина почему-то повернула налево, выехала на встречную полосу и врезалась в бок стоявшему там грузовику. Грузовик почти не пострадал, а БМВ отрикошетил, передок без бампера смялся в гармошку. Сын успел упереться в рулевое колесо, а его знакомый – схватиться за дверь, и они остались целы, если не считать ушибов. Но удар был такой сильный, что баранка в руках сына треснула.

Останки машины продали на запчасти, и на этом история нашего автомобилизма закончилась.

Но с этим БМВ связана забавная история, которая перекликается с тем, что я рассказал раньше.

Я возил по утрам младшего сына в посольскую школу. Пять минут – и мы на месте. Но иногда где-то впереди устраивали ремонт, подрезку деревьев или ещё какую-нибудь ...ню, которую в другое время ну никак нельзя было бы сделать, и все 6 полос диагонали Патриотизма переходили на траурный шаг.

В то ясное утро у нас было в запасе минут 10, и я спокойно ехал в пробке. Нас по тротуару весело обогнала знакомая школьница со своей мамой, и они предложили пойти с ними пешком. Мы гордо отказались. Однако, время шло, а наша скорость только уменьшалась. Я постоянно смотрел на часы, и вот пошла последняя минута

перед закрытием школьных ворот. Мы проехали последний перекрёсток, и перед нашим поворотом впереди оставалось только два корпуса машин. «Успеем впрытк», - подумал я. И тут справа показалась машина, которая ехала поперёк потока и явно намеревалась въехать передо мной. Это шутики мексиканских перекрёстков под 60 градусов. Мы-то светофор проехали, но сзади нас он сменил свет, чего мы никак не могли видеть, но, тем не менее, должны были пропускать поперечных, которые подкрадывались фактически сзади.

«У этой машины посольские номера», - сообщил сын. – «С чего бы это?» - ответил я, и тут машина передо мной дёрнулась вперёд, и я автоматически нажал на газ, заслонив проезд посольцу. Я обернулся посмотреть, кого же я подрезал, и, о ужас, это был известный мне рыжий молодой скандалист, который постоянно кричал на школьных мамаш, когда они, высаживая детей, на минутку занимали его стоянку у тротуара около школы. Ожидался скандал. Но мы успели, а вот если бы я пропускал его, то точно нет. И пока он едет к посольству, я сделаю небольшое отступление.

На дорогах Мексики есть неписанное правило вежливости: если человек торопится, нарушает при этом правила и саму вежливость, то его надо пропустить – ему нужнее. Пусть даже он на самом деле будет хам и прохиндей – это не считается. Ему нужнее сейчас, а в следующий раз тебе. Поэтому на перекрёстках постоянно до десяти машин проскакивают на красный свет, и никто этому не возмущается, даже полицейские. Поэтому никто не ругается на пешехода, идущего на красный. Поэтому подрезают и теснят с полным правом. Я уже рассказывал в первой части о весёлой парочке женщин, которая ехала на джипе поперёк потока вдали от перекрёстка, и все машины их

пропускали, а водители улыбались. Так что по мексиканским правилам я был прав, и следовало пропустить меня, и беспрекословно.

Но вот подъехал рыжий и, едва поставив машину вкривь, побежал ко мне.

- Ты почему меня не пропустил?! Ты правил не знаешь!

- Я торопился. А по мексиканским правилам я был прав.

- Да как ты вообще смеешь?! Да я член совета!.. – и тут он назвал какой-то, видимо, престижный совет при посольстве. А мне какое дело? Я, вообще-то, в два раза его старше, ничего плохого не сделал, так на моём месте поступил бы каждый мексиканец, и то, что он на меня кричит, мне не нравится. Хотя я и не член совета, но доктор наук.

- Да ты больше здесь останавливаться не будешь, я скажу охране! Они тебя к школе не подпустят.

Я спокойно сел в машину. Это его ещё больше возмутило. Он подбежал к двери.

- Да ты выйди – поговорим!

Предложение было прозрачным, и я на минуту засомневался: может, действительно выйти и врезать ему. Он, похоже, не понимает, чем это ему грозит. Но взглянув на его накачанные мускулы под пиджаком, я понял, что конечный результат может быть непредсказуем, и завёл мотор. Однако его настырность меня уже достала, и я просто спокойно послал его на три всем известные буквы:

- Иди ты на ...

Да, именно, члена высокого совета - на эти три буквы, против которых начал вселенскую войну президент Путин. Кому её начинать, имея фамилию, которую все мексиканские школьники ассоциируют с испанским словом «путо», что переводится литературным языком третье-

сортного перестроенного писателя Э.Тополя, как «путана» мужского рода?

Он догнал меня на машине на красном светофоре и стал орать в окно:

- Я сделаю так, что твоего сына выгонят из школы и больше не возьмут обратно.

Это уже был явный перебор. Что-что, а сына моего, сволочь, не трожь. Это святое. Я повернул голову и раздельно повторил:

- Иди ты – на́ ...

- Мы ещё встретимся.

Пусть попробует – сам первый из посольства и полетит. Кому нужны скандалисты?

На следующий день был мексиканский праздник, и на работу мне было не надо. Старшему сыну понадобилась машина с утра, и он повёз младшего в школу. Я его предупредил, что его ожидает продолжение разборки.

Вернувшись, он с усмешкой рассказал, что к нему подошли рыжий с приятелем, и приятель стал говорить, что это очень нехорошо и обидно, когда уважаемого человека при всех посылают. На это сын заметил, что надо понять и пожилого человека, когда на него кричат, а он ничего плохого по мексиканским меркам не сделал. В общем, обменялись мнениями и разошлись довольные с чувством выполненного долга.

Где-то через месяц рыжий скандалист и его приятель перестали попадаться у посольства.

12. Работа и учёба.

*Я надену новый свой пиджак,
Подниму над головою стяг.
(Из песни)*

Старший сын поступил в государственный университет УНАМ. Не особенно налегая на учёбу в посольской школе, он, тем не менее, набрал ровно 60 баллов, необходимых для приёма на экономический факультет. Один из 200 лучших университетов мира, в список которых вошёл МГУ где-то в конце, но не вошёл родной НГУ. Испанский он освоил ещё раньше, на курсах того же УНАМа, достигнув второго по силе уровня.

Однако первые восторги от учёбы постепенно прошли, хотя он был вторым по успеваемости. Пошли сетования, что преподаватели - дураки, не ходят сами на занятия, ничему новому не учат, придираются и т.п. Один из преподавателей на экзамене сходу, лишь его увидев, начал кричать: «А, знаю, что вы русские о нас мексиканцах думаете: что мы дураки, лентяи и ничего не умеем». И вкатил низкую отметку. Сын мой не робкого десятка, но от такой наглости опешил.

Впрочем, и в России я встречал таких закомплексованных самодуров-преподавателей. Обычно они и внешне были очкастыми уродами. Это орудия фортуны, к встрече с которыми надо быть всегда готовым. Но это я сейчас так говорю, а в молодости тоже терялся перед подобными хамами. В общем, через полтора года сын решил больше на занятия не ходить. Слабые попытки переубедить его и надежды, что он одумается, ни к чему не привели. Я очень жалею, что не нашёл в себе сил и времени за своими заботами, чтобы направить его на правильный путь. Сам себя оправдывал, что у меня тоже не всё было гладко в начале жизненного пути, но вылез. Глупое оправдание.

Можно было ещё поступить в платный университет, но к тому времени я уже был без работы, и на одну зарплату жены всё это было проблематично. Он закончил курсы каких-то экономистов, но на квалификационные

госэкзамены, дававшие право на работу, не пошёл, оттягивая на потом. Затем ещё какие-то курсы, и всё это с большим энтузиазмом, но в конце концов увлёкся игрой на бирже. Однако, это было уже в следующей жизни, о которой у меня нет намерения сильно распространяться.

Я уже рассказывал об Институте нефти, в котором мы работали. Большая площадь с более чем 20 корпусами и со стадионом посередине. Рядом со входом высотное административное здание, на крышу которого может садиться вертолёт. Но в натуре он предпочитает садиться на футбольное поле.

Три года мы были на стипендии постдока, а потом жена получила постоянную позицию, а меня продлили ещё на год. Поместили в другой проект и в другую лабораторию. Я им сделал все их задачи, попутно улучшив численный метод, которым давно занимался. Само собой, написал большой отчёт. Но чувствовалось, что им чего-то не хватает. Сейчас понимаю, что им не хватало обильных реверансов в сторону начальника в отчёте. Типа, какой он умный и как хорошо работать под его руководством. Причём недоволен был не только начальник, но и тот неостепенный парнишка, который познакомил меня с их проблемами. Но я что, должен по их менталитету специально

подходить к начальнику и спрашивать, а не хотите ли, дорогой, чтобы я сослался на Ваши работы или просто указал в отчёте, что я работал вместе с Вами? «Позвольте поинтересоваться, как Вам больше нравится и какую часть моей работы сделали Вы». Ещё чего!? Я единственный человек в мире, который занимается этим частным вычислительным методом. Это вообще-то многие знают. И я его улучшил так, что он стал самым экономичным. Зачем мне прихлебай? Для лишних вопросов? Да этому методу обучить начальника больше времени займёт, чем его изобрести. Но, тем не менее, таков оказался менталитет мексиканских начальников, что я понял только значительно позже. Больше работу мне не продлевали.

Но я не унывал. Сел и написал статью по этому отчёту, которую у меня довольно быстро приняли. Естественно, без соавторов. Поблагодарил только парнишку.

Потом придумал ещё одну хорошую идею по проекту, которым занимался первые три года. Но решил пока не публиковать, потому что для полноценной статьи этого было маловато. В общем, четыре года я что-то придумывал и улучшал разные методы в тайной надежде, что меня ещё возьмут на работу. И вёл домашнее хозяйство. А почему нет? Мы же в одной обойме.

Когда собственная «кухня» была уже наработана, подвернулся проект, и меня снова пригласили на работу. Все новинки кухни пошли в дело, и на их основе возникали новые идеи. Статья была спланирована, но в этот момент возникла проблема начальника. Надо бы и с ним статью написать, если по-хорошему. И такая идея нашлась.

Но для этой идеи нужны были полевые (экспериментальные) данные. А они во всех странах засекречены. Нет, с пистолетом около них никто не стоит. Но публиковать работу по ним можно было только с разрешения. И

такое разрешение мог получить только мексиканец-начальник, но никак не я. Он описал мне резервуар, я сделал расчёты – всё путём. Осталось только сравнить расчёты с полевыми сейсмограммами с этого резервуара. «Ты им только покажи». И в этот момент начальник говорит, что это у него были плохие данные и что он принесёт другие.

Я написал половину нашей статьи и стал ждать данные. А попутно закончил свою статью на собственных синтетических данных и сдал в редакцию. И вовремя. Как выяснилось из переписки с рецензентом, кое-что из моих идей уже стали публиковать другие.

Работа по проекту шла легко и эффективно. Я придумал много хороших идей, создал много компьютерных программ, которые использовали в расчётах не только студенты, но и один важный господин из ПЕМЕКСа – головной организации. За несколько месяцев до окончания проекта меня вдруг осенило, и я придумал много новых методов решения, которые надо было ещё исследовать, чтобы выбрать лучший. Но это уже был выход за границы проекта, и я, не имея на это времени и чтобы застолбить находки, послал в редакцию довольно сырую статью, которую в конце концов приняли.

Тем временем в проекте творились странные вещи. Нам иностранцам регулярно устраивали перерывы в выплате зарплаты на месяц-два. За месяц до нового года все мексиканцы проекта отправились в командировку в другой город в филиал нашего института. А по их возвращении иностранцев опять лишили зарплаты на полтора месяца.

Очень мило. Я прикинул – мне недодали за всё время проекта четверти денег.

За месяц до конца проекта я, наконец, понял, как поставить вычислительный эксперимент, чтобы адекватно исследовать новые методы. Делал это я уже дома, и статью приняли без единого замечания.

А начальник за все эти два года так и не принёс полевых данных для совместной статьи. Он решил подавать новый проект, и мне предложил совсем новую тему – по гидродинамике двухфазных жидкостей. Однако, его начальник раскритиковал мой доклад, заявив, что им такие сложные задачи не нужны.

Мой начальник конфиденциально объяснил, что кому-то в ПЕМЕКСе не понравилось, что я публикуюсь без соавторов. Я понял, что работа мне больше не светит.

Затем наступил страшный год жизни на остатки денег. Я сочинял новые методы и писал новую статью, которую решил сделать последней. Экономить приходилось на всём. Делал слабые попытки устроиться в других местах. Но моё время ушло.

Немного помогло увлечение старшего сына игрой на бирже. Когда биржевые деньги стали подходить к концу и стала таять заначка на чёрный день, я сдал статью в редакцию, и мы со старшим сыном купили билеты в Россию.

- Что я делал в этой Мексике?! – воскликнул сын, когда увидел голубей, мирно пасущихся перед нашим старым домом...

Мехико.

Академгородок, м/р «Б» - июнь 2014.

ПРОМЕТАСС, НЕУПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЗАЯВИТЬ

**

3-е издание,
дополненное и последнее
(редакция 2014 года)

Фото: А.Брогилевский, Е.Мосампилов и неизв.
Стихи: В.Обский-Соловей, А.Брогилевский,
Е.Мосампилов, Х.Вортеп, А.Самарская, В.Бахис,
Ц.Ц.Цыдыдьмункуйочиерелендышеремемаев,
Б.Евтусенский, Э-р По, Е.Баснецов, В.Курских,
А.Орлов, Н.Богданова и другие.
2001-2005

Рина Шершеляфамова.

Об авторе и его повести.

Евгений (Ев) Мосампилов (ок. 1953 - 1981) родился на острове Врангеля в семье обтатарившегося еврея. Литературный талант проявился рано. «Пить, курить и материть» он умел с пелёнок. В босоногом детстве легко ботал по фене и балакал на мове. Первый литературный и жизненный опыт приобрёл на школьной скамье. Через 10 лет бежал в Новый Сибирский университет, где сотрудничал с отщепенцами в самиздатовском журнале "ПромеТАСС". Неисправимый космополит в вопросах пола. Печатался под извращёнными женскими псевдонимами. Его стихотворные опусы, такие как "Плыл по Парижу крокодил", "В качество количеству...", "Поэма о СУ-2", "Наедине с Океаном", отличались махровой аполитичностью и торжеством формы над содержанием.

Погиб в ночь на понедельник от солнцудара на берегу Обского моря. Благодарные потомки на месте его гибели воздвигли пляж "Неоком" с ночным рестораном.

Публикуемая здесь повесть - самое большое прозаическое произведение поэта. Он обдумывал и писал её на протяжении всей своей загробной жизни, по крупицам воссоздавая колорит и аромат студенческих лет. Русский парнишка, антисемит по крови, попадает в сплочённый еврейский коллектив. Автор смотрит на мир наивными глазами этого ещё несмышлёного паренька. Что уготовила герою жизнь?

Об этом Вы узнаете, читая повесть.

О Нём

Пить, курить и материть
Он умел с пелёнок.
В детсаду любил водить
На сон-час девчонок.
В школе педсовет имел...
Был прилежен и умел.

Примечание к редакции 2014 года.

Все необходимые и достаточные троеточия (...) представлены. Если бы ещё так и говорили!

ПРЕДИСЛОВИЕ

к третьему изданию

Всё хана, и загробная жизнь не вечна. Я читаю последний раз «Неуполномоченного» и вношу последние коррективы. Выставляю на сайте. Могу этого не делать, а просто нажать “Del”, как пустить себе пулю в висок. То же самое может сделать и администратор сервера, какая разница.

Какая разница, в меня бросят камень или на крышу моего гроба? И нужна ли нам эта крыша? И найдётся ли в нужный момент тот придурок, который ради собственного надутого самолюбования подарит мне этот последний знак внимания?

Да, совсем забыл. Меня часто спрашивают, откуда пошла моя странная фамилия. А очень просто. Встречаю как-то морозным весенним утречком у памятника «Борцам за власть» моего приятеля Лёньку Шабарова. Весёлый такой, рот до ушей, с похмелу. Бьёт меня под дых, посмотреть, значит, на мою реакцию, и говорит радостно:

- Знаешь, в Казани есть такой шахматист Сампилов, очень на тебя похож, нос такой же, длинный. Я только что оттуда. Всё, я тебя буду называть Сампиловым.

- Чё, серьёзно?

- Нет! Нет! Ты всё же не Сампилов. Ты будешь Мосампилов!

И он ещё раз бьёт мне под ребро, гогочет, жмёт руку и идёт себе дальше. Вот и вся история.

Чего тут странного? Есть же, например, Степаненко и Мостепаненко, пацан (пассан) и Мопассан, и даже педик с мопедиком.

ПРЕДИСЛОВИЕ
ко второму изданию

*Хорошо на свете
Пастушонку Пете
(Н.А.Некрасов)*

Рукописи не горят! Я обнаружил среди позабытого мусора 2-е издание “Избранной лирики ПрометАССа”. Всё-таки этот экземпляр был написан, взамен отданного Брогилевскому 1-го издания!

Я читаю тоненькие книжечки, как последнюю историческую реликвию, и нахожу в них массу нового: новые

забытые стихи, новые имена, новые названия. До чего же причудлива человеческая память!

Итак, перед Вами 2-е издание “Неуполномоченного”, исправленное и дополненное на основе найденного исторического документа.

Что же было между двумя изданиями? Отклики читателей. И я как человек обязательный обязан отвечать им за содеянное.

- Ну, это ...

- Каюсь: да, я в некоторых местах отдал должное ненормативной лексике. Но это только в тех местах, где без неё было бы хуже. Что же именно я ей был должен? А то, что в своё время не уделял достаточного внимания этой лексике в общении с мудаками и засранцами (не про тебя будь сказано, дорогой читатель). Лексике, как женщине, надо уделять исключительно много внимания, иначе не ты будешь получать от неё удовольствие, а всякие заср...ы и муд...и.

Были у читателей и более глубокие мнения, что, дескать, наводит всё это на грустные мысли об исторически сложившемся нездоровом, ханжеском характере воспитания маленьких детей в области “эскрементально-половых вопросов” – каковое, к несчастью, продолжает удерживать позиции во всех странах в настоящее время.

Обливаясь слезами, бью себя в грудь: да, плохо, неправильно меня воспитывали в младенчестве. Мужское естество так всегда тянуло меня на блядки, а вот воспитание не пускало. И вот (ответственный момент) перед тобой, читатель, эскремальный извращенец и моральный импотент. О, дайте мне хорошую бабу, две, три – десять баб - чтобы они меня перевоспитали - в конец!

Вот так - доживаешь до собственной смерти и не знаешь, что есть на свете специалисты в области “эскре-

ментально-половых вопросов", которые точно знают, как надо воспитывать маленьких детей. Как раз советов таких специалистов мне и не хватало при написании некоторых мест повести. Увы, в чём слаб, так в том слаб. Кому не было дано в детстве, тому не будут давать и в старости.

Однако, на мой нездоровый взгляд, от мысли об "исторически сложившемся нездоровом характере", по-хихивает тем же самым ханжеством (возможно, с обратной стороны). Тут уж ничего не поделаешь: половая тема всегда такая. С какой стороны её ни пощупай - всё равно ханжество.

Это, как в анекдоте про Петеньку. Мама, которая в раннем детстве не воспитывала Петеньку, как следует, а всё по-ханжески да по-ханжески, вдруг спохватывается под влиянием интеллигентской моды и говорит отцу:

- Пора бы начать с Петенькой половое воспитание. Ты бы, как мужчина с женщиной, рассказал ему кой-чего о любви. Но только не травмируй его, постепенно. Начни, например, с мотыльков и бабочек, как это у них происходит.

Папа идёт к Петеньке:

- Петь, помнишь, на прошлой неделе мы с тобой ходили к тётке Маше?

- Помню, папа, как же не помнить?

- А на позапрошлой были у тётки Зины и Оленьки?

- Ещё бы!

- Представляешь, у мотыльков с бабочками - то же самое!

А как на самом деле у бабочек и мотыльков - ни Петя, ни его папа так и не узнают за ненадобностью. Так что и папино воспитание ничем не лучше маминого ханжества.

Уважая логику, я замечу, что если уж исторически сложился характер воспитания, то нездоровым его никак назвать нельзя. Из уважения к естественному отбору. Всё остальное, которое этот естественный отбор не учитывает - из области спекулятивных теорий.

Поэтому, как сказал поэт, "но я несколько не стыжуся". Чего и другим желаю.

Нет, положительные отзывы тоже были, но скромные и короткие. Это понятно и предсказуемо, что "Неуполномоченный" очень многих людей шокирует, особенно прототипов. Но я уже слишком стар, чтобы думать о том, что подумают обо мне.

Всё суета, а могильная земля уже сыплется на крышку гроба.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

— *Ни того, ни другого!* -
отпирался подсудимый.
(Прометасс №3)

Все события вымышлены. А вот люди, с которыми они якобы происходили, живы до сих пор, - за редким исключением тех, кто уже умер.

Ко мне подходит Вас. Обский-Соловей (я только что дал ему почитать первую главу) и хмуро так говорит:

- Не подкладывал я взрывчатку под конфорки. Это всё Рубин. А мы его ловили.

- Ну и что? Я, ведь, не тебя описываю, а образ. А про взрывчатку - это для красного словца, чтобы поинтереснее было. Ну, подумай сам: кто мне твой Рубин, зачем мне о нём писать? А мы с тобой всё-таки жили сквозь стенку.

- Не сквозь стенку, а через стенку.

- Опять не понимаешь! Это ж только авторская фантазия, для красного словца.

- Ну, не знаю, не знаю. Я ничего, что ты пишешь про меня, не помню.

Многие говорили:

- А-а! "Алмазный мой вене-ец", Командо-ор.

И как всегда, ошибались. Все имена настоящие, я никому ничего не придумывал. Ну, посудите сами: за что бы мне так невзлюбить Обского-Соловья? Или чем он хуже Мамина-Сибиряка, Гей-Люссака, Власова-Майского или Немировича-Данченко? Так уж получилось у них в жизни, и не мне её менять, - чтобы потом какой-нибудь дурак ломал голову, кто же такой Командор. Я знал одного Немировича-Данченко, который раз тысячу всем объяснял, что он тому Немировичу-Данченко даже не однофамилец.

Нет, врать не буду. Когда получались неудачные совпадения, чтобы люди не путались, приходилось одну букву менять. Ну, это, как у Н.В.Гоголя с Петром Ивановичем Бобчинским и Петром Ивановичем Добчинским. На самом деле они оба были Добчинские - близнецы. Только одного звали Петром, а другого Иваном. Но Гоголя очень смешила сцена, когда они оба враз, этаким дуэтом говорили: "Э-э! - сказали мы с Петром Ивановичем". Поэтому он дал им одно и то же имя, но, чтобы люди не путались, в фамилии изменил одну букву. Так же, каюсь, поступил пару раз и я, - но с разрешения.

Вот так. Очень многие люди обижались на меня, что я о них пишу не то и навожу напраслину:

- Ага, мы ещё посмотрим, что он в третьей главе напишет про профессора Руденчика! - злорадно говорили они.

Да, каюсь, я часто одному образу приписывал события, которые происходили с разными людьми, - чтобы жизнь этого образа выглядела ярче, богаче событиями. Сами знаете, как сера и буднична наша жизнь. О ней и читать неинтересно. А как сразу подымается интерес у читателя, например, такой известной строчки: "Вот у папного дяди две жены, и обе бляди". Хотя все мы знаем, что жена одна, что это всё неправда и в сущности неинтересно.

Поэтому я честно сразу признаюсь: ничего не было. Если кто-то вдруг на какой-то странице узнает себя - не верьте, на другой странице это уже будете не вы, а кто-то другой. Всё плод моей больной фантазии. Я даже не стал описывать хорошо всем известные исторические факты (многие так делают, чтобы было похоже на правду): первый карнавал и маёвку со сжиганием чучела империализма, первый конкурс бардов (которые впоследствии стали называться "БардАк" или, стыдливо, "АкБард"), первое

посвящение в студенты, первый ввод войск в Чехословакию и т.п., - о чём никак не скажешь, что этого не было.

А вот люди были! Это всё мои друзья. С тех пор, как я умер, я не хожу к ним в гости, и они не ходят ко мне. Мы не пьём вместе, не едим, не обсуждаем проблем. Иногда я подхожу к ним на улице и заглядываю в глаза: вы меня ещё помните? Они улыбаются и говорят: "А, здорово, Мосампилов!".

Я давно уже умер. Я ем, пью и обсуждаю проблемы с другими людьми, которые меня не знают живым. Они чего-то от меня хотят, за что-то хвалят, на что-то обижаются, что-то дают, чего-то не возвращают, и никогда не лезут ко мне в друзья, потому что я уже умер. У меня появляются, а потом вырастают дети. Они не интересуются моей жизнью и не знают обо мне ничего, потому что я давно умер.

Но иногда, когда никого нет, и ничто не мешает, я вспоминаю время, когда я жил. Я вылезаю из своего мёртвого тела и захожу в гости к друзьям. Я говорю с ними, о чём хочу, и они смеются надо мной и хлопают по плечу. Они тоже давно умерли, но сейчас с ними нет их жён, детей, сослуживцев. Мы пьём, едим, смеёмся и рассказываем истории.

Я их запоминаю, чтобы записать. Мы вместе и мы счастливы. Мы снова делаем журнал, снимаем кино и идём смотреть Блюмкину блядь. К нам заходит запросто много народу, потому что мы живы и с нами интересно.

К нам приходят наши будущие жёны и дети, потому что мы живы и не знаем, что скоро умрём. Когда мы умрём, все они найдут себе новых друзей, и будут ходить в гости к ним, пока сами не умрут. Нам будет больно от такой измены, но мы сами виноваты, потому что уже умерли.

Эту книгу я пишу для друзей, с которыми мы когда-то были живы.

Когда же мы умираем? Никто не знает точно. Не думайте о себе, что это случилось, когда вам не дали премию, не пустили в командировку или уступили место в автобусе, - вы умерли гораздо раньше. Не думайте, что это, когда жена сказала, что не хочет больше заводить детей, - вы умерли раньше. Когда вам последний раз отдавалась чужая женщина - вы были мертвы: просто её муж был ещё мертвее. Если от вас уже ушла жена – ясно, вы тухлый мертвяк. Понятно и то, что когда жена вам в первый раз изменила, вы тоже были мертвы, пусть она и не думала уходить от вас.

Когда же мы всё-таки умираем? Когда нам в первый раз доверилась женщина, мы были ещё живы. Что же происходит между тем, когда она первый раз отдаётся нам и когда она решает первый раз отдаться другому?

А то, что мы исчезаем для друзей. Мы остаёмся в их памяти, но не можем туда ничего добавить. Мы не приходим к ним запросто, не роемся у них в шкафу, чтобы съесть и выпить, не выкладываем им сногшибательную идею или новость. А когда они приходят запросто к нам, мы торопимся их спровадить, чтобы успеть к нашей женщине, пока она не заснула. Вы знаете женщину, которой нравится, когда её беспокоят во время сна?

Да, мы изменяем друзьям, и ради женщины. Мы не думаем, что умираем для друзей. А когда мы умрём для них, то умрём и для этой женщины. И нас не спасёт ни знание 18-ти языков, ни звание академика, ни новая жена, ни новая земля обетованная.

Мы не верим, что умираем безвозвратно. Мы не думаем об этом, даже когда на нашу крышку гроба уже сыплется могильная земля.

Но когда я остаюсь один, и никто не мешает, я снова чуть-чуть оживаю. Я вспоминаю время, когда был счастлив и когда был несчастлив, когда всё было по-настоящему и в первый раз.

Я хочу, чтобы это осталось и в вашей памяти, хоть это и не поможет мне воскреснуть.

Глава 1. ПРЕДТЕЧА, ТАК СКАЗАТЬ!

*Не про нас аплодисменты,
Не в столице мы живём!
(Вас. Обский-Соловей)*

Бузя лежал на полу, свалившись за унитаз, и мычал. Его голову покрывал разорванный "УниТАСС". Попытки вытащить Бузю из угла кончались матом, стонами и криком. Ему всё ещё было нехорошо от встречи с друзьями по физматшколе.

Вечерний туалет ходили справлять к соседям.
Наутро на двери туалета появилась "Молния":

Озверевший пидарас,
Оторвавшийся от масс,
Уничтожил "УниТАСС".
Вся редакция в миноре:
Лупит гада в коридоре.

Я проснулся от того, что Вася Обский-Соловей, стоя в дверях нашей комнаты, читал это стихотворение вслух. Скромная, но чуть-чуть иезуитская улыбочка украшала его благородное лицо, когда он слегка менял последнюю строчку:

Вся редакция в миноре:
Пиздит Бузю в коридоре.

Брогилевский стоял у стола и одобрительно слушал с широкой всезнающей ухмылкой на лице.

Бузю, к утру уже добравшийся до кровати, но ещё не опохмелившийся, кинулся догонять Соловья. Вернувшись злой, он сорвал "молнию" с двери туалета и долго ругал нас сволочами и гадами.

Мы встретились случайно, как и всё хорошее в этой жизни.

Я опоздал к началу занятий в Универсе, и на это были причины. Первые два курса были насыщены жизнью. Сначала "картошка", о которой слагали песни, затем первая любовь, увы, непринятая, первый завал сессии, первые успехи в спорте и глубокое разочарование в этой спортивной жизни. Я с трудом сдал последнюю сессию и в полном душевном опустошении уехал на каникулы домой. Возвращаться не хотелось.

Опоздав, я не стал искать старых друзей, свидетелей моей неудавшейся жизни. Комендантша предложила свободное место у незнакомых ребят, и я согласился. На следующий же день соседи по комнате под предлогом, что хотят поселить у себя приятеля, нашли мне место в другой комнате и даже любезно перенесли туда мои вещи.

Я появился там, когда Обский-Соловей решал, остаться ему в этой комнате или перейти в соседнюю. Обе комнаты давно сдружились, и проблема выбора долго и бурно обсуждалась снующими туда-сюда студентами. Наконец, Вася ушёл, и я остался на его бывшей койке.

Жизнь текла вяло, на лекции не ходилось. Но однажды вечером Саша Брогилевский пришёл откуда-то сердитый и сказал:

- Гад Ельчук! Я им принёс красивый рисунок, а они меня выгнали из редколлегии.

Когда Саша бывал сердит и хмурил лоб, он смущённо улыбался, как бы извиняясь за себя, поэтому трудно было понять глубину его огорчения.

- Какой рисунок, Саша? - спросил Ёжик, - Покажи.

- Вот ... Прометей, прикованный к унитазу.

Рисунок пошёл по рукам, вызывая заслуженные смешки. Прометей (а может Лаакоон) стоял под унитаэным бачком и рвал с себя цепь от ручки унитаэа, которой он был весь обмотан. Смеялись от души.

Саша был доволен эффектом.

- Да, Саша, - сказал прагматичный Рома По, - за такое тебя и из Универа выгнать можно.

- Саша, а ты где был, расскажи, - попросил невозмутимый Ёжик.

- Да-а, Ельчук взялся делать "Прометею" и сказал, чтоб я пришёл.

- А-а, это наша физфаковская стенгазета! А почему он?

- А больше никто не хочет быть редактором.

- Да, скучная газетка, и стихи там дурацкие, - заметил я.

- Нет, не скажите, - манерно подперев подбородок двумя пальцами, возразил Соловей, - вот в номере к восьмому марта, там были, например, такие стихи:

Я на всё всегда готова:

На луну лететь готова,

И на Марс лететь готова ... , -

и подпись – Галя Б.

Мы легли. Смахивая выступившие слёзы платочком, Рома заметил:

- Знаем мы эту Галю - Бэ.

- Да нормальная девушка, - смутился я.

- Ну-ну! – и Рома покрутил пальцем у виска.

Галя поразила нас ещё раз, когда через год выско-
чила замуж за заезжего морского офицера и уехала с ним в
никуда, за своим женским счастьем.

- Ребята, ребята, ну что вы! – замахал руками Ёжик, -
дайте же Саше сказать. Рассказывай, Саша.

- Ну, он попросил нарисовать заголовок и рисунок
сделать. А потом ругаться стал и выгнал. Спасибо сказать
должен. Ему принесли свежую идею, а он... Да его
занюханную газету никто и читать не будет.

Все выразили согласие.

- Я ему стихи принёс - так стал критиковать, - сказал
в свою очередь Вася, - говорит, переделать надо.

- А я ещё хотел им всякие вырезки в газету наклеить,
- рассказывал дальше Саша, - так он вообще чуть с ума не
сошёл.

Мы стали смотреть вырезки. С коридора заходили
люди и спрашивали: "что тут у вас за шум, чего это вы так
ржёте?" Вырезки были картинками из разных журналов,
изображали людей в неожиданных ракурсах и восприни-
мались под стать Сашиному Прометею. А ещё там было
много курьёзных и смешных заголовков.

- Нет, надо свою газету делать, - сказал Рома. -
нельзя, чтоб такие картинки пропадали. Придумаем для
них подписи ...

- Напишем передовую, заклеим в ней Ельчука, у
Соловья стихи есть ... - подхватил Саша.

- Повесим её на стену вот здесь, и все будут ходить и
читать, - добавил Василий.

- Ну, нет, - возразил Ёжик, - будут грязь носить,
повесьте её лучше у себя.

- Нет, наша газета должна висеть у нас, - сказал я, - повесим её в туалете.

- Ага, и назовём её "Унитаз", - догадался Бузя.

- Нет, назовём её поэтично: "Унитея", - сказал Соловей.

- Лучше "УниТАСС" - с двумя "с" на конце, - невозмутимо заметил я.

От неожиданности такого кощунства все на мгновение смолкли, а потом дружно загалдели, обсуждая предложенное. Саша Брогилевский, сын политических ссыльных, и сам будущий диссидент, посмотрел на меня с уважением: ему в голову такое и не стучалось.

- А что, пусть будет "УниТАСС", - сказал он, - а Мосампилову, как лучшему исполнителю роли Наташи Ростовской, поручим страничку для девочек.

Сашина грубоватая ирония пришлась всем по вкусу. Меня хлопали по плечу и двусмысленно поздравляли. Предложение было лестное. Дело в том, что на днях, а может раньше, Соловей увлёкся кинематографом. Он привёз из дому допотопную кинокамеру и приставал ко всем, прося сочинить какой-нибудь сценарий. Тогда я придумал ему такую сцену.

Крупно: ноги, на одну из которых медленно и смачно надевают чулок. Крупно: лицо мужика, который смотрит куда-то с большим интересом. Кадры чередуются: чулок надевают всё выше, а интерес на лице возрастает всё больше. Камера медленно отъезжает назад, и оказывается, что это мужик сам себе и надевает чулок.

Я разыграл эту сцену перед кинокамерой. Чулки у меня были, чтобы носить зимой вместо неудобных кальсон, но оказались короткими. Когда просматривали плёнку с этой моей первой ролью, все почему-то смеялись,

а мне никак не нравилось выражение на лице мужика: интерес был какой-то неестественный.

Вася просёк идею, и мне пришлось потом ещё исполнять такие же сцены с неожиданным финалом, например: разъярённая толпа выбрасывает меня из окна, я в ужасе пытаюсь вырваться, но не помогает, я падаю головой в сугроб так, что торчат только ноги в валенках, скорбно подходят друзья, пытаются вытащить меня за валенки - а под валенками никого нет. Все эти сценки Бругилевский с Соловьём сняли на плёнку, а потом объединили в фильм под названием "Месть оператора", имевший серьёзный успех в общезнании.

- Ребята, ребята, послушайте, - вдруг замахал руками Ёжик, - так нельзя. Это уж слишком. Давайте хотя бы английскими буквами напишем "Uni-TASS" и через чёрточку, чтобы не так понятно было.

- Нет, только без чёрточки: вся идея пропадает, - возразил я.

(Ёжик всё-таки нарисовал свою чёрточку, когда газета была уже готова.)

- Но по-английски - это даже хорошо. Кстати, я уже и рисунок для заголовка придумал, - Саша немного поработал карандашом, усмехаясь, и показал набросок. Вместо Прометей над унитазом сейчас томно вздымалась пышноволосяя блондинка, одной рукой кокетливо приподнимая выше колена подол платья, а другой держась за цепь, свисающую с бачка.

Отпад был полный. Скромный Ёжик, однако, покраснел и огорчился:

- Саша, это никуда не годится. Такое неуважение к женщине. Я не ожидал от тебя.

Но к Ёжику никто не прислушался.

- А в руке у неё пусть будет смятая газетка с надписью "УниТАСС", - предложил Бузя.

Саша попробовал это изобразить, но получалось плохо, потому что на этой газетке надо было снова нарисовать блондинку с газеткой и так дальше.

В конце концов, под давлением Ёжика Саша до предела облагородил рисунок: унитаз из-под блондинки был убран, а сама она красовалась на месте земного шара в некоем подобии советского герба, снопы которого заменял стульчак от унитаза.

- Ну что ж, давайте несите материал в газету и сдавайте мне, - сказал Брогилевский.

- Нет, пусть каждый пишет в газете свою заметку сам, своей рукой, и никто его не критикует и не исправляет, - предложил я, и после небольшой дискуссии всем это предложение понравилось, особенно Васе Обскому-Соловью.

Вася был родом из небольшого сибирского городка и по-провинциальному скромн, но обладал массой талантов. Он хорошо рисовал, сочинял великолепные стихи, играл на баяне, имел грудь Аполлона и никогда не сидел без какого-нибудь нового дела или увлечения. При этом он всё делал легко и с улыбкой, всегда был на ногах, и даже сессии сдавал, как молочные бутылки. На первом курсе он провозгласил лозунг "Взорвём общагу изнутри". Он готовил взрывчатую смесь и подкладывал её под конфорки в электроплитах. Ничего не подозревавшие студентки ставили кастрюли, включали плиту и уходили. Смесь готовилась так, чтобы взрывалась не сразу, а когда взрывалась - только подбрасывала кастрюлю.

Поэтому никто вообще-то не пострадал, но однажды он чего-то не рассчитал и заложил такую дозу, что всю плиту разнесло в клочья, а бедная девушка только-только

успела выйти. Заседал студсовет, виновных не нашли, но взрывы прекратились.

После Универа его забрали в армию. Выпав на время из струи, он не сделал большой научной карьеры, но зато передал свои таланты детям, а сам так и остался компанейским студентом.

Он женился на розовощёкой мехматке с редким именем Лида, такой же скромной и талантливой. Рома, нашпигованный классической художественной литературой, любил невпопад многозначительно подсмеиваться: "Её звали по-мышинному - Лидией". Сейчас она профессор. Они никуда не уехали, их хорошо знают в городке.

- А кто у нас будет главным редактором? - спросил Брогилевский, - Я не могу: я художник и оформитель. А редактор, сами понимаете, - это человек солидный. Предлагаю Баснецова!

- Ты Саша дурак. Ты ничего не понимаешь, и вы все, - замахал руками солидный Баснецов. - Вот вы все сейчас хохочете, а завтра вас всех заметут. Ага. И я вас знать не знаю. И-и всё.

- Да мы тебе псевдоним дадим, - сказал Соловей. - Мы тебе одну букву исправим: был ты Е.А.Баснецов, а станешь Е.Б.Баснецов.

- А, все вы дураки. Пошёл я от вас, - и Бузя ушёл к своим друзьям по физматшколе. А мы торжественно утвердили его главным редактором.

Женька Баснецов действительно стал солидным человеком: директором института, членом Академии наук. Но, даже имея столь видимый успех, он продолжал жаловаться, что все вокруг дураки, никто его не понимает, и все ему мешают.

После ухода главного редактора сама собой работа пошла, «закипела».

Саша нашел лист розовой бумаги подходящего размера и начал выводить на нём заголовок. Страничку для девчат стыдливо назвали "Девичьим листком", и Вася Соловей обещал принести для неё лирические стихи. Мы согрели чаю, и компания стала ещё теплей. Пришёл Бузя и, выпив чаю и подobreв, пообещал написать передовую статью. Я увлёкся созданием "стихотворения номера":

В качество количеству
Нужно перейти,
А его величеству -
В туалет пойти.
И его величество
Весь ... класс
Энное количество
... в унитаэ.

Бабушки, не мучтесь,
Те или не те.
Нет газеты лучше,
Чем "Юманите".
Два и два - четыре,
В качестве скачок:
"Молодость Сибири" -
Сразу на бачок!

Всядем, пролетарии,
Благороден труд:
Пусть одни фекалии
Паразиты жрут.

И соединимся
Без различья рас
В "Уни-
ТАСС"!

(Намёки, понятные тогда, вообще-то требуют пояснения: "Молодость Сибири" выходила на четырёх листах малого формата, тогда как другие наши газеты - на двух листах большого формата; а газета французских коммунистов "Юманите" печаталась на ихней очень тонкой и вместе с тем прочной бумаге.)

Точками пришлось заменить нехорошие слова по настоянию Ёжика и Ромы.

Соловей прочитал и спросил:

- А точки это что - "рабочий" и "серет"?

- Как ты догадался? - изумился Ёжик.

Разгорячённые процессом, мы засиделись за полночь. Ёжик написал критическую заметку за подписью: Инна Дубина. Василий, набросав пару строк, которые мы тут же раскритиковали, ушёл к себе, пообещав написать на всех. Глубокой ночью "усталые, но довольные" собой мы легли спать.

А утром пришёл Обский-Соловей и разбудил нас своими стихами.

Он читал, захлёбываясь слюной - от восторга, и помещая в скобки непечатные варианты:

Наш главный редактор Е.А.Баснецов (Е.Б.Баснецов)

Сидит днём и ночью в своём кабинете

(в своём туалете)

И лучшие годы отдать он готов

На благо любимой газете.

"Вино и газета - таков мой удел,

Седьмую жену изгоняю из дому.

На женщин красивых плевать я хотел

(блевать я хотел).

Налей-ка стаканчик мне рому

(мне, Рома)!"

Женька скривился, как будто у него заболел зуб:

- Дурак ты Василий, и шутки у тебя дурацкие. Зачем это писать: "сдьмую жену ..."? Ну что это такое? А если кто прочтёт? И подумает? Уйди ты, Василий, - и он долго ходил и жаловался на жизнь, что его никто не понимает, и что печатать это в газету не нужно.

Поэту Е.Мосампилову тоже досталось, но за что (?) — я не успел к тому времени ничего на Василя состряпать:

Е.Мосампилову посвящаю.

“... Город спит, общага дремлет.

Не скрипит в тиши кровать.

Милка! Нам никто не вмешает.

Милка, дай себя обнять.

Не отталкивай, послушай -

Это вовсе не шутя.

Милка, ты бутылки лучше.

Ненаглядная моя!

Я, забыв про всё на свете,

Помню, Милка, о тебе.

Даже сидя в туалете

Над стихами Б-беранже.

И, держа в руке бутылку,

Слыша снизу гул стихий,

Я тебе, родная Милка,

Посвящаю все стихи".

А в лирический "Девичий листок" он принёс действительно крик женской души:

... Я хочу, чтоб меня любили

Насовсем, а не так, чтоб бросить,

Чтоб меня на руках носили,

О других позабывши вовсе.

Незамужние ходят девчонки,
Неженатые бродят мальчишки ...

В другом его шедевре мне пришлось подредактировать последние строчки:

А за стеной тайга шумела,
И ветер за стеной ревел.
И ты вошёл, ворвался смело,
Оставив незакрытой дверь ...
А я, подойник уронивши,
От счастья обомлев чуть-чуть,
Тебе на грудь лицо склонивши,
Глаза закрыв ... Молчу, мулчу ...

Последнее "мулчу" было опечаткой, которую допустил Василий при переписывании в газету. Но именно это слово всем понравилось, и решили оставить так.

Я предложил страничку для девчат украсить милым девичьим личиком, обрамлённым вместо пышных льняных волос стульчаком от унитаза. Но Ёжик был непреклонен, Рома тоже посмотрел на меня с глубокой скорбью, и пришлось отказаться от этой соблазнительной идеи. Вот и говори после этого об отсутствии цензуры.

Женька Баснецов принёс передовую.

- Вы её, это ... Не сильно ругайте. Переделывать ничего не надо ... - смущаясь, повторял он.

Грамматические ошибки мы всё же исправили. Статью кончал стихотворный призыв:

Око за око - а газете цвествь!
А паразитам - фикалии есть.
Цвети УниТАСС, расти УниТАСС,
Двигай науку в гору.

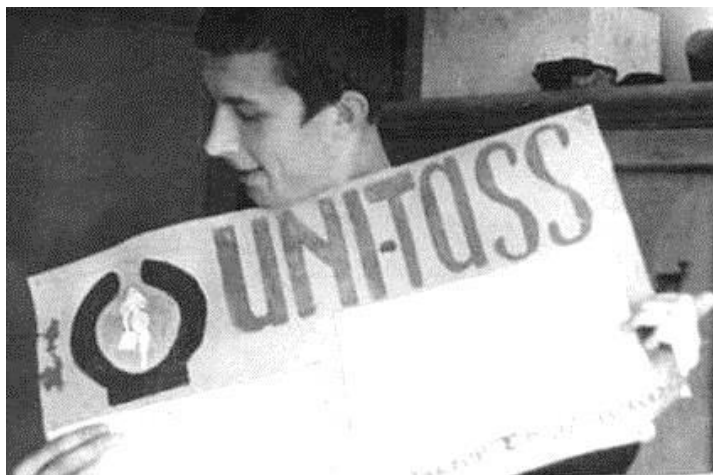
Убери УниТАСС, смой УниТАСС
Грязную свору.

Рома скривил нос, прочитав статью:

- Ну, Бузя, это не ..., - но мы все дружно замахали на него руками, так как и ежу было понятно, что начинающего автора надо поощрять.

Статья пошла на первую полосу. В-общем, после обеда газета была готова полностью. Саша, охваченный энтузиазмом, даже не пошел в столовую.

Первым читателем был Миша Ельчук. Его привёл, довольно улыбаясь, Василий Обский-Соловей. Он стоял рядом с Ельчуком и пальцем показывал на особенно удачные места, которые надо непременно почитать. Миша на этих местах кричал и качал головой. Вокруг стояли довольные любопытные, наслаждаясь эффектом.

- Да..., - закончив читать, сказал под конец порозовевший Ельчук, - Ну что ж Саша, поздравляю! - И он пожал Брогилевскому руку.

Газета имела шумный успех. Туалет не закрывался от посетителей.

К вечеру вновь усталые, но довольные, мы блаженно возлежали на своих кроватях, когда вбежал вездесущий Соловей.

- Скорее, проректор идёт. - Он снял газету со стены клозета, свернул в трубочку и убежал прятать к себе в комнату.

Ёжик нашёл ведро и тряпку и вымыл пол. Все чинно уселись вокруг круглого стола, разложив тетради и учебники, а я так и остался лежать на кровати, чтобы не мешать Ёжику.

Проректор пришел через полчаса в сопровождении комиссии и, степенно войдя в комнату, стал спрашивать, как мы поживаем. Рома с Ёжиком как воспитанные мальчики вежливо ему отвечали. Мне очень не хотелось вставать, и я притворился спящим, что было близко к действительности.

Кивнув на меня, проректор спросил, чего это я одетый в пальто лежу на постели.

- Да он плохо себя чувствует, - нашёлся Рома.

- А что с ним?

- Наверно, заболел, - сообразил Ёжик. Я был очень благодарен ребятам и проректору, что они не стали углубляться в эту тему. В голове у проректора в это время вертелся другой вопрос.

- Ну, а как у вас с чистотой, поддерживаете? А в туалете у вас чисто? - и комиссия в полном составе и сопровождении прошла в туалет.

Проректор разочарованно посмотрел по стенам, заглянул под унитаза, и комиссия удалилась.

На следующий день председатель студсовета пытался выкрасть нашу газету из нашего же туалета, но его

застукал всё тот же Соловей и с помощью члена студсовета Миши Ельчука вернул её на место. А вечером Баснецов ушёл отмечать очередной день рождения с друзьями из физматшколы и, вернувшись пьяный, разорвал газету и сломленный Бореем свалился за унитаз.

Глава 2. ГЛАЗ НА ФОНЕ УНИТАЗА.

*Так-то был зачат он,
Милые девчата.
(И.Шершеляфамова)*

Оказалось, что наш главный редактор был близок к истине. Большая газета, висевшая в людном месте, была уязвима. Жизнь требовала новых форм для излияния духа. Идея носилась в воздухе.

Я подумал немного и схватил её за ноги:

- Лучше делать не газету, а журнал: к нам будут ходить гости, и мы его будем им показывать.

- И сами мы тоже будем ходить в гости и носить наш журнал с собой, - добавил Брогилевский.

Саша очень любил ходить в гости. Это был обязательный ритуал его жизни. Но не единственный: ещё он обязательно отправлял толстую пачку поздравительных открыток своим многочисленным друзьям и знакомым к каждому празднику. На открытках чётким каллиграфическим почерком писались два-три, а то и одно лишь слово "Поздравляю!". Когда я его спросил, какой смысл посылать открытки со столь малым количеством слов, он ответил, как несмышлёному малышу, снисходительно усмехаясь: "не пишем - и писаны не будем!" - и добавил, видя мою непонимающую рожу: "если мы не будем писать, то кто же будет писать нам?"

Его внутренний счетчик срабатывал регулярно (чаще по субботам). Саша вставал и с озабоченным видом, заложив большие пальцы, как в своё время Ильич, за лацканы расстёгнутого пиджака, надетого на вязаный жилет, делал несколько шагов по комнате. Затем приподнимался на носки и опускался на пятки. И, наконец, обводя острым орлиным взглядом присутствующих, решительно и быстро произносил: "Пора!.. Пора идти. Кто со мной?" Это означало, что пришло время идти в гости.

Под его недрёманным взором Ёжик начинал вертеть задом на стуле и заискивающе спрашивать: "Куда идти, Саша?" - "Приехал Фишман из Москвы, привёз новости". - "Какие новости, Саша?" - "А вот пойдём и узнаем какие". - "Кто такой этот Фишман и зачем нам его новости, Саша?" - "Как? Ты не знаешь, кто такой Фишман, и жил с ним в одном городе?" - "Ах, да-да, знаю-знаю, такой длинный, ещё заикается. Саша, мне конспект надо переписывать". - "Та-ак ... Рома?" - Рома нагло ухмылялся в ответ, раскачиваясь на стуле: "Знаем-знаем мы твоего Фишмана. Иди Саша один.

Дуй-дуй, паскудная рожа!" Это была цитата, чуть-чуть не к месту, как обычно, но на Ромины цитаты, повторяемые с оборотительной улыбочкой, не обижались.

Когда Саше не хотелось идти одному или когда он знал, что мне будет интересно, он говорил: "Пошли, Евгений. Тебе надо приобщаться", - или: "Идём. Посмотрим на Блюмкину блядь".

С Сашей я ходил охотно, как житель портового города, где привыкли общаться между собой, не особенно проникая вглубь, русские, украинцы, китайцы, корейцы, евреи, якуты, мордвины, чалдоны и бог знает кто ещё.

Каждый народ привык ходить в гости по-своему. Русские, за годы советской власти отвыкшие от естественности общения, договариваются заранее ("незванный гость - хуже татарина"!) по какому-нибудь случаю, сопровождают встречу едой, чаем и, если есть на что, выпивкой. Собираются в общем-то ради вкусно поесть. Украинцы сходятся по выходным, за столом пьют водку, вспоминают горилку, и спивают песни. Евреи ходят друг к другу обычно по субботам, и это священный ритуал, деловой и степенный обход всех знакомых.

Идём в седьмое общежитие - гуманитарное. Его воспоёт немного спустя поэт:

Девушки седьмого общежитья,
Я скажу вам, правды не тая:
Я хороший парень - Бахис Витя,
Хоть и не читал Хемингуя!

Поднимаемся на последний этаж. Заходим в одну комнату: "Где Шурик?" - "Ушёл к Гарику". Идём в другую: "Мосик, привет". Там уже сидят, развалясь на кровати, двое, а хозяин, долговязый и отродясь небритый Моисей Фишман, ходит по комнате со стаканом чая в руке и расска-

зывает. На столе - рваная газета, мусор, засохшие корки хлеба. Все в ленивом трансе, никто мне не удивляется.

Саша доходит до середины комнаты и спрашивает: "Как жизнь? Какие новости?" Мы садимся на свободную кровать, не снимая пальто. Разговор течёт вяло и состоит из коротких фраз об общих знакомых, которые никак не похожи на особые новости. Кто-то заходит, кто-то уходит. Похоже, что так же было и до нас, и во веки веков.

Наконец, Саша встаёт. Мосик спохватывается и начинает предлагать чай: "Вот, там и хлеб есть". Саша с сомнением смотрит на засохшие корки: "Нет, мы лучше пойдём". Особые московские новости так и остались неузнанными.

В другой раз идём смотреть "Блюмкину бл...". Это явно интересно, и к нам с Сашей присоединяются Рома По и Аркаша Сюсюлетов - компанейский живчик с 34-мя зубами. Абрам Блюмкин за лето возмужал и захотел пожить с женщиной. Как находят женщину, ему рассказали. Он поехал на танцы в соседний городок Бердск, где интеллигенции поменьше, нравы попроще, а такие жгучие красавцы-брюнеты встречаются лишь среди начальства.

Он познакомился с двумя и сразу уговорил ту, что была покрепче телом и похуже зубами.

Эта естественная история кажется нам фантастической. Девушки, которые так легко дают, нам неизвестны. Они объявятся позже, когда и мы научимся и захотим их уговаривать. Возбуждённые предвкушением необычного зрелища женщины, которая могла бы в принципе дать и нам, мы толпой вваливаемся в бывшую душевую, где сейчас живёт Блюмкин. Эту тесную комнатку без окон он специально под это дело выпросил у комендантки и оборудовал под жильё. Рассаживаемся, где можем.

- Ну, чего ждём?

- Саша, извини. Я тебя пригласил... Обычно она в это время уже приезжает, но сегодня не будет: пошла на день рождения к подруге.

В компенсацию хозяин показывает её фотографию. Разглядываем, не торопясь, и уважительно передаём из рук в руки. Блюмкин степенно, как подобает настоящему мужчине, рассказывает, что живёт с ней уже две недели, что она ему здесь готовит еду, что последнее время стала намекать на женитьбу - пора с ней завязывать.

- Слышь, Саша! Она себе туда каждый раз такую таблетку вставляет белую, чтобы не забеременеть. Прямо у меня на глазах.

- А тебе эта таблетка не мешает? - с ехидцей спрашивает Рома.

- Да нет, она там растворяется, пена лезет и пощипывает немного.

Появляется бутылка красного вина, купленная для интимной встречи. Нас набилось в бывшую душевую человек десять. Сидим, где попало, и передаём по кругу бутылку. Компания теплеет. Из глоток сами собой появляются истории, связанные с женщинами: о том, что такой-то имярек живёт в Москве уже с другой бабой; о том, что одноклассник такого-то женился на своей однокласснице и Гарик был на их свадьбе, как жених потел под покрывалом и что ещё было интересного на этой еврейской свадьбе; о том, что рассказал как-то отец Букиса. Галдим неимоверно, сыпятся вопросы, подробности и впечатления. О женщинах могут говорить все.

Коротышка Букис с живыми глазами навывкате прославился тем, что умудрился за время обучения в университете получить два диплома.

Уйдя в академ-отпуск по здоровью, он поступил еще и в педагогический институт сразу на третий курс. Вернуть-

ся из отпуска он мог только через два года, потому что на его специальность "математическая лингвистика" набирали студентов раз в два года. За эти два года он и успел закончить пед.

Его отец на войне командовал взводом. Как-то раз они взяли один город в Венгрии. Букис старший пошёл искать по улицам. Но жители, уже опытные, попрятались по подвалам и не выходили. Наконец, злой, в одном окне он увидел слабый свет, вынул пистолет и ринулся туда. В доме был старик и парализованная старуха. Размахивая пистолетом, он стал требовать по-немецки, "где дочь?" Старуха заплакала и, кивнув на занавеску, ответила: "иди, смотри". За занавеской стояла кровать. "Здесь только что был взвод солдат", - добавил старик.

Что увидел Букис-старший на кровати, понятно, осталось тайной, но с тех пор он никогда больше женщин не насиловал.

Мы вышли из Блюмкиной конуры на яркий солнечный свет, как из мавзолея Ленина на Красную площадь. На ослепительном зимнем солнце быстро испарялась лёгкая грусть возвращения в реальную жизнь.

- Лучшие женщины - это негритянки, - сказал Сюсюлетов. - Негритянки - это моя розовая мечта.

- Или голубая? - непонятно съязвил Рома.

- Нет, - засмеялся Аркадий, - мои очки от солнца, сквозь которые я смотрю на мир, скорее розовые, чем голубые, - он снял очки, протёр и на просвет показал Роме.

Аркадий Сюсюлетов жил в одной комнате с Соловьём. Он легко общался со всеми, был душой любой компании, встревал в любые дела. Когда мы делали газету или снимали кино, он всегда крутился рядом, живо обсуждая идеи, и давал массу советов. Он много знал и явно был талантлив, но в отличие от Соловья стихов не писал. Его

суета и советы были бесценны, потому что помогали другим найти верное решение, но это редко было его решением, потому что на своих идеях он не настаивал.

В жизни он никогда не имел врагов, а друзей приобретал постоянно. К любому человеку был крайне благожелателен, со всеми держался чуть-чуть ниже, но так, что это казалось уважением. Это свойство души очень помогало в карьере. Старшее начальство было от него без ума. Менее удачливые, видя его успех у сильных мира науки, постепенно стали относиться и к нему с благоговением. Он охотно обещал, но никогда не выполнял, если делать надо было самому. Так что ему приходилось поневоле быть организатором. Оказалось, что это и есть его место в жизни. Он прославился тем, что организовал в Академгородке Интернет-сеть. Этим он вошёл в историю.

Впервые я увидел Аркадия "на картошке" в селе Морозово перед началом первого курса. В один из вечеров был устроен концерт самодеятельности (или, говоря по-московски, капустник). Он вышел читать "Вам" Маяковского. Читал мастерски и одет был импозантно: в чёрный "битловский" пиджак без воротника. Кто-то рядом сказал: "Ну, Аркаша сейчас выдаст!" - "Что выдаст?" – заинтересовался я. - "Ну, ты что, не знаешь? Там у Маяковского в конце "в баре блядям буду". У нас, конечно, вырезали, в полном собрании сочинений. Аркаша специально вылез, чтобы правду выдать".

Стих подходил к концу. Зал, наполовину предупреждённый о предстоящем, затаил дыхание. Я тоже.

"Вам, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?
Я лучше в баре
бабам буду
подавать ананасную воду!"

Зал бешено аплодировал, а меня охватило горькое разочарование.

Протолкавшись вперёд, я приблизился к толпе, окружившей Аркадия. Явно довольный вниманием к себе, смущённо улыбаясь, он оправдывался с достоинством верной жены, не удержавшейся от подъёмки на стороне: "Ну, не смог я. Хотел, но не смог".

Он был политик.

Аркадий женился на очаровательной и мудрой женщине, которую знал со школы. Неизвестно, когда это началось: он всегда был её постоянным другом и поклонником, она отвечала ему такой же милой заботой, - идиллия налицо, но не более того, и все принимали это как должное.

Между тем, она успела выйти замуж за другого и разойтись. Она была очень красива. Другой бы на месте Аркаши давно уже отчаялся, но, наконец, на последнем курсе лёд стронулся. Однажды Сюсюлетов с заметным облегчением сообщил, что ночевал у неё, а потом они и поженились.

Пожалуй, мне известна настоящая причина этой его просто необычайной привязанности. Я видел Надежду в школьные годы, минуту - не больше, но эта минута запомнилась на всю жизнь.

Было это в летней физматшколе. В первой летней физматшколе научного центра. Нам организовали прогулку на теплоходе по Обскому морю. Все мои друзья по комнате дружно предпочли игру в покер, а я, морской житель, соблазнился и битых полдня изнывал от скуки без друзей и знакомых, глаза с палубы на мутную Обскую лужу, над которой нависали такие же тёмно-серые облака. Ветра не было, парило невероятно, и остановка на купание не

принесла радости: волн не было, берег был земляной, дно илистое и коряжистое и даже вода пресная и грязная.

Обратный путь скрашивала только надежда на его окончание. День перешёл в вечер, - и тут вдруг подул легкий ветер и расчистил небо на западе. Среди чуть расступившихся тёмно-синих облаков возникло яркое оранжевое небо и заходящее солнце, огромное золотое и отливающее медью, как начищенное обручальное кольцо 583-й пробы. Закат был непередаваемо великолепен и казался наградой за неудачную прогулку.

На палубе заметно прибавилось народу, все оживлённо разговаривали и восхищались необычным зрелищем.

Мне захотелось взглянуть, как выглядит наш грязный теплоход в золотых лучах заката, и я обернулся. В трёх шагах прямо передо мной у стены рубки в полнейшем одиночестве стояла необыкновенно красивая круглолицая девушка. Хрупкое создание на ещё тонких ножках в лучах ослепительного заката на розоватом фоне стены выглядело абсолютно нереально. Её лёгкое светлое платье и косыночку, повязанную на шее, чуть шевелил ветер. Руки, спрятанные за спину, не мешали наблюдать высокую упругую и округлую грудь и стройное нежное тело. Загар на чистой бархатной коже под лучами заходящего солнца источал сказочный индейский красновато-золотистый свет, ещё более необычный и великолепный, чем у солнца. Зачёсанные назад тёмные волосы открывали огромный умопомрачительно круглый лоб без единой морщинки. Лицо (у всех девушек лица прекрасны), было мирное и спокойное, и просто ничем не походило ни на одно другое. Ласковые чёрные глаза, не мигая, и задумчиво смотрели прямо на солнце. На губах осталась одна из тех загадочных женских улыбок, которые так тревожат мужское воображение. Это

была не классическая понимающая улыбка любвеобильной Джоконды, а улыбка юной души, знающей только, что она сейчас хороша.

Я замер, ничего больше не видя вокруг. Она тоже ничего вокруг не замечала, наслаждаясь красотой заката. А может быть, - кто знает, - искусно притворялась, чувствуя, что ею восхищаются. Я смотрел в её застывшее волшебной восковой маской лицо несколько мёртвых секунд, всё больше удивляясь, что эта живая картина никак не меняется. И вдруг со страхом подумал, что если сейчас что-нибудь изменится и произойдёт обыденное: солнце зайдёт за тучу или она вдруг взглянет на меня, глупо глазающего, - это может закончиться жутким разочарованием.

(Так часто бывает: идёт впереди ну ... женщина, всё в ней ладно: фигура, причёска, одежда, - так что ноги сами собой бросаются вдогонку, догоняешь, заглядываешь в лицо - "страшнее атомной войны". Или стоишь в очереди к очаровательной продавщице, ешь её глазами, ждешь, когда же очередь подойдёт, прикидываешь, как с ней заговорить, - и вот, наконец, всё: она открывает к вам свой прелестный ротик, - увы, - "изрыгающий гнусные проклятия"!)

Мысль моя меня доконала. Я повернулся к закату, чтобы немного успокоиться и посмотреть, сколько он ещё будет длиться. Невероятно: солнце быстро заходило за тучу. Через секунду я понял, что надо обязательно подойти к девушке и ..., тут же обернулся - её не было.

Теплоход подошел к пристани. Я осматривал всю выходящую толпу - её не было. Все последующие дни я не пропускал глазами ни одной девушки и ходил на все общественные сборища - её не было.

Через три года она оказалась Надеждой.

Я вспоминал её освещённый солнцем образ всю жизнь, к старости он стал потихоньку стираться.

Пожалуй, все мы одинаковы. У Аркаши в сердце был свой не менее чарующий образ первой встречи с Надеждой.

На их свадьбу мы сделали стенную газету, последнюю. Я посвятил им два сильно рифмованных стишка, которых никто не понял. В первом – любимые словечки Аркадия. Во втором – каламбур.

Конь -	Наде Ваня
огонь.	На диване
Кобылица -	Надевал
львица.	Сандалии.
Конь к кобылице	Вот девица
"мылится",	Удивится:
А кобылица -	Ведь, они -
"кобылится".	На талии!

А в страничку для девчат поместил лучшее из всего, что сочинил:

У матрёшки Кати
Расколось платье.
Будет Катю мать
Бить и матюкать.

Все смеялись ...

Но всё это в будущем, а пока мы обсуждаем идею нашего журнала, кто, сидя за столом, а кто, лёжа в ботинках на кровати.

- Название будет тем же? - спросил Рома.

- Нет! Он же будет лежать на столе, возможно, даже на обеденном. Название должно быть более приличным, - возразил Брогилевский. Все стали придумывать всякие названия, распаяясь всё больше.

- Давайте назовём его "Прометей" - это звучит гордо, - предложил Обский-Соловей.

Я полусонно лежал на кровати, задрал ноги на её спинку, но тут меня осенило. Я чуть не захлебнулся от подступившего к горлу смеха:

- Не "Прометей", а "ПромеТАСС"!

Разорвалась бомба. Это новое слово живо напоминало "пидарас" и потому особенно понравилось Роме. Никто не возражал. Саша тут же нашёл школьную тетрадь, и начал рисовать титульный лист. Материал для неродившегося "УниТАССа" номер 2 пошёл в журнал.

Однако надвигалась зачётная сессия, было не до лирики. Как сказал Ёжик, "совсем угас энтузиаз", - и только мы с Брогилевским продолжали работу. Саша написал передовую статью и с тех пор стал не только фактическим, но и формальным редактором. Подписал он её псевдонимом Г-р Манн. Это имя прочно прилипло к нему, как кличка. Уже неделю спустя его ласково называли Гур Маном и даже просто Гуром.

Журнал получился тоненьким и не ахти. Под названием "ПромеТАСС №1" стоял подзаголовок "Сингулярный журнал".

- Ничего, - сказал Саша, - номер 2 сделаем лучше, после сессии.

Журнал - не газета, его удобно рассматривать. И как в фотоальбом, в него можно клеивать фотографии. У меня был фотоаппарат "Смена". Он легко входил во внутренний карман пальто, и я его носил там со взведённым курком. Получалось, как скрытая камера. В нужный момент, когда никто не подозревал, я быстро вынимал его и щёлкал.

Однажды я поймал такую сцену. На проспекте стояла "Волга", водитель держал руки на руле. Я как раз шёл прямо на неё. И вдруг "Волгу" стала обгонять телега, запря-

жённая лошадыю. На телеге сидел бодрый старичок в ушанке с растопыренными ушами. Я щёлкнул тогда, когда телега как раз поравнялась с "Волгой", и водитель посмотрел удивлённо на старичка, а старичок задорно ему ухмыльнулся, лихо замахиваясь кнутом.

В другой раз, меня обогнали две подружки. Они шли под-ручку и почти бегом. На одной было светленькое в клетку пальто и тёмные чулочки, а на другой - тёмное пальто и светлые чулочки. Это было забавно. Я вынул "Смену" и щёлкнул, как раз когда они враз, также под-ручку, перепрыгивали через ручей поперёк тротуара.

Снимки получились удачные, они даже не требовали подписей.

Василий Обский-Соловей принёс "комсомольские" стихи, которые, как он объяснил, сочинил ещё в школе:

Молчаливые сосны темнотою размыты.
Тихо стонет в палатке одинокий комар.

Ты ночуешь в тайге бородатый, небритый.
В головах не подушка, а древний Омар.

Ты оставил в Москве и жену, и квартиру,
Эрмитаж, Третьяковку и праздничный стол.
Чтоб могучие домны в тайге задымили,
Дал путёвку тебе и билет комсомол!

И к этому стихотворению он добавил ещё немного
сыроватый отклик на современные события.

Не про нас аплодисменты,
Не в столице мы живём.
Но теперь и мы студенты
Тоже голос подаём.

Бей фарцовщика и вора,
Бей зарвавшихся писак!
Ничего, что лаает свора
Энтээсовских собак!

Мы под их не станем знамя,
С ними нам не по пути.
Только партия родная
Скажет нам, куда идти.

Пусть не лёгок путь неблизкий -
Веселей вперёд гляди!
Мы покончили с Синявским
И покончим с Галанским!

В это время в Москве происходили не очень-то
понятные события, связанные с процессом Галанского,
Файбишенко и Рокотова, и “примкнувшей к ним
Лашковой”. Узнать о них правду можно было только из
газеты английских коммунистов "Daily Worker", что само по
себе уже было непонятно: почему английские коммунисты

пишут одно, а советские тоже коммунисты - другое. Любопытные студенты бегали в газетный киоск на почтамте и раскупали все номера, о чём в иное время не могла и мечтать кафедра английского языка, державшая студентов в вечном страхе перед двойкой по ин-язы.

Однако после Нового года "Daily Worker" пропала. Возмущению не было предела: как, запрещают коммунистическую прессу? Нет, никто её не запрещал, - объяснили на кафедре марксистско-ленинской философии и истории КПСС. Ушлый Лёва Соболевский через три недели обнаружил у киоскёрши все номера спрятанными под прилавком и заставил бедную женщину их ему продать. Но заставить сказать, зачем и почему она их придерживала, не смог.

Удивительно, что впоследствии этот процесс как бы исчез из истории диссидентства. Об этой четвёрке молчат, когда поминают добрым словом всех остальных: и Синявского с Даниелем, и Буковского, и само собой Солженицына, и даже (непонятно за что) прохвоста Эрнста Неизвестного, названного Хрущёвым пидарасом, но в Брежневское время уже не бедствовавшего. Монументальных скульпторов я не люблю, после того как один из них легко испоганил лицо Новосибирска - Оперный театр, возведя перед ним маразматическую скульптурную группу исполинских размеров: Ленин, красноармеец, рабочий и крестьянка.

(Почему так повелось, что в скульптуре всегда крестьянка или колхозница, а не крестьянин, как на первом советском серебряном рубле? Не намёк ли это на то, что все, рядом стоящие в скульптурной группе и олицетворяющие привилегированных паразитов общества, - партруководство, солдатню и холуйский гегемон, - всегда пользовались крестьянством, как последней бабой, вконец отупевшей от пьянства, нищеты и безысходности?)

Такие группы, похожие маразмом замысла и бездарностью воплощения, можно встретить везде. Чем скульпторы так прельщали местное туземное руководство? А ху их знает!

В разгар работы неожиданно и солидно к нам зашёл член Клорида (клуб оригинальных идей) - один из первых читателей "УниТАССа" Ц.Ц.Цыдыдьмункуйочииерелендыше-ременемаев и принёс длинный стихотворный критический отзыв на УниТАССовское стихотворение номера - не в струю и не в жилу. За неимением лучшего отзыв читателя решили опубликовать, места хватало:

Будь на страже, литератор.
Есть сигнал, что среди нас
Затесался провокатор
Под эгидой "УниТАСС".
 Видя будни в сером свете,
 Хоронясь "под новичка",
 Говорит о туалете
 Лишь с позиции бачка.
Коль бумаги маловато
Туалетной в мире,
Объясняет: виновата
"Молодость Сибири".
 "Снизим времени потери!"
 Поясняет на примере:
 "Надевайте брюки сразу,
 Не слезая с унитазу".
Сделал вывод пид...ас,
Что родной рабочий класс
Приобщается к газете
В сутки раз (и то в клозете).
 Будет рад капиталист
 Этакой заразе:

Ведь не видит пессимист
Завтра в унитазе.
Как посмел забыть подлец
В тёплом туалете,
Что ещё немало есть
Подлости на свете?
Всё культурней наш народ
День за днём и год от года.
На подтирку не пойдёт
Писанье такого рода.
Попадись нам, о, писака!
И на страх реакции
Мы тебя загоним раком
В мрак канализации!

Соловей принёс рекламу, но рубрика рекламы
почему-то так и не прижилась в журнале:

Пржевальский, как лошадь,
Весь мир обшагал,
Куря папиросы
"Беломорканал"!

— Брось папиросу: никотин – яд.
Лучше на деньги, что сэкономлены,
С большею пользою для себя
Выпей стакан – сока вишнёвого!

Мне пришло в голову сочинить стихотворение с короткими строками. Попотев, я выдал лирическую семейную бытовуху в рубрику "стихотворение номера", и так как текст получился узкий, то обрезал страницу по вертикали пополам - для понту:

По
Парижу
Папа
рыжий
Вёл
маму
Ма-
даму
И
сына
Гар-
сына.

Названием стала Сашина газетная вырезка: "Плыл по Парижу крокодил", - и это почему-то всем понравилось.

Саша прочитал и, ухмыльнувшись, продекламировал: "Попа-рижу, папа рыжий". Затем сомнительно хмыкнул и добавил: "Сойдёт".

Другая Сашина вырезка "Есть на свете баобабы ..." пришла к стати к другому стихотворному эксперименту:

Сказал баобабы:
"Я - баобаобабы".

Прибежал милиционер:
"Я - минимилиционер".

Рассердился баобабы:
'Я – минимаобаобабы!'

Ёжик смеялся, как ребёнок, над этими словесными выкрутасами.

Но какой должна быть "страничка для девочек"? – ломал голову её редактор. Нельзя отпугивать нежных девушек грубыми насмешками. И вот в 'девичьем листке' появилась Любовь Шальная:

Я хотела бы быть луной,
Белоснежной и заводной.
Бесконечно висеть одной
Между небом бы и землёй ...

Я хотела б, как лунный свет,
Ждать с тобою вдвоём рассвет,
Нежным тайным лесным лучом
Замирать за твоим плечом.

Снова тают мои глаза –
Не такая я, так сказать.
Снова тает в оврагах снег
И ручьи разделяют всех.

Я хотела бы – на беду –
Крикнуть каждому: “Перейду!”
Но надежды - как лунный свет -
Растворяет в себе рассвет.

Пришёл Обский-Соловей, прочитал опус Ц.Ц.Ц., загорелся унитазной тематикой и всё опошлил. Он наспех создал что-то вроде отповеди, в которой был набор впечатляющих поэтических образов: «нутро непролазное», «дэгтемазные», «орудья конец», «не вполне удобный туалет», «мятая бумажка» и т.д., - и потребовал поместить в девичий листок. Пришлось дать место рядом с «листком», но Любовь Шальная этого не простила и ответила песней на популярный мотив:

Я гляжу на тебя: Вася, ну тебя,
Вася, ну тебя,
Вася, ну тебя.
Я бумажку помну, поверну себя.
Вася, ну тебя,
Вася, ну тебя.

И зачем он такой -
Ходит вечно за мной,
Хочет делать всё вместо меня:
И за ручку дергнуть,
И меня повернуть,
И бумажку мою поменять?

Посещают меня мысли разные,
Мысли разные -
Несуразные:
Не пройти мне в нутро непролазное.
Непролазное,
Дёгтемазное.

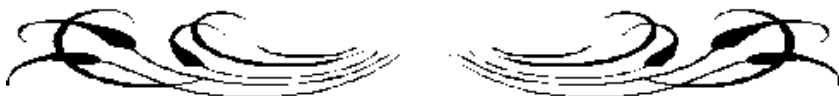
Я не знаю совсем,
По пути ли мне с ним,
Где назначит свиданье он мне,
И орудья конец
Повернёт, если нет
Туалетов, удобных вполне.

Е.Баснецов, читая, смеялся до слёз, уже с первых строк. Святая непосредственность!

Однако сессия трясла, и не только писателей, но и читателей журнала. Большинству было не до смеха. Читали с озабоченными лицами, а потом разъехались на каникулы. Я остался в общежитии, - дорога домой была длинная, - и все каникулы, почти не выходя из комнаты, сочинял журнал номер два. Никогда ещё с таким нетерпением я не ждал возвращения друзей.

Саша приехал последним и привёз альбом для рисования подходящего размера, передовую статью и много всякой всячины. Герр Саррио (Ёжик), Э-р По (Рома По) и Вас. Обский-Соловей, как оказалось, тоже не забыли

о деле. Заходили разные знакомые и приносили всякую любопытную дребедень. Мы сваливали всё в общую кучу, а потом сели эту кучу разгрести.

Глава 3. ДИМУДОВИЧ, РУДЕНЧИК И ДР.

- Да ты дурак из дураков! Ты во Всесоюзном конкурсе дураков занял бы второе место.

- Почему второе?

*- Да потому, что ты дурак!
(Из анекдота)*

- Забастовка! Завтра бойкотируем столовую, - довольный Ельчук вошёл в нашу комнату и добавил: - комитет комсомола разрешил. Они уже совсем обнаглели: готовят плохо и грязь вокруг. Сколько им ни говорили - всё бесполезно.

Был субботний вечер, и сообщение не вызвало восторга. Обычно мы по очереди каждый божий день ходили покупать еду для нашего завтрака, чтобы утром не терять времени в столовой. Но не по субботам: воскресное утро каждый проводил по-своему.

- Нормальная еда. То, что я беру, мне нравится, - возразил я.

- Знаем мы ваши забастовки: все вокруг голодают, а вы сидите в общаге и обжираетесь, - добавил Рома.

- Вы тоже можете заpastись.

- Может, ты нам принесёшь? - съязвил Саша.

- Вообще-то, мы поставим пост перед столовой, штрейкбрехеров будем вылавливать и разбираться, - потускнел Ельчук.

Спорить с комсомольским постом никому не хотелось, однако и идти в магазин после восьми вечера, когда всё уже раскуплено, тоже.

Саша первый понял безысходность ситуации и решил героически лечь под поезд. Он взял сумку и хмуро сказал: "Я пойду". Я вызвался ему помочь с тайной целью спасти его от покупки несъедобной колбасы.

Мы вышли в метель и обошли несколько магазинов, добросовестно прокладывая путь через сугробы.

Однако, пришлось купить и колбасу, воняющую чесноком, и недопечёные булочки, серые и несладкие, и жиденький кислый кефир. Настроение падало с каждой покупкой.

Увидав нашу еду, у Ромы и Ёжика вытянулись лица. Саша развернул пакеты и стал изображать энтузиазм и оптимизм.

- Я, пожалуй, завтракать не буду, - хладнокровно заметил Ёжик.

- А я хочу выспаться, меня до обеда не будите, - дипломатично заявил Рома и пошёл чистить зубы.

Саша удручающе посмотрел на меня и махнул рукой.

В общем, мы легли спать с тяжёлым сердцем и обидой друг на друга.

Наутро Ёжик проснулся первым и, принципиально позавтракав стаканом пустого чая, сел за конспекты. В окно било ослепительное солнце, отражаясь от свежеевпавшего снега. День обещал быть чудесным.

Рома был непросыпаем. У меня жутко болела голова. Мы с Сашей молча и принципиально перекусили,

давясь несъедобными булочками и с отвращением глотая холодный кефир, а потом пошли узнавать новости о забастовке: Саша к столовой, а я - к соседям, из окна у которых была видна столовая.

Ничего интересного: никто столовую не осаждал, никто никого не отгонял. Саша пришёл и доложил, что работницы столовой уговаривают всех, кто проходит мимо, поесть. Особенно темпераментно, хватая за руки, заманивала низкорослая Нюра, о которой поговаривали, что она всем даёт.

Забежал возбуждённый Ельчук и радостно сообщил, что в столовой пропала куча еды, что директор обещает улучшить, и что после обеда, пожалуй, можно забастовку прекращать, а если кто очень хочет кушать, то может даже и пообедать.

- Да-а. Каков энтузиазм! - усмехнулся Саша, когда Ельчук убежал.

- Ну что, пойдём в столовую? - спросил я.

- Нет, тут продадут то, что не доели в завтрак. Пойдём лучше на Морской.

Рома идти отказался, продолжая спать. А Ёжик вежливо ответил, что ему так далеко идти не хочется.

- Ублюдки, - заметил Саша.

Мы опять проделали длинный путь через лес до Морского проспекта, молча отстояли в тамошней столовой длинную очередь, убедились, что обед не намного лучше, чем у нас в студенческой, и вернулись в общагу, постепенно осознавая, что жизнь возвращается в привычную колею.

Это была вторая "забастовка" столовой - нелепый отголосок своей предшественницы. Первая (и первая в истории Университета!) возникла на первом курсе, когда весь первый курс перед началом занятий традиционно убирал картошку в селе Морозово.

Об этой нашей "картошке" слагались и пелись песни, она дала заряд жизненной силы и сдружила все факультеты. Нам сразу повезло: начальником был легендарный полковник Корнев с военной кафедры, одно имя которого наводило на студентов мистический ужас. Этот неосознанный страх перед "тираном" сближал "рабов" и увеличивал их душевные силы.

В Универ ребята поступили,
Думали на лекциях сидеть.
Нас в село насильно заманили,
Чтобы над картошкой корпеть.
В края далекие,
В поля широкие,
Где от работы дохнут ишаки.
Сосредоточиться,
Рассредоточиться...
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Нас со всех концов страны собрали,
Вёдра и лопаты дали нам.
Доброго пути не пожелали
И отправили ко всем чертям

Дорогой длинную,
В края целинные,
Где лаптем щи хлебают мужики.
Без вин, без курева,
Житья культурного...
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Мы в колхозе очень долго жили.
Ели мы почти что каждый день,
Каждый день святую воду пили,
На полях работать было лень.
Село Морозово
Нас заморозило,
Нам даже ноги тяжело нести.
Идем - качаемся
И спотыкаемся.
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Мы кондиционную картошку
С семенной не спутаем вовек,
А в столовой нам дают по ложке,
Лишь бы не загнулсч человек.
Ах, ты столовая -
Каша перловая,
Фруктовый чай нам пучит животы.
Сезон кончается -
Студенты маются.
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Не ищите нас по дальним странам,
В тёплых банях не ищите нас.
Мы живём за тем меридианом,
Где Макар телят своих не пас.
В Сибирь заброшены
Судьбой-коровою,

Мы от пивной и бани далеки.
Сто лет не мытые,
Сто лет не бритые.
Зачем забрал? Полковник, отпусти.

Эту заёбистую разухабистую песню хором распевал мехмат, на мотив известного романса «Дорогой длинною». Вечерами у костра возле их корпуса любили петь песни, и очень многие ходили просто их послушать. Певцы с мехмата явно купались в лучах славы и восхищения, и я всегда думал, что песня про нашу жизнь, - переделка известной блатной песни, - сочинена кем-то из этих ребят.

Девушкам, однако, больше нравилась другая песня, которую певцы пели на мотив Окуджавы «Эта женщина – увижу и немею»:

Эти девочки - глазам своим не верю!
Эти девочки, увижу - ох и ах!
Где же платье? Где же юбки, в самом деле?
Ходят девочки везде в одних штанах.

Ты несёшь ведро картошки еле-еле.
Платье в талию умела ты носить.
Где же туфли? Где же шпильки, в самом деле?
Не пора ли сапоги вам заменить?

На полу в палате спишь ты две недели,
На фуфайке головою ты лежишь.
Где же простынь? Где подушки, в самом деле?
Надоела эта половая жисть!

А уехать мы должны на той неделе.
Лагерь наш мы будем в памяти хранить.
Ваши ножки - мы увидим, в самом деле,
И тогда вас будем, девочки, любить!

Несколько лет спустя я познакомился с Вале́й Богдановым, тоже с мехмата, и как-то в разговоре помянул песню про полковника.

- Да это моя сеструха написала, Наташка! – просто-душно пояснил он, - Она чокнутая немного: всё чего-нибудь пишет. Она им на мехмате все песни написала. И в газету тоже.

- Подожди, - опешил я, - а вот на карнавале их ансамбль пел вот эту:

У нас есть бороды и дети,
У нас обязанностей тьма.
Но мы бесправны, как младенцы:
"Напра-", "нале-" и "ать-два".

- Ну да. И эту. Да ты чё, не знаешь её? - спросил Валя, заметив мою отвисшую челюсть. Потрясение было полное: не мог я никак представить, чтобы такие сугубо мужские песни, петые мужественными голосами, могла сочинить скромная незаметная девушка.

- Да нет, никогда не слышал о ней, и не видел. Как она выглядит?

- Ну, господи, да ничего такого. Как-нибудь познакомлю.

Мне не довелось её увидеть или узнать о ней больше. Но спустя много лет я познакомился с другой скромной девушкой, школьницей, которая тоже писала на популярные мелодии слова, которые любили петь парни. Например, такие - на мотив АББА:

Маня, Маня, Маня,
После бани
Пойдём в магазин.
А-а, А-а-а ...

Или на мотив “Boney-M”:

Варвара жарит кур.
Василий пьёт “Кокур”.
Жарит, жарит кур.
Жарит – пьёт “Кокур”.

Вот вам и «перегиб и парадокс».

Ходили и другие версии авторства песен. К чести мужчин, поминали вечно весёлого раздолбая с мехмата Толика Орлова и Витю Курских, которого я не знал. По слухам его тихо выгнали ещё с первого курса за драку с грузинами. А может и не выгоняли. Или восстановили.

Так и текла моя жизнь в неведении, пока совсем недавно милая и скромная, но дотошная сокурсница не посочувствовала и разыскала-таки Курских в Израиле. И он признался, что написал песню про девочек, а вот историческую песню о "картошке" сочинил Орлов. Вот бы не подумал! Ну что ж, и Пушкина не каждый принимал всерьёз.

Однако вернёмся к забастовке.

Сибирская погода в сентябре переменчива. "Временами дожди", "солнечно" и "на почве заморозки" чередуются в произвольном порядке.

Живём в пионерском лагере, в деревянных холодных корпусах. Спим прямо на полу на тюфяках, набитых соломой и картофельной ботвой. Встаём в семь утра и, надев телогрейки, выходим умываться ледяной водой. Солнце ещё не поднялось, и всё окутано сырым утренним туманом. После малосъедобного завтрака, традиционно кончающегося стаканом бледного фруктового чая, строимся по группам и получаем задание на работу. Работать ещё не хочется.

Обед бывает либо в столовой, либо в поле. После обеда солнышко печёт сильнее, и работать уже не хочется.

Кончаем в шесть, и надо ещё терпеть час-два до ужина. В это время можно посетить киоск, где торгуют сельским ассортиментом сладостей. Организм молодого горожанина в таких условиях просто волком воет от тоски по сладкому.

И вот однажды, когда я лежал на тюфяке в мечтательном ожидании ужина, который почему-то запаздывал, вбегает земляк Серёжа Чернобаев и с выпученными на меня глазами верещит:

- Забастовка! Э, то есть голодовка. Бойкотируем столовую. Идём к мехмату, там всё узнаешь.

- Чего? Ты чё, сдурел? - говорю я, не поднимая головы.

- Сегодня на ужин не идём, мехмат объявил голодовку и всех призывает тоже не ходить. Ты что, штрейк-брехером хочешь быть?

- Штрейх - кем?

- Да ну тебя! Идём скорей.

- Подожди, - начал я соображать, - а жрать чего будем, киоск-то хоть работает?

Серёжа покрутил пальцем у виска, теряя терпение:

- Ты что, думаешь, один такой умный? Догоняй, давай, - и убежал.

В палате уже никого не было, кроме дремлющей в дальнем углу долговязой личности. Она перевернулась на другой бок и, засыпая, мудро изрекла:

- Если голодовка, значит, надо экономить энергию.

Это была интересная идея, и я полез в карман телогрейки, где должны были ещё остаться несколько карамелей с прошлой покупки. Их оказалось всего две.

- Негусто, - подумал я, - не надо было угощать Колю Иванова.

Я без удовольствия съел одну, кляня стадный инстинкт, и постарался продремать ещё с часик. Но на

пустой желудок, разозлённый карамелью, дремалось неохотно. Наконец, я поднялся, голова кружилась, очумело пошатываясь, побрёл к мехмату. Шёл мелкий противный холодный дождик. От ощущения безысходности мутило. У корпуса мехмата никого не было, изнутри раздавался смех и вопли, никак не вязавшиеся с моим дурным настроением.

Пошёл к столовой - темно. Один в сумерках под мерзким дождём, так никого не встретив из знакомых, наполняясь жалостью к себе, я вернулся, поскользываясь на грязи, съел последнюю карамель и, закутавшись потеплее, забылся мутным сном. Часам к одиннадцати все откуда-то вернулись, включили верхний свет. Чернобаев, растолкав меня, совал чего-то под нос:

- Мы с Ильёй тебе хлеба принесли, хочешь?

- Да пошёл ты на хуй, - не очухавшись ещё, пробормотал я в ответ, как будто он был в чём-то виноват, - как сухой хлеб-то есть?

- Ну, как хочешь, - они с Ильёй ещё добавили несколько непонятных, но нелестных фраз в мой адрес, злорадно посмеялись, и я провалился в сон.

Утром после завтрака нас построили, и в зловещей тишине полковник Корнев произнёс речь, клеймя зачинщиков голодовки. Он говорил сдержанно, лишь один раз голосом и раскрасневшимся лицом выдав кипевший в нём гнев. Это был высокий поджарый, уже стареющий мужчина с красноватым плоским крестьянским лицом с тонкими чертами. Одна нога короче другой, один глаз уже другого и скривлённый рот были последствиями контузии. Говорил он глухим гнусоватым голосом, не красуясь (как любят военные), простыми словами и вообще-то справедливо, никого не оскорбляя и без высокомерия начальника.

Создавалось впечатление, что вот он всё понимает, но без наказания оставить не может. На том и разошлись.

Зачинщиками голодовки были ребята из физматшколы, первый выпуск её как раз поступил на наш курс. Вечером долго заседал педсовет. Вкатив по выговору, дело замяли, хотя за такое могли бы и выгнать.

ФыМыШат университетское руководство считало элитой. Они заваливали экзамены чаще, чем все, имели вечные задолженности, но пересдавали с лёгкостью на пятёрки. На первом курсе, ввиду якобы лучшей подготовки, их выделили в особые группы с повышенным к ним вниманием.

Подразумевалось, что они на голову талантливее остальных. Но, положив руку на яйца, мерилom этой талантливости было: попал в своё время в физматшколу-интернат или не попал, и даже, захотел или не захотел в ней жить и учиться в отрыве от дома и семьи.

Физматшкольники имели явное преимущество на старте перед остальными студентами: ясно, что о них заботились как о первом выпуске любимого детища научного центра, но главное - это то, что в физматшколе они два года тесно общались уже со своими будущими университетскими преподавателями.

Эти ребята были чётко нацелены физматшколой на научную карьеру, хорошо знали её кухню и часто с большим удовольствием вели разговоры о своих "шефах" и преподавателях: кто с кем, в каких отношениях, как и что сказал, - по сути, бабьи пересуды.

За редкими исключениями они легко попадали в аспирантуру, садились на перспективные темы, быстро защищались и шагали по служебной лестнице, имели заграникомандировки и деньги. Многие из них, став

большими учёными, не могли написать двух предложений без грамматических ошибок.

Студенты, бывшие в приятельских отношениях с физматшкольниками, использовали их связи и вполне успешно. Вся советская наука представляла собой чёткую иерархию отношений у госкормушки. Научные результаты имели ценность, только если их тема могла заинтересовать именитого. А его в свою очередь могло заинтересовать лишь то, что можно было выгодно подать ещё более именитому. Самый ходовой вопрос в этой барско-холуйской среде был: "У КОГО Вы работаете?"

Ныне физматшкола, пережившая лучшие времена, остаётся местом престижа как для тех, кто хочет отправить учиться в неё своих детей, так и для тех, кто стремится в ней преподавать, - для всех, кто успех предпочитает умению. Детей в ней фанатично "учат учиться": насыщают огромным количеством знаний за кратчайшее время, заботливо следя, чтобы у них не оставалось желания на собственное исследование жизни и не появлялось соблазна использовать для этого естественный метод проб и ошибок.

В селе Морозово фымышата, сдружившиеся раньше, конечно же, были заводилами. Особенно на мехмате. Перед тем, как объявить голодовку для всех, они запаслись хлебом, сахаром, заваркой - из той же столовой - и весело провели "голодный" вечер. Когда я сказал одному из организаторов столь изысканной "голодовки":

- Ага, сами обжирались, а остальные голодали, - он искренне возмутился:

- Надо было прийти к нам, мы всем давали, кто хотел.

- Да, но только не всех об этом предупредили.

Испокон веков в России повелось, что "лучшие люди", воплощая свои благие намерения, свысока плевали на тех, для блага которых они якобы и старались. Один из наиболее позорных примеров - это восстание декабристов, с такой любовью воспевавшееся советской властью. Солдат, исполнителей замысла декабристов, вывели на площадь в парадных мундирах на три часа позже, чем необходимо было для возможного успеха этой демонстрации. Нет бы, одуматься и признать провал, так их заставили стоять на морозе без шинелей долгие часы до тех пор, пока царь не подкатил пушки. Ещё тогда можно было увести солдат, но этого сделано не было. Пушки стреляли, солдаты, которым некуда было скрыться, побежали через Неву по тонкому льду. Лёд проломился, и многие утонули.

Когда мы с Сашей из столовой на Морском вернулись в общагу, Ёжик сидел за столом и таинственно улыбался. Рома читал на застеленной кровати, видна была его курчавая голова.

- Ну что, Рома, ты уже проснулся? - спросил Саша сходу.

Однако, странно: голова у Ромы была не рыжая, а чёрная. Я прошёл поближе, повернулся и посмотрел на него в упор. На Роминой кровати, подперев голову рукой, на боку, поджав ноги, лежала и читала книгу изящная женщина в брюках - в точности копируя Ромину обычную позу. Она подняла глаза, широко и ехидно улыбаясь, явно довольная производимым эффектом, и сказала:

- Я Ромина мама.

Мы с Сашей лишились речи. Она была точной копией всех Роминых повадок, жестов, мимики, интонаций голоса - только лицо было небольшое и круглое.

Это уже было слишком для одного дня. Вошёл Рома, и мы с Сашей, не сговариваясь, тихо ушли: смотреть телевизор, шататься по общаге и т.д.

Ромина мама впоследствии стала в Израиле известной поэтессой – автором слов гимна города Ариэль.

Вернулись поздно вечером поврозь, когда Рома уже ушёл провожать свою маму в гостиницу. На том это тяжёлое воскресенье и закончилось.

Началась военка.

- А у нас полковник Корнев, - сказал Саша Руденчик, входя в комнату и, как всегда, широко и застенчиво улыбаясь.

- Да ты чё, правда? - с деланным сочувствием изумился Рома, ехидно подхихикивая Ёжику.

- Мужик - зверь. Сегодня делает переключку: "Студент Шманюк!" - "Я!" - "Почему вчера не были на занятиях?" - "Я, я, э..., а я пацифист". - "Студент Шманюк! Хоть ты и пидарас, а военное дело изучать обязан".

Дружный хохот - награда анекдоту. Каждый хочет рассказать о своём подполковнике или полковнике. Мне сказать нечего - у нас майор.

Каждый день приносит новый анекдот о полковнике Корневе. «В открытом море нельзя без Корнева». Впоследствии выясняется, что большая часть из них - ещё времён русско-турецкой войны. Но это ничего - есть и случаи из жизни.

Идёт строевая подготовка в длинном холле второго этажа, где потолок подпирают колонны. Полковник Корнев командует: "Студент Шманюк!" - "Я!" - "Ко мне!" - "Есть!" (Студент подходит.) - "Студент Шманюк, от меня ... до следующего столба ... шагом - арш!"

Полковник на занятии: "Запомните: пушка стреляет по параболе!" - Шманюк тянет руку: "А если пушку на бок положить, то можно стрелять за угол?" - (Большая пауза.) "Студент Шманюк, по уставу ... пушку на бок - не положено!"

На другом занятии, полковник: "Вода кипит при 90 градусах!" - Студент Шманюк: "Извините, товарищ полковник, это прямой угол - 90 градусов, а вода кипит при 100 градусах". - (Пауза.) "Повторяю: вода кипит при 100 градусах, а прямой угол - при 90!"

Один раз мне повезло: наш майор заболел и заменил его полковник Корнев. Мы построились на улице. Перед строем стоял усталый человек с мягкими манерами. Не повышая голоса, он что-то объяснял, отдавал команды. Студенты напряжённо вслушивались и вглядывались, боясь пропустить: вот-вот грозный полковник выдаст свой очередной анекдот. Но, увы! Он вёл себя просто и интеллигентно. Даже отпустил нас раньше времени. Я был полностью очарован и, как школьник, горько сожалел, что у нас бессменно был наш сероватый майор.

Полковник Корнев умер рано. Слишком рано для хорошего человека.

Итак, мы сели разгребать "кучу". Пришла идея познакомить читателей с редакцией, и все начали рыться в Сашиных вырезках, ища подходящие для нас портреты.

Сашины вырезки как нельзя кстати подходили для дружеских шаржей и эпиграмм. Каждый взял себе по несколько картинок, смахивавших на членов редакции, чтобы написать под ними стихотворные строчки. Первым от руки Брогилевского "пострадал" бывший главный редактор:

Цветок растёт у дома моего,
Простой цветок!
Ничем он внешне не приметен.
Но нет мне жизни без него ...
Так и Евгений Баснецов:
Ты забери его –
И нет газеты.

Вторым - я. Это был полный плагиат из учебника по украинской литературе:

Мосампилов! Ты наш батько,
Ты поэт-профессор.
Ты наш Пушкин, но как жалко,
Что нету Дантеса.

Любовь Шальная тоже написала на меня эпиграмму:

Одна чувиха пиво носом пила ...
Услышав то, запел со страшной силой
И наш поэт Евгений Мосампилов.

Конечно, все, читая "запел", понимали "запил".

В то время я не знал крылатой строки сибирского поэта: "Люблю, Обь, твою муть!" - а потому в эпиграмме на Обского-Соловья провёл аналогичный, но не столь удачный каламбур:

Вдаль глядишь с тоской во взоре
И вздыхаешь тяжко:
"Где моря, леса и горы,
Где моя милашка?"

Если б снова в синь простора,
Где ей обским был -
Я летал бы скоро-скоро,
Если птичкой был!"

Это было подражание Беранже. Гр. Манн скривил губы и скорбно посмотрел на меня:

- Да, Мосампилов. Вдаль гляжу с тоской во взоре ...

Мы с Брогилевским обменялись стихотворными любезностями. Вот это он написал на меня:

Т. Мосампилов! Вот те моя рука!
Товарищ Мосампилов,
Прошу тебя, поверь:
Ведь ты же Мо-сампилов,
А не какой-то зверь.

Товарищ Мосампилов,
Прошу тебя понять:
Ведь ты же Мо-сампилов,
А не простая бл....

Отсюда делай вывод:
Смело шагай в веках.
Товарищ Мосампилов!
Вот те моя рука.

А я - на него, предлагая объединиться в борьбе с критиканами:

Ответ А.Брогилевскому на стих
“Т. Мосампилов! Вот те моя рука!”

Вино победы, лейся.
Вот те моя рука.
Товарищ Брогилевский,
Бьём Васю-сопляка!

Исус-создатель, смейся:
Грош - полцены стихам.
Товарищ Брогилевский,
Бьём Васю-сопляка!

Забьём его по кончик
В советский унитаз.
Таким путём покончим
С ним навсегда и раз!

Пришёл Соловей и принёс "мудрые мысли". Он никому их не показал и сел вписывать на свободный лист. Это, оказалось, с десятков афоризмов типа "лучше быть богатым, но здоровым...". Читались они, естественно, со скептическим "х-м", но последняя мысль была апофеозом:

"Лучше говорить не думая, чем думать как Сабинин".

На этом месте все сокурсники прыскали со смеху, потому что знали, о ком и о чём именно идёт речь. Лёва Сабинин был шахматистом и всегда над чем-то думал. Эта привычка, видимо, выработалась в результате увлечения игрой: известно, чтобы хорошо играть в шахматы, надо думать не только при своём ходе, но и при ходе противника.

Он где-то вычитал мысль, что человек не может не думать, когда бодрствует. Эта мысль ему очень нравилась, потому что оправдывала в его глазах эту пагубную привычку. Да, многие могут спросить, что тут плохого, тем более пагубного: ходит и думает? Ну а если танцует с девушкой и думает? Или пьёт в компании и думает? Да мало ли есть ситуаций, когда лучше не думать!

Конечно, имея такую привычку, он запросто решал трудные задачки, и многие их у него списывали. Но вместо того, чтобы идти на зачёт по этим задачкам первым, он думал уже о другом и приходил последним. Ему ставили трояк и на возмущённый вопрос "за что!?" ехидно отвечали: "знаем-знаем, за что: вы всё списали!"

Опасно было прерывать ход его мыслей неожиданным вопросом. Тогда он отвечал чистой откровенной правдой. Однажды в коридоре общежития ему навстречу шла одна вся из себя молодая особа. Лёва этой особе немного нравился, и она не прочь была бы завести более тесные отношения. Момент ей показался удачным. Она раскинула руки, как бы желая Лёву обнять, и весело продекламировала: "А он мятежный ищет бури?.." Ошарашенный Лёва

заметил её только в последний момент и автоматически брякнул, успев, однако, изобразить вежливую улыбку: "Нет, я иду в туалет".

Особа охнула, потом нервно засмеялась, как бы над удачной шуткой, но момент был безвозвратно утрачен.

Он был склонен к неожиданным решениям, которые были мало кому понятны. Однажды в команде шахматистов он ехал на поезде. Билеты купили в разные вагоны: мальчики ехали в голове, а девочки в хвосте поезда. С приятелем они пошли поиграть к девочкам в карты и засиделись допоздна. Возвращаясь, совершенно неожиданно уткнулись в вагон-ресторан, который уже был заперт на ночь. Дело было зимой, а они были в одних пиджачках, и до ближайшей станции ещё было часа два. Вдруг поезд тормозит на каком-то глухом полустанке. Приятели, ещё весёлые после приятной встречи, спрыгнули и побежали к своему вагону мимо ресторана. Все двери вагонов, конечно, закрыты: кто ж их открывает на полустанке. Тут поезд трогается, они в панике догоняют свой вагон и прыгают на ближнюю подножку. Дёргают ручку - дверь не открывается: то ли проводник её успел запереть на ключ, то ли это просто наглухо закрытый тамбур. Откуда им знать?

- Ну что, висим? - весело спрашивает Лёва.

- Висим, - смиренно отвечает приятель. И тут Лёва, не говоря ни слова, спрыгивает и во весь дух мчится вперёд к другому концу вагона, цепляется за поручень, заползает на подножку, толкает дверь - и она открывается!

Только сейчас Лёва начинает понимать ужас происходящего. Он влезает в вагон, стуча зубами, рассказывает тренеру, и забивается в угол купе.

Тренер долго материт его приятеля, потом идёт к проводнику. Проводник безуспешно пытается оттаять замёрзшую дверь тамбура кипятком, потом дёргает стоп-

кран. Входит вконец заочевневший приятель и кричит на Лёву:

- Ты почему убежал!? Я там чуть не сорвался, руки совсем замёрзли, какие-то столбы рядом пронесаются. Чуть не сбило. Пришлось, скрючившись, на корточках сидеть. Предатель!

- А я подумал, что нам вдвоём тесно будет на одной подножке.

Трудно поверить, что это была не шутка, а чистая правда.

С тех пор они не приятели, хотя, если подумать, Лёвин "предательский" побег, возможно, спас им обоим жизнь. А если б Лёва стал делиться с приятелем своими намерениями? Кто знает: либо не успел добежать, либо приятель за ним бы увязался и не добежал, а могла ещё и дверь оказаться запертой.

О чём же он думал? - А о чём думал анекдотовский Петенька, глядя на портрет вождя? - А о чём все мы думаем? Главное, практической пользы от этого было никакой. Пока он думал "о бл...ях" или игре, информация о реальных людях и реальных человеческих отношениях к нему не доходила.

Жизнь за это мстила, и очень больно.

Я учился с ним в одной группе. Дипломную работу он делал у шефа, который уже намылился сбежать в свою родную Москву, но об этом никто не знал. Шеф поступил просто: взял свою статью из солидного журнала и по ней поставил Лёве математически более сложную задачу, которую не знал сам, как решать. Частный же более лёгкий случай Лёвиной задачи дал другому студенту - зятю замдиректора. И занялся личными проблемами. Лёва стал искать метод решения, перерыл кучу литературы и нашел-таки решение в функциях, о которых шеф и не слыхивал. Он

придумал ещё и способ для получения численного решения, построил графики и сравнил результаты со статьёй шефа. За три месяца работа была вчерне сделана, и сейчас бы вступить шефу, отшлифовать, помочь оформить, но этот ублюдок уже потерял интерес: он то прикидывался больным, то уезжал куда-то. Лишь как-то заметил, что с его статьёй сравнивать не надо. На Лёвин наивный вопрос "почему" - отмолчался.

У зятя замдиректора всё было на нуле, решить свою задачу он не мог, но не унывал, надеясь на тестя. Лёва увидел в нём товарища по несчастью, рассказал ему своё решение и как из него получить нужный частный случай. Он надеялся, что тот в свою очередь по дружбе поможет ему с плакатами и докладом. Но зять, приняв подарок судьбы, уже не испытывал потребности общаться с Лёвой и жил себе на радость в коттедже у тестя.

В день защиты Лёва заболел гриппом. Что сделал бы нормальный человек? Рассказал бы шефу, попросил перенести и т.п. Лёва на защиту пришел с температурой и головной болью, никому ничего не сказав. Он знал, что его доклад первый и думал, что голова ещё будет свежей. Но тут к нему подбегает староста и передаёт просьбу шефа, который сидит тут же в трёх метрах через проход: поставить первым зятя замдиректора, а Лёву перенести на после обеда. Что делает нормальный человек? Подходит к шефу и говорит о гриппе, что еле стоит на ногах и т.д. Лёва думает: ладно, отдохну пока, потом поем - сил прибавится.

Идти до общежития - далеко, он сидит в душном зале, ждёт перерыва на обед, его бросает то в жар, то в холод. И вдруг опять к нему подбегает староста и говорит, что шеф уже не может после обеда и хочет, чтобы Лёва докладывал до обеда после всех! Это уже удар в спину.

Лёва это сразу понял, но ему уже так плохо и противно, что он только мысленно кладёт на всех член.

Он вынимает клочок бумаги, на который на всякий случай записал план доклада, чтобы с больной головой не перепутать, о чём говорить, и, шатаясь от головокружения, выходит к доске. Это надо было видеть. В зале, как всегда на последнем докладе, уже стоит шум. Лёва говорит еле слышным голосом и не может его напрячь громче. Он настолько уже потерял свою обычную уверенность, что постоянно смотрит в злополучную бумажку, хотя не в состоянии ничего в ней прочесть. Наконец, этот кошмарный доклад кончается.

И тут какой-то научный засранец из соседнего института, который сидит рядом с шефом, берёт у него Лёвину дипломную работу, открывает на первой странице и приёбывается к первой фразе введения. Этот заср...ц - экспериментатор, и в Лёвиной теоретической работе эта фраза - единственное, что он способен понять. Он задаёт вопрос, на который никто в зале не знает ответа, а возможно, и сам заср...ц тоже. Шеф сидит, опустив глаза и набрав воды в рот. Что делает нормальный человек? Отвечает: "эта проблема в данной работе не рассматривается", - и всё. Лёва говорит в сущности тоже самое, но другими словами: "Для решения задачи мне это не нужно было". - "Как не нужно! - возмущается заср...ц такой неслыханной дерзости, - нет, вы на вопрос отвечайте". Шеф с угодливой улыбочкой склоняется к заср...цу, и оба смеются, довольные собой. Лёва пытается что-то ответить, но видя, что шеф с заср...цем заодно, сдаётся и говорит "не знаю".

Вы думаете, что заср...ец после этого сообщает всем правильный ответ? Тогда бы он не был заср...цем. Он нагло смеётся, а шеф, заискивая перед ним, шепчет: "я не знаю, что с ним такое". В таких случаях нормальный шеф вообще-

то обязан встать и сказать что-то в пользу студента, но этого не было. Лёве единственному вкатили трояк, а зять замдиректора получил отлично.

(Заср...ец был заср...цем с детства. Он умел немного пиликать на баяне и под эту дудочку в войну неплохо устроился сыном полка. А после войны как фронтовик пролез в науку.)

Лёва был распределён в тот же институт, где делал диплом. Когда первого августа он явился на своё первое место работы, его шеф уже уволился и уехал. Лёву отправили в колхоз, и вернулся оттуда он только в ноябре, когда стал падать снег. Вернувшись, он узнал, что ни в какую лабораторию его ещё не определили. Тогда он пошёл на приём к заведующему тем отделом, где работал его бывший шеф.

Бледный коротышка с надменным и злобным лицом сидел в отдельном кабинете за огромным столом на приподнятом массивном полукресле лицом к двери и спиной к окну. Он равнодушно послушал Лёву до первой паузы и произнёс лишь одну фразу, но чётко и с расстановкой: "Нам такие не нужны".

Помогли ребята с общежития. Они рассказали своему шефу (тому самому замдиректору), он взял Лёву к себе и дал срочную задачу. Лёва через неделю принёс полное решение, но шеф уехал в командировку, и Лёва оставил свои листки у него на столе. Это было в среду, а в субботу какой-то х... рано утром разбудил Лёву: "Скорее езжай в институт, там директор собирает всех стажёров на комиссию".

- Но сегодня суббота!

- Ну и что? Он всегда дирекцию по субботам собирает.

Директор академик Струминский был редкий самодур. Маленький, худой и злобный, с острыми чертами лица, резкой нервной походкой и визгливым голосом, он наводил ужас на весь институт своими разносами и разборками.

Лёва приехал голодный, невыспавшийся и без своих записей, оставленных в кабинете всё ещё отсутствующего шефа. Он стал по памяти выписывать на доске длинные преобразования, но это быстро всем надоело. "Ну хорошо, - прервали его, - а физически что ваша задача означает?" - Лёва смутился и ответил честно: "Не знаю, я совсем недавно работаю". - "Ну а где же вы работали раньше?" - "Я работал в колхозе". Это вызвало улыбки в зале. - "Ну а чем вы ещё занимаетесь?" - ласково спросил академик. Лёва не понял, что это вопрос сугубо научный, и, польщённый таким вниманием к себе, автоматически ляпнул: "Я играю в шахматы". Зал покатился со смеху, и Лёву выгнали из института.

"Слушай, вчера шеф говорил, что ты ему серьёзную задачку решил. Спрашивал, почему ты ушел от нас. Ты бы сходил к нему, поговорил", - как-то подошёл к нему приятель по общезнанию. - "А ну вас всех на х...!" - ответил Лёва.

Он был из породы тех немногих, но легко узнаваемых людей, которых просто и приятно обмануть, взять в долг последние деньги и не вернуть, пообещать и сделать наоборот, использовать на халяву, при случае подставить и, поимев за их счёт удовольствие, посмеяться над их наивностью.

Он вернулся в науку через два года и начал с нуля - программистом. К тому времени самолюбивый Лёва, охраняя своё я, научился безысходно посылать на х... всех, как матёрый неудачник. Многие из тех, кто сам бы хотел иногда послать, но, как Аркаша Сюсюлетов, в силу воспи-

тания не мог, имели к нему симпатию. Женщинам, по причине отсутствия агрегата, это свойство посылать на святое для них место претило, и они Лёву не жаловали. Тем не менее, он был трижды женат и имел от каждой детей. В отличие от жён его тещи, юность которых пришлась на паскудные первые послевоенные годы, сразу понимали, что это птица невысокого полёта. Они сами мечтали не о таком, но на их долю либо не хватило, либо перепали самые крохи. Они прилагали массу усилий, чтобы раскрыть дочерям глаза, и не без успеха. Лёва начал бороться со своим я, и послал на х... сначала шахматы, потом науку, а в конце концов и себя: обнаружив рак, он не стал ни лечить его, ни оперировать.

Уж если родился мудаком, то это до гроба.

На Руси тоже редко, как и фамилия Сабинин, встречаются её варианты и искажения: Сабянин, Сабинов, Собиннов. Откуда пошли эти редкие фамилии, никто толком не знает, но есть в истории немецкая фамилия фон Сабинин.

В те же годы преподавал в универе Владимир Васильевич Сабинин, читал матанализ на мехмате. Они не были даже знакомы. Это был совсем другой человек, особенно внешне, но афоризм Соловья точно подходил и к нему тоже. У него было широкое лицо со впалым, как у сифилитика, носом, которое украшали выцветшие брови, насмешливо прищуренные бледные глаза и цинично сжатые губы. Дребезжащий тенорок и прокуренные редкие зубы логично дополняли облик. Голова сидела на тоненькой шее, которая едва высывалась из плотного короткого торса. Жиденькие ножки были всегда обтянуты подсевшими дешёвыми джинсами. Тем не менее, за большой головой скрывался неплохой ум, позволивший ему впоследствии стать учёным с мировым именем. А тогда за него прочно держалась слава алкаша, похабника и

бабника. Последнее никак не вязалось с его видом, но женщины, как известно, смотрят немного глубже.

Он неплохо и увлечённо играл в шахматы, однако, был автором афоризма "шахматы - это умственный онанизм". Когда пару лет спустя он уехал в Москву, то пустил о себе шуточку, что поехал работать в Институт имени Патриса Лумумбы, где, как известно, учится много негритянок, которых нам как раз и не хватает. Очень многие спустя десятилетия верили, что это действительно так.

На самом деле это была не шуточка. Поработав в Институте Лумумбы, он уехал в Африку, а потом в Мексику, где создал свою школу геометров. Там он и умер, незадолго до смерти учредив именную стипендию студентам мехмата НГУ.

Это был серьёзный и интеллигентный человек. Его слава циника и развратника держалась, видимо, лишь на одном известном факте, который, однако, глубоко и надолго шокировал местную интеллигенцию: он соблазнил свою студентку. Казалось бы, что тут особенного, мало ли кто соблазняет своих студенток? Но эта студентка была дочерью известнейшего академика. Ну и что? И на дочку академика бывает проруха. Тем более что у академика было шесть дочерей, не считая жён, а в таком большом женском коллективе маловероятно, чтобы кого-то не соблазнили. Однако он не просто соблазнил, а женился и родил сына. Ну и что же тут такого, - как сказал бы трёхлетний Вова? Если девушка хорошая, то почему бы на ней не жениться, если она не против?

Вот тут-то шокированная интеллигенция поджимает губы и замолкает. Дескать, мы знаем, пора и вам знать. Или многозначительно хихикает: знаем мол, знаем.

Остаётся лишь догадываться. Как говорит армянское радио, "мы не знаем, но мы догадываемся". И догадыва-

емся мы на основании двух фактов. Во-первых, достопочтенный академик был московский еврей. А во-вторых, со времён, описанных ещё М.Ю.Лермонтовым, и до наших дней у еврейских девушек, вознамерившихся выйти замуж за нееврея, всегда были серьёзные семейные и общинные проблемы.

Очевидец непорочного зачатия.

(Прометасс №2)

Сколько пылких библейских красавиц ходит по Российским городам с грустными, но надменными лицами, глядя в пустоту в ответ на страстные взгляды русских парней. Сколько этих красавиц разбивает сердца тем бедолагам, что осмеливаются узнать их ближе. Кто-то ждал своих единокровных суженных до 30 и более лет. А кто-то волком выл и лез на стену, сходя с ума от приближения одинокой старости.

Зато как счастливы еврейские девушки, выходящие замуж за своего! Какими отличными еврейскими жёнами они становятся.

Мне-то ясно, что Васильич, русский му...к, не знающий себе цены, влюбился в свою студентку. А кто не влюбится в томные тёмные глаза, пышные волнистые волосы, стройную, с детства хорошо кормленную и хорошо одетую фигурку, живой язык и завораживающие интонации? В ту неповторимую пору, когда это божественное создание начинает цвести, пахнуть и энергично вертеть хвостом.

С неистребимым русским гонором полез он в своё счастье. Но могло ли это понравиться московскому папе-академику и московской маме-академихе?

Не зря молва советует: "не женись на любовнице", - а ещё в русских семьях отпугивают сыновей от евреек: "она же грязная!"

Лучше делать, не думая, чем думать, как Сабинин. Два года он ждал, что его простят и будут относиться, как к своему, а потом не выдержал, бросил семью и уехал, оставив о себе удивительную и долгую память.

Само звучание фамилий с корнем Сабин обладает какой-то необычной и таинственной притягательностью. По-испански Сабино значит мудрец, знаток. Что это за Сабинские горы на Апеннинском полуострове, где жили легендарные прекрасные сабинянки, похищенные какими-то семью братьями, но полюбившие своих похитителей? А история из фильма "Даки" о римском легионере Сабине? Он изнасиловал дочь дакского вождя и тут же влюбился в неё прямо на месте преступления. А она в него. Когда его ослепили даки, девушка стала его женой, а он стал учить детей в школе и был хорошим учителем до конца своих дней.

Известно, что среди Сабининых есть и настоящие - это родственники академика А.Д.Сабина, настоящей фамилией которого должна быть Кузнецов. Это тоже удивительная история.

Академик Сабинин родился ещё до революции. В первом (бездетном) браке его мать была замужем за земским врачом Сабининым. Об этом известном враче есть статья в энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Она была очень красивая и умная женщина, и почему муж её довольно скоро бросил и уехал в глухомань - это загадка природы, которая из семьи не выносятся. Скорее всего, сильно задетое самолюбие, которого у Сабининых хоть отбавляй.

Хорошая женщина одна не останется: она вскоре выходит замуж за некоего Кузнецова и рождает ему четверых детей. Но все их дети получают фамилию Сабинин, потому что по тогдашним законам первый брак расторгнуть было нельзя.

Остаётся вопрос: почему после революции, когда это уже можно было сделать легко, дети не поменяли свою фамилию на Кузнецов? Почему внуки собирают фамильную родословную чуждых им Сабининых? Что это - магия фамилии Сабинин, лестность причастности к энциклопедии Брокгауза и Эфрона или магия личности того земского врача, сгинувшего в безвестности, но оставившего добрый след в памяти женщины?

Интересно, что потомки академика Сабинина считают, что академик прославил фамилию Сабинин. Оставим это на их совести. Настоящим Сабининым такая мысль не могла бы прийти в голову. Они и без того просто гордятся своей фамилией. Они знают, что их уходящая вглубь веков фамилия самодостаточна и без академической или иной славы, и люди, которые её носят по праву - тоже самодостаточны. Эти люди не клюют на титулы и почёт, потому что думают, как тот римский Сабин, как земский врач Сабинин, как наш Лёва Сабинин, - не так, как все, как Кузнецовы, Ковалёвы, Смиты, - и этого им уже хватает для самоуважения.

На самом деле прославил эту фамилию Богдан Сабинин, зять Ивана Сусанина. В начале 17-го века. Об их подвиге ещё написана опера. Когда Сусанин повёл поляков в болото, Богдан побежал предупредить русское войско. Оно прибыло на место и разгромило отряд поляков, увязших в болоте.

Я, пожалуй, мог бы вставить в эти истории другую редкую фамилию или рассказать другие истории о людях других редких фамилий - они были бы похожи наличием необъяснимых странностей, которых не бывает в жизни людей с обычными и простыми фамилиями. Как ни странно.

Я обнаружил среди Сашиных вырезок любопытные заголовки: "Любовь и девять метров", "Сквозь призму", "Какое у вас хобби?", "Слабый пол". Сексуальные намёки были налицо. Соловей с Сюсюлетовым уловили идею, вытащили ещё несколько подобных вырезок и, прихватив Сашу Антонцева (которого за глаза называли Гандонцевым), ушли к себе в комнату. Спустя минуту оттуда из-за стенки стал доноситься их дружный гомерический хохот. Рома сбегал к ним узнать, что происходит. Вернувшись смущённый, покрутил пальцем у виска: "Маразматики!" - и добавил: "Нет, Саша, таким нельзя давать писать в Прометасс".

Через час они вернулись, покрасневшие и возбуждённые, и потребовали у Саши журнал, чтобы вписывать.

- Вы что там хотите вписывать? - возмутился Саша,
- Я тебя, Антонцев, знаю: ты

всякую глупость впишешь, потом за тебя красней.

- Нет, Саша, тут всё в порядке, - заверил Соловей.

Я тоже поддержал законность требований, и вот что у них получилось.

"Откуда виден космос"

В лесу у села Замудохино Засранского района Саранской области есть поляна, откуда очень хорошо виден космос.

"Удачливый рыбак"

(Это намёк на задачник Демидовича по матанализу.

Под заголовком была помещена фотография, на которой мужик, расставив руки, стоял между двух огромных рыбин, висевших под потолком.)

Житель села Задырино Х.У.Димудович, удочкой для подлёдного лова выловил двух акул. На вопрос корреспондента ответил: "Пьян был без меры, и как выловил, не помню". Учёные продолжают изучать миграцию акул из Атлантического океана в речку Вонючку.

"Чьи очки?"

В селе Морозово поймали волка ... в очках. Умное, но стареющее животное использовало очки, подобранные на свиноферме.

"Слабый пол"

- Какой пол самый слабый?

- В седьмом общежитии! - дружно ответила бригада строителей-отделочников Сибкакадемстроя.

(В седьмом общежитии размещался гумфак, где девушек было намного больше, чем парней.)

"Любовь и 9 метров"

- Ни того, ни другого! - отпирался подсудимый.

"Сквозь призму"

- Оригинально! - заметил профессор Руденчик, - Побегу Бузе расскажу.

"Какое у вас хобби?"

- Какое у вас хобби? - как-то раз задали мы вопрос профессору Руденчику.

- 15 сантиметров, - скромно ответил маститый учёный и покраснел.

"Как повысить давление?"

- Упритесь ногами в потолок, - посоветовал профессор Руденчик.

"Как поживаете?"

Такой вопрос наш корреспондент задал профессору Руденчику.

- Раз в неделю, то есть по субботам, - ответил учёный, - Но зато с большим удовольствием!

Так родились анекдоты про профессора Руденчика. Вместе с анекдотами о полковнике Корневе они украсили журнал.

Шура Руденчик был внушительных размеров невозмутимый и добродушный всегда улыбающийся малый в толстых близоруких очках. Его всегда подкалывали, но смутить его было трудно. Он носил толстый свитер и штаны-клёши из толстого светлого материала, стоявшие колом, - предмет моей лёгкой зависти.

Однажды случилось чудо. Он подошёл ко мне и сказал:

- Слушай, Евгений, дай костюм поносить. Мне надо экзамен по военке сдавать, а полковнику Корневу клёши не нравятся. У всех брюки короткие, а твои могут подойти. А я тебе свои дам. На время.

Я открыл рот и согласился. Мои штаны оказались ему коротковаты и тесноваты, но он был доволен. Я ходил в его удобных модных штанах и ловил взгляды девушек. Но ничего особенного не происходило. Только одна холодно спросила: "Что, с Руденчика снял?"

Через неделю после экзамена Руденчик ещё не спешил с обратным обменом, и мне пришлось ему напомнить.

- Ну подожди немного, сейчас мне некогда, - ответил он.

- Чего тут ждать? Взяли и переодели.

Прошло ещё два дня, когда я наконец влез обратно в свои старомодные зауженные книзу штаны с оттопыренными коленками.

Наиболее талантливый из нашей компании Руденчик первый защитил докторскую, первый получил полногабаритную квартиру и первый стал ездить за границу. Его успехам немало способствовала его жена. Таким людям обычно везёт на жён. Женщины легко узнают, когда им попадается петух, несущий золотые яйца. И делают всё возможное, чтобы его с выгодой использовать. Сейчас он профессор в одном из крупнейших университетов США.

У нас в редакции появилась женщина. Анастасия Самарская, умная и компанейская девушка, принесла свои девичьи стихи. Прямиком в страничку для девчат. Попросила опубликовать под непонятным псевдонимом Секлеций Злоумышленник. Мы с радостью взяли.

Руки в муке ломает тень,
Как-то больно, немо и косо.
Навзничь падает целый день.-
Не упала я - жалко носа.

Я как синяя тряпка тоскую -
Позабытая пыльная дева.
Кто отыщет меня такую -
Уроните меня на землю.

Сюсюлетов читал это вслух, и его прошибала слеза на последней строчке. Он её утирал уголком платочка.

Страничка для девчат переросла в раздел. Нежные чувства девушек отходили на второй план, когда мужское самолюбие надо было удовлетворить иронией над нежным полом.

Вас. Обский-Соловей принёс для девчат любовную лирику:

Посиди со мной у костра,
Пока небо не станет серое.
Ну не будь так упрямо зла –
Для тебя я, что хочешь, сделаю.

Хочешь – лес запалю костром,
Хочешь – в небе поймаю птицу,
Напою дорогим вином,
Только ты перестань сердиться.

Что ж, не хочешь – воля твоя.
Только вряд ли ты будешь рада,
Если я уйду от тебя.
Мне такую, как ты – не надо.

И лирическую автопародию:

Кризис жанра (автопародия)

Ты мои стихи не поймёшь,
Ведь, талант и терпение нужны,
Чтобы мудрой мысли зерно
В океане воды выуживать.

Я хотел о любви писать,
Чтоб мальчишки, девчонки наши
Захотели любовь познать,
А потом уже – верить в сказки.

Но поблекли мои слова,
А мечта их покинула вовсе.
Мне осталось лишь по утрам
Соловьёв передразнивать обских.

Творческая фантазия была через край. Журнал получался. Как тут было не возгордиться, не полюбоваться собой? Э-р По выразил общее настроение:

“Прометасс”, “Прометасс”,
ты моя религия!

Был слеп Гомер,
И глух Бетховен,
И Демосфен косноязык.
Лишь “Прометасс”, -
Наш славный воин,
По-настоящему велик!

Журнал номер 2 принёс нам бешеный успех и славу. Оба номера гуляли по общежитию, но Саша строго следил, чтобы они не затерялись. Окрылённые успехом мы стали думать о номере 3.

Глава 4. «СОМНИТЕЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ В ГРОБУ».

*- Почему "анаНАС" вместе,
а "Мы её" — отдельно?
(Армянское радио)*

- Я её сделал! - брызгая слюной, дрожа и даже повизгивая от радости, подскочил ко мне маленький суетливый Павловский, едва я вошёл в комнату.

- Кого сделал? - сходу не понял я.

- Маленькую Валю! - и он недвусмысленно изобразил это, воткнув указательный палец правой руки в кольцо, сомкнутое из пальцев левой, - Всё получилось, как ты советовал! У неё это в первый раз!

- Какую Валю? - спина у меня покрылась мурашками,

- Эту шустрю, которая к нам бегает?

- Да нет, её подругу - которая ещё маленькая.

- Как?! - искренне изумился я, - Она так ... смотрит свысока и не говорит ни с кем. К такой и подъехать-то непонятно как.

Это действительно была очень красивая и совсем ещё юная девушка, немного похожая на детскую куклу, с гладкой кожей, большим круглым лбом, круглыми светлыми глазами, длинными тонкими ножками и ещё неразвитыми бёдрами. Она была очень привлекательна и прекрасно знала про это своё превосходство над подругами, потому что всегда двигалась и говорила нарочито замедленно и улыбалась немного высокомерной улыбкой. Представить её с прокуренным неряшливым Павловским было невозможно. Хотя, неадекватное высокомерие выдавало в ней возможную дуру.

- Да главное - это говорить, не останавливаясь, неважно о чём. Они от разговоров все дуреют. Я её фотокарточки печатать пригласил, как ты советовал, чтобы интимную обстановку создать, а потом слово за слово рассказал ей, в какие дни нельзя забеременеть. Помнишь, ты нам говорил? Ну, она и согласилась попробовать.

- Да ничего я тебе не советовал. Это я рассказывал, что в книгах пишут.

- Да ты что, думаешь, что я сам не знаю? Что - она первая? Да из-за меня одна даже утопилась. Я её уговорил вот так же, а она пошла топиться. - Павловский был так доволен собой, что я даже опешил.

- Ну и чем закончилось?

Но нам не дали договорить. Вошёл Саша.

- Ну, как фотографии? Сделали?

Павловский так и взвился от радости:

- Ещё как сделали!

Саша не понял и пошёл смотреть снимки в кювете с водой.

- Да, что-то не густо, - резюмировал он. - Ну да ладно, сделаем ещё. А ты как, Мосампилов, этим не интересуешься? Тут и для тебя кое-что есть.

Мы с Павловским так никогда и не вернулись к прерванному разговору. Действительно, жизнь была богаче и интереснее, чем первые сексуальные опыты маленьких красавиц.

Семестр был каким-то сумбурным. По Универсу ходила запрещённая литература. Точнее, официального запрета не было, но её передавали лишь в надёжные руки и просили никому не давать. Это были либо плохие фотографии, либо машинописные копии, реже старые книги, издававшиеся до войны. Тематика была интересная: хиромантия, Фрейд, Камасутра, эротические рассказы, джиу-джитсу, Авторханов. Вчитывались, как в мат-анализ на первом курсе.

Лишь много лет спустя, после антиалкогольной кампании и общества книголюбов, я, наконец, понял, что всё это делалось с подачи КГБ. Истинный смысл этих акций не был понятен, видимо, даже авторам. Но мы, как дети, радовались возможности откусить немного от запретного лакомого пирога мировой культуры.

Я делал конспекты из наиболее интересных книг. Это были Фрейд и хиромантия. Гадание по руке очень пригодилось впоследствии. Мне удалось соблазнить двух девушек с его помощью. Естественно, поврозь. Когда уже говорить было не о чем, водить пальцем по их линиям жизни действовало завораживающе и возбуждающе и стремительно вело к полной близости. Фрейд с его психоанализом и толкованием сновидений оставил глубочайший след в моём мировоззрении и мироощущении. Я стал видеть всё сквозь призму психоанализа.

Однажды я смотрел в окно на улицу и заметил потрясающую закономерность. Если шли две подружки, то, если одна из них была в зелёном пальто, то другая - в

коричневом, если одна в синем, то другая - в красном, если одна в чёрном, то другая - в светлом. Меня осенило: синий, зелёный и чёрный - это мужские цвета, а красный, коричневый и белый - женские. Подружки потому и стали подружками, что у одной преобладали женские качества, а у другой - мужские, что и отражалось в цвете одежды. Эти преобладающие качества (в темпераменте, характере) и притягивали их друг к другу, как полюса у магнита.

Я стал внимательнее приглядываться к женской одежде. Женщины более поддаются естественным неосознанным влечениям, что и сказывается на том, что они носят. Они стараются выглядеть так, как то, что их более всего привлекает и производит на них наиболее сильное впечатление.

О смех и ужас! Зимний гарнитур, - пальто и шапочка, - на этих непосредственных созданиях явно напоминал своим обликом ... мужской половой член. И именно в том виде, о каком могли мечтать эти девушки, какой был уже в их представлении или встречался на опыте. Еврейки носили исключительно шапки, гладкие сверху и с околышем понизу - точная копия мужской залупы после обрезания. Девушки, которые предпочитали красные пальто, и поэтому предположительно обладали повышенной женской сексуальной активностью, носили шапки с большим помпоном, напоминавшим бурное и обильное извержение спермы. Девушки в синих пальто, наоборот, носили шапочки без помпона, как будто их выделение спермы не волновало.

Это и понятно: они были ориентированы на контакт с женщинами, у которых выделяется прозрачная жидкость, которая обмазывает всё, - вот откуда и голубой цвет пальто и шапочки. Но зато у них эти пальто были не с круглым воротником, застёгивающимся под горло и ещё более

подчёркивающим сходство с членом, а с отворотами, как у мужского пиджака, украшенными мехом. Вид этих отворотов вчистую напоминал женские половые губы, поросшие волосиками, с торчащей между ними гладкой головкой - клитором, а может быть и мужским членом.

Я и позже всегда замечал, что женская одежда и причёска напоминают возделенный мужской половой член. Негритянки в Америке носят на затылке такой фонтан волос, что поневоле позавидуешь их женской половой удаче. Вся их гладко прилизанная голова с этим фонтаном на затылке как две капли воды похожа на мужскую залупу, из которой сперма бьёт, как из брандспойта.

У мужчин наоборот: кто получает больше удовольствия от женщин, носят пальто и пиджаки с большим вырезом, украшенным ярким шарфом или галстуком. Кто же менее половоактивен, предпочитает серый свитер под горло.

Однако в эти мои наблюдения и очевидные выводы никто почему-то не верил. "Ну, ты, Мосампилов, того", - говорил Рома и крутил пальцем у виска. - "Да ты Рома встань с кровати и посмотри в окно. Сам увидишь!" Но Рома только смеялся в ответ.

Это вопиющее отсутствие фантазии у людей напоминает мне анекдот про женскую грудь, который любил рассказывать Аркадий Сюзюлетов.

Приходит к врачу пациент, заикается:

- Доктор, я стесняюсь девушек, а мне очень хочется с ними поближе познакомиться.

- Да вы раскрепостите фантазию, будьте проще, думайте свободно, раскованно и говорите, о чём думаете.

- Как это, доктор?

- Ну вот, например, видите за окном гору? Что она вам напоминает?

- Что, доктор?

- Ну, как же! Женскую грудь.

- А! Понял, спасибо.

- Заходите через две недели, расскажете.

Через две недели дверь распахивается, вбегают тот же пациент:

- Доктор, спасибо! Ваш метод меня вылечил! У меня сейчас две любовницы, я просто счастлив.

- Какой метод, какие любовницы? Ничего не понимаю.

- Доктор, вы ещё спросили, что мне напоминает гора за окном!

- И что же она вам напоминает?

- Женскую грудь!

- Интересно-интересно. Ну а занавеска на этом окне?

- Доктор! Женскую грудь, на которую надета комбинация.

- Оригинально. Ну, а вот, например, э-э, ходики на стене?

- Конечно, женскую грудь! Посмотрите на маятник: чмок налево, чмок направо, чмок левую, чмок правую ...

Толкование сновидений по Фрейдю также встречало тупое непонимание и только отпугивало девушек. Однако я заметил, что многие лирические стихотворения и песни Советских поэтов содержали поэтические образы, вполне прозрачно толкуемые по Фрейдю. Если б эти образы были элементами сновидений, то они означали скрытое желание полового акта.

Ходили не только эротические рассказы, но и серьёзная медицинская литература по половым проблемам, часто на иностранных языках. Я охотно делился наиболее ценной информацией, почерпнутой из этих научных источников. И Павловский был первым, кто успешно при-

менил эти знания на практике. Конечно, он, как практичный человек, не всё рассказал маленькой Вале. Нельзя же огорчать пустяками девушку, которая хочет познать новые столь романтические ощущения.

Павловский ушёл в прикладную науку, а оттуда - в предприниматели.

Появились лекторы общества "Знание", которые читали лекции не о жизни на Марсе, а о жизни мужчины с женщинами, или наоборот, женщины с мужчинами, если лекция читалась только для женщин. КГБ готовило кадры для будущей сексуальной революции. Подрастающие номенклатурные сынки требовали внебрачных и добрачных отношений, бесплатных секретарш и платных проституток, - всё, как у людей. Потом пойдут льготы за гос. счёт для отслуживших своё матерей-одиночек. А затем потребуются большие деньги для более изысканных утех и полное обнищание оставшегося населения.

Но это будет ещё не скоро. А пока доктор Центов читает лекции по сексологии в кафе-клубе "Под интегралом".

Первая лекция - для женщин. Мы ходим и выпрашиваем друг у друга, не просочилась ли информация с этой лекции. Наконец, удача. Надежда хладнокровно говорит Аркаше: "Ничего интересного, мы всё это и сами знали. Под конец он дал нам свой телефон, рабочий и домашний, чтобы звонили". Потрясённые услышанным, Сюсюлетов с Соловьём и Антонцевым пишут отчёт с лекции Центова для дам в третий номер "Прометасса".

Третий номер получился больше второго, богаче иллюстрирован, но не такой интересный. Для его обложки Брогилевский наконец-то использовал мою идею: лицо симпатичной блондинки, волосы которой подстрижены и причёсаны так, что образуют вокруг лица стульчак от унитаза. Ёжик с Ромой сморщились: "Фу, Саша!" Но Саша был доволен.

Авторов и тем стало больше. Появились репортажи, анекдоты, мудрые мысли, афоризмы.

Витя Бахис принёс в страничку для девчат, во-первых, пародию на Анастасию Самарскую:

Пародия.

“И коса у меня - русая,
И сама я - русская”.

(С.Т. “Из непечатанного”)

Костюмчик и душа у mine - серые,
С расклёшиной - мои штаны.
Живу в Одессе я, иль на Венере,
А сам - ханты-манси.

А во-вторых, переделку Багрицкого. Их совместный шедевр выглядел так:

О себе.

Я - простой рабочий от станка,
А она - студентка на гумфаке.

Я – рабочий, смена - три рубля,
А у ней - все ноготочки в лаке.

Встретились мы в городском саду,
И, кривить душою не умея,
Я сказал, что я её люблю,
И поцеловал, чуть-чуть робея.

Девушки седьмого общежитья,
Я скажу вам, правды не тая:
Я хороший парень - Бахис Витя,
Хоть и не читал Хемингуя!

Соловей принёс эпиграмму на Ц.Ц.Цыдыдьмункуй-
очиерелендышеремемаева:

Я ЦЦЦ, я член Клорида!
А Брогилевский просто гнида.
А на Васюсю Соловья
Не стану время тратить зря.

Я написал для журнала "Поэму о СУ-2".

В то время наш ненормальный военный лётчик перелетел на сверхсекретном истребителе СУ-2 с Сахалина в Японию и попросил убежища у американцев. Глупость этой акции была налицо. Парень был не жилец. С тех пор его никто не вспоминал. Всё это, и его стремление сбежать в иную жизнь, наводило на грустные мысли. Эти мысли почему-то слились с воспоминанием, что в самом центре моего родного города прошлым летом неожиданно снесли грязный общественный туалет, тем самым доставив мне массу неприятных минут, когда я на него рассчитывал.

И вот что получилось.

"Поэма о СУ-2"

Он не был ни СС, и ни СР,
А просто - гражданин СССР.

И рад он был, и горд, что с...ыт и се...т
В общественный клозет в СССРе.
Но этого не знали в КГБ,
А он не состоял в ВКПБ.

Но вот нашёлся некий индивид,
Сказал, что туалеты портят вид,
Что с...ать ему на тех, кто с...ыт и се...т
В общественный клозет в СССРе.
И индивида знали в КГБ,
И этот состоял в ВКПБ.

Он не был ни СС, и ни СР.
Он с...ать хотел, но не на ССР.
Он сел в СУ-2, он всё хранил в себе.
Он жить хотел наперекор судьбе. -
Но этого не знали в КГБ,
А он не состоял в ВКПБ ...

Мораль сей басни будет такова:
Не надо жить наперекор СУ-2.
Хоть ты и не СС, и не СР,
И с...ать не хочешь на СССР.
Хоть этого не знают в КГБ,
И ты не состоишь в ВКПБ.

Зато в страничку для девчат я поместил настоящую песню под старым псевдонимом, который уже порядком надоел, Любовь Шальная. В первой строке стихотворения слово "Вечереет" принадлежит Вас.Обскому-Соловью. У меня первоначально было "Море, сосны".

"Автобиографическое"

Вечереет, грудь горит,
Жмёт подмышкой платье ...
Мама папе говорит:

Спасу нет от сватьев.

Всех бойчее на селе,
В зависти подруги:
Покорители полей
Прут со всей округи.

Я ж гоню их от ворот
Под аплодисменты.
Мне уже который год
Нравятся студенты.

Этим летом ... Женя мой
С университета.
Говорит он, что домой
Не поедет летом ...

Говорит, хочет набить
Об гранит мозоли.
Стало быть, не хочет быть
Педагогом в школе.

Только жаль, что не пришёл
В это воскресенье.
С ним ужасно хорошо
На душистом сене!

Но вот и подошло время лекции доктора Центова для мужчин. Ребята пошушукались, через Ельчука достали единственный билет и вручили его мне. Я, чуя подвох, стал отказываться, но любопытство взяло верх.

- Записывай всё, нам расскажешь, - напутствовал Рома.

Народу в кафе было не так уж и много. Сидели, не раздеваясь - гардероб не работал. За передними столиками народ потягивал сухое вино, дальше от сцены, где сидел и я, народ был скромнее и обходился так. На сцену

вышел и стал по ней ходить человек с чеканным профилем любимца и любителя женщин. Цвет лица и глубокие мужественные морщины давали понять, что основным его занятием было просиживать вечера за коньячком в курортных ресторанах. Видимо, у него была неплохая практика в санатории или доме отдыха, куда так стремятся попасть все советские женщины. Я вытащил листочки, чтобы записывать мелким почерком.

- Чего хочет женщина? Чтобы её любили, - это была его первая фраза.

Однако, в тёмный вопрос, какой же именно любви хочет женщина, он не стал вдаваться, и с ходу перешёл к мужским проблемам.

- Нецелесообразно заниматься этим в условиях парка. Вас может выследить какой-нибудь псих и неожиданно нанести удар ножом в половую щель женщины. А вы от такого потрясения можете стать импотентом.

- Некоторые пугаются, если у женщины побрит лобок. Они думают, что она больна, и становятся импотентами. А на самом деле это может быть по пустой причине.

- Некоторые чувствуют там внутри бугорок и пугаются, становятся импотентами. А на самом деле это мочевого пузыря.

Он сыпал разнообразными примерами. По нему выходило, что женщины только и ждут, чтобы вы, ни слова не говоря, взяли их за руку, отвели в постель и совершили с ними половой акт. Только не надо ничего бояться, а то можно стать импотентом. Мой небогатый опыт говорил, что таких женщин не существует вовсе. Основной вопрос человечества: как затащить женщину в постель, не получив по самолюбию, - оставался открытым. Я знал, что многие мужчины прямо говорят приглянувшейся женщине, пойдём или дай. Но я знал, что многие женщины на такую прямоту

с возмущением отказывают. А те, кто всё же даёт, не любят об этом рассказывать. Мужики же о таких победах распротраняются охотно.

- Можно на время приостановить движения, если женщине объяснить, почему, - разглагольствовал дальше доктор, - но нельзя продолжать движения, если оргазм уже наступил! Это так вредно, что вы даже не можете себе и представить.

Мне сейчас смешно и грустно вспоминать эти топорные рекомендации. Сколько раз я приносил женщине удовольствие, не следуя им. Женщине всегда приятно, что ради неё стараются. А мне нравится, когда любимой женщине хорошо.

- Неправда, что онанизм иссушает мозг! - перешёл лектор к новой теме. - Разве половой акт иссушает мозг? А это в сущности одно и то же.

Да, старичок, лучше б ты не выпендривался, а просито, как мужик мужикам рассказал о своей половой жизни в санатории. Например, так.

"Ну, пришёл я к одной подруге. То да сё. Она говорит: ладно, мы с тобой ляжем, но ничего не будет - ко мне мужик завтра приезжает. Ну, хорошо, говорю. Легли. Только я ей вставил, сзади, значит, она - прыг на стенку. Легли снова. Подождал немного. Только снова вставил, она - прыг на стенку. Ты что, - на меня кричит, - я уже сплю. Ну, плюнул я на неё и ушёл".

В чём же загадка женской души? Почему писанные красавицы отдаются распи...дьям, а потом всю жизнь страдают? Почему уважаемая мать семейства бежит за заезжим молодцом? Я думаю, что всё просто и примитивно. Спецы пусть меня поправят.

Многие считают, что женщин привлекает секс. Неправда, он им нравится, они получают от него физическое

удовольствие - но не больше. Вы можете стать знатоком Камасутры, научиться приводить любую женщину к оргазму, доводить её в половом акте до изнеможения, она может хотеть этого ещё и ещё, - но это не значит, что она будет за это вас любить, если больше не за что.

Когда созревает яйцеклетка, она требует спермы. Так же, как у мужика - когда накапливается сперма, она требует исхода. Как сказал папа Петеньке: "ты знаешь, оказывается, у бабочек тоже самое!"

Женщина неосознанно начинает искать мужчину с большим количеством неизлившейся спермы. Она узнаёт его по взгляду, походке, по бог знает ещё каким признакам, известным только женщине. Она будет лезть к нему на глаза и кокетничать самым бесстыдным образом. И если этот мужик её в этот момент позовёт, она забудет про весь ваш секс и побежит за ним. Она может не получить от акта с ним оргазма или большого физического удовлетворения. Но она будет очень хотеть этого совокупления и огромное удовольствие получит от сознания выполненного женского долга именно с "настоящим" мужчиной. Она всегда будет с любовью вспоминать этого мужчину и всегда будет помнить, что у него выделилось очень много спермы. Вы думаете, это не так?

Когда я жил в аспирантском общежитии, соседом по блоку у нас был огромного телосложения довольно нелюбимый мужик. Всю неделю он жил один, но в субботу обязательно приводил к себе новую женщину. Как он находил такое количество новых женщин, оставалось загадкой, потому что он с нами не общался. Но он действовал без сбоев, как чётко отлаженный механизм. За неделю у него накапливалось много спермы.

Однажды он привёл ну совсем уж маленькую, раза в два ниже его и совсем худенькую. Она всю ночь кричала у

него в комнатке от боли и умоляла его больше не делать «этого». Но он насильовал её до самого утра, беря своё. Она будила нас своими криками раз десять, это не были крики удовольствия. Мы стучались к нему в дверь, чтобы он прекратил, но он на нас не реагировал. Она, конечно, не кричала: "помогите, спасите". Ей хотелось остаться с этим мужчиной. После очередного акта всё затихало. Последний раз она кричала в шесть утра, когда начало светать. Больше мы её не видели, как и других его женщин. Вряд ли она была проституткой, она была очень скромной на вид. Но почему же она тогда к нему пошла и всё терпела?

Женщины не могут ответить вразумительно на этот вопрос. Они в эти дни, как дети, не ведают, что творят. Бывает, что они создают и проводят хитроумные планы, чтобы отдаться именно этому мужику, и когда отдаются ему, уверены, что только так и надо было поступить. Он может делать с ними всё, что хочет. Впоследствии они только сами себе удивляются, но не раскаиваются.

Уверен, эта хрупкая женщина, хвастаясь подругам про свои десять раз за ночь, не говорила им, как он разрывал ей внутренности своим огромным членом, и как она кричала на всё общежитие от боли.

Мужчины, уделяющие большое внимание победам над женщинами, знают эту особенность их натуры. Потому так презираем в их среде онанизм. Он не "иссушает мозг", а удаляет из организма избыточную сперму, так необходимую для приобретения характерного мужского взгляда, который ценится всеми женщинами и который поэтому так нужен этим половым спортсменам.

Аналогичная онанистам, но более драматическая ситуация случается с любящими мужьями, которые чересчур усердно исполняют свой мужской долг. Со временем они тоже утрачивают этот мужской взгляд охотника до

женщин и становятся непривлекательными не только для жён, но и для их подруг, - мнение которых для жён очень важно, - сохраняя при этом полноценную мужскую потенцию. Часто жёны не только изменяют им, но и бросают таких мужей ради легкомысленного охотника, имеющего женщину не чаще раза в неделю. Такие случаи неоднократно описывались в художественной литературе как нечто удивительное и непонятное.

Отсюда, видимо, исходит и пресловутая рекомендация для супружеских пар совокупляться не чаще 1-2 раз в неделю. Именно такой режим жизни мужчины позволяет ему носить в себе столько спермы, чтобы поддерживать интерес к себе у жены.

Ханжи могут спросить: "А как же любовь?!"

Ну-ну. Спросите лучше у женщин, может быть, они вам и расскажут правду про свою "любовь".

Я вернулся с лекции и честно прочитал свой конспект друзьям. Они посмеялись над глупостью доктора, и Рома заключил:

- Да. Ничего интересного.

На этом с сексологией было покончено. Опять началась сессия. А после сессии надо было разъезжаться по домам, потому что на наши места в общежитии приезжали абитуриенты.

Но в этот раз случилось по-другому. Павловский пронюхал, что можно остаться, если работать в приёмной комиссии. Он каким-то чудом, по знакомству, устроил в приёмную комиссию себя, Сашу и ещё одного своего приятеля. А я поселился у них на свободной койке нелегально. Мне хотелось снова окунуться в ту романтическую пору, когда мы сами поступали в Универ. Бесшабашное чувство свободы и общения со всем миром вновь захлестнуло меня.

Общежитие гудело, как улей. И вместе с ним гудели мы. У нас появились новые друзья и подружки. Мы решали им задачи, рассказывали о студенческой жизни, показывали "Прометасс". Каждый день мы были навеселе, и вольная щенячья радость так и выпрыгивала из нас.

В первый же день мы познакомились с девушками, которых поселили в нашу бывшую комнату. Что греха таить: не все девушки едут, чтобы именно поступить. Они едут, чтобы вкусить свободы вдали от родителей, познакомиться с умными мальчиками, а может, и подцепить кого-нибудь в мужья. Наши девушки были из их числа - это бросалось в глаза сразу. Кто-то из них провалился на первом экзамене, кто-то недобрал баллов. Но зато они были жизнерадостны и общительны. Либо мы сидели у них, либо они приходили к нам. Как приходило в голову. Из них выделялись две Вали. Одна была красивая и рассудительная, а другая - ниже ростом - бойкая и темпераментная. Мне нравилась общительность второй Вали. За короткое время она перезнакомилась с огромным числом народу, со всеми была на ты. Мы часто оказывались с ней рядом, разговаривали только вдвоём, и мне казалось, что между нами завязывается симпатия. В сущности так оно и было.

Но однажды, когда у меня уже начала течь слюна на неё, она ошарашила меня вопросом: "Ты знаешь Кузькина?" - "Какого Кузькина?" - "С мехмата". Я быстро перебрал в памяти все знакомые фамилии мехматовцев. Такого не было. - "Не знаю". - "А вот он тебя знает!" Я ничего не понял, но настроение было испорчено на весь день. Какого чёрта она мне навешивала какого-то парня, да ещё сравнивала? Я спросил у Павловского: "Кто такой Кузькин?" - "А, да. Есть такой. На мехмате". Он выглянул в окно: "Да, кстати, вон он стоит, можешь посмотреть". Я выглянул: "Где?" - "Да вот, длинный". Это был совершенно невыразительный,

худой и сутулый парнишка, с плоским лицом, белёсыми волосами и оттопыренными ушами. Мне сразу полегчало: не конкурент.

Однако времени с Валею мы стали проводить меньше. Её часто не было в общежитии.

Наступил тот день, когда Павловский "порадовал" меня сообщением, что сделал, наконец, свою "маленькую" Валю женщиной. Это сообщение потрясло меня, хотя потрясение было бы большим, если бы он сделал женщиной мою Валю. Мы начали пить с утра. Павловский с радости, а я - чтобы восстановить душевное равновесие. Ближе к вечеру Павловский уехал провожать свою Валю на поезд, она уезжала домой. Моей Вали нигде не было.

В общежитии начались танцы. Я поддал ещё и пошёл на них посмотреть. Зал был пуст, и это быстро надоело. Я вернулся в комнату, все куда-то разбежались. Жуткая тоска охватила меня. От пережитого и перепитого разболелась голова, мутило, и всё было, как в тумане. Я очень устал. В комнате был полумрак. В углу горел тот самый красный фото-фонарь, при свете которого Павловский «делал» свою Валю. Я живо представил, как он это делал, и стало ещё противнее на душе. Я решил лечь спать, но было ещё рано, и сон не шёл. В тусклом свете фонаря всё казалось каким-то нереальным.

Дверь приоткрылась и в комнату проскользнула Валя. Она была в синем тренировочном костюме, вид которого её отнюдь не украшал. В таком обычно ходят в лес.

- А, вот ты где, - сказала она.

- Да, - неопределённо ответил я.

Она подошла и легла рядом со мной, подперев голову рукой, но сверху на одеяло. От неё разлило потом, как будто она только что пробежала стометровку на время, чесноком, запах которого, особенно в сочетании с запахом

табака, я с раннего детства не выносил, ещё селёдкой - но не изо рта, и каким-то приторно-сладковатым тошнотворно-противным запахом. Видимо, она этого ничего не замечала.

- Странно, - лениво подумал я, - оказывается и у женщин их место может пахнуть селёдкой, как у нас. Я раньше об этом не знал.

- Я знаю, чего ты хочешь, - сказала Валя.

Я тоже подумал, что надо бы её положить под одеяло, раз уж она пришла, и что-то начать с ней делать, что полагается, может, поцеловать.

Я повернулся на бок к ней лицом и обнял, чтобы придвинуть поближе. Она чуть заметно напряглась, не выказывая желаний пойти мне навстречу.

Я потрогал её грудь - она была очень маленькая. Однако запахи были отвратительными. Мышцы парализовала усталость, гудела голова. Всё было, как в тумане. Рядом со мной лежала девушка, которая обычно мне нравилась, но сейчас у меня даже ничего не шевелилось.

Я дотянулся губами до её губ и поцеловал. Её губы были сухие и безжизненные. Она никак не прореагировала. Я опять не возбуждился. Это было выше моих сил. Я понял, что ничего хорошего с ней не будет. И эти ужасные запахи ... Это был не мой вечер.

Мы поговорили немного о пустяках, и она убежала.

Вскоре она вышла замуж за Кузькина и родила ему девочку. Года через три мы случайно встретились на улице. После обычного обмена житейской информацией мы немного прошли рядом.

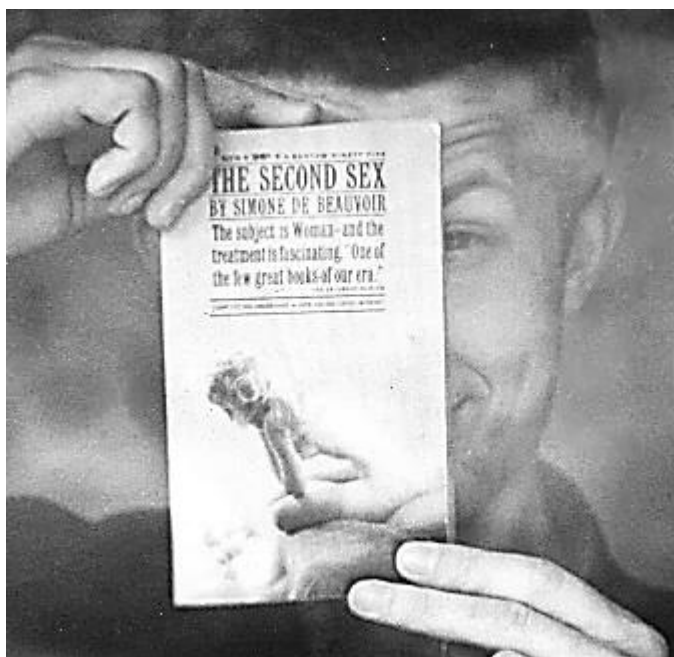
- Я знаю, почему ты на меня обиделся, - неожиданно сказала она.

Я улыбнулся и промолчал, не желая ворошить старое. Она всё ещё мне нравилась. Мы больше не виделись.

Я не обиделся тогда на неё. Я просто впервые столкнулся с таким женским практицизмом, когда только что побывав у одного мужчины, она бежит к другому, чтобы на всякий случай соблазнить и его. «А тому ли я дала?» - вечный бабий вопрос.

Селёдкой пахнет только от мужского члена, и тот сладковатый тошнотворный запах образуется лишь на мужском теле.

И молодая
Не узнает,
Какой у парня был “конец”.
(Из грустной песни)

Глава 5. ДУХ "ПРОМЕТАССА".

*Поезда идут на запад неуклюже, некрасиво.
А с востока к нам доносит свежий ветер Куро-Сиво.
Чуваки, зачем мне запад? Я по западу не плачу.
(Из песни неизвестного автора)*

После пережитых волнений было огромным облегчением оказаться в поезде, который целых пять дней будет везти меня на восток, домой. Я забрался на верхнюю полку и решил выспаться. Я спал день, ночь, потом ещё день. В купе ехало ещё две словоохотливые женщины и девушка на выданье. Женщины никак не могли взять в толк, чего это я всё лежу и не обращаю никакого внимания на такую хорошую девушку. Это, конечно, было нехорошо. Сквозь сон я слышал, как они говорили: "Что нужно девушке: чтобы её обнимали, чтобы тискали". Тут же я вспомнил слова доктора Центова о том, что нужно женщине. Это сравнение девушки с женщиной было бы неплохим началом для отчёта с его лекции, - подумал я. "Прометасс" номер 4 начал зарождаться.

В конце концов пришлось слезть, но девушка к тому времени, слава богу, познакомилась с солдатиком и тем самым спасла моё мужское достоинство.

Погода стояла чудесная, на станциях народ бежал за продуктами и просто выходил поглазеть по сторонам. Настроение улучшалось, я почувствовал вдохновение. Конспект лекции Центова был разделан под орех. Я искажал, утрировал, доводил до абсурда его фразы, добавлял двусмысленности. После такой обработки даже у меня, автора, они вызывали смех. Это был новый стиль в Прометассовской прозе. И я сам не подозревал, как можно так легко исказить и обсмеять казалось бы серьёзные вещи. Я понял, что в меня вселился какой-то новый весёлый дух.

Я приехал домой и обнаружил, что со мной что-то случилось. Неужели это от того, что я выспался в поезде? Я чувствовал острее, видел острее, был всегда бодр и легко писал о том, что видел. Я никогда не испытывал такого интереса к жизни и к тому, что пишу.

Вот пошёл ливень. Обычный для наших мест. Я смотрел в окно, как смешно люди бросились врассыпную, прикрываясь газетами. И тут же само сложилось стихотворение:

Было бѣлым-бѣло и белым-бело.
Солнце в тучу село, прямо засветло.
Стало чѣрным-чѣрно и черно-черным.
Люди побежали в обе стороны.

Между облаками молнии скакали.
Воробѣв стая скрылась под листьями.
Ты глядишь, как с крыши хлынул дождь,
И ответ не слышишь, и вопрос не ждѣшь.

Я люблю летний дождь в нашем городе. Особенно люблю ходить вечером под мелким морозящим дождём по улицам. Он тёплый. Люди куда-то торопятся и из-за дождя не обращают на меня никакого внимания. Всё другое, необычное. Фонари светят иначе, машины шуршат шинами иначе, голоса у людей звучат иначе. Неба нет, туч нет, а наверху в свете фонарей висит какой-то искрящийся кисель. Выйдите на улицу в такой дождик, увидите много интересного.

Но дождь бывает забавным, когда падает неожиданно, прямо с ясного неба. Я попал под такой дождь, прямо на центральной улице, когда светило яркое солнце, и никто не захватил зонта.

"Дождь"

За минуту город наш

Превратился в мини-пляж.
Сверху капает вода,
Снизу - всякая бурда.
Между верхом, между низом
Шпарт девочки к карнизам.
Мини-юбочки в обрез
Вызывают интерес.

На подружках под стеной
Платьица-сорочки.
Дождь - фотограф озорной
Проявил кружочки.
А один бедовый школьник
Разглядел и треугольник.-
Мальчик с детства не овал -
Треугольник рисовал.

По воде бежит девчонка,
Держит ручками юбочку,
Чтобы божью благодать
Выше не было видать.
Две ж девчонки на бегу
Поднимают ножки -
Две девчонки на бегу
Снимают босоножки!

А асфальт, как Иисус -
Всемогущий боже,
Зрит на ихнюю красу,
Только снизу всё же.

Жмут девчонки под карниз,
Бдя законы божьи.
Между вверх и между вниз -
Правдою и ложью.

Как-то я пошёл на пляж. По поводу пляжа Рома любил петь песенку:

Приходи ко мне на пляж
И со мною рядом ляжь.
Приводи с собою Олю,
Я её отканифолю.
Приводи с собою Маню,
Я её отбарабаню.

На что я ему подпевал:

Приводи с собою Катю,
Я её откаракатю.

Рома горько смеялся на это и говорил о моём испорченном воображении.

Так вот, мне нравился этот дикий пляж, где были просто море и просто узкая полоска песка, где не было никаких удобств, кроме редких кустов на крутом берегу. Я взял с собой почитать старый томик Мопассана (тоже Мо), но читать не очень хотелось. Рядом стала располагаться на шикарнейшей подстилке семья из матери и инфантильной великовозрастной дочери, отнюдь не лишённой привлекательности. Мамаша почему-то недовольно на меня озиралась. "Чёрт возьми! - подумал я, - Неужели это из-за книжки?" Меня разобрал смех от такого предположения, а придя домой, я этот случай записал.

"На пляжé с любимой книжкой"

Время острова Коврижка -
3 часа 00 минут.
Я зажал её подмышкой
И пытался развернуть.

На шикарном одеяле
Рядом сели дочь и мать.

Я подумал: - Хали-гали!
Вынимать - не вынимать?

Поборов души смятенье,
Тотчас вынул я его.
Дочь взглянула с изумленьем
И сказала кой чего.

Я засунул всё обратно,
Чтобы не было видать -
На меня тотчас, понятно,
Посмотрела строго мать.

В жуткой позе, как в асане,
Два часа пришлось лежать.
Ах, зачем я Мопассана
На пляжé хотел читать!?

Это был новый приём использования сексуальных двусмысленностей и намёков. Но шедевром этого стиля оказалось следующее стихотворение. Я обычно оставался на пляже до заката, чтобы понаблюдать с высокого берега за огромным заходящим солнцем. К тому времени начинался прибой.

"Наедине с Океаном"

Он был могуч ... Он был поэтом ...
Пылало солнце за кустом.
С кем хоть однажды было это,
Тот не забудет и потом.

Такого -
я не знала прежде:
Меня он нежно
привлекал.
И я забылась.

Злой надежде
Он, не щадя, себя отдал.

Вот, наконец, - и я нагая.
Вот, наконец ... он - сам не свой!
Я окунулась, невзирая
На бурный
ПЕНИСтый прибор!

Заключительный каламбур - настоящая случайная находка. Слова из песни не выкинешь. Вот истинное древнейшее назначение поэзии: за приличными словами скрывать неприличный намёк, который для всех очевиден, говорить пристойными словами о непристойных желаниях.

Серёжа Чернобаев, случайно встретившись на улице, пригласил в поход на мыс Песчаный, что на другом берегу залива. "Ну, и девушки будут", - скороговоркой добавил он.

Катер отходил в 6-30 утра, и мне пришлось добираться на первом трамвае, не выспавшись. Было прохладно и хмуро. Девушек оказалось двое, типичные туристки - ленивые и вялые, но у одной была потрясающих размеров грудь, - видимо, болезнь такая.

Я с детства не люблю походы. А случилось это в пионерском лагере. Мы вышли тоже до рассвета и, естественно, не позавтракав. Я был в недоумении, какая такая нужда была так рано подниматься. Мне достался рюкзак с картошкой, таких было всего три. В нём было её ведра два с половиной, не меньше. Я согнулся, но бодро зашагал в первых рядах. Через полчаса меня стало пошатывать, и я оказался в задних рядах. Потом все ушли вперёд и остановились подождать меня. Они стояли и отдыхали, но только я подошёл - тут же двинулись дальше. Очень мило. Так повторялось несколько раз. Я едва добрёл до привала.

Сварили картошки, но брали её почему-то не из моего рюкзака.

Счастливец, у которого рюкзак с картошкой почти опустел, шёл впереди, разглядывал природу и напевал песни. А я шёл последним и никакой природы-бля вокруг не замечал. Добрели до второго привала. Опять варили картошку, но опять не из моего рюкзака. Я уже с этим смирился.

На третьем привале, наконец, из моего рюкзака отсыпали треть: кушать одну картошку всем уже надоело. После ужина стали готовиться ко сну. Но мальчики должны были стеречь костёр. Кинули жребий - мне выпало дежурить с трёх часов ночи.

Ночью мне приснилась страшная картина. Я почему-то лежал на спине и смотрел вверх. Вокруг меня стояли девочки и как-то странно на меня смотрели. Они шевелили губами, но слов не было слышно. Выше их голов ветер раскачивал сосны, упирающиеся верхушками в чёрное небо.

Я в ужасе что-то промышчал, повернулся на бок и укрывшись с головой. Тут же страшная картина пропала.

Утром меня едва разбудили.

- Что ж ты костёр не стерёг? Мы тебя будили-будили, а ты не встал. Руками от нас отбивался, - набросились на меня девочки.

"Так вот что я видел ночью", - с ужасом подумал я.

- Ну, ничего, мы и без тебя хорошо посидели.

Я так и не понял, куда и зачем мы ходили в поход. Оставшиеся две трети рюкзака картошки я так и донёс обратно до лагеря. С тех пор я не люблю походы и не понимаю туристов.

Но плыть на другой берег бухты, который я каждый день вижу из окна, то как синий остров, то как серое облако на горизонте, - это другое дело.

Я думал, что дорога займёт не больше часа, но берег оказался значительно дальше, мы плыли больше двух часов. Объяснялось это обманом зрения. На том берегу была высокая сопка, и её-то я и принимал за берег. На самом деле берег был за горизонтом, а видна была только эта сопка.

Солнце так и не появилось, пока мы плыли. "Видимо, загорать не придётся, небо не прояснеет". Мы сошли на берег без большого энтузиазма. Чайки почему-то не стремились летать в воздухе, а плавали, как утки, в тихой бухте. Мы прошли изрядно вдоль берега, уходя от цивилизации. Наконец, добрались до какой-то серой полянки, которая была почему-то подходящей.

День прошёл в ужасной скуке. Не выспавшись ночью, я не получал никакого удовольствия ни от купания, ни от ловли крабов, которые норовили цапнуть за палец, ни от еды, ни от разговоров. Девушка с огромной грудью не обращала на меня никакого внимания. А такую грудь очень хотелось потрогать. Я задумал улечься спать рядом с ней.

Как задумал, так и сделал, - и как всегда, ошибся. Нас набилось шестеро в двухместную палатку. Сзади меня поджимал увесистый парнишка, а спереди не такая уж и мягкая попка девушки с огромной грудью упиралась как раз мне пониже живота. У меня, конечно, сразу же встало. Я не знал тогда, что девушкам нравится прижиматься к этому твёрдому и тёплому, и думал, что это свойство мужской природы неприлично выставлять напоказ. В общем, как-то устроившись, чтобы не смущать девушку твёрдым членом, я обнял её рукой и начал исследовать грудь. Девушка никак не реагировала, и я изучил всё, что мог в такой тесноте. Грудь оказалась мягкой, соски не вставали, - в общем, скоро мне это надоело. Тогда я изучил тоже мягкие живот и лобок. Девушка не реагировала. То ли уже спала, то ли ей было интересно, чем это закончится. Я попробовал залезть

к ней в трусы. Но неожиданно на ней, как на луковице, оказалось так много одёжек, и все с тугими резинками, что я понял, что это безнадежное дело в такой тесноте.

И вот представьте себе дурацкую ситуацию, которую я не предусмотрел. Лежит, упираясь в ваш член задрапированным задиком, соблазнительная девушка, возбуждает вас этим присутствием, и никак при этом на вас не реагирует. Ну, если б она меня толкнула, стукнула или обругала тихонько, то я бы устыдился, успокоился и заснул себе. Если б она, к примеру, пощупала мой паяльник рукой или повернулась ко мне, то мы бы, возможно, пообнимались, поцеловались, и я бы заснул, довольный частичным успехом. А то, ведь, полное равнодушие!

Так ко мне и не пришёл сон до самого утра. Только когда все встали, я смог продремать пару часов до завтрака. Встал я жутко разбитый и проклял всех этих бесчувственных девушек с шикарной грудью.

Второй день был не лучше первого. Мы снялись за ранее, чтобы успеть к четырёхчасовому обратному катеру.

И тут бог нас наградил настоящим приключением. Едва мы взошли на борт, подул лёгкий ветерок. Чайки что-то тревожно кричали, плавая в бухте. На выходе из бухты ветер усилился. Катер заметно раскачивало. Мы вышли на палубу на свежий воздух.

Стало быстро темнеть. Волны и ветер усилились. Нас качало основательно. Мы уже не раз бегали к борту, чтобы очистить желудок. Кое-кто добежать не успевал. Эта морская болезнь

никак не походила на воздушную, когда самолёт долго проваливается в воздушную яму, а потом выбирается из неё. Здесь проваливались и выбирались во многих разных ямах, и это происходило бесконечное число раз. Уже всех не раз вывернуло наизнанку, но нас продолжало качать и качать и выкачивать из нас всё, когда-либо съеденное.

К носовой качке прибавилась бортовая. Серёжа ещё что-то пытался рассуждать о преимуществах одной качки над другой. Но мы ещё не добрались и до середины залива.

Я посмотрел вверх на мачту. Она выписывала в небе невероятные кривые. Волны стали перекатываться через палубу, и мы сочли за благоразумие уйти в каюту. Но в общей каюте были духота и запах блевотины. Шум от ветра и волн стоял такой, что перекрывал шум мотора. Мы то выходили на минуту на палубу проветриться, то заходили опять. Мы были давно насквозь мокрые, но на это никто не обращал внимания. Голова была пустой и бессмысленной. Катер еле полз в кромешной темноте, едва прорезаемой лучом прожектора.

Часов в 7 вечера неожиданно показался берег. Мы с трудом причалили и спустили трап. Едва сойдя на пирс, я не поверил своим глазам: земля качалась из стороны в сторону. Удерживая равновесие, я чуть не свалился с пирса. Хорошо, что меня успел зацепить Серёжа. Неуверенной походкой я прошёл метров 30 по асфальту пока не почувствовал, что земля стала качаться меньше, и я могу, наконец, собой немного управлять. Только тогда я остановился, схватившись рукой за какой-то столб. Земля ещё качалась, но намного тише.

Мы, очумелые, пожали друг другу руки и разошлись. Потом Серёжа говорил, что в тот день на середине залива шторм был 7 баллов, - такого никто не помнит.

Об этом морском путешествии я сочинил стихи:

"На морском трамвае"

Все волны были цвета
морской

волны,

И несмотря на это,

естест-

венны.

А чайки над волнами

мяу-

кали,

Как будто занимались

нау-

ками.

Нам места не хватило

на кло-

тике,

Где кое-где осталось

экзо-

тики.

Но мы забрались на нос

и стали

там,

И стали капитанами,

став у

борта.

Но небо почему-то

сменило

цвет,

И солнце - цвет валюты

на цвет

монет.

Куда-то ветры чаек
заны-
кали,
Как будто бы начались
кани-
кулы.
Я в небе хмурый клотик
не на-
хожу.
Фигуры пишет клотик
по Лис-
сажу.
И что-то стало туго
бежать
к бортам.
И кое-кто с натугой
лажал-
ся там.
Я понял с сожалением,
что много
ел.
В минуты облегчения
я вдаль
глядел.
И видел небо розовое
над
землёй.
Хотелось мороженого
и
домой.

В это же лето проходил седьмой съезд Союза советских писателей. Вокруг него был поднят небывалый ажиотаж. "Литературная газета" публиковала все выступления

на съезде. А выступать давали всем. Я не мог понять, для чего была устроена эта грандиозная показуха, и просматривал "Литературку" всю, надеясь что-то уловить. В докладах в основном воспевалась НРКП (аббревиатура Обского-Соловья), то есть Наша Родная Коммунистическая Партия. Но одна речь была не в тему. Это было короткое выступление М.Шолохова, в котором он критиковал своего "друга" И.Эренбурга за то, что тот уехал в Италию вместо того, чтобы присутствовать на съезде.

Вопросов возникало много. Если ты маститый писатель, то почему такая краткая речь? Если ты друг, то почему публично поносишь своего друга? Ну а если истина тебе дороже, то почему ты раздуваешь скандал вокруг пустяка? К чести выступавших позже - скандал заглох, не разгоревшись.

О Шолохове уже и тогда ходили слухи, что он не являлся автором "Тихого Дона". Сейчас известны веские свидетельства в пользу тех слухов. Молодой Шолохов для успеха в жизни воспользовался случайно найденным архивом известного русского писателя, погибшего в ту пору. Он не мог, конечно, представить истинную ценность находки. Но доказательств этим домыслам нет.

Рукописи, как известно, не горят. Шолохов вернул народу его культурное наследие. Причём донести его до народа своевременно помогло именно политически чистое имя Шолохова. За это судьба обеспечила ему и его потомкам безбедное существование.

Когда-нибудь для кого-нибудь, конечно, тайное становится явным. Однако, не для всех. И остаётся вечным вопрос: стоит ли ради истины крушить веру?

Эренбург, которого очень ценил Саша Брогилевский, вряд ли в связи с этой историей мог быть другом Шолохову.

Спустя некоторое время после съезда он умер там же в Италии.

Я взял из речи Шолохова цитаты, немного подкорректировал их, введя стихотворный размер, и получилась басня.

"Свинья и Гусь"
(басня)

Вешенской.

Товарищи друзья! Хочу предостеречь ...

Одна Свинья в свинарнике
решила хрюкнуть речь.
"Меня вот лично крайне огорчает
Отсутствие здесь друга моего - Гуся.
(Похлопали ушами поросё).
Смотрю вокруг - чего-то не хватает;
Не по себе становится,
под ложечкой сосёт,
И чёрной тенью грусть
на душу мне ложится.

Где друг?
Оказывается - ему на месте не сидится!..
Нехорошо! - у друга моего ...
А где ж Гусиное достоинство его?!
Дай волю - каждый возгордится!.."

Мораль:
Читатель! В басне – ложь.
И Гусь хорош.

Вместе с "Литературной газетой" я выписал ещё и детский журнал на украинском языке "Барвинок". И сейчас с большим удовольствием читал детские стишки, тренируя

свои познания в украинском языке. Я пробовал перевести их на русский, но это оказалось трудной задачей. Получился только один стих:

Вадим Бойко.
"Слухняний"

Малий біля дороги
Стоїть і гірко плаче.
Хтойсь підійшов до нього,
Коли таке побачив.

- Што плачеш ти, хлопчіно?
- Сказала мама строго:
Як пройдуть все машини,
Ти переходи дорогу.

И вот уже чекаю
Я, мабуть, пив-години,
Тай досі ще немає
Ні одної машини!

А вот перевод:

«Послушный»

На краю мостовой
Мальчик плачет горько.
Подошёл постовой,
Слёз увидев столько.

- Что плачешь ты, хлопчино?
- Сказала мама строго:
Проедут все машины -
Переходи дорогу.

И уже вот полдня,
Может быть, прождал я,

А машин - ни одна
И не проезжа-ала!

Лето пролетело, как один день. Я дышал полной грудью и жил полной жизнью. Я исходил все сопки, чтобы посмотреть сверху на город. Я доплывал на морском трамвае до бухты Улисса и затем возвращался домой пешком вокруг бухты Золотой Рог. Я уезжал на шикарный песчаный пляж бухты Шамора в будни, когда там почти никого нет, и стоя по горло в прозрачной воде, нащупывал ногами и доставал со дна гребешков. Мне не было скучно одному - я всматривался в жизнь, как будто впервые её видел, и жадно впитывал ощущения. Я сочинял на ходу, а придя домой, записывал, исправлял и снова сочинял. Эта работа сама меня вдохновляла. Я набрал много вырезок и придумал много идей для нового номера Прометасса.

Подошёл день отъезда. Путешествовать по Транссибирской магистрали на поезде в конце лета всегда интересно. Ясная погода, дикая природа, немногословные степенные люди, интересные попутчики, на станциях продают ягоду, огурцы, варёную картошку - всё аппетитное, - проводники разносят чай, не жалея заварки и сахара.

Как всегда, на вокзал меня провожал отец. Он всегда нёс мой чемодан сам, хоть ему и было тяжело. Он всегда делал то, что считал необходимым, и лишь в свободное от забот время - то, что хотел. Переубедить его практически было невозможно. Мы были, как всегда, немногословны. О чём говорить? Я выбрал самостоятельную жизнь, уехав из дому учиться, и он мне уже не советчик. Я тоже ничем ему в жизни помочь не мог. Отрезанный ломоть - обратно не приставишь.

Поезд тронулся. Я представил, как выглядит с перрона удаляющийся хвост поезда, как раскачиваются вагоны и исчезают в туннеле.

Поезда идут на запад неуклюже, некрасиво.

Ай, я хияю.

А с востока к нам доносит свежий ветер Куро-Сиво.

Ай, я хияю.

Чуваки, зачем нам запад?

Я по западу не плачу.

Ай, я хияю.

Наш Владивосток, о бэйби,

Город невысок, о бэйби,

Кабаки вокруг, о бэйби,

Приводи подруг. О бэйби,

Предлагаю памятник снести, о!

День и ночь,

ночь, ночь,

Чья-то дочь,

дочь, дочь,

Хияет рок,

рок, рок,

Владивосток!

Во-сток.

Владивосток, о город мой!

Паровоз коптит трубою чёрное ночное небо.

Ай, я хияю.

Я держу своей рукою чёрную краюху хлеба.

Ай, я хияю.

Денег нет, иду в кабак я -

и толпа со мной в придачу.

Ай, я хияю.

Наш Владивосток, о бэйби,

Город невысок, о бэйби,

Кабаки вокруг, о бэйби,

Приводи подруг. О, бэйби,

Предлагаю памятник снести, о!
День и ночь,
ночь, ночь,
Чья-то дочь,
дочь, дочь,
Хиляет рок,
рок, рок,
Владивосток!
Во-сток.
Владивосток, о город мой!

Эту песню я слышал от друга детства Вовки Иванова, который умер этой весной от рака мозга. Возможно, он её и сочинил. Он был предводителем Первореченской толпы (или, если хотите, шпаны). Он был невысокого роста, лысый, глаза немного навывкате, на затылке была продолговатая шишка. Она-то и перешла в рак. Он всегда ходил в пиджаке и чёрных кожаных перчатках, а когда становилось холодно, надевал шарф и шляпу. Он казался старше своих лет.

Он всегда был справедлив, решителен и хладнокровен. Ему приходилось воспитывать своих младших братьев и заботиться о них. Так же по-отечески он заботился и о своей непутёвой толпе. Никакой уголовщиной там не пахло. Он водил их по улицам, рассказывал байки, придумывал развлечения. И всё это делал, как старший друг. О его отваге и самообладании ходили рассказы. Однажды на набережной на них напала огромная Ленинская толпа. Он сориентировался быстро, выломал из забора штакетину вместе с гвоздями и стал безжалостно крушить её нападавших направо и налево. Те с позором убежали.

Мы оба ходили в шахматный кружок Дома пионеров, где и познакомились. Руководитель кружка "Мастер" Владимир Васильевич Власов-Майский, жизнерадостный

краснолицый толстяк, играя в блиц, любил петь на свой собственный оригинальный мотив известную песню:

Высоко в небе ясном
Вьётся алый стяг.
Мы мчимся на коне,
Туда, где виден враг.

"Именно на коне, а не на конях!" - с жаром говорил он критикам, которые хотели его поправить.

Однажды наша соседка Зина, розовощёкая молодая еврейка, которую я немного стеснялся, смеясь, спросила, а почему это я сижу дома, когда в Доме пионеров полно всяких интересных кружков. Были каникулы после шестого класса, до Дома пионеров далеко, на двух трамваях ехать, но я решился, и всю жизнь с тех пор с теплом вспоминаю эту чёртову тётю Зину. Я записался в авиамодельный кружок и целую неделю вытачивал и шлифовал какой-то пропеллер. Когда это порядком надоело, я решился исследовать внутренность Дома пионеров, здания очень таинственного внутри, и пошёл в другое его крыло. Пройдя коридор и выйдя в холл, я вдруг услышал дикий шум, крики и смех за дверями одной из комнат. Дверь распахнулась и выплонула двух раскрасневшихся ребят очень довольного вида, у одного были слёзы на лице, и им вдогонку грозным, но добрым басом «... и без мамы не возвращайся!». Не зайти было невозможно. Это был шахматный кружок.

Кружок был братством. Здесь все галдели и шумели неимоверно, шутили, пели, смеялись и кричали от души, но никто не смел перечить Мастеру. Сам он восседал за массивным шахматным столом и с неподражаемым азартом и "звоном" гонял блиц с кем-нибудь из старых кружковцев, отрываясь лишь, чтобы внести чей-нибудь результат в одну

из множества таблиц, начерченных им ручкой от руки с изумительной аккуратностью. И в хорошей позиции всегда что-нибудь пел сочным громким голосом на собственный игривый мотив, например:

Последняя туча рассеянной бури,
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую те-ень...
Тень на плетень, тень на плетень!

Или: Что бы нам ни петь,
 Что бы ни гудеть?
 А что бы нам ни петь,
 Что бы ни гундеть?

Или: Хорошо играет
 В эти игры он!
 Но не понимает,
 Где ладья, где слон!

Витя Сивохин иногда негромко вторил, вращая округлёнными глазами: «Хорошо играю в эти игры я, но не понимаю в играх ни... чего». Когда эта шутка доходила до ушей Мастера, он делал страшные глаза и гремел: «Витя! Выйди вон. И больше не приходи!» Через минуту Сивохин возвращался и просил прощения, которое и получал с предупреждением, что это ему в последний раз.

Если Мастер пел что-нибудь попроще, то это уже подтягивали все кружковцы мощным хором:

Сдавайся на ничью!
Сдавайся на ничью!
Сдавайся на ничью
 чью, чью, чью, чью!

Иногда он останавливался, грозно взирал на всю нашу верезжающую толпу и, указывая рукой на самого

шумного, возмущённо отчитывал его: "Лёва! Ты почему так кричишь? Я сам себя не слышу!" На минуту устанавливалась полнейшая тишина, но как только он склонялся над доской, всё начиналось снова. Над зелёным сукном столов, над зачехлённым пианино, над застеклёнными шкафами с книгами и хламом, под высоким потолком, отскакивая от окон и путаясь в тяжёлых бархатных шторах, носился он, уже тогда дух Прометасса, и, залетая в мою душу, оставлял в ней полный восторг и упоение жизнью.

О, эти беззлобные шуточки тёплой мужской компании, только чтобы показать себя и свой гонор, на которые никто не обижается! Как я люблю их с тех пор. Девочки у нас не приживались. Обычно их приводили маленьких, тихеньких, пугливых и скромных. Мастер сюсюкал с ними, гладил по головке и кормил конфетами. Долго и увлечённо беседовал с мамами. Но всё было напрасно.

Вскоре появилась возможность команде кружка поехать на турнир в Ленинград. В отборочном для команды турнире мы с Ивановым разделили последнее выходящее место. Кого брать? По коэффициенту? «Нет, пусть играют матч, из десяти партий!» - уверенно возвестил Мастер. Я вытянул начинать чёрными. В нашем матче выигрывали только белые. Ничья. «Пусть играют ещё одну», - решил Мастер. Как ни желал обратного, я опять вытянул чёрные. Переиграл, мог выиграть в два хода, но опять проиграл. Магия чёрного цвета. Досадно, но не обидно, потому что Иванов был старый кружковец. И вёл он себя по-дружески, с уважением. Да и за матчем все следили с огромным интересом. Это был как матч века.

Оказалось, это было просто не судьба. Я так никогда и не побывал в Ленинграде. Многие города вокруг посетил, однажды ехал на электричке из Москвы в сторону Ленинграда. Но не более. А в перестройку наш институт не нашёл

денег 50 рублей для меня на конференцию проездом через Ленинград.

Мы с Ивановым не были приятелями, я не ходил с его толпой, а он меня туда не звал. Но мы оба были умные и интеллигентные люди. И играли в шахматы примерно в одну силу, хотя и по-разному. Мы жили по разные стороны социальной лестницы: я в сравнительно благополучной семье, он - в бедности и ранних заботах, но мы не завидовали и не презирали друг друга, как это бывает. Этого хватало, чтобы чувствовать друг к другу симпатию.

Как много людей умирают в неизвестности, и живут только в памяти своих друзей, которые помнят их, пока сами не умрут.

Едва приехав, я тут же показал всё написанное Саше. "Ого!" - сказал он и, загадочно улыбаясь, полез к себе в портфель. Оттуда он извлёк огромных размеров толстый альбом для рисования.

- Я это предусмотрел, - смеясь, сказал он.

Я показал Саше речь Шолохова и басню. Он был потрясён совпадением текстов. Он подчеркнул в речи все цитаты, совпадающие с текстом басни, и ко всем приставал:

- Смотри, один к одному!

Наконец, он наклеил речь в альбом, сбоку поместил мою басню и снабдил всё броским заголовком, вырезанным из журнала: "Травля!"

- Ну, Саша, - завертел Ёжик задом по стулу, увидев столь опасный материал, - это надо убрать.

Саша только довольно улыбался.

- Нет, я вам сюда ничего писать не буду. И из других номеров меня вычеркните, - не унимался Ёжик.

- Ладно, ладно, не бзди. Не бзди, как говорится, горохом. – успокоил друга Рома. - Но всё-таки, ребята, давайте кому попало давать это не будем.

На том и порешили.

Так как часть стихотворений я писал от женского имени, чтобы поместить их в "Девичий листок", то подписывать их приходилось женскими псевдонимами. Так, в первых номерах появлялась Любовь Шальная - явно неудачный псевдоним, потом Марина Шершеляфамова, а в этом номере к ней присоединилась её старшая и менее романтическая сестра Ирина.

Женщины Прометасса: Ирина, Марина и Сарина Шершеляфамовы.

Ирина написала стихотворение о ливне, а Марина - "Наедине с Океаном". В следующем номере появится младшая сестра Сарина Шершеляфамова. "Сарина" - так называлась книга первого президента Индонезии доктора Сукарно. Он назвал её именем своей младшей красавицы-жены (третьей по счёту), но про саму эту жену в книге почти ничего не было, если не считать места, где описывалась физиология женского организма. Остальные 98% книги

были посвящены непонятно чему, и издали её исключительно ради дружбы народов. Она стояла новёхонькой на полке районной библиотеки в мои школьные годы.

Завидую моей плодовитости, Э-р По сразу же написал эпиграмму:

Е. Мосампилову.

Он был могуч ... Он был поэтом ...
Теперь он лыс. И поделом.
Кричит: "Карету мне, карету". –
А ведь давно пора на слом.

Багрицкому "повезло" ещё раз: Блюмкин принёс "Метаморфозы":

Сегодня имеем мы булки
И в баре кричим: "Подавай!",
А завтра в глухом переулке
На нас наезжает трамвай.

Сегодня мы кушаем булки
И платим за даму в кино,
А завтра на лыжной прогулке
Идём утюгами на дно.

Моисей Фишман тоже принёс свои сочинения – под разными псевдонимами. Он солидно вошёл в комнату и сказал: "Вот, Саша, смотри. Даю тебе".

Загадка: На небесах мой первый слог,
Точнее, он слегка картавит.
Второй мой слог - зверями правит.
А третий - всяк, кто глаз имеет,
Узрит фамилию обрусевшего еврея.

Отгадка: Б-р-ог и лев ский.

Булат Евтусенский.

“Нет, я не Байрон, я другой”.
Но всё равно на У-нитазе
Стою лишь правою ногой,
А левой - в самом крайнем разе.

Доброжелатель.

ЭПИТАФИЯ

Без Бахиса
Потерпишь крах и са-
мую позорную судьбу.
А с Бахисом -
Всегда Аллах и сом-
нительные женщины в гробу.

Фишман сейчас - хорошо известный украинский поэт. Но он до сих пор не знает, что лучшие его стихи - это те, что он принёс в "Прометасс".

Даже Павловский притащил стихи! Он отдал их Саше и, пряча руки за спину, сказал, что написал их ещё в школе. Мы, округлив глаза, стали читать эти четверостишия.

Во мне всё бушует
и рвётся наружу.
О боже!
Я тоже в стихах говорю.
Ну что ж, ... ,
у несчастных влюблённых
Поэзия быть начинает
в ходу.

* * *

Целую так,
чтоб небо задрожало.

Лишь боги присмирели вдруг,
А я тебя ласкаю, дорогая.
Дороже для меня,
 чем ты,
Не существует жизни.

* * *

Восьмое марта, праздник женский,
В кругу друзей встречай
 всегда.

И в будущем,
 простившись с школой,
Не забывай нас никогда!

* * *

Я никогда бы не подумал,
Что буду здесь
 стихи писать.

Лишь эта проклята
 бумага
Про мои чувства
 будет знать.

И я нисколько не
 стыжуся,
Пускай неказисты
 они.

Но с сердцем я
 сюда вложуся,
Для облегчения
 души.

* * *

Теперь ты, милая,
 гуляй по-прежнему.
Иди своей,

проложенной
тропой.
И пусть останется
глубокой
тайною,
Что отцвела
весна
Для нас с тобой.

Такого откровения мы, действительно, не знали прежде.

- Куда же их поместить? - спросил Саша, - В страничку для девчат это не пойдёт.

- Да уж, действительно, - крикнул Рома, - давай для них заведём новый раздел и назовём его "Лирика". А ещё лучше - "Чистая лирика"! - смеясь, закончил он.

- Только подпишите моим псевдонимом, - засуетился Павловский, - Х.Волвап, это моя фамилия наоборот.

- Меня тоже под псевдонимом, - вошёл Витя Бахис, - я вам принёс сказку про Красную Шапочку.

- Это что, Шарль Перро? - приветливо улыбаясь, спросил всезнающий Саша.

- Перо, не перо, а ты на - почитай, - и Бахис протянул мелко исписанные листки. Саша начал читать.

- Ну, тут ничего не понятно, но стиль есть. Вот тебе альбом, садись и пиши сам аккуратным почерком.

Бахис сел и исписал два листа витиеватыми до непонятности буквами.

Первые читатели, Рома с Ёжиком, вытянули лица:

- Ну, ребята, вы это уже совсем скатились.

- Куда скатились, - не понял я.

- На, почитай.

Я стал читать. Это была эротическая полупорнуха. Красная Шапочка, надев самый привлекательный свой

наряд, пошла по лесу. Встретив Волка, она стала его повсякому соблазнять, пока он не набросился на неё и не стал насиловать. Это было кульминацией всего повествования.

"Здесь было всё: потоки слёз, море крови, последний невинный крик и сладострастные стоны Красной Шапочки, и душераздирающий вопль замершего в экстазе Волка".

Дальше сюжет расплывался и забывался, а художественные средства тускнели.

- Ну и что? Кое-где неплохо написано, - одобрил я.

- Такой трудный почерк никто и читать не будет, - успокоил Саша.

В общем, подписано это было прозрачным псевдонимом Б.А.Хис.

С Витей Бахисом я впервые встретился ещё в абитуре и до сих пор не перестаю удивляться и восхищаться им. Быстро сделав письменную математику и успев подсказать пару идей соседу, я вышел из зала, ловя спиной завистливые взгляды, и пошёл вприпрыжку восвояси. Однако, обернувшись напоследок, увидел выходящего оттуда же небольшого плотного паренька с лукавой ухмылкой, что навело мимолётную тень на моё настроение. На следующий день я пошёл смотреть оценки и опять встретил этого паренька. «Что получил?» - весело спросил он, как старого знакомого. – «Пятёрку» - «И я пятёрку. Приходи к нам вечером в 507-ю в четвёртое общежитие. Отмечать будем». Я опешил: «Ты чё? Послезавтра же экзамен!» – «Ну, и что? Приходи – будет весело». В моё сознание спортсмена, привыкшего к спортивному режиму, никак не вкладывалось это сообщение, и я не пошёл. Но любопытство было сильно, и вечером я прошёлся под окнами его общежития. Из окна 507-й неслась громкая музыка, шум и крики, на

балконе дымили тёмные фигуры, было действительно весело. - «Не обманул!»

Сейчас этот потрясающий жизнелюб стал лысым, но несколько не изменился. И в 60 лет всё ещё отъезжает с женой по четыре версты, как говаривал Бокаччо, по дороге любви. Мой личный рекорд в этом возрасте – только две.

За этой сказкой для детей я вписал отчёт о "Лекции для мужчин".

"- Что нужно женщине? Чтобы её ласкали, чтобы её любили.

- Что нужно девушке? Чтоб её обнимали, чтобы тискали, - так говорили женщины в купе на всеобщем обсуждении молодого человека, всю дорогу спавшего на верхней полке".

Так начинался этот опус на трёх страницах.

- Это что, на верхней полке - это про тебя? - догадался Рома, и все засмеялись. Что ж, пришлось страдать ради искусства.

Народу и галдежа в комнате было, как при создании "УниТАСС"а. Все рылись в куче картинок и придумывали подписи или наклейки к ним. Всё шло нормально, но одна симпатичная картинка никак не удавалась. На ней мужик в плавках, едва справляясь, с трудом удерживал крокодила стоймя, поставив его на хвост, обхватив руками и прижав спиной к себе. При этом мужик всё заглядывал крокодилу вниз на живот.

- Что бы это значило? - ломал я голову, - А, может, он смотрит ниже?

- Мальчик или девочка?! - закричал я, как Архимед "эврика". Никто не понял.

- Кто родился - мальчик или девочка?

Аркаша Сюсюлетов взял картинку, всмотрелся и схватился за живот, давясь смехом. За ним то же повторили

и остальные. Рома, смеясь и глядя на меня, покрутил пальцем у виска.

Мы заполнили все страницы журнала. Это был шедевр. Мы поняли, что над нами витал дух и направлял нас. Мы думали одинаково, смеялись над одним и тем же, ценили одно и то же. Это был дух Прометасса. Вечный дух Прометасса, который летает по свету, находит тёплую жизнерадостную мужскую компанию и вселяется в неё.

Последнюю страницу Рома зарезервировал для себя. Он сел и крупными буквами вывел:

О, Прометасс!
Твой жалкий глас -
Как глаз на фоне унитаза.
Напрягся ... рраз - закрылся глаз.
Вот твой удел,
О Прометасс!

Глава 6. ТУШИТЕ СВЕТ!

*И нежные девичьи губки шептали:
"Не сдамся! Я-бу-ду-молчать."
(Из песни)*

Как-то прошедшей зимой Саша вошёл в комнату с мороза и, не раздеваясь, сказал:

- Так, вступаем в кино-клуб "Сигма". Вы все будете в моей группе. Собрание сегодня в восемь, - видно было, что он волнуется.

Саша, учась в школе, работал киномехаником. На первом курсе он крутил для нас кино на летней площадке перед общежитием. Кино-клуб "Сигма" был элитным, но вот сейчас решил пустить к себе студентов для приобщения к высокому искусству.

После книг кино было вторым Сашиним увлечением. Он души не чаял в киношных трюках. Как-то на первом курсе он привязал вечером в своей комнате к потолку верёвку, подставил под неё стул с книгами, а перед ним поставил стол, чтобы не было видно. Потом выключил свет, залез на книги, обмотал верёвку вокруг шеи, свесил голову на бок и высунул язык. В тёмной комнате на фоне светлого ещё окна это выглядело впечатляюще. Его приятели, предвкушая удовольствие, вышли в коридор заманивать доверчивых студентов. Первая жертва, отворив дверь в комнату и увидав силуэт на фоне окна, завопила истошным голосом, выскочила обратно и побежала по коридору, оря: "Повесился! Повесился!". Сашу вызвали на студсовет для воспитательной беседы.

Брогилевский обладал потрясающей способностью находить забавное в жизни, даже в самых, казалось бы, неподходящих ситуациях. Мне врезалось в память, как он готовил плакаты для защиты дипломной работы. Он нанёс

на ватман серии экспериментальных кривых, на каждом рисунке кривые эти ложились самым беспорядочным образом. А потом взял красный фломастер и с улыбкой человека, знающего высшую истину (видимо, сам бог с такой улыбкой сотворял мир), стал всем предлагать провести на каждом рисунке этим фломастером "среднюю" кривую - кто как пожелает. Многие в ужасе отказывались, страшась ответственности. Но Саша был твёрд: он ни одной средней кривой не провёл сам и, мало того, требовал, чтобы один человек проводил только одну кривую. Работа была защищена на отлично.

Если надо, значит, надо. Мы пришли в аудиторию на собрание и сели. Саша встал из-за стола. Я первый раз видел его таким. Он страдал дефектом речи и очень от него страдал. Обычно он начинал фразу невнятно, вынужден был её повторять, при этом, как бы извиняясь, улыбался, что к нему сразу располагало. Сейчас это был другой человек. Все фразы произносились чётким чеканным слогом. Вся его фигура излучала волю и уверенность. Он даже расправил плечи и не казался худым и маленьким. Я смотрел на него завороченным взглядом.

Вот что значит чувствовать человеку себя авторитетом, чувствовать себя на своём месте. Если б сейчас он сказал: "Встать! В затылок по одному - стройся! - я побежал бы строиться первым. Или остался сидеть с открытым ртом.

В общем, мы прониклись идеей, что кино - это важнейшее из искусств, и гордостью за оказанное нам доверие со стороны учёных. Однако на следующий день Саша пришёл и, презрительно кривя губы, сказал:

- В общем, так: членских билетов всем не дали, только два на группу. Ну что ж, - и Саша засмеялся, - будем делать билеты сами.

Он вытащил уже припасённый для этого кусок картона в цвет и в тон, вырезал прямоугольник и начал на нём чертить обычной шариковой ручкой, сверяясь с оригиналом.

- Саша, что это? - тихо спросил Ёжик.

- Подожди, скоро увидишь.

Саша взял линейку и стал проводить прямые линии.

- Саша, а печать-то как сделаешь? - спросил догадливый Рома.

- А печать будем рисовать синей ручкой!

- Как, рисовать? - удивился я.

- А так. Издалека нарисованная не отличается от настоящей.

- Откуда ты Саша всё знаешь? - изумился Ёжик.

Саша только довольно хмыкнул. Через пять минут всё было готово.

- Так, на кого выпишем билет? На Рому?

- Давай, Саша, - ответил Рома, - А подпись как?

- Да, вот подпись - это сложнее. Надо потренироваться.

Саша взял лист бумаги и стал исписывать его подписями. Наконец, стали получаться похожие.

- Ну вот, всё готово. Получай. Поздравляю с вступлением в члены кино-клуба.

Рома довольный пожал Саше руку.

Саша нарисовал билеты на всех, у кого не получилось нарисовать самому, и мы стали ходить смотреть шедевры мировой кино-культуры, на которые допускались и студенты.

Скоро мы поняли, почему нас допускали: зал был полупустой. Шедевры были достаточно скучны, чтобы не привлекать настоящих ценителей. Мы тоже стали ценителями и на что попало из шедевров уже не ходили.

Кто же их тогда возвёл в шедевры? Есть такое понятие - серьёзные критики. Видимо, народ, который не ходит на шедевры, - это несерьёзные критики. А что уж говорить о тех, кому этих шедевров и не показывают? Они-то высокого искусства уж и совсем не поймут, ещё деньги обратно потребуют.

Мои серьёзные сомнения в честности этих критиков начались ещё в школьные годы с фильма "Великолепная семёрка", который все дружно критиковали, но который настолько потряс меня, что я его смотрел дважды, как "Чапаева".

"Чапаев", конечно, жуткая пародия и насмешка, но дети об этом не знают, им достаётся только благородство героев, которое их и покоряет. В "Великолепной семёрке" пленяет тоже именно благородство, которое объединяет самых разных людей: от юнца-романтика до похоронившего себя заживо старого неудачника. Я смотрел "Семь самураев" Куросавы, по которым сделан этот фильм. "Семёрка" намного лучше.

Сколько хвалебных статей было о "Войне и мире" Бондарчука. Но достаточно один раз увидеть его Наташу Ростову, - это кошмар, - неправдоподобную, недостойную даже анекдотов о ней, которые как раз и пошли после этого фильма, - чтобы понять - что-то в этом киноискусстве не так.

Когда я посмотрел, наконец, "Серенаду солнечной долины" с великолепной Соней Хени, то чуть с ума не сошёл от восторга. А критики лишь сообщали, что это первый трофейный музыкальный фильм. Я млел от "Моей дорогой Клементины", а мне так недвусмысленно намекнули, что этот фильм нравился Сталину. Ну что ж, я стал немного уважать вождя за это.

Среди шедевров попадались и кассовые. Тогда народ валил валом, и купить входные билеты по нашим членским становилось проблемой. На одном из таких сеансов студенты разбили стеклянную дверь - и лавочку для них прикрыли.

Осенью студентов снова приняли, но входные билеты продавали по спискам - только действительным членам, но зато по два на руки, а то и больше.

Как-то раз Саша пришёл и сказал, что будет фильм на французском языке, и что переводчица будет сидеть и переводить с экрана. Это было необычно, и я подумал, что фильм, видимо, этого стоит.

- Дают по два билета, но один знакомый член не пойдёт, могу купить четыре. Кто идёт?

Пойти загорелось всем. Саша принёс билеты, и мы стали ждать сеанса. Пока шло время, о фильме узнали все. Студенты бегали в волнении, как достать билет. Мы довольные отвечали: "А у нас уже есть".

Подшло время сеанса. Мы шли к Институту геологии, где должен быть показ, в густой толпе безбилетных студентов, надеявшихся урвать "лишний билетик". Саша заметно нервничал. Подойдя к институту, он убежал вперёд и затерялся в толпе. Минут через пять он вернулся совсем удручённый.

- В кассе ничего нет, и с рук никто не продаёт, - сказал он тихо, - а мне нужен ещё один билет. Рома, продай свой.

Рома нагло засмеялся в ответ:

- Ты чё, Саша, смотри, какой ажиотаж.

- А ты? - Саша посмотрел на меня.

- Ну, Саша! - с явной неохотой ответил я.

Начали запускать. Саша опять пропал в толпе и, появившись через пару минут, пошёл рядом со мной. Голова его была опущена, и лицо порозовело от смущения.

- Слушай, Мосампилов, - капризной скороговоркой начал он, - ну дай билет. Что тебе стоит?

Я впервые видел Сашу в таком состоянии и сильно удивился:

- Зачем тебе?

- Человека надо провести.

- Какого человека?

- Ну, такого.

Я повернул на него глаза и только тут заметил, что рядом с Сашей в метре от него скромно идёт девушка с нашего курса. Я всё понял. Фильм обещал быть интересным, но девушка - это святое. Я нащупал билет в кармане и с горьким сожалением мысленно стал прощаться и с билетом, и с редким фильмом, и с вечером, который придётся провести в одиночестве. Но Саша смотрел в землю и перемены во мне не видел. Я уже собрался вынуть билет и отдать его, когда он допустил роковую ошибку:

- Ты же всё равно ничего не поймёшь.

Он не знал, что этими словами наступил мне на большую мозоль.

- Нет, Саша, - резко ответил я, и мы разошлись. Девушка подошла к нему и стала утешать.

Хорошо, что мы сидели в разных концах битком набитого зала. Я был обижен на него, как и он на меня, но ещё больше мне было стыдно, что я поддался эмоциям и отказал ему.

Это был лучший фильм в истории кинематографа - "Мистер Кейн". Копия была плохая, а перевод - через пень-колоду. Но фильм хватал за душу, за мужскую душу. Умер миллионер. Умирая, он повторял два слова: "бутончик

розы". Что это значит? Какая тайна скрывается за этим поэтическим образом? Молодой журналист решает это выяснить. Он пристаёт ко всем в его доме, и они постепенно рассказывают его жизнь. Из их рассказов получается, что это был жестокий и скрытный человек. Как же так? Тогда он пытается узнать о его молодости, поре любви, и тоже ничего хорошего, возвышенного не находит. Ему рассказывают о его детстве, как он любил кататься на санках вместе с дочкой гувернантки, но мать запретила ему с ней общаться и разлучила их. Ну, а что же значат слова "бутончик розы", - не унимается журналист, но никто не может ответить. Наконец, ничего не выяснив, он выходит из дома, а во дворе жгут огромный костёр. "Старик был ужасный скряга, - говорит работник, - ничего не выбрасывал, всё хранил на чердаке. Сейчас весь этот хлам сжигаем". Журналист бросает последний взгляд на дом и уходит. А работник берёт в руки очередную вещь - детские санки - и кидает в огонь. Санки падают в костёр, на их сидении нарисован цветок и вокруг него надпись: "Бутончик розы".

Я был потрясён и долго ходил под впечатлением от фильма.

Но всё-таки надо объяснить, на какую мозоль наступил мне Саша. Начну издалика.

Дорогой читатель! Дальше я пишу, положи руку на яйца. Положи и ты себе руку на святое для тебя место, читая то, что я пишу.

Евреев недолюбливают во всём мире. Но не всех. Добрую половину евреев любят. Их любят женщины во всём мире, их любят друзья, с которыми их случайно свела жизнь. Тех, кого любят, есть за что любить. А тех, кого не любят, - мы с тобой положили руку на святое место, - есть за что не любить. А кое-кого кое-кому и ненавидеть. Самим евреям трудно это понять, потому что они привыкли

считать, что "плохой" еврей - это тоже еврей, а кто не еврей - тот "чужой", а значит плохой. Где сейчас твоя рука, читатель?

Мой приятель жалуется: "Представляешь, иду по Брайтону, навстречу - женщина, и так зло мне сквозь зубы:

- Опять еврейская рожа!

Я оборачиваюсь, догоняю её:

- Ты чё? Мы ж не в России!

Так она меня обругала, обматерила, села в машину и ещё оттуда кулаком грозила".

- Да ты чего к ней привязался? - удивляюсь я, - Может, ей только что в еврейском магазине настроение испортили или с мужем поругалась.

- Да, скорее всего. Но всё равно, как-то странно это.

Я рассказал эту историю знакомому украинцу, который родился на Дальнем Востоке и никогда на Украине не жил.

- Господи! - воскликнул он, - да если бы меня хоть какая-нибудь собака обозвала хохляцкой харей, я бы от гордости лопнул! А то живёшь, бля, - ни то, ни сё: жена - чалдонка, дети - русские, а сам кто - никому дела нет.

А началось всё с тупой ошибки, описанной в Библии. В ветхозаветные времена евреи, борясь за высокую нравственность, стали забивать камнями тех своих баб, которые были чересчур охочи до мужиков.

Этот естественный отбор привёл с одной стороны к развитию у женщин ума, а с другой - к многочисленным войнам с соседними народами, у которых женщины, охочие до мужиков, ещё оставались. Правители поощряли войны, имея с них навар в виде тех же баб, и всё было бы хорошо, если б все еврейские воины с женщинами врагов вели себя, как половые спортсмены, то есть стремились только к победам. Однако в большинстве своём они были

физкультурниками, главное для которых - участие. Большой спорт - он не для всех! Многие предпочитали спокойные длительные связи с одной-двумя особами, и даже брак. А это грозило уже моральным разложением армии и народа, потому что связи-то были с женщинами врагов народа, а в долгой совместной жизни жёны постепенно оказываются наверху.

Исправить ошибку было непросто. Женщин объявили грязными в дневное время - народ понял, что это только про еврейских женщин. Кровавые расправы без суда и следствия (вспомните про Тараса Бульбу!) не исправляли мужиков - естественный отбор не закреплял линию импотентов.

Тогда пошли в обход. "Настоящим" евреям запретили кушать пищу, приготовленную неевреями. Это была отличная идея - еду ведь готовили женщины. Затем национальность детей стали считать по матери. Такого рода правил для "настоящих" евреев напридумывали целый Талмуд. Целью было - укрепить старую мысль о богоизбранности еврейского народа и воспитать высокомерное отношение к соседним неэлитным народам, у которых зато были привлекательные женщины.

Успех был налицо: мужики стали бросать своих инородных жён, и бросать их стало у еврейских мужиков чертой национального характера. То есть, и по сей день на чужих женщин их всегда тянет, но они изначально знают, что эти женщины неполноценны и дети от таких жён не считаются евреями, - так зачем же с ними "на всю жизнь"?! Хорошо известно, что в Израиле большую часть проституток составляют брошенные жёны - нееврейки.

Платой за этот "успех" стало презрение к таким "мужикам" со стороны мужчин других народов, которое легло в основу неприязни к "недоброй" половине евреев.

Евреи были первым народом, который пал жертвой своих политических идей. Вторыми были арабы с их джихадом, а третьими – русские, китайские, корейские, кубинские и прочие большевики со своей мировой революцией. Во всём мире к этим народам и группам относятся с подсознательным недоверием. Немцы спасли своё реноме, сумев на деле отказаться от идей фашизма.

Это всё схема, а жизнь, конечно, разнообразнее.

М.Ю.Лермонтов описал случай, когда отец-еврей убил свою единственную дочь за то, что она полюбила не-еврея. Природа женщины такова, что она подчиняется голосу жизни, а не голосу разума. Поэтому поступок этого доброго отца по житейским меркам не только жесток, но и глуп. Однако и по сей день еврейки крайне редко выдаются замуж на сторону. Да и сами воспитаны так, что не хотят.

Для мужчин на словах существует такой же запрет, но он не выполняется. Наоборот, поощряются "тренировочные" браки с нееврейскими девушками: "Пусть мальчик поживёт с девочкой, а потом разведётся". Не менее 90% таких браков (или больше) распадаются в первые два года либо сами, либо с помощью родителей "мальчика". "Девочка" за это время обычно становится мамой.

Характерен анекдот, который не любят вставлять в сборники так называемых "еврейских анекдотов".

Сара приходит с базара, видит, что её малолетний сын пристаёт к девушке-служанке, а та от него отбивается: "Ах, Нюрка, дрянь, немедленно отдайся мальчику. Не мучай ребёнка!"

Как к такой половой практике и морали должны относиться отцы и братья этих девушек - которые тоже подчинились голосу жизни? Должны ли они млеть от оказанной им чести со стороны богоизбранных?

Аналогичная ситуация и в экономических отношениях с "низшими" народами. Примеры типичных еврейских обманов можно найти в рассказах Шолом-Алейхема. Пресловутая "черта осёдлости" была введена как следствие борьбы еврейского и русского купечества за московский рынок: чтобы разорить и вытеснить русских купцов, еврейские купцы снижали цены. Привычка украинского и русского народов к крепким напиткам закалялась в еврейских шинках и трактирах. Сами шинкари предпочитали лёгкое красное вино.

(Однако, я был бы несправедлив, не приведя следующий пример. В Биробиджане не так давно появилась кошерная водка! Называется "Еврейские штучки". На яркой зелёной этикетке под зелёной звездой Давида нарисована весёлая бородатая рожа. По словам продавцов хасиды утверждают, что евреи, которые пьют эту кошерную водку, становятся ещё умнее.)

К сожалению, 10 заповедей Моисея у евреев никогда не распространялись на отношения с другими народами. Богдан Хмельницкий и его последователи поднимали жесточайшие восстания против "поляков и евреев, их любимых управляющих и агентов", причём евреев обвиняли в том, что те "не только лишили христиан средств к существованию, но они занялись ... убийствами, грабежами, ... они насилуют христианок ..." (Лев Поляков, "История антисемитизма", Москва: Лехаим, 1997).

Некорректные экономические и сексуальные отношения с народами, составляющими окружающую среду - это основа неприязни в России также к грузинам и узбекам, торгующим на базарах, на Дальнем Востоке к китайцам, и к "новым русским".

"А почему аборигены съели Кука? - Молчит наука".

В основе всех войн человечества лежат два инстинкта: сохранения жизни и размножения. Каждое общество людей имеет свои запасы пищи и женщин, устанавливает правила пользования ими и охраняет их от порчи и разграбления. В противном случае общество погибает.

Это справедливо для обществ, члены которых связаны естественными узами: семейными, родственными, экономическими, патриотическими.

Хорошо известно, что общества, построенные на спекулятивных идеях: политических, религиозных, националистических, спортивных, - сами себе создают врагов, чтобы оправдать свою необходимость.

Я увидел броское объявление о предстоящем уникальном "суде" - над "антисемитами"- и решил пойти посмотреть. Большая Физическая Аудитория университета была переполнена: люди залезли даже на высокие подоконники, заполнили все проходы и подходы к лекторской сцене. Я пришёл заранее и сидел почти в середине зала, стиснутый с двух сторон.

На сцене за столом сидели академики, представители администрации и общественности. С одной стороны стояли обвиняемые - два запуганных хилых первокурсника (третьего не нашли), а с другой - потерпевшие, года на два постарше, но тоже неуютно себя чувствовавшие.

Обвинитель рассказал о случившемся. Трое ребят из одной комнаты частенько принимали, и по пьянке развлекались, задираясь к жившему по соседству внушительных размеров грузному, флегматичному и абсолютно безобидному Лёве Гольценбергу, а бывало, и к его соседям. Иногда забирали у них ручки (как водится у студентов - не отдавали). Однажды они, вконец охренев, повесили на дверь Лёве бумажку с какой-то угрозой. Лёва струхнул не на шутку и стал искать защиты. За угрозой, понятно, ничего

не последовало. Но подвернулся энтузиаст, который решил наказать "антисемитов" с помощью анти-антисемитского процесса.

Странно, но на процессе эта бумажка с угрозой почему-то не фигурировала. Были только рассказы свидетелей, которые так и не прояснили ни тяжести содеянного: бил кто-нибудь кого-нибудь или нет, - ни степени антисемитизма в угрозах: оскорбляли нацию или же только называли евреев "жидами", как в Америке негров – "неграми".

Вообще-то, если б что-нибудь подобное возникло на нашем курсе, разрешалось оно элементарно просто. Достаточно было об этом сказать любому нашему студенту внушительного вида, пусть, тому же Антонцеву. Тот с большим удовольствием снял бы рубаху (чтобы мускулы было видать!), пошёл к этим первокурсникам, поматерил их как следует, пригрозил, если надо было, - и никаких проблем. Ну, если б совсем тупые первокурсники попались, то собрал бы ещё ребят для дополнительного воспитания. Всё было бы шито-крыто и эффективно.

На нашем курсе ничего подобного и не могло возникнуть. Хоть и из разного, но "вышли мы все из народа". Когда слух о мощном новом университете в Сибири прошёл по стране, сюда кинулись поступать отовсюду те, кто не мог поступить в хороший вуз в Москве. Евреи с Украины верили, что их в Москве в престижных вузах не примут из-за пятой графы. А русские за Уралом знали, что им не светит в столице из-за отсутствия руки. Имеющие партийный блат спокойно летели в Москву и поступали, и никто на их графу не смотрел. Да и сама графа давно уже была исправлена по тому же блату. Остальным даже авось не помогал.

Однако, через пару лет престиж нашего Универа настолько вырос, что к нам полетели и блатные. Жизнь у кормушки, где надо уметь хорошо отпихивать, приучила их

делить людей на своих и чужих, партийных и беспартийных, русских и евреев. Вот из этой-то среды и вышли те хилые низкорослые пареньки с бегающими глазками, загнанные сейчас в угол сцены. Заводила был только один из них, остальные - бледные подпевалы.

Выступлений было много и все были против "антисемитов". Их клеймили на полную катушку. Им явно светило исключение из университета. Однако сами потерпевшие никакой кровожадности не проявляли.

И тут произошло самое невероятное. Слово взял академик Александров. Он говорил резко, громко и эмоционально. Он раскритиковал выступавших и пристыдил зал за участие в этом недостойном судилище над несмышлёными ещё молодыми людьми. Он говорил, что у них ещё вся жизнь впереди, а тут их клеймят позором и выгоняют из вуза за вообще-то ребячество и пустяк.

На зал вылили ушат холодной воды. Я обалдел и ничего не понимал: как? еврей выступает за антисемитов? против евреев? Академику никто не смог убедительно возразить, хотя попытки были. Собрание быстро закончилось. Ребятам вкатили выговоры, но не выгнали. Третий ушёл из Универа сам, у него были серьёзные проблемы с успеваемостью.

Я понял Александрова гораздо позже, когда прочитал воспоминания энтузиаста, организовавшего этот "процесс". Спустя десятилетия этот человек так и не подобрел. Он восторгался тем, как они "показали" антисемитам и тем, что Лёва Гольценберг, "как богатырь" сражался с врагами. Я там был: Лёвин голос был еле слышен, а сам он старался скорее улизнуть со сцены. Из уважения к Лёве, который мухи не обидит, врать на него ради идеи не буду.

Я вырос в семье переселенцев с Запада на юг Дальнего Востока, вырванных из привычной среды

обитания и старавшихся приспособиться к новой жизни. Вокруг жил такой же случайный интернационал, зарабатывавший на жизнь, чем придётся, и со всеми мы старались жить в добрососедстве.

Работником умственного труда стал случайно. Директору школы, где я учился, когда все уже разошлись на летние каникулы, срочно пришла разнарядка послать кого-нибудь на отборочную олимпиаду. Он вспомнил, что я неплохо учусь, и случайно встретив в школе ученика, который знал, где я живу, отправил его ко мне с запиской. Олимпиада начиналась на следующий день. Я неожиданно попал в призёры, и меня взяли в летнюю физматшколу.

И до и после этого я участвовал в ежегодных городских олимпиадах и никогда не знал, какие места там занимал. Потом я познакомился с ребятами, которые были неоднократными победителями этих городских олимпиад, ездили на олимпиады в Москву. Я заинтересовался, чем же они были настолько лучше меня? В задачках они разбирались даже хуже. Один из них сделал себе телескоп, отшлифовав своими руками зеркало (об этом даже была статья в краевой газете), - я на такое нудное занятие не способен. Но зато я собрал себе из линз и трубок неплохую подзорную трубу собственной конструкции. Один писал стихи, был комсомольским лидером и круглым отличником. Я слышал его стихи по радио: в них он сетовал, что в Смольный дворец в Ленинграде пускают только по партийным билетам, и выражал уверенность, что и у него будет партийный билет. Моё заочное восхищение им померкло.

Они были лучше развиты физически, хорошо упитаны и жизнерадостны. Их родители занимали намного более высокое положение в обществе, чем мои, и имели больший доход.

Мне не было причины комплексовать: я тоже был начитан, ну, немного меньше, во многом разбирался, мог при случае и стихи написать, и что-то слепить или нарисовать вполне похоже. Я не чувствовал себя ущербнее или глупее. Если не умел играть на пианино, то неплохо играл в шахматы.

Они были евреями. У нас в классе тоже было много евреев, они были хорошими друзьями, но особых звёзд с неба не хватало.

И всё же, почему на официальных школьных олимпиадах побеждали эти ребята, а на случайно возникшей, где они тоже были, - я? Я побеждал на всех олимпиадах, отборочных к летним физматшколам, на одной даже занял два первых места - по физике и математике. А на обычных ежегодных школьных олимпиадах мне даже не сообщали, насколько я отстал от призёров и почему.

Был у нас в шахматном кружке Миша Левицкий. Он всегда ходил в опрятном костюмчике с галстуком, с умным видом, сдержанными манерами и глубокомысленной речью. Играть с ним было очень легко. Он свято верил в силу теории, а когда книжные ходы кончались, быстро рассылался, не в состоянии уследить за всеми угрозами. Видимо, в раннем детстве он мало играл в прятки, пятнашки, лапту, футбол, мало стрелял, сражался и боролся, мало ловил мух и бабочек, - тем самым не развил в себе способности к мгновенной реакции. Я легко выигрывал у него все партии. Мы подрастали, но результат оставался тем же.

Я помню последнюю с ним партию. Я разыграл её слишком самоуверенно, зная о конечном результате, и после его сильного выпада понял, что теряю пешку. Это не смертельно, на ничью уйти можно, но было досадно поплатиться за самоуверенность. Я прикинул и решил отдать ещё одну пешку, а пока он её будет забирать,

приготовить жертву последнего коня. Если он всё заметит, то шансы на ничью остаются, а если нет – то тут уж ему придётся попотеть. Миша тоже понял, что выигрывает. Лицо его порозовело, и вместо обычной невозмутимости появилась человеческая улыбка. Пока я думал, он ходил и хвастался своей позицией. Я понял, что он попадётся. Так и случилось. После жертвы коня лицо его переменялось. Это было крушение всех надежд. Можно было ещё сопротивляться, но он отступил королём не туда и проиграл без борьбы.

Он мне нравился своей невозмутимостью и опрятностью, и мне совестно было учинять ему такой разгром. Но я играл честно, с полным соблюдением спортивной этики.

Но что было дальше, я не забуду никогда. Миша, окружённый сочувствующими друзьями, отошёл к шкафу и тут, не сдержав эмоций, заплакал навзрыд. Сквозь всхлипывания до меня доносился его голос:

- Я лучше всех учусь, я много книг прочитал и много знаю, я готовился к партии, а этому какому-то, - и он пренебрежительно назвал мою фамилию, - опять проиграл.

Мне было жаль его, но я обиделся. Вообще-то я о себе был высокого мнения. Недругов у меня не было, и я не мог представить, за что обо мне можно думать плохо. Почему это я какой-то? Я чемпион города, игру эту понимаю лучше, за это меня можно и уважать. Я же его уважаю за то, что он много знает. Или если его папаша известный адвокат и может обеспечить и костюмчиком с галстуком, и хорошими книгами, которых у меня нет, и с учёбой может помочь, то что, я из-за этого становлюсь “какой-то”?

После этой партии Левицкий играть со мной гордо отказывался. Но почему он не мог допустить, что я обычный русский мальчишка из небогатой семьи могу быть

в чём-то лучше его – волею судьбы благополучного интеллигента-еврея? Я стал обращать внимание на подобные случаи.

Как-то мы с командой проезжали на поезде по Еврейскому округу Хабаровского края. На станции к нам в купе подсели два разбитных еврейских парня немного уголовного вида и старше нас лет на пять. Они были очень веселы, и, узнав, кто мы такие, стали подкалывать нас, намекая, что они-то уж на голову умнее. Я забавлялся их беспочвенной самоуверенностью, но остальные ребята явно смутились такому напору. Парни стали предлагать сыграть в шахматы единственному среди нас брюнету, видимо, считая, что он наиболее сильный и достойный. Тот, совсем смутившись, отнекивался. “Может, со мной сыграете?” – скромно сказал я. Такой тип людей был мне знаком, я их уже вычислил, и результат игры не вызывал сомнений. – “С тобой что ли? Ну, давай, если ты всех сильнее”. До середины партии они ещё пускали шуточки, но потом замолчали. Зато наши всё чаще прыскали в кулак. Вторая партия прошла в полном молчании и тоже быстро закончилась в мою пользу. Над ними никто не смеялся - мы были сильными игроками, каждый мог, пожалуй, выиграть у них матч. Парни отсели от нас на край скамьи и битый час до своей станции не проронили ни слова.

Мне нередко приходилось демонстрировать свои способности перед евреями, и часто первоначально пренебрежительное отношение ко мне сменялось изумлением и повышенным уважением. Как будто я феномен какой-то. Мне это нравилось, но оставалось недоумение, неужели они первоначально считали меня недоумком? Я встречал очень многих русских, которые были умнее и способнее меня.

Однажды Саша Брогилевский принёс какую-то редкую книгу, недавно переизданную. Он был очень доволен своим приобретением и, читая её, наиболее сильные места повторял для нас вслух. Мне это скоро надоело, и я сказал ему, не поднимая головы от конспекта, что будет в этой книге дальше. Он остолбенел:

- Откуда ты знаешь? Эта книга только что вышла, а первое издание было ещё до войны.

- Да вот, знаю. - Мне не хотелось долго объяснять, что книгу я, конечно, не читал, но зато не один раз слушал радиопостановку по этой книге. У нас в городе был драматический театр, а в нём замечательные артисты, которые не только играли в театре, но ещё создавали чудесные радиопостановки для школьников, которые транслировало местное радио. Я очень любил их слушать. Популярно на радио было и художественное чтение, для которого выбирались редкие и очень хорошие книги. Бедность районной библиотеки с лихвой восполнялась слушанием радио.

Сашино самолюбие было задето всерьёз:

- Как! - ехидно засмеялся он. – Ты, Мосампилов, не читаешь никаких книг, а эту книгу читал?

Я немного обиделся: что это он меня за неуча считает? Сейчас не читаю – так раньше читал, почему я не могу знать этой книги? Я решил его уесть до конца и рассказал из книги ещё немного. Саша затих в углу и больше не выступал.

Но не забыл. Однажды он ни с того, ни с сего спросил:

- Слушай, Мосампилов, сколько человек из вашего города поступило с нами вместе в Универ?

- Три на физфак, один на мехмат. Четыре.

- А из наших Черновиц - 14! А расстояние до Новосибирска примерно одинаковое.

- Ну и что?

- Как "ну и что"? Насколько в нашем городе люди умнее!

Ах, вот оно что. Опять взыграло Сашино еврейское высокомерие. Все эти 14 человек, я знал, были евреями, а наши 4 - сплошной интернационал. Мне стало смешно, а потом грустно: о чём думает умный вообще-то человек! Но провокация Саше не удалась. Я, прикинувшись, что ничего не понял, решил даже польстить ему:

- Но вы же ближе к Европе, к культуре.

- Да, вообще то, - не нашёлся чем ответить Саша.

Но мне это не понравилось. Я не чувствовал себя глупее ни одного из знакомых мне евреев, и попытки унижить меня намёками на мою якобы неполноценность раздражали. Тем более, что "Прометасс"-то мы делали вместе.

И вот, когда Саша сказал на подходе к кинозалу своё "ты же всё равно ничего не поймёшь", эта полновесная капля ничем не обоснованного высокомерия переполнила мой шкалик терпения.

Вопрос о том, какой народ какого глупее (имеются ввиду мужчины), часто обсуждается (чаще в анекдотах), точно так же, как чьи женщины красивее. И естественно, существует негласная, но более-менее принятая расстановка по рейтингу. Этот вопрос сродни вопросу о том, кто умнее - мужчины или женщины. Общее мнение, которое выработывалось в основном мужчинами, известно. Но если учесть, что ум дан человеку, чтобы лучше приспособливаться к изменениям жизни, то мудрее явно женщины. Их больше, они в целом устроены в жизни лучше и живут дольше. То же, видимо, и с народами. Кого больше и кто меньше конфликтует с соседями, тот более приспособлен к жизни - значит, умнее.

Даже бомж может иметь такой жизненный опыт, какой не снился и академику. Имея этот опыт, он может иногда понять то, о чём академик и не догадывается. Поэтому даже последнего бомжа следует изначально уважать, и академику тоже.

Мы с Брогилевским не вспоминали инцидента с билетом и оставались друзьями, а девушка в своё время стала его женой и опорой в жизни.

Однако, созревало желание делать номер 5.

- Ну что, пора делать журнал? - спросил как-то Саша, доставая пару альбомов для рисования средних размеров.
- Я тут зашёл в торговый центр и взял с запасом, они редко бывают.

- А! У меня тоже кое-что есть - из непечатанного, - и я показал ему очередной "шедевр":

“Первый вариант жизни и смерти Гр. Мана.”

На белом унитазе
Гр. Ман лежал в экстазе.

Спустился с неба Томас Манн.
Сказал: "Идём со мной, Гр. Ман".

Потопал вслед за Томом
Талантливый потомок.

- Так. Значит, передовую мне придётся подписывать иначе, раз Г-р Мана уже нет.

Наша технология была уже отработана. Опять насобирали вырезок для картинок и заголовков, заполнили те же обязательные рубрики: передовая редактора, стихотворение номера, страничка для девчат, - и вписали разнообразные материалы читателей, которых пришлось для этого немного пошевелить.

Не обошлось и без эпиграмм. Я тоже написал - на Ц.Ц.Цыдыдьмункуйочиерелендышеремемаева:

На каждом на яйце
Пишу я букву "Ц".
А третью – нивкакую.
Так напишу на ...

Три точки были написаны на клапане, наклеенном в этом месте на лист. Кто отважился приоткрыть клапан, мог увидеть под ним скрытое слово в рифму. А кто не хотел увидеть - тот и не смотрел. Равноправие и свобода слова. Эта идея крайне не понравилась Роме с Ёжиком, и к ним неожиданно присоединился Саша. Но договор дороже денег - каждый пишет своё сам. Правда, Рома спустя некоторое время замазал нехорошее слово под клапаном. Вот - насилие цензуры и дискриминация прав той половины человечества, которая не боится открыть клапан!

Материала не хватало. Мы ввели рубрику "По страницам слипшихся газет", куда я вписал несколько стихотворений и басню Ивана Козьмича Пруtkова из недавно изданной великолепной книги "Поэты "Сатирикона"".

Путник и Ворона.

Не вовремя раскрывши рот,
Не оберёшься ты хлопот.
Однажды Путник шёл из дальнего предела
И так по сторонам зевал,
Что, рот раскрывши, - то и дело
Его закрыть позабывал!
На ту беду случись лететь Вороне
(Что тварь сия глупа - давно молва идёт!).
Она к нему направила полёт
И ... прямоком попала в рот,
Оттоль - в живот,

И там сварилась, как в бульоне.
Читатель-друг! Мораль весьма проста:
Живи, не раскрывая рта.
Дабы не токмо что Ворона не влетела,
Но и тебе чтоб не влетело.

Покончив с пятым номером, мы, не долго думая, принялись за шестой. Ощущалось, что этот номер будет последним. По форме и содержанию он очень походил на предыдущий. Я решил похоронить Ирину Шершеляфову и сочинил по этому поводу коротенький некролог, завершившийся некрологическим стихом:

Дорогой читатель-почитатель,
Ты меня не спрашивай о ней.
Появился ты и так некстати:
Не прошло ещё и сорок дней.

Под ножом дежурного хирурга
Умерла она в расцвете сил ...
Слава нашим славным металлургам!
Руку дай. Прости, что попросил!

Находка "читатель-почитатель" спустя полгода появилась на 16-й странице "Литературной газеты". А незадолго до этого один из Сашиных друзей носил наши номера "Прометасса" читать заезжему члену редакции этой 16-й полосы "Литературки".

В страничку для девчат пошло "Страстное" стихотворение опять того же И.К.Пруткова:

Белозуба, толстогуба,
Крутобёдра, -
Ты мне нравишься сугубо,
Дева Ходра!
За тобой блуждаю всюду
Словно тень я.

Ах! зачем в тебе ко блуду
Нет стремленья?!
Воспылай ко мне, о Ходра, -
Вспыхни жаром!
Толстогуба, крутобёдра
Ты недаром!
В ноздри вставлю я браслеты,
Выгну бёдра.
Полюби меня за это,
Дева Ходра!

Для последней страницы я сочинил кроссворд "Знаете ли вы Прометасс?" Среди вопросов кроссворда были: "Удачливый рыбак, поймавший двух акул", "Кого не читал Витя Бахис?", "ЦЦЦ - член Клорида", "Чувство, которое мы испытываем в дни исторических юбилеев и, глядя на голых баб" (подъём). Я соорудил из ответов некое подобие унитаза с верхним бачком, для чего очень подошла длинная фамилия ЦЦЦ, и обвёл так, что получился очень похожий рисунок.

Но всё это было уже не очень весело. Мы знали, что в следующем семестре нам уже не жить вместе: мы становились выпускниками, и нас расселяли в маленькие комнаты по одному или двое (для нашего удобства!) и в разные общежития.

Глава 7. «МЫ СТРАННО ВСТРЕТИЛИСЬ И СТРАННО РАЗОШЛИСЬ».

*Говорит старуха деду:
- Я в Америку поеду!
- Ах ты старая п...да,
Туда не ходят поезда!
(Частушка)*

Наша компания распалась. Мы, конечно, встречались и собирались, но это было не то.

Мне не повезло: нашу специальность поселили в новое общежитие, где маленькие комнаты были рассчитаны на двоих. Два человека в комнате - наиболее неудачное число: слабому нет защиты в лице третьего. Самый стабильный и комфортный коллектив - это, конечно, трое. Третий в нём - как третейский судья. Только полностью психически совместимые люди, такие как Рома и Ёжик, могут нормально жить вдвоём.

Мой сосед играл на гитаре в ансамбле, который иногда выступал на танцах. Вскоре он стал водить подругу. Умом он понимал, что мне это тяжело, но поделать ничего не мог: мы не были настолько дружны, чтобы подружка стала общей. Они заваливались под утро, уже тёплые, стараясь не шуметь, лезли под одеяло, и совокупляясь, издавали громкое хлюпанье и чавканье, как голодный, набив рот, чавкает от избытка выделяемой слюны. Через полчаса чавканье возобновлялось. К следующему я успевал заснуть.

Подруга была многоопытной и ненасытной. Однажды, когда сосед после дела вышел покурить, она, недоё...аная, жалобно позвала меня из своего угла: "Мосампилов, мне холодно. Иди меня погрей". Ага, так и побежал! Не хватало мне скандала. От неё я однажды узнал, что у настоящего мужчины должен быть такой взгляд, чтобы

женщину аж в дрожь бросало. И советовала вырабатывать такой взгляд перед зеркалом. У соседа, однако, я никакого такого взгляда не замечал.

Одно время мелькнул слух, что они собираются пожениться, но вскоре она пропала, так же внезапно, как и появилась. Пока они были вместе, от соседа частенько несло тем самым тошнотворно-сладковатым запахом, что отнюдь не увеличивало моей симпатии к нему.

До конца учёбы жизнь была серой. На выпускном вечере я сильно поддал, и запомнил с него лишь один странный эпизод. Ко мне подошёл студент, которого я хорошо знал, но не могу вспомнить кто, и между прочим спросил:

- Говорят, вы у себя журнал издавали?

- Да было дело, - я был уверен, что он-то его читал, потому что был хорошим Сашиним знакомым, и поэтому удивился такому вопросу.

- Что, вся ваша комната?

- Да не только.

- Я видел, у вас и женщины писали? Какая-то неизвестная Света Тихонова.

- Да ты чё? – хохотнул я - Понятно, что это псевдоним.

- Чей?

- Ну, тут прозрачно: Самарской. Тихонов и Самарский – помнишь? А у Бахиса, например, так ещё прозрачней - Б.А.Хис, - расхвастался я. Мне было известно, что он был в хороших отношениях и с Бахисом.

- Вот это да! А у тебя какой был?

У меня было несколько псевдонимов, и я думал, что о них-то все знают. Поэтому такое неведение мне уже показалось сильно подозрительным. Я пожалел, что сказал много, и решил завязывать эту тему:

- Да всякие.

Мы разошлись, и у меня из памяти напрочь вылетело, кто это был. Да и самому эпизоду я не придаю особого значения. Но слова мои, сказанные в подпитии, видимо, пошли гулять, и куда они зашли, я узнал лишь 24 года спустя, когда судьба снова свела меня с Анастасией Самарской.

Как-то мы заговорили о прошлом, и она неожиданно сказала:

- А ты знаешь, ведь нас с Бахисом вызывали?

- Куда? - от догадки мне стало не по себе.

- В КГБ.

Мгновенно вспомнился разговор с тем некто, и от изумления я смог лишь спросить, потеряв способность соображать:

- Что ж вы до сих пор молчали?

- Да вот так.

Из всей нашей компании в КГБ вызывали ещё лишь Брогилевского, и в этом я тоже был косвенно повинен. Но об этом потом.

Однако Анастасия лукавила. Её отец был работником КГБ, и папина дочка исправно таскала ему номера "Прометасса" для прочтения. "Ребячество", - заключил он, и его успехи по службе стали меньше.

Мы разъехались, но иногда встречались. Журналы поделили. Через два года я соорудил журнал номер 7, в котором решил похоронить себя и Марину Шершеляфову. Но это было уже полное убожество. Смешной была только одна шутка. На вырезанной откуда-то цветной фотографии была изображена демонстрация студентов, которые с серьёзным видом несли как плакат поясной портрет голый женщины. Эту картинку я вставил в некролог о

Марине и под ней написал: "Почитатели таланта поэтессы несут её портрет в натуральную величину".

Рома с Ёжиком долго упрашивали меня дать им на время хранящуюся у меня часть "Прометасса". Ёжик собрался линять за границу, и я понимал, что они могут уничтожить журнал. Но Роме всё же удалось обманом меня уговорить, и они торжественно сожгли все 6 номеров в лесу у своего общежития. Варварское решение. Проще было отдать всё мне, это было бы, как могила. Но уезжавшие на ПМЖ всего боялись. Ёжик пропал для всех в Западной Германии и появился в эфире лишь через 25 лет. Рома тоже спустя несколько лет выехал в Израиль. Саша уехал в Якутск и жил там довольно долго.

Однажды мне в руки попала пачка бланков каких-то членских книжечек. А почему бы эти книжечки не использовать для издания антологии "Поэзия ПрометасСа"? - подумал я. Память у меня ещё была молодая, я вспомнил лучшее из опубликованного, разбил на тематические тома, среди которых были: "Женщины ПрометасСа", "Чистая лирика", "Гул стихий", "Вас.Обский-Соловей", "Е.Мосампилов", "Эпитафии и эпиграммы", - и получилось отлично. Я думал сделать 9 тематических томов, но вспомнилось только на 6. Остальные решил оставить на потом. Поэтому назвал серию "Избранная лирика ПрометасСа". Переписал копию и отправил на радостях Саше в Якутск.

КГБ к Саше уже присматривалось: он имел неосторожность не пойти на ноябрьскую демонстрацию трудящихся, а кроме того доставал для себя и неосторожно давал читать другим довоенные книги, которые вообще-то не были запрещены, но считались нежелательными для народа. Моя антология оказалась весьма "кстати". После того, как он дал её почитать нескольким знакомым, кэзэбэшники сделали у него тайный обыск, а потом пригласили

на беседу. На ней они упомянули и мои книжечки и потребовали, чтобы Саша их принёс. Саша быстро побежал домой, сжег антологию, а вместо неё за полчаса написал другую - без чего-либо крамольного, и отнёс.

На этом история не кончилась. В один из приездов к нам в Городок Саша зашёл ко мне и попросил мою копию "Поэзии Прометасса" взамен сгоревшей. Я охотно ему дал и сказал, что себе сделаю ещё, потому что у меня есть черновики. Через полгода Саша уехал с семьёй в Америку. А ещё через несколько лет, когда я решил, наконец, восстановить антологию в полном объёме, обнаружилось, что её черновики таинственным образом пропали. Исчезли и другие черновики: репортаж с лекции доктора Центова, заметки и почти все мои стихотворения.

Саша живёт недалеко от Брайтон Бич - райского уголка Бруклина. Когда я, заехав к нему, спросил про мою копию антологии, он признался, что сжёг её, когда уезжал. А на мой рассказ о пропавших черновиках только внутренне ухмыльнулся.

Ёжика провожали все друзья. То есть отмечали его отъезд. Он жил с очаровательной женой и годовалой дочкой в аспирантском общежитии. Про его жену Аркадий Сюсюлетов качал головой и, восхищённо улыбаясь, говорил: "настоящая еврейская женщина!"

К Ёжику приехали его родители и сестра с мужем, чтобы уезжать отсюда всем кланом. Он был тихий и примерный отличник, староста группы и общий любимец. Он оказался первым, кто уезжал за границу насовсем, в ту пору это озадачивало. Но если надо, значит надо. Мало кто всё это понимал, но с расспросами не приставали.

После застолья, как водится, мы пошли провожать друг друга. Был тихий и тёплый летний вечер. Мы шли

тёплыми группками по широкой улице Ильича, проезд по которой в те времена был закрыт.

Неожиданно от шедших впереди отстала мама Ёжика и подошла ко мне:

- Ёжик мне говорил о вас. Вы его друг.

- Да, - согласился я.

- Возьмите меня под руку.

Немного смутившись, я попробовал это сделать, как умел.

- Нет, не так, а вот так.

Она переложила мою руку. Действительно, так было удобнее.

Я шёл под руку с небольшой сухонькой сидящей уже женщиной с удивительно приятными манерами, пронзающим взглядом и очень острым любопытным носом. Она работала гинекологом. Уже это к ней располагало, потому что человек с такими манерами должен быть хорошим гинекологом. Она говорила быстро, выбрасывая слова, как южане, но со спокойной уверенностью, как будто отродясь знала истину, и просто, как со своим старым приятелем. Я не помню, о каких пустяках и серьёзных вещах мы говорили, потому что в голове было только одно ощущение: рядом идёт удивительно приятная, хоть и старая, женщина, разговаривает со мной, и я никак не могу взять в толк, почему этой чести удостоен. Я был очень этим взволнован, хотя ходить под руку с женщиной не было для меня тогда в диковинку.

Неожиданно, немного повернувшись ко мне, она положила свою маленькую руку сверху на мою у самого сгиба локтя, мягко обхватив ладонью, и быстро провела ею вниз до запястья. Моё тело содрогнулось. Это была женская ласка, необыкновенно приятная женская ласка. Она просто погладила мою руку! Но сделала это так, как и должна делать женщина нравящемуся ей мужчине: нежно, но решительно, всей ладонью прижимаясь к моей руке, и как бы втирая себя в мою руку, - передавая все свои чувства через этот контакт.

Никогда в жизни, ни до, ни после, ни одна женщина не дарила мне такой приятной ласки. На миг я как остолбенел. Она заглянула мне в глаза, радостно улыбнулась, заметив моё состояние, и крепче стиснула мою руку, чтобы я её не вырвал. Затем быстро провела по ней ладонью снова, сверху вниз от локтя до тыльной стороны кисти. Продолжая говорить, как-будто ничего не случилось, она шла и всё гладила мою руку, как-бы успокаивая. Весь её облик говорил: "так надо".

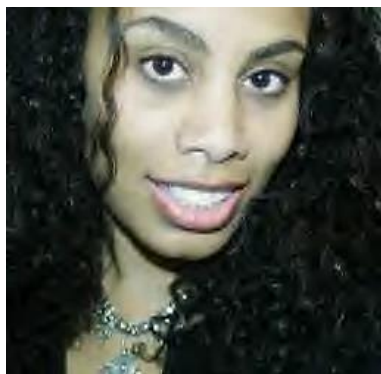
Действительно, к своему удивлению скоро я стал ощущать, что становлюсь на редкость спокойным и уверенным в себе.

Прогулка продолжалась недолго. С большим сожалением я вынужден был отпустить её руку, когда идущие впереди остановились, чтобы попрощаться. Я как будто потерял опору во всей жизни.

Но как, каким материнским или женским чутьём она угадала, что эта незатейливая ласка окажется столь нужной мне? Как она узнала, как почувствовала, что всё моё существо всю жизнь страдало от недостатка женской любви и ласки? Девушки и женщины ждали её от меня и получали, но никогда не дарили сами. И вот сейчас с такой легкостью я получил её от этой стареющей и душевно

юной, мудрой и по-молодому импульсивной женщины. Это оказалось таким простым и естественным для неё и таким незабываемо чудесным для меня. Но я так никогда и не понял, почему и за что я получил этот бесценный подарок от незнакомой мне души.

Вот, в сущности, и вся история Прометасса, которого никто не просил появляться на свет и заявлять о себе. Который жил с нами в лучшие наши годы, выражал наш дух, наполнял наши жизни и ушёл с нами в иной мир. Мы умерли для всех, но благодаря ему думаем ещё, что живы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*- Кончай скорей, - сказал он ей,
и они закончили вместе!
(Кто писал - не знаю)*

Я похоронен на острове Врангеля. Я так хотел. Вокруг меня летают птицы, и ни одной живой души. Только солнце висит над горизонтом.

Я всегда хотел уехать на остров Врангеля, где никого нет, кто меня не любит. Где никто меня не знает, потому что здесь никого нет. Те, кто меня знает, меня не любят. За

что - не знаю. Те, кто меня не знает, улыбаются мне первый и последний раз и говорят своё "hi", которое ничего не значит. Я стараюсь уйти от них быстрее, чтоб они меня не узнали лучше. Второго "hi" не бывает.

Зачем мне быть среди людей, если я труп и вызываю у всех нелюбовь? Трудно сказать. Поэтому я и похоронил себя на острове Врангеля, где никого нет, кроме птиц. Они не кричат "hi", они не подают надежды, и это хорошо, потому что естественно.

Я безнадежно мёртв. Я сижу на своей могиле и смотрю на солнце, которое висит над горизонтом. Оно большое и оранжевое и всегда на своём месте. Под ним лениво плещется океан. Я опять наедине с океаном.

Я осуждён сидеть здесь и смотреть на это солнце. Я могу думать, о чём хочу, вспоминать свою жизнь и чужие жизни. Но я не могу представить, что было бы, если б я что-то сделал не так, как случилось, или что-то кому-то сказал иначе. В этом мне отказано.

Я осуждён вечно смотреть на то самое солнце, которое видел когда-то с палубы теплохода. Но я не могу обернуться, чтобы увидеть за моей спиной освещённую этим прекрасным солнцем юную и далёкую девушку, Надежду. Да это и не надо. Я давно уже знаю, что её там нет. Она встречается только раз. И только тому, кто жив.

Новосибирск - Вашингтон – Нью-Йорк – Новосибирск,
Мехико.

Апрель 2000 - сентябрь 2001. Май 2004, август 2005.

